

КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА

ВЕТЕР И КРЫЛЬЯ

НОВЫЕ ДОРОГИ

Annotation

Всякое начало имеет свое завершение. Вот и трех героев снова сводит судьба. Кто из них будет счастлив? Кто примет решение, кто будет его выполнять?

В столице Эвроны беспокойно, проводятся черные мессы, лютуют по лесам волки-оборотни, а королю все безразлично. у него есть трон, власть и любимая женщина. И это – не королева.

Адриенна понимает, что жизни ее и будущего ребенка висят на волоске.

Мия любит, но взаимно ли ее чувство?

Лоренцо мечтает только о том, чтобы увидеть и обнять любимую, но вынужден молчать и скрываться.

А тем временем загадочный хозяин волков решает поменять власть в Эвроне...

Наступает время принятия решений. Иногда тяжелых, иногда – смертельно тяжелых.

Справятся ли герои?

Ветер ответит...

-
- [Галина Гончарова](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
-

Галина Гончарова
Ветер и крылья. Новые дороги

© Гончарова Г.Д., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Глава 1

Мия

– Столица! – Рикардо озирает Эвруну с восхищением.

Мия не выспалась после вчерашней прогулки и чувствовала себя не слишком хорошо. Но если любимый восторгается, то и она его поддержит.

– Да, дорогой.

– Я завтра подам прошение в канцелярию. Может быть, меня зачислят в гвардию?

– Кого еще и зачислять, как не тебя?

Рикардо кивнул.

Да! Он прибыл в Эвруну за деньгами и славой... может, в канцелярию сходить уже сегодня?

Нет, он устал, да и одежду надо привести в порядок, и сапоги начистить, и плащ грязный...

Он подождет до завтра. Ясно же: слава от него никуда не убежит! Его обязательно оценят по достоинству.

* * *

Мия с удовольствием подождала бы до завтра. Но...

Грязный квартал чем-то напоминает тысячеглазого Аргуса. Он никогда не спит, он всегда настороже, он... если Комару не доложат о ее приезде... да что там! Уже доложили!

Может, еще вчера!

Когда они останавливались на ночлег в таверне или когда подали милостыню нищему у храма. Или когда она убила тех шестерых... ладно, чуть меньше. О ней наверняка доложат Комару.

Будь это полугодом раньше, Мия бы и не подумала прогнуться под всякую шушеру. Но... она беременна. И не может работать в полную силу. Вчера ночью она это проверила. Будь она в форме, она

бы этих шестерых положила всех сама, не дожидаясь, пока дан... как его там... Теско? А, не важно, она бы всех сама убила. Но ее способности словно засыпают. Беременность...

А если ее попробуют убить, она может потерять ребенка.

Даже думать о таком не хотелось. Да и Рикардо она защитить не в состоянии... нет, надо идти и договариваться.

И поздно ночью, когда Рикардо спал, из трактира снова выскользнула фигурка, закутанная в плащ.

Грязный квартал не изменился.

Но знакомый дом...

Другие люди.

Другая обстановка.

И мужчина, который открыл дверь, смотрит как на чужого человека.

– Чего тебе?

Мия ловко изобразила пальцами нужную фигуру.

– Свои.

– Хм... допустим. А надо-то чего?

– Комара.

– Ишь ты, спохватилась! Отлетелся Комарик!

– Кто вместо него? – жестко спросила Мия.

– А ты чего спрашиваешь?

Мия переменила положение пальцев.

Да, было и такое в Грязном квартале. Несколько знаков только для своих. Как метки у котов. Только вот местным обитателям они давали понять, кто перед ними, на что имеет право...

Мия показала, что она из банды Комара.

Сейчас знак поменялся и показывал, что она наемная убийца.

– Да лана? – недоверчиво хмыкнул «привратник». И даже руку опустил в паху почесать.

Зря.

Мие хватило одного движения.

Беременность там, нет... глазомер у нее всегда был преотличный.

Сверкнул кинжал.

Часть бороды отделилась от основной массы черных волос и спланировала на пол.

– Могу на тебе одежду порезать и тело не тронуть, – сухо сказала Мия. – Так кто?

– Булка.

Мия прищурилась.

Да, Булку она помнила. Неглупый мужчина, даром что на дурака похож. И всячески поддерживает эту видимость. Даже одежду соответствующую шьет, и волосы стрижет, и гримасы перед зеркалом отрабатывает. Умный он. И знает: с дураков спрос меньше.

– Проводи меня к нему.

– Ты это...

– Если что, сама отвечу. Он меня знает, – спокойно сообщила Мия. И шагнула внутрь.

Да... здесь все сильно изменилось. Добавилось роскоши, поселился запах свежееиспеченных булочек, до которых Булка большой охотник, дверь в кабинет новая... была дубовая, темная, теперь светлая...

Мия постучалась и вошла внутрь.

Булка полусидел-полулежал на диване. И жевал булочку.

Лениво проглядывал какой-то документ и выглядел ну таким милым, таким домашним... пухленький такой, обаятельный, глазки-бусинки, улыбочка, волосы кудрявые...

Если б Мия не видела, как он однажды несколько часов резал человека на куски, она бы и поверила этой маске. А так...

В чем-то Булка намного хуже ее. Хоть и не метаморф.

– Что случилось?

Мия захлопнула за собой дверь – и медленно сняла капюшон.

– Здравствуй.

Булка молчал несколько минут. Смотрел, размышлял... потом улыбнулся. Впрочем, это ничего не значило.

– Здравствуй, Змейка.

– Комар объявил на меня охоту? – Мия не собиралась крутить петли. Вот еще! Она спросит, а дальше разберемся.

– Нет.

– Меня ищут?

– Нет. Ты умерла.

– У кого-то есть ко мне претензии?

– Тоже нет. Комар мне доверял, насколько мог, он сказал, что ты была в своем праве. И добавил, что, если змею в задницу засунуть, она любого цапнет.

– Неужели?

– Бьяджи.

Мия кивнула.

Да... кто-то другой мог бы разменять жизнь сестры на сомнительную выгоду. Только вот она была в своем праве не меняться. Но понял ли это Комар?

Как оказалось, понял. И Мия испытала глухую тоску.

Третью ее жизни. Несколько лет, проведенных с этими людьми.

Дяди нет.

И Комара нет?

Почему же ей больно?

– Ты меня убьешь? Ну... или приказ отдашь?

– Нет. Живи как знаешь, у меня претензий нет.

– Слово?

Булка кивнул. Скрестил по-особому пальцы, сплюнул на пол.

– Кровью клянусь, чтоб мне сгнить без покаяния.

Мия чуточку расслабилась. Что ж, здесь ее убивать не станут.

Но...

– Мне уйти?

– Оставайся, – махнул рукой Булка. – Тебе работа нужна?

– Пока нет. Может, позднее? С чего ты такой добрый?

– Не из-за твоих прекрасных глаз, – подарил ей ухмылочку

Булка. – Вот еще не хватало. Тут другое... Комара убили.

– Кто?

Мия и не рассчитывала, что Комар своей смертью помрет, не тот человек. Но рановато как-то?

– Знать бы... Давай я тебе расскажу, а ты уж сама потом...

– Сама? Потом?

Булка поморщился.

– Змейка, я бы тебя убил. Но... хочу твоими руками потаскать каштаны из огня. Есть при дворе такой дан Пинна...

Мия молча слушала и про странную смерть Комара, и про слишком разумных волков... или собак? А потом еще и вспомнила кое-что...

– Леверранское чудовище...

– Чего?

Взгляд карих глаз был острым, словно клинок.

– Булка, ты этого знать не хочешь.

– Правда?

– За это – покаяние у доминиканцев.

Тут уж побледнел и Булка. Нет этого он точно не хотел.

– Поклянешься?

– Кровью клянусь, – сплюнула на пол Мия. – Или тебе для благородных клятву дать? Я могу.

– Не надо, Змейка. Я и так верю. – Булка дураком не был ни разу. И понимал, что иногда поверить на слово стоит.

Это не его интриги.

Ладно, убить, украсть, шантажировать... это нормально, это в порядке вещей. Но черная магия? Нет-нет, нам такого не надо. Ни близко, ни рядом... и даром не возьмем.

– Сведи меня с даном Пинной. Мне есть о чем с ним поговорить.

Булка задумался, а потом кивнул.

А хотя бы...

Змейка была далеко не душой, нарываться она не станет...

– Я ему скажу, что ты берешься за его проблему.

– Да.

Мужчина кивнул.

Что ж... кто бы ни одолел – ему проще. А на подчиненных он цыкнет.

Какая-растакая Змейка? Давно уж ее тело рыбы съели.

Только когда Мия ушла, Булка позволил себе расслабиться. Медленно, по пальцу, разжал сведенную судорогой кисть.

Стилет скользнул в ножны.

Боялся?

Да. Булка ж не дурак... видел он, на что способна эта милая девушка с очаровательной улыбкой. Десять таких, как он, уложит – не запыхается. Но и сдаваться без боя он не собирался.

По счастью, Мия была настроена мирно. А уж как он это подаст подчиненным... доложили ему, конечно, что Змейка прибыла и видели ее, и с кем приехала, и через какие ворота.

Но сейчас он преспокойно скажет, что Змейка займется тем заказом, за который Комара прихлопнули. И все будут восхвалять его мудрость.

И волки целы, и змеи сыты. А уж кто победит, когда они встретятся...

Вот это совершенно не его проблема.

* * *

В гостиницу Мия почти летела.

Она прекрасно понимала, что легко не будет. Что кто-то нашел старое, забытое зло. Что...

Что надо справляться.

Ей ребенка рожать, и предпочтительнее разобраться с этим злом, пока она не растолстела. И не родила, кстати говоря. Как-то неудобно драться с животом...

Что ж.

Дан Пинна, говорите?

Пообщаемся.

Больше тревожила необходимость молчать. Мие не хотелось иметь секреты от любимого мужчины, но... как о таком скажешь?

Что именно скажешь?

Рикардо будет просто в шоке. Она убьет его этой правдой... может, потом? Когда-нибудь?

Мама говорила, что у женщины должны быть свои маленькие секреты... почему бы и нет? Совсем крохотные. С песчинку размером...

* * *

Может, отправься Мия сразу в гостиницу, ничего бы и не случилось. Но ей так хотелось пройти по столице. Просто погулять по улицам, вспомнить ее, подышать столичным воздухом...

Какой тут воздух?

Своеобразный.

И запах тоже.

И... какая разница? Мия успела полюбить Эврону. По-настоящему полюбить.

Она медленно шла по темным улицам, почти скользила... и никто не осмеливался даже шагнуть в ее сторону. Закутанная в плащ фигура вызывала у грабителей нечто вроде... ступора?

Нет, не то слово. Они не застывали на месте, они не становились похожи на статуи, но и нападать им не хотелось. От Мии веяло опасностью.

Мия готова была убивать. И получила бы удовольствие, расправившись с врагом. Ночные работнички чувствовали это – и не связывались. Жить хотелось.

Шаг, еще один...

Шум за углом.

Не вмешиваться?

Об этом Мия даже не подумала. Лев вышел на охоту – и тут смеют устраивать разборки шакалы? Надо бы поубавить поголовье...

Поголовье шакалов занималось привычным делом.

К стене дома был прижат мужчина, на которого и напали шестеро бандитов. Бедняга отбивался, как мог, но был уже заранее обречен.

Или удар пропустит, или еще чего...

Конечно, Мия не удержалась. Она преотлично помнила, как защищался Рикардо... и если бы не она...

Свистнул кинжал, входя в спину одного из нападающих. Пятеро. Клинок-перо, который Мия взяла с собой, покинул ножны. Свистнул, взлетел высоко-высоко... и легко разрубил выставленный против него короткий меч... у самой рукояти.

– Черт, – ругнулась Мия.

Она и забыла, насколько хорош этот клинок. Особенно когда он не просто слушается через не хочу, а сам наслаждается битвой. Грабитель на миг застыл, и это стало его последней секундой. Кинжалом во второй руке Мия ударила его в горло. Спасаемый мужчина тоже не растерялся и, пока нападающие отвлеклись на Мию, прикончил одного из них. Раз уж тот подставился... с кишками, вылезающими из распоротого живота, не повоюешь. Не поживешь даже...

Грабители разделились. Двое напали на Мию, двое на мужчину. Но двое?

Всего двое?

Вы шутить изволите? Или просто не подумали, что клинок Мии разрубил чужой меч, словно солому? Кольчугу он разрубил с той же легкостью, буквально прошел через грабителя, как через масло; Мию даже слегка закрутило, но она воспользовалась этим и ударила второго противника левой рукой, с кинжалом. А потом возвратным движением добила мечом. И ударила в спину одного из тех, кто напал на мужчину.

Благодество с этой мразью? Только после них.

Последнего они добили в четыре руки, и мужчина выдохнул. Прислонился к стене.

– Вы в порядке? – уточнила Мия. – Они вас не ранили?

– Нет... сейчас, секунду. – Мужчина на глазах собирался с силами, откинул капюшон, улыбнулся Мие. – Дан Сильвано Тедеско, к вашим услугам.

Мия пожала плечами и тоже откинула капюшон.

– Мия Романо. Рада была помочь.

Дан уставился на нее так, словно она была невесть каким чудом.

– Вы... вы женщина?!

– Надо было оставить вас погибать? Пока кто-то из мужчин мимо не пройдет? – вежливо уточнила Мия.

Дан Тедеско понял, что сказал глупость, и принялся исправляться.

Рассыпался в извинениях, помог вытащить оружие из трупов, поцеловал Мие руку...

– У вас есть где остановиться? Мой дом... все, что у меня есть, – к вашим услугам...

Мия качнула головой, убирая клинки. Меч, два кинжала... из потайных ножен она так ножи и не доставала. Но и без них не ходила.

Привычка.

– Все в порядке, дан Тедеско. Давайте я провожу вас...

– Позвольте, дана Мия, это я должен...

– Дан, я могу о себе позаботиться. И вы в этом уже убедились.

Дан это понимал. Но и допустить, чтобы его провожала дана? К тому же... а как тогда он узнает ее адрес?

В результате победила дружба. Дан Тедеско и дана Романо вместе прогулялись до площади Роз и расстались там. Довольная и спокойная Мия отправилась домой. И совершенно не заметила, какими глазами смотрит ей вслед Сильвано. На дороге, когда она спасала Рикардо, Амур поразил стрелой ее сердце. В городе он попал в Сильвано.

Увы, для Мии это ничего не значило. Она шла домой, к Рикардо, и на розовых губах ее играла улыбка сытой львицы.

Сильвано давал указания слугам разузнать, что можно, про Мио Романо. Вдруг что получится?

Красивая... какая же она... невероятная! Потрясающая! Сильвано поймал себя на мысли, что вот это и есть настоящая женщина. То, что он искал по дамским постелям и не находил. Потому что сотня кукол никогда не заменит живого человека...

Мия...

Мы обязательно встретимся, Мия. Я найду тебя, и скажу о своей... любви? Да, наверное, это любовь. Но как оно так быстро получилось?

Не важно!

Сильвано чувствовал, что это ЕГО женщина, и отдавать ее никому не собирался! Будь там хоть сам король!

Хоть Господь Бог!

Мия Романо.

Миечка... любимая.

* * *

Ко двору Рикардо собирался весьма и весьма тщательно.

Понятно, сразу его никто и никуда не пустит. Но подать прошение в канцелярию – это легко. И выглядеть он при этом должен великолепно.

Белоснежная рубашка пенилась кружевом, кожаный дублет великолепной выделки облегал фигуру, плащ голубого цвета был Рикардо невероятно к лицу, а белое же перо на шляпе идеально гармонировало с рубашкой.

Начищенные сапоги блестели даже в пасмурный зимний день, а улыбка Рикардо вообще сияла ярче солнышка. Красавец?

Невероятный!

Настроение у мужчины было просто великолепным, под нос намурлыкивалась какая-то песенка, прошение приняли почти мгновенно, подумаешь там, полчаса! И сутками люди ждут!

Все было настолько прекрасно, что Рикардо почти летел.

Вот в полете он чуть и не сбил паланкин. Носильщик шел себе и совершенно не ожидал, что на него из-за угла да на облаке вынырнет какой-то дан...

Шест вылетел из рук несчастного, и пассажир паланкина непременно встретился бы с землей, но реакция у Рикардо все же была отличная. Он в секунду среагировал и подхватил шест.

– Простите, дан... дана...

Из паланкина выглянуло весьма симпатичное личико незнакомой ему, но явно благородной даны.

– Нет-нет. Все в порядке, дан...

– Дан Демарко. Рикардо Демарко. – Он не торопился отпустить паланкин, даже встал так, чтобы носильщик не сразу перехватил шест. – Позволено ли мне будет узнать имя самой прекрасной девушки столицы, очаровательная?

Дана Баттистина Андреоли хлопнула ресничками и представилась.

Рикардо рассыпался в комплиментах.

Дана еще похлопала ресничками. И как-то так получилось, что до самого дома даны Рикардо сопровождал ее паланкин. Рассыпался в комплиментах, уверял, что не видел никого красивее, не говорил ни с кем более умным... ну и прочие ритуальные глупости.

Баттистина милостиво разрешила Рикардо поговорить с ее отцом. Не сегодня, конечно, но в принципе дан Андреоли не будет против визитов столь учтивого дана... наверное. И Рикардо удалился, плавно переступая в очередном розовом облаке.

Нет, не то чтобы Баттистина была красивее Мии. Или даже умнее.

Обычная девушка, в меру хорошенькая, черненькая, кудрявая, с тщательно отбеленными и замазанными веснушками на длинноватом носике, да и фигурка у Мии была куда как интереснее.

Но паланкин был инкрустирован перламутром и бирюзой.

На пальчиках девушки, на шее, в ушках, на запястьях блестели такие украшения, на которые можно было купить два Демарко.

И... столица же!

Другие такого случая годами и веками ждут, а все равно под него не попадают. Вот все равно...

Рикардо попал – так грех же теперь не воспользоваться.

Завтра же он представится дану Андреоли.

А вот чего он не знал, не то был бы осторожнее... Баттистина проводила его взглядом из окна, хмыкнула и прошла в кабинет к отцу.

– Папа!

– Да, дочка?

– Дан Рикардо Демарко.

– Дан Рикардо Демарко? – удивился дан Джорджо Андреоли.

– Да, папа!

– Кто это такой, дочка?

– Не знаю, папа. Но я его хочу.

Дан Джорджо Андреоли только руками развел.

Кроме черных волос и больших карих глаз дочка, увы, унаследовала одно неприятное качество от кого-то из предков.

Если ей чего-то хотелось, проще было это дать, чем объяснить, что нельзя.

Судьба Рикардо Демарко была предрешена.

Адриенна

От Рождества ее величество не ждала ничего хорошего.

Вот просто ничего!

Страна готовилась праздновать, сыпал снежок, закрывая улицы, вкусно пахло имбирными пряниками...

И у Адриенны начиналась неудержимая тошнота.

Ей даже эданна Франческа сочувствовала... очень смутно и на расстоянии, но сочувствовала. Как-то не хотелось ей такое испытывать.

Мало ли из-за чего?

Нет-нет, нам такого и даром не надо, и с доплатой не возьмем.

Двор хихикал, эданна Франческа бесилась. Достала она всех, хуже клопов и блох, а потому... понятно, в лицо никто и ничего не говорил. И не собирался.

Королевский двор вообще оказался меж двух огней. С одной стороны – ее величество. Мать наследника... теперь уж точно – мать. И лучше ее уважать. Так... на всякий случай.

Понятно, что его величеству все желают долгих лет жизни и правления, но ребенок-то будет любить свою мать... наверное? И как потом он отнесется к тем, кто высказывал разные «фи»?

Да и просто так... Филиппо Четвертый пока еще не до конца забыл отцовские наставления. Эданна Франческа старалась что есть сил, лила мед и яд, уверяла, что умнее Филиппо королей еще не было. Даже в легендах.

Филиппо пока держался.

А может, еще этому способствовал и кардинал Санторо, неожиданно, после смерти его величества, подставивший молодому королю плечо.

Кардинал действительно взял на себя часть государственных дел, где-то помогал, где-то разбирался сам, потом ставя короля в известность и умоляя не казнить его... он-де, как верный слуга, не смел отвлечь его величество... но если вы пожелаете, все можно еще перерешать...

Филиппо не возражал.

Да и взял на себя кардинал ту часть, которая его раздражала. Если уж честно...

Адриенна уверенно работала с казначейством и его бумагами. А кардинал вполне грамотно и уверенно решал все дворянские и земельные споры и ссоры. Думаете, таких мало?

Как же!

Вечный спор мелких и крупных землевладельцев, споры двух мелких данов, которые не поделят то дорогу, то корягу, межевые сборы, подорожные...

Филиппо это бесило.

Адриенна была откровенно благодарна кардиналу. Если бы не он... ей было бы намного сложнее, это уж точно. Филиппо Третий подобрал преотличную команду, просто восхитительную, но как дальше-то? Вот на переходе они с Филиппо Четвертым работать будут. Это их ответственность, их дело, их право, наконец. Перевести королевство через тяжкий рубеж смены власти.

А потом?

Она не дура, она видит, как кривится рядом с эданной Франческой канцлер дан Альметто, как качает головой, глядя на ее супруга, королевский казначей дан Брунелли... к ней-то он относится уже вполне приемлемо. И называет «дочкой», когда оговаривается.

Казначей подкупил ее искренний интерес. И работоспособность, конечно. Адриенна если что-то делала, то на совесть, и разбиралась, не щадя себя, и в дела вникала. Конечно, баланс замка и баланс государства вещи несравнимые, но... если захотеть?

Если ты работаешь с профессионалом, который готов разъяснить тебе всякие мелочи и подробности? Если с ним можно обсудить любое решение?

Вплоть до оплаты проезда через мост. Сколько брать, где, куда потом идут эти деньги, как этот мост ремонтируется...

Смешно?

А вот!

Пришла жалоба: в одной из провинций губернатор начал брать налог... камнями! Вот едешь ты через его провинцию? Три камня с тебя! Хоть на себе тащи, хоть как... размер... с человека поменьше, с телеги побольше.

Казначей заинтересовался, а потом долго-долго хохотал. И Адриенне рассказывал, и ее величество для умного губернатора награду выбила у мужа. Провинция – сплошь плодородная. Но обратная сторона такой замечательной почвы – в первый же дождь все дороги, все проселки – в кисель. Просто расплюхиваются, чтобы не сказать хуже.

Мостить надо.

А рядом каменоломен нет. А везти издалека... это такие цены, что озвереешь. Вот и нашел губернатор выход. Пара камешков с человека, а если сто человек пройдет?

А если тысяча?

Ур-р-ра-а-а-а, мостим дорогу!

Чудо, а не управляющий, такие на вес золота. Понятно, он и себя не забудет, и часть сэкономленных на покупке камня денег пойдет в его карман. Ну так что же?

Заслужил!

Адриенна это понимала. И разбиралась более-менее в ценах на камень, и песок, и доставку, и в подорожных, и в пошлинах, и в

торговле...

Медленно, но верно она вникала в дела. А муж?

Муж был занят.

У него были балы. Была охота. Была эданна Франческа.

А дан Баттиста, министр, размышлял, оставаться ему или сразу подать в отставку? Потому как ноги он родне эданны оттоптал знатно. Адриенна понимала, что лучшего министра не найти, что человек полностью на своем месте, но и как его защитить, не знала.

Это опасение она и высказала сейчас кардиналу Санторо, который прогуливался с ней по саду.

Забавно, но запах роз Адриенна переносила спокойно. А вот розовое масло, которым пользовались некоторые эданны, заставляло ее желудок сжиматься в судорожных спазмах.

– Ваше высокопреосвященство, если эданна Франческа дорвется до власти, мне будет жалко страну.

– Мне тоже, эданна Адриенна.

Адриенна вздохнула.

– И я ничего, вот ничего не могу сделать! Король меня просто не послушает. Он уже заговаривал насчет дана Баттисты, а ведь министр у нас замечательный! Он умничка, специалист, а что по загребушим лапам бьет, так и надо же!

– Боюсь, эданна Франческа это во внимание не примет. Но я поговорю с королем, эданна Адриенна. Церковь имеет вес...

Адриенна кивнула. Коснулась руки кардинала.

– Благодарю вас, дан Анджело. Я не питаю особых иллюзий, но... разрушить легко, а восстанавливать кому? Моему сыну?

Кардинал кивнул. Это он понимал. Чтобы сломать телегу, надо ровно пять минут. А сделать? То-то же... это не один день, и то если мастер хороший. И с государством то же самое. Наломать дров несложно, ты поди лес посади да вырасти, да чтобы в нем зверье завелось...

– Я поговорю с королем, ваше величество.

Послышался шум. Адриенна огляделась.

На ловца бежал и зверь, то есть его величество соизволил лично почтить визитом супругу.

– Дан Анджело, – приветствовал он кардинала. – Адриенна...

Королева склонила голову в знак приветствия. Какие уж тут поклоны, когда подташнивает. Даже сейчас.

– Адриенна, я уеду на пару дней.

– Ваше величество?

– Хочу поохотиться. Говорят о нашествии волков на несколько деревень неподалеку.

Адриенна вскинула брови.

– Волков?

– Да... здоровущие, умные, сволочи, в дома врываются, людей, как скот, режут...

Адриенна поднесла руки к щекам.

– Ой...

Филиппо сообразил, что некоторые вещи беременным женщинам говорить, наверное, не стоит? И под укоризненным взглядом кардинала исправился:

– Нет-нет, их там не так много. Но даже одна зверюга может натворить дел... я даже гвардейцев с собой беру, это полностью безопасно.

Адриенна показательно выдохнула.

– Вы меня успокоили, ваше величество.

Ужасно хотелось спросить, едет ли с ним эданна Франческа, но Адриенна решила промолчать. И правильно. Вместо нее в разговор вступил кардинал Санторо.

– Ваше величество, едет ли с вами эданна Франческа?

– Нет. Но какое ваше дело?! – сверкнул глазами король.

Кардинал поклонился, всем своим видом демонстрируя беспристрастность.

– Ваше величество, тогда я просто умоляю вас... доминиканцы хотят поговорить с эданной. Ее замок находился невдалеке от места проведения дьявольского ритуала. Возможно, она что-то знает или кто-то из ее слуг...

– Вы на что намекаете, кардинал?! – Филиппо аж вперед подался, как тот лев. Еще бы! Его нежную и невинную фиалочку-Франческу посмели... заподозрить?!

УБЬЮ!!!

И плевать, что кардинал!

Кардинал под плевки подставляться не собирался, еще не хватало. И с хладнокровием опытного политика развел руками.

– Ваше величество, понятно, что эданна непричастна. Но она умна и наблюдательна. Могла что-то услышать, но не понять, о чем речь... просто потому... кто ж о таком ужасе подумает?

Филиппо выдохнул и сменил гнев на милость.

– А... ну да. Могла.

«Это доминиканцы с ней поговорить никак не могли», – зачесался язык у Адриенны. Но королева смолчала. Толку-то? То у эданны голова болит, то попа, то еще что... вот ей-ей, Адриенна бы сказала, что она от монахов бегаёт. Достаточно изящно и акку-ратно, но...

Бегаёт. А Филиппо это не объяснишь.

Ладно, пусть едет и охотится на волков. И... Адриенна честно признавалась сама себе. Если с ним что-то случится на этой охоте, она от души порадуется. Потому что Филиппо...

Он неплохой.

Не злой, не подлый, достаточно управляемый. Но... из него получился плохой муж, плохой король и получится плохой отец. В этом Адриенна даже не сомневалась. Не дано.

У кого-то глаза голубые, у кого-то карие, а у кого-то недобор душевных качеств. Только вот с карими глазами жить можно, а как жить без ответственности? Без понимания других людей и даже без желания понять?

А вот преотлично! И живут, и других гнобят, и виноватых ищут... и находят даже на свою голову. Но это когда еще будет?

Да кто ж его знает. Может, с волками повезет? А?

* * *

– Отец, я не смогу поехать.

Дан Энрико только плечами пожал. Не сможешь?

Да и не надо. А что случилось-то?

– Серена очень просила встретить праздники в столице. С ней, – развел руками Эмилио.

– Попал, братец, – рассмеялся Рафаэлло.

– Завидуй, братец, – в тон ему отозвался Эмилио. А разве ему не стоит завидовать?

Серена – умница, красавица, а главное-то что? Что ей ничего не нужно! И приданое у нее есть, и связи неплохие, и Феретти может ей достаться... хотя тут Эмилио не особо претендовал. Уверена Серена, что брат жив? Да и прекрасно, пусть возвращается, имущество вернем! Ему, Эмилио Делука, чужого не нужно.

Казалось недавно, жизнь закончена, а нет! У него есть любимая девушка, они помолвлены, они поженятся, ее семья в нем души не чаёт... жизнь прекрасна! А требовать всего и всего – зря судьбу гневить!

– С нами дан Марк вместо тебя поедет, – пояснил дан Энрико.

– Сиблевран?

– Да.

– Отец королевы?

– Да.

– Вроде он ко двору не рвался?

Энрико неопределенно хмыкнул. Не рвался. И не хотел. И едет дан Марк не ко двору, а на охоту. И, есть подозрения, разузнать что-то о своей Сусанне. Чтоб ее давно зверье заело! Но свой ум не приставишь и в голову не вложишь. Так что...

– Он и не рвется. Он просто едет, как обычный дан. Даже к дочери не заедет.

– Даже так? – Эмилио покачал головой. – Зря.

Дан Энрико только рукой махнул.

Бывает и так, что самые близкие люди становятся врагами. Особенно если им помогает чужая подлость. Лезет гадюкой в семью, шепчет на ухо, сцеживает яд на старые раны...

Вслух он такого не сказал. Сын еще дорастет до понимания этой горькой истины. Королева не может простить отцу его женитьбу, отец не может простить королеве конец этой самой женитьбы... так и пошла шириться трещина. И наполняться обидами, непониманием, холодом...

– Пусть в своей семье сами разбираются. А наше дело поохотиться как следует.

Рафаэлло кивнул и погладил рукой приклад арбалета.

– Да, с Леверранским чудовищем не удалось! Но сейчас... наша возьмет!

Забавно, но волки думали примерно так же. Их хозяин уж точно.

* * *

Адриенна возлежала в кровати с чашкой клюквенного морса. Тошнило ее постоянно, а кисловатая жидкость с медом хоть как-то успокаивала желудок.

В дверь постучался дан Иларио.

– Войдите.

Эданна Сабина, которую жестом попросили выйти, молча кивнула. С даном Пинной ее величество можно оставлять, он человек ответственный. Если что – позовет на помощь.

– Ваше величество, это вам. – Дан Пинна протянул Адриенне роскошную черную розу. – Позвольте?

– Да, конечно. – Адриенна наглаживала кота. Нурик косился на захватчика зелеными глазами и исправно мурчал. Словно крохотный водопад.

Дан Пинна взял одну из ваз, налил воды, поставил розу...

А заодно проверил, что их никто не подслушает, и только тогда перешел к сути дела.

– Ваше величество, я сегодня уйду встречаться с некоей Змейкой.

Мия не уточняла Адриенне, как звучит ее прозвище. А Адриенна и не подозревала, что таковые имеются. Тем более у ее подруги.

– Кто это?

– Мне рекомендовали ее как специалиста по решению любых проблем.

– Хм?

– Понимаю, ваше величество. Но выбора у нас нет. Мой человек... который взялся следить за эданной... он намекнул мне, что все не так просто. И погиб.

– Пропал без вести?

– Нет, ваше величество. Умер.

– Его убили?

Дан Пинна развел руками.

Что Комара убили, он знал. Булка сообщил. А вот КАК убили? Да кто ж его знает?

Адриенна только головой покачала.

– Не нравится мне это дело. И эданна Франческа тоже не нравится.

– Ваше величество, и не только вам. Всем, всем не нравится эданна. Министру двора, казначею, кардиналу...

– Боюсь, даже все вместе мы не перевесим одного короля.

Дан Пинна кивнул. И очень благочестиво сложил руки.

– Я буду молиться, чтобы эданна не была ни в чем замешана. Но если что-то... даже и не знаю, как его величество переживет это горе.

– Главное, чтобы МЫ его пережили, – пробурчала Адриенна.

А горе пережили или его величество, дан Пинна благоразумно уточнять не стал. Потому как...

И то, и другое, и эданну Франческу, пожалуйста. Он не обидится.

Мия

Свиньей себя чувствовать не приходилось? А хрю!

Вот Мие так и казалось, что у нее пяточок отрастает и хвост на попе. Такой, завиточком. Рикардо ее любит, он к ней со всей душой, а она... она взяла после ужина лютню – и поплыли по комнате сладкие звуки...

Минута, две, три...

И Рикардо принялся клевать носом, а потом и вовсе уснул. Да так, что добавки не требовалось. Мия знала, он теперь проспит до утра.

А она...

Одеваемся – и в Грязный квартал. Там ее очень ждут.

Булка действительно ее ждал. Ждал и дан Пинна, который не терял времени и расспрашивал Булку о подробностях Комариной смерти, осознав внезапно, что это важно. Действительно важно.

Булка только руками разводил.

Волки порвали. Или собаки – откуда в городе волкам взяться, да еще таким? Черным? Точно, собаки у кого-нибудь удрали, мало ли кто их держит? Вот есть же питомники целые для бойцовых псов...

Дан Пинна в этом очень сомневался. Но мысли свои держал при себе. И ждал.

Стука в дверь, потом девичьего голоса, который весело произнес: «Добрый вечер!» – и, наконец, саму девушку.

Мия распустила завязки плаща и сбросила его с плеч. И дан Пинна только выдохнул.

Какая красавица!

Какая удивительная красавица!

Пожалуй, появившись она при дворе – и эданне Франческе резко поплохеет. Ее величество принадлежит совсем к другому типу красоты. Нет-нет, Адриенна тоже прекрасна, но совсем иначе. А вот Змейка...

Те же золотые локоны, точеное лицо, улыбка... эданна Ческа рядом с ней померкнет.

– Булка, представь нас, – произнес певучий голос. И тот засуетился:

– Будьте знакомы. Это дан Иларио Пинна, он состоит при ее величестве. Это Змейка. Поверьте, дан, если не справится она – не справится никто.

– Не стану скромничать, я действительно хорошо работаю, – скромно согласилась Мия. – Жаль, похвалиться не получится, закон подобных вещей не одобряет.

– В нашем случае речь идет исключительно о законном мероприятии, – отмахнулся дан Пинна. – При дворе есть такая эданна Вилеци... объяснять?

– Не надо. Я примерно осведомлена о внутренней кухне двора, – отмахнулась Мия. – Если чего-то не пойму, сразу спрошу.

– Хорошо... дана?

– Просто Змейка.

– Простите, дана, но вам это имя решительно не идет.

– Тогда... дана Леонора.

Бумаги на имя Леоноры Белло у Мии были, а подправить возраст...

Помилуйте, с этим и ребенок справится!

Булка, который знал настоящее имя Змейки, скромно промолчал. И поднялся.

– Оставляю вас наедине. Свое дело я сделал, дальше – как договоритесь.

– С меня процент, – отозвалась Мия.

– Это уж как повелось, – ухмыльнулся Булка, понимая, что сейчас ему сделали определенное предложение. Так же, как на Комара, на него работать не будут. И откажутся при случае, и характер покажут. Но...

Мия Феретти – виртуоз в своем деле. И заполучить ее – счастье. Так что Булка и отказываться не будет – дурак он, что ли? Хозяин части Грязного квартала подмигнул Мие и прикрыл за собой дверь. И заторопился к слуховому отверстию. Да, Мия о нем знает. Но клиент-то нет! Так что...

Вот и проверим ее на лояльность.

* * *

– Проследить за эданной Вилецци, – нахмурилась Мия. – И все? Иларио пожал плечами.

– Я знаю, она не изменяет его величеству. Но может быть, у нее есть какой-то секрет? Какой-то скелет в шкафу? Ну хоть что-то...

– Безгрешных при дворе не бывает, – кивнула Мия. – Даже наверняка есть. Об этом же вы говорили Комару?

– Да. Но я не знаю... он хотел отчитаться мне о чем-то...

– И не дошел?

– Погиб.

– Это неспроста, – нахмурилась Мия. – Комар был мне не чужим, и за ваше дело я возьмусь. Булке заплатите за посредничество сами.

– А вам?

– Деньги мне не нужны.

Такие намеки Иларио ловил на лету.

– А что именно вам нужно?

– Чтобы вы передали записку ее величеству. Не читая.

Иларио нахмурился.

– Простите, дана...

Мия подняла руку, останавливая его.

– Клянусь своей матерью – да изольется ее чрево, клянусь своим родом – да пресечется он навеки, клянусь своей честью – пусть будет мое имя покрыто позором, клянусь своим сердцем – да остановится оно в тот же миг. Я. Хочу. Только. Добра. Адриенне. Я не причиню ей вреда, я скорее убью любого, кто поднимет на нее руку.

Дан Иларио молча кивнул. Ну коли так...

– Пишите. При мне.

Мия послушно подцепила со стола бумагу и перо.

Что написать? Смешной вопрос.

*«Я вернулась. Лоренцо жив, я верю, он тоже вернется.
Сейчас мое имя Леонора Белло. Если нужно, я приду к тебе.»*

М. Ф.»

Свернуть, запечатать, отдать...

Дан Пинна наблюдал за этим процессом достаточно скептически.

– Может, вы просветите меня, дана?

– Легко, – пожала плечами Мия. – Если ее величество не изменилась за прошедшее время, она попросит вас привести меня. Хотя бы ко двору. Если изменилась – просто даст задание.

– Хм...

– Могу дать клятву еще раз. Ее величество жила не только во дворце, а я... я тоже живой человек.

Иларио только вздохнул.

– Ладно... я передам письмо ее величеству.

– Благодарю вас, дан Пинна.

Раньше Мия и вовсе не стала бы тратить время на письма. Пришла бы во дворец, и все. Но сейчас она беременна, и рисковать ей не хочется. Мало ли что?

Полезут так клыки или когти – потом не отмоешься. И не удерет.

– Не стоит благодарности.

– Хорошо. Тогда... рассказывайте.

– Что именно?

– Все, – хищно сощурилась Мия. – Где живет эданна Вилеци, в какую церковь ходит, когда видится с его величеством... все, что знаете. А там уж – моя работа.

Дан Пинна кивнул и приступил к рассказу.
А вдруг и правда... поможет?

Адриенна

– Что?!

Полетела в сторону подушка, подскочил и зашипел злобной рысью потревоженный кот.

– Дайте мне письмо!

Дан Пинна посомневался еще треть секунды (больше было опасно) и отдал письмо ее величеству.

Та мгновенно сломала печать, пробежала несколько строчек глазами и улыбнулась.

– Дан Пинна, вы сможете провести дану Леонору во дворец?

– Смогу. Ваше величество, вы уверены?

– ДА! – сказала Адриенна с таким выражением, что можно бы и не добавлять ничего. Но все же человек не чужой, надо разъяснить. – Я знаю дану очень давно. Она всегда была честным и благородным человеком. Исключительно умным и порядочным.

– Да?

Не то чтобы Иларио сомневался: опасно для жизни. А вот ремесло у даны Змейки было... да, оно было. И его надо принимать в расчет.

– Ее работа... дан Иларио, она будет очень сердиться, если узнает, что я кому-то сказала...

– Не от меня, клянусь. По всей форме клятву дать?

– Не стоит, – отмахнулась Адриенна. – Я просто намекну. У М... Леоноры на руках оказались люди, за которых она отвечала. Если бы она не согласилась заниматься... тем, чем занимается сейчас, их судьба была бы незавидна.

– Даже так?

– Я бы покривила душой, сказав, что Леонора, – сейчас имя уже легче скользнуло с языка, – исключительно добрый человек. Ей хотелось жить хорошо, но в то же время... ради себя она бы довольствовалась много меньшим.

– Я верю, ваше величество.

– Тогда... когда?!

– Его величество уедет на охоту, и...

Адриенна улыбнулась и кивнула.

– Хорошо. Но прошу, дайте ей знать уже сегодня. Я все помню, я ее очень люблю и жду. Дан Пинна, волей неба у меня нет сестер. Но она... дана Леонора стала для меня ближе сестры.

Дан Пинна кивнул.

– Я все сделаю, ваше величество.

Тем более, похоже, ваши чувства взаимны. Судя по тому, что говорила дана Леонора...

Что ж. Это хорошо.

А еще...

– Эданна Адриенна, вы можете подумать еще над одной... задачей.

– Да?

– Если вам так дорога дана Леонора...

– Да!

– У вас же свободно место одной из фрейлин?

Адриенна ненадолго задумалась. И коварно улыбнулась.

– О да! Это было бы чудесно! Впрочем, мы еще поговорим об этом с... Леонорой.

Иларио поклонился.

А паузу перед именем... Леоноры он старался не замечать. А что такого? Вот и он думает – ничего.

– Позвольте откланяться, ваше величество. Я буду очень занят... ночью.

– Да, дан Пинна. Минуту. Дайте мне бумагу и чернила.

– Хорошо, ваше величество.

Все было на небольшом столике, стоящем рядом. Предполагалось, что на нем будут подавать в кровать завтрак или обед... Адриенне было не до еды. А вот бумаг надо было разобрать – горку и пригорочек. Так что...

«Жду тебя. Люблю вас.

А. С.»

И запечатать письмо тем самым кольцом. Мия поймет. И придет!

Впервые за этот год Адриенна чувствовала себя почти счастливой. Она получила самый замечательный подарок на Рождество. Она не одна!

* * *

Марко Мели посетил дом Фредо Лаццо в первый раз.

Так уж получилось, Фредо и Паскуале жили вроде бы и одним домом, но – двумя. Странно? Да ничего странного!

Просто почтенный торговец, разбогатец, выкупил для сына соседний дом. Забор между садиками тут же был снесен, крытый переход построен – не бегать же каждый раз через сад, мало ли что? Дождь, ветер...

Поэтому домов было вроде бы и два, но один. И что приятно, Мария и жена Паскуале, Рита, друг другу совершенно не мешали. Две хозяйки не уживаются на одной кухне, но тут-то кухонь ДВЕ! И всем очень даже удобно. Хочешь – закрой дверцу в переходе, хочешь – открой; Рита и от природы была неконфликтна, Мария не стремилась устанавливать везде и всюду свои порядки, помнила, как была служанкой, помнила, как злила ее ах-какая-я-нежная-холера хозяйка... ладно, земля Фьоре пухом, но злила ведь! Так что надо не повторять ее ошибок.

Обычно Марко бывал на территории Паскуале.

Дан Вентурини попросил его позаботиться о парне, Паскуале и заботился. Выделил место для жилья, удобное, над магазином; не в своем доме, но так даже лучше: молодой же парень – мало ли кого приведет...

Пока не приводил никого. Но дело наживное?

А так Паскуале был доволен по уши.

Парнишка золото.

Неглупый, расторопный, серьезный, понимающий... такого помощника найти в радость. Хотя если уж до конца честно...

Не останется он у Лаццо.

Хоть и вникает он в торговлю, хоть и старается, хоть и трудится на совесть, а все ж... не то! Не лежит у него душа. Ему в СибЛевране хорошо, там он на своем месте...

Но там все будет ему напоминать об Адриенне... не стоит. Не надо такого мальчишке.

И Паскуале учил Марко, понимая, что такие уроки ему где угодно пригодятся. А вот в дом к Фредо пригласил первый раз.

Рождество!

Как не отпраздновать?

Но до того Марко у них дома не был, со всеми не знакомился...

Вот и получилось так, что на середине гостиной столкнулись неожиданно для себя Марко Мели и Джулия Феретти.

Она улыбнулась. Он покраснел.

Она кокетливо потупила глаза. Он побледнел.

А дальше вмешался Паскуале, пока его юный помощник не собрал на себя все цвета радуги.

– Ньор Марко Мели. Дана Джулия Феретти.

– Мне очень приятно, – пропела паршивка и протянула вперед тоненькую ручку.

Марко неловко взял ее и поцеловал. Паскуале только головой покачал, и положил себе поговорить потом с племянницей. Зачем же так над человеком издеваться?

* * *

При дворе Рождество отмечали весело.

Были танцы, был смех, было святочное полено...

Ее величество сидела вместе со всеми, но в веселье участия не принимала. Придворные понимали это и старались показать свое отношение.

Адриенна ни на минуту не оставалась в одиночестве.

То одна пара, то вторая, то несколько пожилых эданн, которые чуть ли не по-матерински принялись ворчать на ее величество, мол, бледненькая, ей бы укрепляющего, а вообще... муж должен о жене заботиться и любить, раз уж клятву давал!

Или хотя бы ценить и не обижать...

Филиппо это прекрасно расслышал, но куда там обижаться? Эданн еще его отца помнили... в пеленках. На такую голос повисишь – потом от позора не отмоешься. Так что его величество

просто решил не будить зверя и послал эданне Франческе извиняющуюся улыбку.

Мол, прости, любимая, но я обязан сегодня проявить внимание к жене. Такой день...

Франческа сверкнула глазами и отправилась танцевать.

А что?

Адриенна беременна и выглядит бледной и больной, и вообще...

А тут она... яркая, красивая, смотри! Вот я какая! Рядом с твоей-то бледной молью... и как мне идет белое с алым! И платье со шлейфом, небольшим, но все-таки... Хотя вот последнее было уже наглостью. Платья со шлейфом могла носить либо королева, либо с ее разрешения, но Ческу такие мелочи не волновали. Она была чудо как хороша собой и отлично об этом знала.

Филиппо впечатлиться, увы, не успел. Сначала возник рядом кардинал Санторо, отвлек каким-то вопросом. Потом одна из дам покачала головой, заявив, что бесстыдно так показывать себя. А потом и вовсе случилась беда...

– Ой!

Взвизг был такой, что даже музыканты, привычные ко всему, дернулись. Инструменты тоже издали какой-то взвизг и замолчали. А эданна Франческа дура душой стояла посреди зала...

Кто уж ей помог?

Кто решился?

В танце и не поймешь, фигуры сложные, партнеры меняются, да и танец быстрый, с подбрасыванием. И вот кто-то наступил на шлейф.

А вот так!

Недаром его можно только королеве, вот не просто от вредности! Королевская чета все же танцует не в общем хаосе. А эданна Ческа, хоть и спала с королем, но такой чести, как отдельное танцевальное место, не удостоилась. Ладно бы она еще с королем танцевала. А то ведь одна выставлялась...

Ческа, не заметив, сделала шаг.

Тонкий шелк, который так потрясающе красиво драпируется, сказал: «Шр-р-р-рясь!» – и поехал себе по швам, а потом и вовсе оторвался. В шуме музыки эданна сразу и не заметила...

А потом было поздно.

Понятно, что нижнее платье уцелело, но эданна сегодня была в нижнем платье из белого шелка и верхнем – из алого, шитого золотом. Вот в белом и осталась. Полупрозрачном.

Предъявляющем на обозрение всему залу ее тыльную... ну и переднюю часть тоже. Сразу видно, что дама – натуральная блондинка.

На королевские-то цвета эданна замахнулась, а вот на королевское достоинство – уже никак. Ческа злобно завизжала, подхватила с пола алый хвост и вылетела из зала, на ходу пытаясь завернуться.

– Какая ...опа! – прокомментировал кто-то.

Его величество дернулся, но разве там найдешь? Оставалось только застонать... За такое?! Ох и устроит ему Ческа скандал! Бриллиантовым колье не отделаешься! Хотя кто ее просил надевать этот хвост? Тьфу, бабы! Вечно они дурости натворят, а мужики виноваты!

Мия

Мия и Рикардо праздновали Рождество скромно. Вдвоем.

Да и кого им было приглашать?

Ладно, Мия передала всем Феретти и Лаццо скромные подарки, намекая, что она жива, она их любит, – алые пряничные сердечки уже должен был доставить рассыльный. Но Рикардо об этом не знал.

А ему пока и пригласить было некого.

Из канцелярии ответа нет, хотя он ходил туда каждый день.

Кажется, пару раз он видел знакомый паланкин, но... Рикардо не был в этом уверен. Столица же...

Звенели бокалы, Мия смотрела влюбленным взглядом.

– Дорогой, у меня для тебя есть подарок.

– Да?

– Через... да, уже через семь месяцев нас будет трое.

Рикардо аж вином подавился. Посмотрел на совершенно плоский живот любовницы.

– Ты... кха... беременна, кха-кха-кха?

– Да, любимый.

Рикардо искренне повезло.

Он выкашливал остатки вина из легких и потому не сказал, что подумал в первую секунду.

Вот на кой черт ему этот ребенок?!

Мия, конечно, прелесть, но надо же и о себе подумать? Одной прелестью сыт не будешь, это уж точно! Рикардо всего-то ничего побыл в столице, но ему тут уже нравилось. Он оценил перспективы, ему хотелось жить здесь, хорошо одеваться, носить драгоценности, быть принятым при дворе, завести свой дом и выезд... да много чего хотелось!

И что?

Похоронить все мечты из-за беременной идиотки?!

С другой стороны, Мия его устраивала. Она была умна, красива... вы знаете, сколько стоят девушки в столичных борделях? В дешевых, понятно, дешево, но там в комплекте с девушкой еще и букет идет. Такой, своеобразный, не всякому лекарю по плечу.

А дорогие...

Рикардо зашел. И понял, что за один визит он столько отдать должен... в Демарко на это месяц жить можно! И главное – за что?

У него-то дома не хуже!

И вся его, и без болячек.

И как тут быть?

Но пока Рикардо размышлял, очищая легкие, Мия решила этот вопрос сама.

– К сожалению, пока мы не сможем пожениться.

К чьему сожалению? Вот лично Рикардо не сожалел, он радовался, что это не ему озвучивать пришлось. А то ведь бабы... они такие бабы! Вот так скажешь не то, а потом тебе глаза выцарапают. Кошки бешеные.

А Мия и того хуже: она царапаться не будет, она просто горло вырвет. Но раз им нельзя пожениться... да-да, он тоже очень сожалеет! Два раза...

– Может быть, позднее, когда разрешится одна неприятная ситуация. А до той поры... если она не решится, ты сможешь признать ребенка?

– Обещаю, – честно сказал Рикардо. Тем более что с него это и отец требовал, и Рикардо ему уже обещал, а клятвы, данные умирающему, лучше не ломать. – Клянусь своей матерью – да

изольется ее чрево, клянусь своим родом – да пресечется он навеки, клянусь своей честью – пусть будет мое имя покрыто позором, клянусь своим сердцем – да остановится оно в тот же миг. Если мы не поженимся, я признаю нашего ребенка.

Мия расцвела в улыбке и крепко поцеловала Рикардо.

– Я тебя люблю...

Рикардо ответил на поцелуй. А потом как-то даже засомневался.

– А...

– Можно, – правильно поняла его Мия. – Я прекрасно себя чувствую.

– Тогда иди ко мне!

Мия и не думала отказываться. Ах, как же хорошо жить, когда любишь ты и любят тебя!

Лоренцо

Лоренцо смотрел в окно, сжимал в руке серебряного ворона.

Здесь не празднуют Рождество, не знают о Христе... знают, но не признают истинной веры. А он не полезет в чужой монастырь со своим уставом. Он не монах, чтобы тут ходить проповедовать, да и не умалишенный. Вот еще не хватало...

Поэтому он просто взял свечу, зажег ее и поставил на окно.

Смотрел, сжимал кулон и думал о том человеке, которого... которую любил.

Адриенна.

Как ты там, любимая? Что с тобой?

Лоренцо отлично понимал, что она может быть... да что угодно может быть! Жива ли? Здорова? Замужем или нет? Он знал: Адриенна постаралась бы его дождаться, но... она говорила, с ее замужеством там что-то очень серьезное. И могли просто надавить, и шантажировать могли, и...

Она ведь только кажется жесткой и сильной, а на самом деле его любимая очень хрупкая, доверчивая, нежная... просто не всем это видно. И хорошо.

Но она очень нуждается в защите. Он ведь не слепой.

И когда вернется... он не знает, что найдет дома. Но вот одно он не просто знает, он свято в этом уверен: Адриенну Сиблевран он будет защищать всегда.

Везде.

До последней капли своей крови.

Он знает, там его сестра, она позаботится об Адриенне, насколько сможет, но... еще что с Мией? С дядей? С девочками? С Лаццо?

Страшно, когда ты ничего не знаешь. И помочь не можешь. И к чему готовиться – неизвестно...

Теплая рука коснулась плеча.

– Пойдем спать?

Динч.

Нелюбимая, но не обижать же ее из-за этого? Подлость плодить тоже ни к чему. И чувствует она себя плоховато... так что Лоренцо повернулся и поцеловал руку женщины.

– Иди, милая. Я сейчас приду.

– О чем ты думаешь?

О том, что тебе сказали: иди. Но кого-то надо послать конкретно, чтобы пошел. Этого Лоренцо, понятно, не озвучил.

– О своей семье. Сестры, дядя...

Динч утешительно погладила Лоренцо по волосам.

– С ними будет все хорошо.

– Надеюсь. Иди спать, я скоро приду.

На этот раз она ушла. А Лоренцо Феретти еще раз стиснул ворона. Чуть не до крови...

– Адриенна, любимая, жди меня. Я приду...

И он знал: далеко-далеко, там, в Эрвине, она его слышала.

Глава 2

Адриенна

Охота на волков.

Это звучит красиво, а на самом деле волк – весьма и весьма неглупое животное. Вес среднего волка может достигать восьмидесяти килограммов, скорость – от шестидесяти до восьмидесяти километров в час... а тут еще волки какие-то особенно крупные... собственно, потому Филиппо и сорвался. В обычном волке сколько?

Ну, килограммов сорок!

Встретить того, кто в два раза крупнее... это удача! Такое редко бывает.

А тут говорят – СТАЯ!

У страха глаза велики, но тут вроде как все верно?

Сознаемся потихоньку: Филиппо ужасно завидовал тем, кто добыл Леверранское чудовище. Второго такого не найдешь, понятно, но хоть какое? А?

Так что его величество потирал руки.

Его настроение не испортила даже встреча с тестем, тем более что дан Марк вел себя абсолютно равнодушно. Не просил милостей, не лез с беседами – так, разок спросил, как там Адриенна, а узнав о беременности, пожелал ей удачи и обещал заехать в столицу.

Филиппо даже посочувствовал супруге.

Его отец, конечно, ангелом не был. Но вот что любил он сына, то любил. И хотел для него самого лучшего, и старался, и все-все делал... единственным камнем преткновения между родными стала эданна Франческа. Ну и Адриенна – из-за нее. А так-то отец его любил!

А тут такое...

М-да.

Впрочем, долго его величество на эту тему не размышлял. Его интересовала охота. Егеря говорили, что можно будет устроить загонную охоту, и Филиппо это поддерживал!

Флажки, собаки... у них все с собой. И егеря говорят, что видели следы... крупные. Стая не меньше двадцати голов...

Красота, правда?

Они будут ждать, а егеря спугнут стаю и погонят на них... мимо флажков, под выстрелы...

Филиппо предвкушал охоту. И не только он один.

* * *

Утро. Лес. Снег...

Ожидание. Арбалеты.

Филиппо предпочитал в такие минуты оставаться в одиночестве. Когда тебя видят... да, тобой восхищаются. Но вдруг ты промажешь? Лучше, чтобы об этом никто не узнал.

С дерева лениво каркнула ворона.

Откуда она тут взялась? Зимой, в лесу?

Филиппо с удовольствием слепил снежок – благо пока еще никто не шумел – и швырнул его в птицу.

– Кар-р-р-р! – отозвалась та, уворачиваясь и взлетая. И послышалось ему почему-то звонкое: «Дур-р-р-рак!» Отчетливое такое...

Вот рядом арбалет. Даже два. Вот болты, вот копье, кинжал... он справится с любым зверем. Кто еще тут дурак?

– Кар-р-р-р! – еще раз донеслось сверху. И ворона исчезла.

Филиппо ждал.

Он знал, что сейчас происходит. Вчера лесничие определили оклад, а именно нашли лежку волков, обошли ее по кругу, заметили входы и выходы, переметили следы, чтобы не спутать... нет, не тем способом переметили. Просто перечеркнули палкой.

Надо же знать, сколько животных в окладе, сколько вышло из него...

А с утра... с утра их погонят.

Будут стучать палками, трещать трещотками, и волки пойдут по коридору, увешанному флажками. Пойдут под выстрелы.

Филиппо ждал.

Не учел он другого. Это были НЕобычные волки.

Обычный волк боится шума и треска, боится флажков, старается уйти, но в основной массе бежит туда, куда его направляют опытные егеря.

ЭТИ волки не боялись. Ничего. А людей они давно почитали своей добычей. Какой уж тут запах, какие флажки-трещотки...

* * *

Энрико Делука ждал. И дождался. Волк появился словно из ниоткуда. Громадный, черный, он мчался какими-то странными прыжками то вправо, то влево... сбивая прицел?!

Но додумать эту мысль Энрико не успел. На него кинулся второй зверь, сбил с ног, вцепился в плечо... зубы соскользнули по тонкой, но прочной кольчуге. Только вот сила сжатия этих зубок такова, что они, и не прорвав кольчугу, прекрасно расплющили мышцы, раздавили сустав...

Энрико закричал – и потерял сознание от болевого шока.

Рафаэлло кинулся к отцу. Волка он успел ударить клинком в бок – и даже попал, удачно попал... но это же не театр! И сразу зверь не умрет. И когда умрет, не факт, что разожмет зубы.

Только вот первый волк тоже не собирался ждать, пока добьют его собрата. Сверкнули клыки, страшная пасть тянулась к горлу парня... отбросить тварь не получалось. Волк был громадным, массивным, черным...

Рафаэлло понимал: помощи ждать неоткуда. А волк сильнее, он сейчас... у него есть единственный выход. Пожертвовать одной рукой, а другой вытащить кинжал – и ударить. Наверное...

Только вот зверь оказался умнее.

Рафаэлло ударил ногами в живот волка – получилось не сильно, но зверь отвлекся. И Рафаэлло успел выдернуть кинжал.

Клыки и клинок ударили одновременно.

Клыки сомкнулись на руке, плече... и получилось неудачно. Волк так дернул головой, что задел шею... сонная артерия – это приговор.

Так и получилось.

Но и клинок в руке Рафаэлло нашел зверя. Охотился парень с детства и промаха не знал.

Так их и обнаружили.

Одного живого, но в глубоком обмороке, под тушей волка, и троих мертвых.

* * *

Филиппо ждал.

И дождался на свою голову.

– Гр-р-р-р, – вежливо сказали за его спиной.

Король обернулся так, словно его горячей головней в зад ткнули. В трех шагах за его спиной стоял волк. Здоровущий, черный... в холке – не меньше метра, а может, и побольше, а желтые глаза...

Не янтарные, а такие... мутновато-желтые. Словно затуманенные болью, или бешенством, или...

Ненавистью.

Король понял это так отчетливо, словно ему кто-то сказал это на ухо.

Волк его ненавидел... и не только его. Вообще людей. И сейчас он прыгнет, потому что его создали убивать. Учили убивать. И ненавидеть, ненавидеть, ненавидеть...

Тут бы Филиппо и помереть, потому что он даже рукой шевельнуть не мог, чтобы клинок поднять. Но не судьба.

Чье-то тело ударило в бок волку.

– БЕГИ!!!

Дан Марк.

Единственный, кто посмел подстраховать короля против его воли. Вне приказа.

Не сам, нет. Его главный егерь умолил. Лес незнакомый, волки крупные, мало ли что? Все ж на тестя король не разгневается? Наверное...

Дан Марк молча пожал плечами и засел на дереве неподалеку от короля. И прекрасно бы, только волк вышел с другой стороны. Кстати, наплевав на флажки.

Если бы они не стояли несколько секунд, дан Марк не успел бы. А так...

Слетел с дерева, кинулся, ударил волка всей массой в бок, бил кинжалом, понимая, что не попадает именно туда... а потом и понимания уже не осталось. Потому что прямо перед лицом распахнулась громадная пасть и блеснули белые клыки.

Они и стали последним, что увидел дан Марк. Ни дочь он вспомнить не успел, ни жену... ничего.

Только клыки и вонь.

И неожиданное чувство легкости.

А потом – синие глаза и улыбка, которую он, казалось, и позабыл уже...

– Рианна?

– *Пойдем, любимый. Здесь ты больше сделать ничего не сможешь...*

И дан Марк пошел вслед за женой прямо по облакам...

* * *

Когда дан Марк ударил волка в бок, сбил его, Филиппо опомнился. Схватил копьё, небольшое, удобное, кинулся к сражающимся.

Волк побеждал, и его величество ударил зверюгу в бок, стремясь хоть как-то помочь тестю... поздно. Только кости хрустнули... волк обернулся, и Филиппо ударил еще раз, с неожиданной силой вырвав копьё. И еще...

Зверь рычал, но не сдавался, даже издыхая, пытался ползти, достать врага клыками...

Филиппо бил и бил, наплевав на сохранность шкуры, пока волк не затих. А потом устало опустился на колени.

Дан Марк был мертв. Мертво и чудовище. И... никто не спешит на помощь?

Филиппо не знал, что это были не совсем обычные волки.

Вечером егеря проверили оклад, утром прошли и принялись их загонять, но... что такое загон? Чем он ограничен? Почему волк идет под выстрел?

Потому что боится того, чего не понимает.

А эти волки и понимали, и не боялись. Филиппо не знал, что сейчас развернулась кровавая баня равно как среди загонщиков, так и среди охотников. Волки ничего не боялись, они перепрыгивали через веревки с флажками, легко обходили загонщиков сзади, нападали из засады...

Охота умылась кровью в это зимнее утро.

Может, волки и перебили бы всех, но повезло. Филиппо взял с собой отряд гвардии. Конечно, охотиться гвардейцы не стали, но...

Главный егерь успел подать сигнал тревоги. Громко и отчаянно затрубил в лесу рог. И гвардейцы кинулись на помощь, понимая, что это не оговоренный сигнал. Да и когда охота...

Рог поет совсем иначе. Они все охотились, они знали... нет, это – не то!

Ситуация поменялась второй раз. Но если первый был в пользу волков, то второй явно в пользу охотников. Волков кололи с седла, резали, рубили; кони, выученные не за страх, а за совесть, держались, хрипели, били копытами...

На поле – или, правильнее сказать, в лесу – боя осталось двадцать шесть волков. Все черные, желтоглазые, все в полтора-два раза крупнее обычного волка, причем как самцы, так и самки.

И сорок два охотника уже никогда не вернуться.

Из шестидесяти участников охоты на снегу осталось лежать две трети. Остальные делились на две категории: ранен, но стоит сам, и ранен, надо срочно к лекарю.

Сегодня волки взяли реванш за всех беззащитных зверей, которых уничтожали подобным образом. Хотя и не знали, что эта охота войдет в историю как «Травля Оборотней». Да и не были они оборотнями.

Не были настолько разумными, не принимали человеческое обличье.

Обычные звери, которых преобразовала черная воля и злобная ярость. Были обычные. А стали...

Разбираться с волками гвардейцам было откровенно некогда. Им надо было срочно людей вытащить. А потому...

Пусть их... валяются, где лежат.

Подвоха от подруги девушка не ожидала. Но... от дана Пинны?
Запросто!

И шла за ним по коридорам дворца медленно, осторожно, оглядываясь... Им повезло. Никто не встретился.

Переулок, закоулок, несколько комнатушек, которые заслуживали гордого названия «крысятник», и, наконец...

Королевская спальня. Лично ее величества.

И сама Адриенна.

Мия даже ужаснулась, увидев, как выглядит подруга. Бледная, худая, одни глаза на лице остались...

– Адриенна! Риен!

– Мия!

Дан Иларио сделал вид, что ничего не слышал, а через минуту и вовсе вышел, прикрыв за собой дверь. Его присутствие здесь больше не требуется, а потом сами позовут.

Вред? Причинить королеве?

Девчонки так обнимались, словно мечтали сплавиться воедино. И... явно они были дóроги друг другу. Мия ревела, да и Адриенна тоже.

– Как ты?

– Что ты?

Начали говорить, а потом осеклись. Посмотрели друг на друга, рассмеялись сквозь слезы, и Адриенна кивнула.

– Начнешь первой?

– Запросто, – согласилась Мия, решив не чиниться. – О моем ремесле ты знаешь. Я понимаю, что не стоило так резко, но иного выхода я тогда не видела. Когда мой дядя решил выдать мою сестру за Рубинового короля... а по факту – за извращенца и мразь...

Мия рассказывала, не щадя себя и не скрывая подробностей. Упомянула, как шла по следам своего рода, сказала, что тоже беременна, и выслушала поздравления.

Настало время рассказывать Адриенне. Сейчас она ничего не скрывала, и слова лились потоком.

О проклятии. О том, что она должна была выйти замуж, чтобы не хоронить своих детей. И даже, чуть поколебавшись, о крови Сибеллинов. О том, что это значит.

Про старшую кровь, про связанных с ними, про тех, кто может менять обличье.

Тут уж заинтересовалась и Мия...

И лились потоком слова. И у обеих на уме было одно и то же.

Адриенна росла без матери. И боялась умереть при родах... кто поможет малышу? Кто защитит, кто укроет?

Мия росла хоть и с матерью, но на кого упала вся ноша, когда умерли родители? То-то и оно...

Ей тоже было не на кого рассчитывать, кроме Адриенны. Лаццо она не доверяла, девочек, Серену и Джулию, привыкла воспринимать как малышню, Лоренцо еще не приехал, где бы он ни был. Ну и?

Кто ей может еще помочь?

Только Адриенна... а чтобы помочь, ей надо знать правду.

И про метаморфов в том числе, да...

Медленно, очень медленно и осторожно девушки складывали общую мозаику.

Про Высокий Род, который приходил на землю, и про их спутников. Про то, что они не могли иметь общих детей... нет, сейчас уже могут: судя по Мии и Рикардо, кровь разбавилась достаточно. Надо еще посмотреть, но Мия нутром чуяла, что с ее ребенком все будет хорошо.

С ней самой? Тут сложнее. А вот ребенок явно живой...

И получалось весьма и весьма интересно.

Адриенна даже про дурноту забыла, глаза у нее горели.

– Интересно, с кем изначально были связаны вы, Феретти?

– Я не Феретти... ну ты поняла, по прабабке...

– Я помню. Дана Эванджелина Бонфанти.

– Да, именно.

– Я наведу справки, – решительно кивнула Адриенна. – Если она служила последней королеве... но не была спутницей. Скорее всего привязки не было.

– Но и у вас с Лоренцо?

Адриенна покачала головой. Это она от Морганы знала, просто не придавала значения.

– Чтобы стабилизировать ваше состояние, надо тебе попробовать мою кровь. Надо было. До беременности, черт!

– Кто же знал, – пожала плечами Мия. – Знать бы... а кровь Рикардо не подействует?

– Надо покопаться в бумагах, порасспрашивать...

– Посмотри, хорошо?

– Обещаю. Вот Лоренцо попробовал мою кровь, я – его. И мы оба это приняли... мы оба этого хотели. Мы связаны. Навсегда. Он защищал меня, я – его, он полюбил меня, я – его... кровь, бой, любовь – все сложилось именно так под звездами.

Мия только вздохнула.

Да, связаны. А еще Адриенна замужем за королем... впрочем, какая ей разница? Вот просто какая?! Пусть подруга родит ребенка – она упомянула, что для снятия проклятия нужен малыш. А потом...

А потом Мия вполне может ей помочь. Королем меньше, королем больше... это будет хорошая карьера! И интересная задача.

Мысль о том, что Филиппо стал ее первым мужчиной, Мие и в голову не пришла. И рядом не пробегала. Подумаешь... по-настоящему ей хорошо было только с Рикардо. Вот его она и считала. А то, что там с кем-то было... это как нужду справить. Даже и думать не хочется. Не было. И точка!

– Хорошо. Вы с Лоренцо связаны. Со мной и Рикардо ситуацию проясним. А теперь ответь мне, что ты ищешь?

– Ищу?

– Эданна Вилецци.

Адриенна скрипнула зубами. Да так, что кот, лежащий рядом с ней на кровати, приподнял голову. Это еще что такое?

Забавно, но Мию котяра совершенно не испугался. Посмотрел зелеными глазами и махнул хвостом. Ходят тут разные, головы людям морочат. Людьями притворяются. Но кошки-то их сущность видят, вот и не волнуются. В этом человеке зла не было. Не для его хозяйки.

– Мия, я не знаю толком. Понимаешь, не знаю! Может, я просто ревнивая дура...

– Ревнуют, когда любят. Но, возможно, она оспаривает твою власть и ты злишься? Двор к ней как относится? Ей повинуются быстрее, чем тебе? Может, это страх за себя?

Адриенна качнула головой.

– Нет. Не то... мне плохо рядом с ней. От нее кровью несет, злом, я просто... меня трясет всю, тошнить начинает...

Мия задумчиво кивнула.

– Ты ее подозреваешь в чем-то плохом, но не знаешь, в чем именно.

Адриенна кивнула.

– С учетом того, что Комара убили... заметь, загрызли волки.

– Та-ак? Подробнее?

Мия скрывать ничего не стала. Адриенна схватилась за голову.

– Мия, ведь Леверранское чудовище... я потом узнала: оно не просто так по себе. Их *можно было создавать!*

– С этого места подробнее?

– Нужна ведьма, причем не с природными, а с полученными способностями, нужна сила, нужно много силы... жертвоприношение – это как минимум.

– А по городу ходят слухи... – Мия весь день посвятила сбору информации. Не о Франческе, просто так: чем живет столица, как она стояла, пока Мии не было в городе... – Люди пропадают.

– Люди пропадают?

– И много, знаешь ли. Из тех, что никому не нужны. Нищие, всякое отребье; забавно, но из тюрем никого не забирают...

– Власти не хватает?

– Или не хотят привлекать к себе внимание. Кстати, пропадают не дети – пропадают мужчины, время от времени женщины.

Адриенна даже плечами пожимать не стала. Об этом она с Морганой говорила.

– Ребенок – самая бесполезная жертва. Сил нет, нагрешить не успел, душа уходит ввысь... фактически ты тратишь время, силы, совершаешь преступление – и ничего не получаешь.

– А взрослый мужчина?

– Намного интереснее. Особенно если будет сопротивляться, драться... понимаешь?

Мия понимала.

– Итак, у нас есть чернокнижник?

– Или сильная ведьма, или пара «чернокнижник – ведьма», такое тоже бывает. Если жертвоприношения проходят, то не просто ж так!

– Тоже верно. Ищи дурака – под виселицей ходить!

Адриенна пожала плечами. Допустим, дураков-то много. Ради власти, денег, силы люди и не на такое готовы, но...

Надо искать! Только так, чтобы не подвергать опасности подругу.

– У меня есть записи ведьмы. Той, которая жила у нас... я даже начала их читать.

– И?

– Она не называет имен, кроме двух. Свое – она от рождения дана Илария Кавалли. Была в монастыре, поняла, что там и сгниет, не захотела. Они с подругой призвали демона и отдали ему часть души в обмен на силу. Илария хотела больше и отдала больше. Подруга... вот, ее имя второе, Виолетта Дзанелла, тоже дана, хотела меньше. Ей перепали крохи силы.

– Догадываюсь, что монастырь не устоял.

– Ага. И два рода вымерли, как не бывало. И погуляли ведьмы от души... может, и похлеще было бы, но Илария пишет о каком-то Господине.

– Поэтому пара «чернокнижник – ведьма»?

Адриенна кивнула.

– Я бы на свекра подумала, но он уже умер. Этот человек взял ведьм на сворки и, угрожая или им, или их близким – да, такие у ведьм тоже были, – заставил работать на себя.

– Ведьмы не могут никого любить.

Адриенна кивнула.

– Судя по записям даны Иларии, она и не любила. Никого. Но своих детей она рассматривала как свое продолжение, свое будущее, может быть, вложение сил и денег... и покушения на них не хотела.

– Ага...

– Детей она не отдала, кстати. И внуков... хотя могла распоряжаться их душами. И отдать их демону еще до рождения – тоже. Мать вольна в своих детях.

Мия скрипнула зубами. Нурик и на нее посмотрел с явным неодобрением. Вот чего вы тут всякие звуки нехорошие производите? Коту неприятно!

– Слушай, что-то у нас плохое получается. Избыточно разумных волков могут производить только вот такие... как эта ведьма. Есть господин, который ее взял к ноге. А стоило Комару начать копать про эданну Франческу, как его тут же загрызли. Вопрос: каким боком тут шлюха пристала?

– Она не ведьма, – решительно отмела Адриенна.

– Это понятно. Но, надо полагать, она или что-то знает, или...
Риен, мне нужно время, чтобы все это раскопать.

Адриенна выдохнула.

– Ты не можешь сейчас ТАК рисковать. Ты беременна.

Мия выругалась.

– И что ты предлагаешь?

– Разумеется, подождать. Пока ты не родишь.

– А если будет поздно?

Адриенна потерла лоб.

– А ведь мой супруг уехал на охоту. На волков. Черных.

– Может, ты уже и вдова?

– Не думаю, что мне так повезет, – хмыкнула Адриенна. – Но если что... знать бы, те это волки или не те?

– Скоро узнаем, – предрекла Мия.

Адриенна поежилась и решила поговорить о том, что важнее. С супругом она все равно ничего сделать не сможет: его или съедят, или не съедят – в любом случае тут она не поможет. А вот подруга...

– Ты не хочешь стать моей фрейлиной?

Мия вздохнула.

– Хотела бы. Но... ты сама понимаешь, сейчас это невозможно.

– Я постараюсь устроить это дело, – отмахнулась Адриенна. – Будешь Мией Бонфанти, седьмая вода на киселе из провинции, кто там и чего разглядит?

– Я не только об этом. Я беременна. Я не замужем. Ну и, конечно, меня знают. Я ведь не сильно скрывалась... опознают убийцу – я даже спастись не смогу.

Адриенна злобно зашипела.

– Вот ведь...

Ее подруга! И она даже помочь не может!!!

– Предлагаю сделать по-другому.

– Как?

– Я тебе уже сказала про Рикардо. Он хочет в гвардию; если он туда попадет, то сможет бывать при дворе.

– Ты ему расскажешь о нашей дружбе?

Адриенна не собиралась запрещать это подруге, и тем удивительнее был ответ Мии:

– Нет.

– Почему?

– Рикардо честолюбив. Если я ему скажу, что ты моя подруга, он начнет просить о многом. А еще... я хочу, чтобы он женился на мне ради меня самой. Не моих связей, не денег... просто, чтобы ему была нужна именно я.

– Конечно, ты ему нужна! – Адриенна и мысли другой допустить не могла. Чтобы ее подруга кому-то не приглянулась? Чтобы кто-то предпочел Мие другую? Идиотом надо быть!

– Я на это надеюсь. Ладно... скажи мне, в бумагах ведьмы есть что-то об этой дане Дзанелла? Или про их господина?

– Пока нет. Но я не все еще перекопала и перечитала.

– Тогда читай. А я попробую разузнать все со своей стороны.

– Хорошо. Как бы нам наладить связь?

Мия пожала плечами.

– У тебя есть дан Пинна.

– Да...

– Попроси его приносить письма. К примеру, на постоянный двор «Два лебедя». Там хозяин Булке много чем обязан...

– «Два лебедя», – кивнула Адриенна. – Оставлять...

– Для даны Леоноры Белло. А я ему буду оставлять письма для дана Пинны. Дело житейское, мужчина и женщина сговариваются о свидании... если уж совсем плохо будет и срочно... скажи дану Пинне про Рикардо. Он сможет передать письмо.

Адриенна кивнула.

– Так и сделаем.

Руки девушек соприкоснулись. Договор был заключен, планы определены. Они вместе и разберутся с любой проблемой. Они справятся.

Адриенна

– Его величество ранен!!!

Новость пронеслась по городу словно ураган. Ошеломила, заставила ахнуть... король ранен?

А если он... того? Королева, говорят, беременна, но это ж дело такое! Может и не доносить, может и родить, но править-то как?

Младенец же!

А значит... придворные начнут интриговать. Совет потребует назначить опекуна, опекун будет грести себе в карман, если вообще не придушит юного короля... можно подумать, это первый такой случай. Так что народу было невесело.

И карету с его раненым величеством они провожали тоскливыми взглядами.

Адриенна узнала обо всем заранее: почтовых голубей еще никто не отменял. И письмо поражало своей краткостью.

*«Его величество ранен. Рана воспалилась, бредит,
боимся не довезти.
Волки убиты все.
Охотники погибли...»*

И перечисление имен.

Дан Рафаэлло Делука. Адриенна прикусила губу, чтобы не заплакать. Боже мой, как же тяжело сейчас Энрико, наверное... клянет себя, несчастный, что сына дома не оставил. У него хоть Эмилио остался... и то слава богу. И все равно – больно.

А в самом конце...

Дан Марк СибЛевран.

Адриенна застонала.

Слезы полились потоком. Эданна Сабина заглянула в комнату, ахнула...

– Ваше величество?!

– ВОН!!! – рявкнула Адриенна, которая никогда себе не позволяла даже голос повысить. – КАЗНЮ!!!

И звучало это так, что эданна поняла: и правда казнит. И кинулась куда глаза глядят. Скорее, за помощью.

Хоть лекаря, хоть кого...

Правда, первым ей попался кардинал Санторо.

– Ваше высоко... прес... нсво...

Кардинал отродясь дураком не был. И если камер-фрейлина несется по коридору с такими глазами, значит... королева?!

– Эданна? Что случилось?

– Королева, – выдохнула эданна Сабина. – Она... мы ей принесли голубиную почту, она прочитала – ей плохо... я за лекарем.

Дальше кардинал и расспрашивать не стал. Помчался в королевские покои. И вовремя.

* * *

Адриенна рыдала в голос.

Было и больно, и обидно, и горько, и тоскливо, и... такая отвратительная смесь чувств. Ушел ее отец!

Ушел...

Его больше нет.

Нигде. Совсем.

На небе, да... но это же ТАМ! А она здесь, и больно ей здесь!!!

Была эданна Сусанна, и был гнусный Леонардо, и СибЛевран, превращенный в поле битвы, но было же и другое!

И первый подаренный ей пони, и смешные щенки, и венок из одуванчиков, из-за которого ругалась Роза: черные волосы Адриенны оказались сплошь засыпаны пылью... И ее ручка в отцовской руке после ночных кошмаров, и жутковатые, скажем прямо, колыбельные... дану Марку все медведи Сибеллина на уши наступили, а то и попрыгали, но ведь пел!

Это – БЫЛО!!!

А теперь ничего нет! И не будет!

Адриенна и сама себе не признавалась, но очень надеялась, что, когда она родит внука, отец чуточку похорошеет. Ну хоть капельку!

И вдруг... ну почему она не может помечтать? Вдруг все будет как раньше?!

Понятно, что при дворе не СибЛевран, но отец мог бы и приезжать, и видеться с малышом или малышкой, и...

Теперь ничего не будет.

Поздно, так непоправимо поздно. Он ушел, а они так и не поговорили...

Адриенну трясло в истерике, она захлебывалась злыми слезами, кричала что-то непонятное, колотила кулачками по кровати...

Кардинал поспел вовремя.

Подхватил с пола бумажку – одного взгляда на письмо ему с лихвой достало. Он все понял. И кинулся к Адриенне.

Перехватил ее величество, прижал к себе...

– Тише, тише, я рядом, все будет хорошо, тише...

Адриенна изворачивалась, но какое там вырваться! Все было бесполезно. Дан Санторо держал крепко. И руки разжал, только когда убедился, что королева не навредит ни себе, ни ребенку. Когда громкая истерика перешла в тихую и Адриенна начала просто рыдать в три ручья.

Тут уж можно было и гладить по черным волосам, и утешать, и фрейлинам кивнуть, мол, несите попить, дуры, стойте тут на входе, как клумбы, растопырились...

Фрейлины и потащили.

И воду со льдом, и напитки, и отвар валерьяны, который прописал дан Виталис... эданна Сабина даже самого дана Виталиса притащила. И ведь нашла!

Во дворце!

Кардинал незаметно сунул дану Виталису письмо, лекарь пробежал его глазами, ахнул – и закрутился рядом с королевой.

Адриенна была умыта, напоена успокоительным, причем все это – цепляясь за кардинала... без всяких чувств, просто вот так попало... он теплый, живой, рядом... она бы и за плюшевого мишку так цеплялась, и за кота, но кот оказался предусмотрительным и удрал. Он-то маленький, а королева крупнее. И слез сколько... он вам что, носовой платок?! Понятно, человека надо беречь, но ведь и кота тоже! А в таком состоянии перепутают еще с полотенцем, выжмут и выкрутят. Или вообще придавят... так что умный кот спасся бегством и теперь злобно шипел на всех из кресла.

Кардинал плюнул на все приличия и гладил королеву по голове, во всеуслышание уверяя, что вернется его величество и все будет хорошо, и вообще...

Адриенна рыдала.

Да хоть бы и не вернулся! Отца-то она тоже не вернет... вот теперь она окончательно сирота.

Как же больно.

Как отчаянно больно...

Постепенно успокоительное подействовало, и Адриенна уснула в руках кардинала Санторо. Он осторожно переложил ее на подушки и поднялся.

– Вот так...

Судя по взглядам, сегодня кардинала заужали все фрейлины. Разом. Не за его чин, а вот просто... за то, что он мужчина не только по названию. Бывает ведь и такое...

Адриенна всхлипнула во сне, и кардинал машинально погладил ее по волосам.

– Тихо-тихо... все хорошо, все будет хорошо...

Даже после слез.

Даже после истерики...

Так уж повезло Адриенне, что мраморно-белая кожа не краснела и не покрывалась пятнами, глаза не опухали, а нос не напоминал сливу. Она была похожа на очаровательную куклу. Красивую, точеную...

– Эданна Чиприани, вы с ней побудете?

– Да.

– Дана Санти? Если что – бегите сразу ко мне... – велел дан Виталис.

– Когда она должна будет проснуться? – уточнил кардинал.

– Часов через пять-шесть. Давать что-то более сильное я не хочу, может повредить ребенку.

– Если что, можете послать за мной. Дело пастыря утешать доверенные ему души.

Души смотрели так, что кардинал даже содрогнулся чуточку. Десять пар девичьих глаз, восторженных таких... брр... Челия смотрела исключительно на дана Виталиса. Как-то они за последнее время сблизилась.

Утешение Адриенне не понадобилось. Она поспала, отдохнула и смогла уже говорить об отце без истошного крика, который так и рвался из груди.

И о муже тоже.

Да-да, конечно, она из-за короля переживала. Что тут непонятного?

Всем всё было ясно. Королеву очень жалели и ждали, когда привезут его величество.

Кардинал Санторо смотрел в стену.

Что ж... это его шанс?

Вполне возможно.

Получить Адриенну, получить страну, свободную от проклятия, получить все?

Он вспомнил, как прижалось к нему гибкое сильное тело. Как он стискивал плечи Адриенны, как ее черные волосы метались по его груди, рукам... они мягкие, словно шелк.

Какая она...

Настоящая...

А запах!

Розы... и это не розовое масло, просто вся она пахнет розами. И это так замечательно...

Он сам не мог подобрать названия своим же чувствам. Любовь?

Да, безусловно. И восхищение, и желание быть рядом, и защищать, и беречь, и пылинке не дать упасть, и в то же время скрыть ее от посторонних глаз. Чтобы никто и никогда...

От одной мысли, что кто-то коснется ЕГО Адриенны, в глазах темнело.

Даже Филиппо...

Хорошо еще, что дан Виталис запретил любые интимные отношения во время беременности. А то...

Анджело трясло, когда поутру Филиппо выходил из покоев королевы с довольной улыбкой. Убил бы! Дважды и трижды!

Утешало только одно... Адриенна не выглядела счастливой.

Удовлетворенная, довольная мужчиной и жизнью женщина выглядит совсем иначе. У нее глаза сияют, у нее улыбка, она двигается так... словно кошечка, наевшаяся сливок.

Адриенна была не такой.

Она улыбалась, и светила, и согревала всех вокруг, но сама счастлива не была. Кардинал видел это, подмечал сотни и тысячи мельчайших деталей...

Если сейчас король умрет, кто встанет рядом с королевой? Кто утешит ее?

А если его привезут живым? Это также возможно...

Но ведь ухаживать за человеком можно по-разному. Правда?

Правда...

И об этом надо будет поговорить с королевой.

Неужели она не сделает правильный выбор? Не предпочтет любящего и опытного мужчину дурачку, который изменяет ей с дешевой шлюхой?

Должна предпочесть...

Кардинал поглядел на портрет Адриенны. Еще раз вспомнил ощущение гибкого тела в своих руках... и ладонь его привычным жестом отдернула рясу. Тоже... облегчение.

Хотя бы ненадолго.

Что же ты со мной делаешь, Адриенна...

Мия

Дана Виолетта Дзанелла!

Казалось бы, что такого?! Найти человека!

Дану, не крестьянку какую...

А вот ТО!!!

Для таких вещей Мие и превращаться не требовалось, надо было только мордочку подмазать.

Там сажа, здесь уголек – и готова почтенная ньора. Главное, волосы поглубже спрятать, а подходящая одежда у нее была.

Вот и особняк семейства Дзанелла.

Хороший, красивый, богатый...

Мия ждала.

Спокойно и уверенно ждала, пока не выйдет нужный ей человек. Мужчины не годятся – она сейчас не отобьется от мужчины. А вот женщина...

Да, вот эта подойдет.

Из особняка вышла ньора лет сорока. Явно служанка... к ней и подошла Мия.

– Ньора, здравствуйте.

– И вам доброго дня, ньора.

– Скажите, вы же служите в особняке Дзанелла?

– Служу... а вам-то что?

– А я вам хочу предложить немножко заработать. – Мия покрутила в пальцах золотой лорин.

– О хозяевах не сплетничаю! – отрезала служанка.

– А мне о живых и не надо.

– Че-го?

– Была такая эданна... или дана Виолетта Дзанелла. Мне бы о ней поговорить.

Служанка пожала плечами.

– Так она уж померла когда... там и кости истлели.

– Вот. Значит, и ущерба твоим хозяевам никак не будет?

С этим спорить было сложно. Не будет.

– Чего ты узнать хотела?

– Посидим, поболтаем? – кивнула Мия на ближайшую таверну. – Я плачу. А это тебе авансом.

Что такое аванс, служанка знала. Так что...

– Посидим...

* * *

За кружкой горячего вина с пряностями она и поведала о дане Виолетте.

Вроде как да, была такая, только померла давно. Хотели ее в монастырь, только род весь болезнью скосило, пришлось ей рожать...

И да, разрешил король ей сохранить имя рода.

Замуж она выходила... за какого-то младшего сына... как его звали, служанка и не помнила. Про дану-то сплетничали, потому что такое редкость. Чтобы королевское прошение, чтобы его величество разрешил род продолжить по женской линии...

Родила троих детей – вот один из них род и продолжил. А сама дана уж мертва давно. Лет двадцать как...

Мия только головой покачала.

Что-то она в этом сомневалась. Но...

– Никто про дану Дзанелла не спрашивал?

– Нет.

Все тихо, спокойно, неинтересно...

Вы мне хотите сказать, что ведьма вот так просто взяла и померла? Ой, да не смешите! Нет, что-то тут не то. Но...
Попробуем еще дану Кавалли.

* * *

Случай... он такой случай.

Когда идешь по улице и не замечаешь раскатанного пятна льда. Мальчишки, наверное... и сапожки начинают скользить.

Будь ты хоть трижды метаморф...

Мия дернулась. Не умом – чутьем она поняла, что сейчас произойдет. Она беременна, ТАК извернуться она уже не успевает... удар – и боль. И, возможно, кровотечение, потеря ребенка... НЕТ!

Только не это!

Она даже зажмурилась, понимая, что ничего не сможет сделать... Но сильная рука перехватила ее, дернула, возвращая равновесие.

– Дана, вы в порядке? – И уже совсем другим тоном: – Дана Романо?! Вы?!

Мия внимательно посмотрела на спасителя.

Кажется, она где-то уже его видела. Это красивое лицо, светлые волосы.

– Дан... э-э-э-э... Теско?

– Почти, – расцвел Сильвано. Хотя в другом случае был бы оскорблен до глубины души. Его не помнят?! Да он... да она... А, не важно! – Дан Сильвано Тедеско. К вашим услугам, дана Романо.

Мия искренне улыбнулась ему. С громадной благодарностью.

– Дан, вы мне просто жизнь спасли. И...

Плащ на секунду распахнулся, приоткрывая аккуратный животик.

Сильвано остолбенел.

Беременна?

Она... но – дана? Или...

Мысли пронеслись стремительным потоком, бушевали протуберанцами... и выплыло из них одно-единственное.

А наплевать!

Даже если она тройней беременна!

Ему нужна эта женщина, а значит, и ее дети! Точка!

– Дана, – пошел направо Сильвано. – Давайте-ка мы посидим где-нибудь в таверне. Проводить себя вы мне вряд ли разрешите, но хоть успокойтесь. И я буду за вас спокоен.

Мия прислушалась к себе.

Да, пожалуй...

Недавний испуг еще гулял в крови, и на ногах она стояла не вполне уверено.

– Я буду вам благодарна, дан Тедеско.

– Тогда прошу вас, дана Мия. Или – эданна?

– Дана, – отрезала Мия.

– А... – Взгляд Сильвано был очень аккуратным. Без похабщины, без избыточного любопытства. Расскажешь? Или не лезть?

– Дана, – еще раз кивнула Мия. – Но я люблю и своего ребенка, и его отца.

Сильвано что есть сил прикусил язык. Аж до крови.

Так и хотелось спросить: такого дурака? Он же тебя не оценил, не женился, на руках в храм не отнес, на коленях не умолял, чтобы ты за него замуж вышла... да что ты нашла-то в этом идиоте?

Промолчал.

Понял, что за такое Мия ему голову откусит.

И молча приоткрыл перед ней дверь таверны, заказывая две кружки с горячим ягодным взваром и свежие плюшки. Или что там еще есть из вкусного?

В таверне они просидели почти четыре часа, к немалому удивлению и Мии, и Сильвано. И было им отчего удивляться.

Они вдруг обнаружили, что им... интересно разговаривать друг с другом!

Это совершенно не отменяло любви Мии к Рикардо. Это совершенно не отменяло вольготного обращения с женщинами для Сильвано. Но вместе им было весело и интересно.

Оба родились в провинции, оба достаточно давно жили в столице, у них были схожие взгляды и вкусы...

И спустя четыре часа Мия расставалась с Сильвано даже с некоторым сожалением.

Но встретиться?

Мия подумала несколько секунд. И нашла выход.

– Дан Тедеско... то есть Сильвано. Это второй раз?

– Да.

– Первый раз я помогла вам. Второй – вы помогли мне.

– Все верно, дана Мия.

– Если судьбе будет угодно, чтобы мы были вместе, она сведет нас третий раз. И тогда я не стану протестовать. Если буду свободна.

Хорошая отговорка, правда?

Мия была уверена, что Рикардо на ней женится. Но... и обижать Сильвано? Ей решительно не хотелось. Он хороший...

Сильвано принял приговор со стоицизмом влюбленного.

– Что ж, дана Мия. Я повинуюсь судьбе. И верю в нее. Но могу я вас попросить об одном?

– Да?

– Если случится так, что вам будет нужна помощь... теперь вы знаете мой адрес. Приходите в любое время. Я предупрежу слуг – даже если меня не окажется дома, они все сделают для вас.

– Благодарю вас, дан Сильвано.

Мия решительно вышла из таверны.

Она любит Рикардо. И идет домой. А это... а что такого? Два приятных человека могут просто поговорить, и в этом нет ничего страшного.

Сильвано проводил женскую фигурку тоскливым взглядом.

Мия... ох, Мия.

Пусть судьба подарит нам новую встречу! Пожалуйста... пойти, что ли, свечку в церкви поставить? Смешно?

А вдруг...

Сильвано Тедеско вышел из-за стола, расплатился и направился в церковь.

Бывает же такое! Находишь Ту Самую... и вынужден отпустить. Именно потому, что Судьба не слепа и не глупа. У них еще будет шанс... и сейчас он за это крепко помолится...

Мия...

Миечка, любимая...

Адриенна

Джеронимо и так-то не мог на судьбу пожаловаться. А чего?

Если кому понимающему сказать, так любой сообразит: везунчик! Вот смотрите сами. Мать, отец на месте! Батька не пьет, разве что по праздникам, мать не лущует, руки у него нужным краем приделаны... столяр он знатный. Только вот у Джеронимо душа к дереву не лежит. Вот у братца Карло – дело другое. Ему ветку дай, он из нее осадную башню смастерит! А Джеронимо никак.

Отец, опять же, ломать сына не стал. Другой бы рассердился, мог бы и оплеух надавать, а батя махнул рукой да и поговорил со свояком. И пристроил сына к стражникам. Пока на «подай-принеси», а там и еще куда сойдет?

Джеронимо это оценил по достоинству. И работа ему понравилась. Постепенно он и сам стражником станет, а там... деньги, домик может от города перепасть, а то и женится удачно со временем. Дети пойдут...

Потом ему еще повезло, когда его не заметили эти... сатанисты.

Брр, даже вспомнить ту бабу страшно! Какая она была жуткая... и на руках кровь, и на лице, и улыбка эта... вот улыбка и была самым страшным. А все остальное – так, ерунда.

Хотя Энрикетту Бальди ему жалко. Бедная, как она кричала... вспомнить страшно!

Джеронимо до сих пор кошмары мучили. Это днем он мог рассказывать себе, что все в порядке, что все будет хорошо, а ночью... он кричал от страха и боли, он корчился от ужаса, и приходил кто-то из братьев монахов. Они поили Джеронимо разведенным вином и молились рядом с ним. И ужас куда-то исчезал постепенно.

Братья, вопреки своей жуткой славе, оказались тоже весьма и весьма неплохими людьми. Неглупыми, спокойными, очень серьезными... рядом с ними можно было ни о чем не беспокоиться. А еще...

Джеронимо разрешили надевать рясу ордена. Не просто так, нет... ему потом простят этот грех. Но сейчас ряса нужна, чтобы он смог бывать во дворце.

Монахи приняли к сведению его слова про благородную дану... или эданну, кто ее там разберет ночью? А раз благородная, рядом со столицей... значит что?

Значит, бывает при дворе. И ее можно там увидеть.

Вот и выгуливали Джеронимо, словно породистого кобелька на веревочке. Но пока он никого такого не видел.

Может, и не увидел бы.

Или не узнал. Но...

* * *

Просто так эданна Франческа сейчас при дворе не появлялась. Притихла. Якобы не хотела попадаться на глаза королеве. А на самом деле... боялась. Доминиканцы... может, Филиппо ее и отобьет. А если нет? Проверять не хотелось.

Но когда его величество привезли...

Тут безвыходно.

Ладно, если он помрет, тут по-любому в ссылку. Если вообще жить оставят. А если выживет?

И узнает, что любовница, да еще любимая, не была у его ложа?

Не встречала?

Не рыдала?

Это конец. Или такая трещина в отношениях, которую не замазать ничем. Одно дело, если Франческа пыталась, а злая королева прогнала ее со двора. Вот какая бяка нехорошая!

Другое... Она даже и не пришла. А чего? Выживет – сам заявится... А уж как это королю преподнесут... Ческа и думать не хотела.

Так что – во дворец.

Попала она вовремя: как раз подъехали кареты, и из самой большой медленно вытащили носилки. Осторожно так... чтобы не потревожить рану.

– Любимый!!! – завизжала эданна и помчалась по ступеням. Естественно, потеряв половину шпилек из прически: грива-то – куда там конским! Волосы рассыпались, платье задралось, показывая стройные ноги...

Носильщики шарахнулись от неожиданности.

Королева просто не успела. Он была в курсе, что его величество подъезжает, но... токсикоз – сложная штука. Вот поплохело – и хоть ты локоть укуси!

Тошнит и тошнит...

Так что к моменту появления Адриенны эданна Ческа всю изображала скорбь у носилок. А стонала так, что носильщики боролись с желанием бросить все и зажать уши. Эданна относилась к тем женщинам, которым нельзя повышать голос. Так он и красивый, и мелодичный, но на высоких нотах... как кошке на хвост наступили, да еще попрыгали.

Адриенна обзрела все это, спускаясь по ступенькам, и тихо скомандовала:

– Прекратить бардак!

Эданна Франческа обернулась к королеве.

Вот в эту секунду и увидел ее Джеронимо. И...

– ОНА!!!

По счастью, рядом с ним был брат Томазо, который схватил паренька за локоть, потащил в нишу...

– Кто?!

– Та... ведьма!

– Которая?

– В белом и алом, с золотыми волосами.

Точнее описать эданну Франческу было бы и нельзя. Но... описать-то ладно! А что с этим дальше делать? Она ж не просто так эданна, она королевская любовница, любовь... это уже не охота на ведьм, а политика. Связываться может оказаться себе дороже...

– Выгляни, посмотри. Точно та?

Джеронимо выглянул – и утвердительно кивнул.

– У нее и лицо, как тогда. А кто это?

– Королевская любовница.

– Ой... ой...

Второе «ой» было куда как более непечатным. Но и Джеронимо можно было понять.

Доминиканец размышлял, а возле носилок разворачивалась настоящая баталия.

– Я его люблю!!!

– Ты можешь любить кого угодно, – отрезала Адриенна. – Но не смей устраивать представление из болезни моего мужа!

– Ты... ты просто его не любишь!

– Неужели? – Адриенна красноречиво натянула ткань на животе. Правда, пришлось изогнуть спину и выпятить его, но и так сойдет.

– Это... это...

– Вон отсюда. И чтобы я больше истерик рядом с больным не слышала! Срочно его величество в его спальню, дан Виталис уже там!

Франческа проводила носилки трагичным взглядом и упала на колени.

– Смилуйтесь! Ваше величество, умоляю... я люблю его!

– Я вам это запрещаю?!

– Не лишайте меня возможности его видеть! Прошу!!!

Адриенна фыркнула. Но концерт оценила, а хорошие представления должны и хорошо оплачиваться, разве нет?

– Сегодня дан Виталис осмотрит его величество. Потом я сообщу вам, в какое время вы сможете бывать у него. Все же за эти... сколько... пятнадцать лет? Или двадцать? Филиппо так к вам привязан... это так романтично...

И уже вполголоса, так, чтобы слышали очень немногие:

– Как к старым тапочкам и драному креслу...

Франческа побелела от гнева, но здесь и сейчас Адриенна сделала ее «вчистую». Пришлось кидаться на колени и благодарить. Ей же разрешили!

Жертву из себя соорудить не выйдет. Королю пожаловаться – тоже. Ее же не выгоняют... а что до времени... ну и что? Это как раз нормально. Так что эданна еще раз поклонилась – Адриенна махнула ей рукой и ушла. Ее ждали дан Виталис и король.

* * *

– Что скажете, дан?

– Ничего хорошего, ваше величество. Раны серьезные, да еще антонов огонь... я все промыл, перебинтовал... молитесь. Просто молитесь.

Можно подумать, у Адриенны был другой выход.

– Перенесите его величество в мои покои. В комнату, смежную с моей спальней. Чтобы я могла быть с ним рядом.

Придворные жест оценили. А еще...

– Эданна Франческа может навещать моего супруга каждый день. С восьми утра до десяти утра. Я как раз молюсь и завтракаю, так что мне она не помешает.

Эданне и это пришлось поперек шерсти. Восемь утра!

Да что это за издевательство?! Она в это время и не вставала никогда, вот еще!

Но... королева была всеми признана образцом супруги.

Добрая, ласковая, понимающая, сама к королю встает, сама его поит, сидит рядом с ним, и, ей-ей, в ее присутствии он даже бредит меньше!

Это ж как надо мужа любить!

Пусть она этого не показывает, так ей и не положено! Чай, не простолюдинка какая – мужикам на шею кидаться! Благородная, понимать надо!

Мия

Дана Илария Кавалли.

О, эту помнили.

В отличие от даны Дзанелла, которую и слуги забыли, и соседи, и родные, дану Кавалли помнили все.

– Потрясающей красоты женщина была, – рассказывал привратник, помнящий еще Филиппо Второго. – Такая... ух!

«Ух» было действительно впечатляющим. Как дама при таких объемах вообще передвигалась, непонятно. Но – УХ!

– А вот смотрела... мне и посейчас страшно, как вспомню. Словно она голодный и злой хищник, а ты ее обед...

Примерно в том же ключе высказывались и остальные опрошенные.

Как-то раз Илария выплеснула в лицо неуклюжей служанке содержимое ночного горшка. Другой воткнула в руку шпильку. Третьей...

Сплошная тирания.

Платила она щедро, но характер... ох уж этот характер! Ужасный!

Отвратительный!

Она не ругалась, нет. Не кричала, не истерила, она либо уничтожала словами. Либо...

– Я думаю, ведьма она была, – признавалась шепотом кухарка. – Характер у нее такой... сказать страшно! А подумать – жутко.

– Да?

– Никого она не любила, никто ей был не нужен, словно ты в сугробе стоишь... а сверху на тебя еще давят, давят...

Мия внимательно кивала.

– Когда дана умерла, все перекрестились... и то боялись – встанет... в гробу лежала как живая.

– А когда она умерла?

Названную дату Мия сравнила с датой смерти Виолетты Дзанелла.

Получалась разница примерно в десять дней. Хм...

Допустим, обе ведьмы не умерли. Просто инсценировали свою смерть... кстати...

– А церковь ею не интересовалась?

– Еще как! Особенно перед смертью! И падре приходил, и расспрашивал, и монахи... я-то помню...

Мия потеряла кончик носа. Потом спохватилась, что может грим смазать, и руки убрала.

Но идея ей была понятна.

К ведьмам начинает проявлять интерес церковь. К одной или к двум – не важно. Действительно не важно... если возьмут одну, то и о второй узнают. А это...

Ладно ведьма. А как насчет ее родни?

Они тоже страдают, да еще как! Их будут преследовать, их лишат титула и состояния, они станут отверженными...

И вот сначала исчезает одна ведьма. Потом вторая. Первая неизвестно где.

Вторая умерла в СибЛевране.

А вот где искать первую?

Мия сидела над записками даны Иларии Кавалли, но пока вариантов не видела. Куда ее могло занести, эту дану Дзанелла?

Да куда угодно!

Читаем дальше. Ищем, ищем, ищем...

Адриенна

Сиделка – это просто?

Да вот еще!

Вы не путайте, пожалуйста! Для того, чтобы подносить утку, обрабатывать раны и прочее, есть ньоры. У них работа такая.

А эданна Франческа должна сидеть рядом, вытирать королю пот со лба батистовым платочком, вздыхать, держать его за руку...

Это совсем другое!

И должна выглядеть великолепно на случай, если король очнется.

Вот она так и выглядела.

Белейшее платье, рубиновые украшения, тщательно уложенные золотые кудри...

Адриенна рядом с ней смотрелась жутковато. Бледная, усталая... она только рукой махнула. И эданна Франческа лебедью поплыла в королевские покои.

Ага... большой лебеди – большая киса.

Нурик сидел в засаде.

Кто сказал, что коты – глупые? Да у него у самого мозгов, как у мыши! Очень это звери умные, и хитрые, и все-все понимают. А уж как людей дрессировать умеют – королям на зависть!

Ни меха с кота не получишь, ни мяса, ни яиц, а как за ним ухаживают? Как возятся?

То-то же...

И коты умеют быть благодарными.

Вот эта... крыса в рубинах приходит тут, расстраивает его хозяйку... сидит, ничего не делает, только вздыхает...

Добавим ей красоты и радости в жизни?

Однозначно.

Кот решил далеко не ходить и устроился в засаде аккурат над дверью.

Да, есть и такое.

Двери высокие, щели есть, поэтому над дверью висит карниз, а на нем тяжелые портьеры. Задернуть – и сквозняков меньше, и подслушать что в спальне происходит сложнее. А над карнизом – лепнина. И там прекрасно помещается кот.

А карниз-то...

Эданна Ческа сделала шаг в королевскую спальню.

Кот прыгнул.

Не на эданну, вот еще! Визгу потом будет!

На карниз.

Тот не выдержал кошачьего веса и предсказуемо вылетел из стены. А то ж! Кот на него раз двадцать прыгал только за последние два дня, тут любые крепления расшатаются. Плюс правильная точка приложения усилий.

К сожалению, карнизом эданне Франческе не досталось. А вот портьерами... достаточно пыльными, да еще и известкой...

Вопль, который вырвался у эданны, был так ужасен, что очнулся даже его величество. Посмотрел на чудовище, которое металось по комнате – и опять ушел в обморок. Точно... сейчас сожрет!

Пусть хоть не больно будет.

Впрочем, он мог бы на кровати и попрыгать. Никто бы сейчас на короля внимания и не обратил: эданна Ческа приковала все взгляды к себе.

Пока выпутали, сдерживая смех, пока отряхнули...

К сожалению, кошачья роль в случившемся осталась неизвестна широкой общественности. И награды тоже не дали.

Ну ничего!

Хороший кот для родного государства и бескорыстно постарается. Вон как хозяйка порадовалась... может, еще шкаф на визгуху в рубинах свалить?

Или комод?

Нурик решил серьезно обдумать этот вопрос. А там и попробовать... Коты – великая движущая сила^[1].

Время у кота еще было. Король находился на грани между жизнью и смертью, и Франческа шлялась к нему каждый день – сидеть рядом. Так что... шкаф – или комод?

* * *

Раны действительно воспалились.

Филиппо бредил, звал Ческу, звал отца, мать... пытался куда-то бежать, кого-то спасать... почти не приходил в себя, все гноилось...

Остальных охотников тоже разместили во дворце. На этом настояла Адриенна. В отдельном крыле, но все же, и ходил к ним личный королевский медик, и она раз в день обязательно заходила.

Народ был в восторге.

Эданна Ческа готова была рвать и метать. А объяснялось-то все достаточно просто.

Адриенна помнила слова Морганы.

Она – свет и радость для живущих на ее земле. И будет согревать и помогать... даже своим присутствием. Если вспомнить дана Рокко Вентурини, который до сих пор жив-здоров... хотя помирать еще пять лет тому назад собирался...

Да, так это и выглядит.

Она просто будет рядом, а людям будет легче. И раны затянутся.

Положа руку на сердце, Адриенна с удовольствием лично бы пришибла супруга. Она была уверена, что ради такого и траур поносить можно, и синяя лента ей идет.

Но...

Пока нельзя. И трон Адриенна пока не удержит, она не настолько уверенно сидит. И ребенок еще не родился, а мало ли что? И проклятие не снято...

Нет, рисковать последним живым Эрвлином пока нельзя. Но и афишировать свои способности тоже.

Остается сидеть и сидеть рядом. И ждать, пока он выздоровеет.

И все бы у Адриенны получилось намного легче, но...

Волки-то были не обычные!

Не оборотни, не Леверранские чудовища, но... то-то и оно, что но! Раны, нанесенные их когтями и зубами, нипочем не хотели заживать. Эти твари стремились утянуть за собой тех, кого пометили.

Может, Адриенна и сдалась бы.

И махнула бы рукой, и... ей нельзя было пускать дело на самотек. И она вспомнила о единственной, кто мог дать совет.

Моргана.

Оставалось попросить кардинала о помощи. И отправиться молиться в часовню.

На всю ночь.

Кто бы сомневался, содействие кардинала она получила. А в легенду о доброй королеве добавилась еще одна подробность.

Королева-де решила ночь на коленях в храме простоять. Лишь бы мужу помогло...

Женщины оценили.

Мужчины?

Тоже оценили. Чтобы нашлась такая баба, которая побежала не к любовнику, а в храм? Даже подумать – и то приятно. Вот, они бы заболели, для них бы тоже... вот так... ночь на коленях, в молитве... повезло королю. Что тут еще скажешь?

Повезло.

* * *

– Моргана, что мне делать?

– Ты еще не догадалась?

– Нет...

– Это не обычные твари. В каком-то смысле это Адские Псы. Ладно, не те, с которыми сцепилась в свое время я, только их подобия, но вам и того достаточно будет.

Адриенна и не сомневалась.

– Только их мне еще не хватало!

– Это уже детали, внучка. Значит так. Нам подходят огонь, серебро и святая вода. Приносишь святую воду, промываешь рану с молитвой.

– А если не поможет?

– Берешь серебряный кинжал. Именно серебряный, это важно. Раскаляешь и прижигаешь...

– Ой...

– Ничего приятного в этом нет, но и другого варианта тоже нет. Огонь, вода и серебро – только так можно побороть нечисть. Если бы местные, кто там их нашел, сразу святой водой раны промыли, пострадавшим бы легче было. А сейчас уж не знаю, что и поможет... считай, декада прошла.

– Да.

Моргана кивнула.

– Я сказала, а ты меня услышала. Сделаешь?

– А обязательно мне прижигать?

Моргана качнула головой.

– Нет. И необязательно, и нежелательно... зрелище будет не из приятных: орать будут, корчиться... даже от святой воды им неприятно будет, а уж это...

– Можно подумать, если просто прижечь рану... это приятно!

Моргана только хмыкнула. Вот вечно эта мелочь старается стать умнее старших! Ну да ладно, хуже, когда наоборот! Когда не стараются быть умнее, когда попросту прожигают жизнь.

Это страшнее.

– И просто прижечь рану будет больно и неприятно. Но тут... лучше даже не присутствуй при этом.

– Хорошо, – согласилась Адриенна, – не буду. А святой водой мне промывать?

– Решай сама. Но человека лучше зафиксировать. Крепко.

– Сделаю. – Адриенна вспомнила о том, о чем давно хотела спросить: – Моргана, ты не помнишь Эванджелину Бонфанти?

– Эви? Помню...

Была б Адриенна кошкой, у нее бы ушки торчком встали.

– А подробнее можно? Потомком кого она была, что, как... просто Феретти – ее правнуки...

Моргана взмахнула рукой.

– Мой тысячеликий, Фабрицио, потомства не оставил. Не успел. Нового у меня не было. А Эви... из потомков тысячеликой Диэрана.

– Ветреного?

Моргана утвердительно кивнула.

– Каков хозяин, таков слуга. И потомков у него было мно-о-ого...

– А если я привяжу к себе кого-то из них?

Моргана пожала плечами.

– Привязывай.

– А Эванджелина... у нее была связь с Лоренцо?

– Была.

– Но почему тогда... почему она ушла?

– Потому что моего правнука больше не было. Потому что она была нужна своей семье. Потому что кровь Сибеллинов была спасена и спрятана. И не думай, что Эви ушла просто так, она приезжала ко мне несколько раз.

– Да?

– Проклятие... когда я его наложила, это ощутили все. И в чем-то я виновата и в ее трагедии.

– В том, что толпа напала на ее родных?

– Нет. Но в безумии, в том, что сила уснула... Тысячеликие сильно зависят от нашей крови, и, если она принялась разрушать самое себя, им тоже приходится несладко.

Адриенна потерла лоб.

– Минутку. То есть я приняла наследие, и кровь...

– Начала просыпаться. У этой девочки, правнучки Эви, у ее брата...

– Мия говорила, что у нее даже раньше.

– И такое могло быть. Если потрясение, если смертельная опасность. Тогда там любая кровь запоет, все равно же помирать!

Адриенна кивнула.

– Я понимаю. А потом, когда я приняла себя...

– И ее способности стали развиваться быстрее и легче, и ее брата.

– А почему влияли мы, а не потомки Диэрана?

– Эви была привязана к Лоренцо, а не к потомкам Ветреного. Если бы ее дочь привязать к кому-то другому... понимаешь?

– Но потомков Высокого Рода она не нашла.

– Ей было плохо. Гибли ее близкие, она сама боролась с проклятием, приглядывала за СибЛевраном... Так получилось. И, кстати, мне известно, что и потомкам Диэрана досталось в то время.

– Демарко? Да?

– Почему они прозябают в такой пошлой бедности? Потому что были на стороне моего правнука. Вот и все... там почти весь род тогда выбило.

– Мия не рассказывала.

– Она могла и сама не знать. Сто лет тому назад... для людей все это былшем позаросло. Так много забыто, так много потеряно.

– Хорошо, что у нас есть ты.

Моргана пожала плечами.

Хорошо?

Не будь ее, не было бы проклятия. Не будь проклятия, не было бы ее величества Адриенны. А кто был бы?

Неизвестно.

Но может, этот человек был бы счастлив?

Кто знает...

– Со временем ты сама научишься пользоваться моей памятью. Моими знаниями. Родовыми.

– Это как?

– Меч – защита. Кольцо – признание власти. Корона – память. Постепенно будут пробуждаться родовые знания, знания крови... да, ты не сможешь нарисовать рунный круг или призвать демона, но это и ни к чему. Память будет просыпаться постепенно. У тебя, у твоего ребенка, потом внуков...

– Хорошо. Я поняла.

– А раз поняла... – Моргана к чему-то прислушалась. – Иди скорее вверх. Мне кажется, кто-то идет.

Адриенна почти взлетела по узкой лестнице.

Токсикоз?

Страх оскользнуться?

Куда там! Ее бы не то что страхи – ее бы никто и ничто не догнало! Она бы ветер опередила!

И успела!

И захлопнуть потайную дверь, и плюхнуться на колени на специальную подушечку, и изобразить молитву... хотя так и так слова выходили совсем не те. Вместо молитвы – мат какой-то...

Кого черти принесли?!

Заберите обратно, а?! Она даже доплатит!!!

* * *

Носят ли черти кардиналов? И если да, то куда?

Адриенна теперь ответ знала.

Кардинал Санторо вошел в часовню с таким видом, словно ему принадлежит и дворец, и парочка королевств, и остановился рядом с Адриенной.

– Ваше величество...

Адриенна кивнула, еще несколько секунд приводила в порядок дыхание, изображая молитву, а потом повернулась к кардиналу.

– Дан Санторо? Что привело вас сюда в такое время? Я думала, я буду одна.

У нее даже голос не дрожал! Достижение!

И только тут она обратила внимание на внешний вид кардинала.

Шикарная шелковая ряса, которую и назвать-то этим пошлым словом язык не поворачивается. Скорее одеяние.

Уложенные волосы, ухоженная бородка, запах благовоний такой, что даже ладан не чувствуется... да что тут происходит, черт побери?!

Ответ себя долго ждать не заставил. Век бы его не слышать!

– Адриенна... разрешите мне звать вас именно так?

Адриенна подняла брови. Ее так и зовут. А что?

– Адриенна, я вас люблю.

Ей очень захотелось постучаться головой о молитвенник. До пола далеко, а больше ничего подходящего рядом нет...

– Эм-м-м... дан Санторо...

– Анджело. Просто Анджело. Адриенна, я помню, как вы появились при дворе. Вы были красивы, умны, очаровательны, вы были еще ребенком, но женственность уже расцветала в вас. Манила, притягивала... Филиппо идиот, что вас не оценил. Как можно предпочесть вам дешевую вульгарную шлюху? Это даже не смешно! Но именно благодаря его глупости у меня появился шанс! Когда вы приехали вновь, я с ума сходил, я понимал, что вы предназначены мне судьбой, но ничего, ничего не мог сделать! И сам соединил вас с другим! Если б вы знали, как мне было больно...

Адриенна вспомнила свою брачную ночь.

Нет-нет, ей больно не было. Только кардиналу... правда?

А что он там говорит?

– Тогда у меня не было шансов! Но сейчас, когда его величество умирает...

– С чего вы так решили? – удивилась Адриенна.

– От этих тварей нет спасения. Он умрет, просто чуть позже.

– Не умрет.

И так это было сказано... конкретно и увесисто, что кардинал аж притормозил со своей любовью.

– Адриенна? Вы...

– Я знаю, как его спасти.

– Зачем?! – и такое искреннее удивление в голосе. – Вы его не любите, я знаю. А я... я люблю вас. И помогу удержать страну. Вы

будете править, пока ваш ребенок будет малышом, а я... я всегда буду рядом.

На миг Адриенна прикрыла глаза.

О, не говори она с Морганой, не дружи она с Мией, не будь она Сибеллин! Сибеллин, которая давала клятву.

Филиппо пусть решает для себя.

Адриенна точно знала, что она клятву не нарушит. Хватит с них уже... и проклятий, и горя, и боли... может, откат ударит по ней. Это нестрашно. Но если по ее детям?

Нет. Заранее нет.

Но глаза Адриенна на миг прикрыла. И представила себе... как это легко! Как просто и приятно! Чудесно и вдохновенно! Разве нет?

Позволь себе сейчас расслабиться и упасть в объятия кардинала. И ничего тебе делать не надо. Вообще ничего. Ни спасти Филиппо, ни бороться с Франческой, ни решать... все решат за тебя. Может, даже и сын твой выживет. Если будет удобной куклой, как и ты. А может, и нет...

Чего стоит любовь, выращенная на подлости?

Чего стоит счастье, полученное через чужую кровь, чужую боль...

Адриенна знала ответ. И когда черные ресницы поднялись вновь, кардинал даже отшатнулся. Глаза Адриенны сияли нестерпимоголубым светом, точь-в-точь как у ее далекой прабабки. Именно сейчас и здесь она окончательно стала наследницей Сибеллинов. Потому что никто, никто не может отдать наследие, если ты его не примешь.

Всей своей кровью, душой, сутью...

– Ваше высокопреосвященство, мой ответ – нет.

– Что?!

– Я вас не люблю. Я не хочу становиться вашей куклой на троне. И да, мой муж не ангел и любит не меня, но я его спасу. А там пусть решает сам, что делать со своей жизнью.

– Дура!!!

Когда это мужчины спокойно принимали подобные отказы? Адриенна услышала о себе кучу всего неприятного. И что она дура, и что ее выкинут, и что она отказывается от потрясающих перспектив...

И слушала она это с таким потрясающим равнодушием, что кардинал сбился примерно через пять минут. А может, еще и взгляд мешал.

Сложно чувствовать себя самым умным и важным, когда сапфирово-синими глазами на тебя равнодушно смотрит вечность. Спокойно так, безразлично...

Адриенна знала, что поступает единственно правильно. А остальное...

Остальное в воле Бога. Того самого, о котором точно знают Крылатые. Когда ты ТАМ, наверху, и только ты и небо, вечное и мудрое... и ты понимаешь, что Бог есть. И это он смотрит на тебя с любовью. Или Бог есть любовь?

Наверное, и это тоже.

Только есть любовь – и любовь.

Не вырастишь розу в пустыне на голом песке, не вырастишь и счастье на подлости. Кричи не кричи, рано или поздно придет ответ. И будешь ты кричать уже от боли, ты или твои дети... что еще страшнее... вот как с Морганой.

Как с Эрвлинами.

Они так хотели успеха. Они так хотели себе больше и больше... они пошли на откровенную подлость и сейчас за это платят их потомки. Филиппо Третий понял. Четвертый?

Может, и поймет. Если жизнь носом об стену постучит как следует. А может, и нет...

В любом случае решать это не кардиналу. И не Адриенне. Она перед алтарем клялась в верности, убийство – это явное нарушение клятвы. И согласие на подобные предложения тоже. Но не объяснять же это кардиналу?

Вот еще не хватало.

Когда королеве это вконец надоело, она встала и пошла к двери.

– Ваше высокопреосвященство, всего вам наилучшего.

– Ты... ты...

Кардинал задыхался, не в силах поверить, что его... ЕГО отвергли! Вот его, такого... он же потрясающий мужчина, от него все придворные дамы пищат, если он захочет – любая счастлива будет! А эта...

Эта смотрит словно на слизня!

Да как она смеет вообще?!

– Я тебя уничтожу!

Адриенна даже не обернулась. Слова повисли в воздухе, словно и не коснувшись ее. Глухо стукнул засов.

Фрейлины послушно ожидали. Дремали... Адриенна сделала самое благочестивое лицо.

– Мне надо срочно повидаться с падре Ваккаро и даном Виталисом! Я молилась и теперь знаю, как спасти его величество!

Уточнений никто не потребовал. Эданна Сабина потащила ее величество домой, а прочие фрейлины разбежались по поручениям королевы.

Надо?

Будет ее величеству и дан Виталис, и падре Ваккаро, и хоть кто... только прикажи! Главное, чтобы королева себя хорошо чувствовала, а что уж ей там в голову придет...

Переубедить всегда можно.

* * *

Если бы ярость была видна... ну, хотя бы ее можно было изменить... старая часовня до краев наполнилась бы ее зловонными миазмами. Кардинала трясло от гнева.

Полетела в стену скамья, вторая...

Гнева это, правда, не уменьшило. Мужчина был в ярости.

Он! Ей! Все!!!

А она?!

Ладно еще он сам! Тут понять можно... ненависть, конечно, клокотала и пенилась, но кардинал был слишком умен и рассудочен, чтобы отрицать логику.

Баба же!

Мало того что они по определению дуры, так еще и беременная! И вы хотите сказать, что это способствует ясности мысли? Да как беременные чудят, ни одному лекарю в голову не придет! Одну дуру зимой теплой водой отливали... пришла к подруге, позвонила в колокольчик у ворот, а потом смотрела, смотрела, да и захотела его лизнуть. Ага, зимой, на морозе...

Но вот так захотелось, что аж челюсти свело!

Лизнула – и примерзла. И это не единственный случай. Пастыри душ человеческих такого наслушаются... так что ладно! Мозгов у баб нет. Это факт.

И то, что королева... ну показалось ему, что умная. А она тоже дура. Это бывает. Может, еще и он поспешил со своими чувствами.

Но власть!

Кто отказывается от ВЛАСТИ?!

Он ведь ей предложил править! Предложил корону... сам он жениться на королеве не смог бы, это понятно: сан не позволит. Поэтому правили бы совместно, он бы говорил, что нужно, а она делала...

А она и на это не согласна.

А почему?

Может быть... она хочет все для себя?

А вдруг?

Может быть и такое...

Кардинал сощурился.

Об этом он как-то не подумал. Не сообразил. А тем не менее... это Филиппо болван. Неглупый, но равнодушный ко всему, кроме своей Франчески. Его вокруг пальца обвести – хоть шесть раз. Адриенна дело другое, казначей ее хвалит. А чтобы эта старая тварь кого похвалила... да раньше небо на землю упадет!

И канцлеру она нравится.

И министру двора.

И... положила руку на сердце, ему самому – тоже...

Это что же происходит?!

В отличие от того же Филиппо, историю кардинал отлично знал. И как правили королевы... тоже. Она что... она собирается править сама? Без него?

Пальцы хищно скривились.

Любовь? Любовь была скомкана и отброшена в сторону, словно старая тряпка. Кардинал отныне воспринимал королеву как конкурента. Жестокого и умного.

А значит, и щадить ее не стоит.

Признание? Отвергнутая любовь?

А этого вообще и не было! И точка!

Погоди ж у меня, тварь!

Адриенна о кардинале и вовсе не думала. Вот не до него было. Вместо этого она разговаривала с падре и лекарем. С обоими сразу.

– Я молилась, – вещала она. – И мне привиделась женщина, которая рассказала об этих чудовищах. Она сказала, сие есть порождение Дьявола. И раны не заживут, пока их не вскроют серебряным клинком и не промоют святой водой. А если рана слишком глубока, ее надо прижечь. С молитвой.

– Святая вода? – пробормотал дан Виталис. – Н-ну...

– Святая вода, серебро и огонь, – четко озвучила Адриенна услышанное от Морганы. А что? Она даже не лгала. Она молилась. Она получила ответ. А кого вы там себе вообразили, ваши личные трудности.

Мужчины переглянулись.

С одной стороны... о беременных бабах у них было примерно то же мнение, что и у кардинала.

С другой... а что такого невероятного говорит королева? Леверранское чудовище видели оба, и оба считали, что такая тварь сама по себе не вырастет. А раз это не Божье творение, то дьявольское. Это понятно.

Если волки той же природы... а ведь могут! Мужчины их хоть и не осматривали, но... то-то и оно, что но! Святой водой раны никто не промывал. А если действительно попробовать? Да с молитвой?

Может оно навредить?

Знаете, ситуация такова, что навредить там уже вряд ли что-то сможет. Раны хорошо заживают разве что у Делука, но там не совсем рана. Там клыки размозжили плечо, но в тело-то клыки не вонзались! Потому и заживает...

А вот у остальных...

Да, стоит попробовать!

Мужчины переглянулись, и падре Ваккаро решился.

– Я... мне нужна вода и соль. И я освящу воду...^[2]

– А я пока найду клинок, – вздохнул дан Виталис. – Серебром мы мало пользуемся, металл мягкий, не заточить...

– Нужно серебро, – развела руками Адриенна. – Не посеребрение, а именно что серебро.

– Я понял. Будет. И жаровня... но начнем мы не с его величества.

Падре согласно кивнул.

Адриенна пожала плечами.

– Как хотите. Я могу присутствовать?

– Да, конечно, ваше величество, – ответил за двоих лекарь. Адриенну он оценил по достоинству: эта не будет кричать, плакать, падать в обморок... в крайнем случае сядет в уголочке и посидит спокойно.

– Еще одно. Это будет чем-то сродни экзорцизму. Человека будет корезить, он будет кричать, корчиться...

– От святой воды? – серьезно посмотрел падре.

– Сами увидите. Поэтому до начала очищения бедняг надо будет привязать.

Мужчины закивали.

Ладно, это и при других процедурах рекомендуется. А с остальным... посмотрим.

Мия

К служанкам эданны Франчески Мия подойти не рискнула. Девушки выглядели такими... злобно-зашуганными. Сразу было видно, что им достается от хозяйки.

Но и сами они смотрели на мир нежными взглядами голодных гадюк. По себе, что ли, подбирала?

У таких ничего не выпросишь...

План пришлось менять на ходу.

Таверна – место бойкое, оживленное, и никто из конюхов, решивших пропустить чарочку после тяжелого дня, не удивился, когда хозяин, кланяясь и извиняясь, попросил разрешения подсадить им за стол парнишку.

Поест да и уйдет... уж пожалуйста, ньоры, не гоните? Мальчишка хороший... коней любит...

Ньоры гнать и не стали.

Парнишка сидел, жевал кашу из большой миски, потом как-то вставил слово в разговор, потом второе...

Конюхи и не поняли, что примерно через полчаса рассказывали парню об арайцах, которые стоят в конюшне эданны.

И такие они, и сякие, и красавцы, и умницы...

Мия кивала, поддакивала. Да, арайцы – они такие! Не конь – чудо! Просто чудо! Небось эданна и на корма не скупится? Как же можно на такую красоту – и жалеть?

Нет, не скупится. При всех недостатках эданны Франчески к своему имуществу она относилась очень трепетно и нежно. Лошадь – это имущество. Оно ценное, важное, нужное...

Кстати, как и карета.

И паланкин.

Вот носильщики... тех она не слишком берегла: новых найти всегда можно. А паланкин жалко! Там отделка из жемчуга! И полог из бархата! Пурпурного!

Вот об этом и говорили конюхи. Мия слушала, поддакивала, и быстро выяснила, что эданну Франческу частенько так отвозили в один и тот же дом. На одно и то же место.

Ивовая улица называется.

И домик описали, зелененький такой, уютненький, там еще шесть ив рядом, хотя они там везде, но вокруг этого дома – особенно. Там даже маленький фонтан во дворе есть.

А все равно неуютно.

Казалось бы!

Ивы шелестят, фонтанчик журчит – расслабляйся! Ан нет!

У всех, у всех, кто появлялся в этом доме, у всех портилось настроение, всем хотелось сбежать, а лошади...

А эданна туда вообще никогда верхом не ездила.

Мия едва не вскинула руку, сжатую в кулак. Есть! И кто это у нас такой хороший в домике обитает, что его лошади не любят?

Она собиралась разобраться с этим вопросом в ближайшее время...

Адриенна

Дану Габриэлле Казини было уже все равно.

День, ночь, люди, нелюди...

Добили бы уже, что ли?

Он лежал в горячке и бредил, бредил, бредил... не особо разбирая, что вокруг и где он сам. С него и решили начать, как с самого тяжелого.

Привязали веревками поперек тела, на всякий случай зафиксировали руки и ноги, и дан Виталис недрогнувшей рукой вскрыл первую рану. Серебряным ножом.

– Матерь Божия...

– Господи Святой Иисусе Христе, Сын Божий. Обращаюсь к тебе с молитвой... – Падре Ваккаро едва не подавился святыми словами, потому что...

Не почудилось ему! Ни разу!

От раны словно бы черный дымок поднимался. Едва заметный, истаивающий на серебряном лезвии, но был же он! Был!!!

Падре схватился за крест на груди и принялся проговаривать молитву, вкладывая в каждое слово всю свою веру. А было ее немало...

Тем временем дан Виталис вскрыл рану и принялся промывать ее святой водой.

Вой был оглушающим. Падре думал, стекла вылетят... ее величество зажала уши и едва не выскочила из комнаты. Все же удержалась. А на кровати действительно творилось что-то жуткое.

Мужчину крутило и корчило, из раны лился поток желтоватого гноя, а падре видел, как в нем проскакивают черные точки. Словно частички тьмы...

И это не прекращалось.

Падре видел, как в рану вливалась святая вода, светлая, чистая, а обратно... обратно лилось что-то мутное и грязное. Даже два кувшина спустя...

Дан Виталис махнул рукой и накалил нож в пламени жаровни.

Раньше был вой?

Не-ет, раньше была разминка. А вот теперь...

Адриенна таки выскочила из комнаты.

Одно из стекол лопнуло. Но дымок от раны... он исчез! Воняло паленой плотью, но и только. Кровью, гноем... падре умел врачевать, и это были обычные запахи. А в остальном...

Ее величество была права?

Безусловно!

Это что-то нечистое. Что-то страшное, жуткое... Вот, мужчина сейчас лежит и спокоен. И не бредит уже даже... Падре закончил молитву, перекрестил несчастного и только потом поглядел на лекаря.

– Он бы скоро умер, – сухо ответил дан Виталис. – Может, еще и умрет.

– Если выживет... жизнью будет обязан ее величеству. И почему никто не подумал, что это могли быть не обычные волки, а порождение тьмы?

Дан Виталис развел руками.

– Да кто ж их знает? Как-то странно даже... хорошо еще, ее величеству откровение было. Не то погибли бы все... падре, а вы не хотите еще вечером сюда прийти?

Падре склонил голову, глядя на лекаря. Мол, зачем?

– Я еще раз рану проверю, а вы помолитесь.

– Хорошо, чадо.

– И вот... посмотрите...

Падре посмотрел и поежился. Серебряный кинжал, ранее гладкий и чистый, был словно временем изъеден. Такие характерные выщербинки, сколы, впадинки...

За пять минут?

Не может такого быть!

Но это было, было... потому и серебряный, а не посеребренный? Да, наверное...

– Господи, спаси и сохрани...

– Можно войти? – в дверь просунула нос Адриенна. – Как он? В порядке?

– Да, ваше величество, – кивнул дан Виталис. – Я обработал рану и могу сказать, что вы были правы. Может, сейчас он и выживет, но раньше у него шансов не было.

Адриенна кивнула.

Она-то этому совершенно не удивлялась. И задала только один вопрос:

– Идем к следующему больному или к королю?

Ответ был единогласным:

– К его величеству.

Время было самое подходящее: попали они аккурат на тот момент, когда у его величества была эданна Франческа.

– Выйди, – жестко приказала Адриенна.

Эданна посмотрела на падре, на лекаря...

И загородила собой кровать.

– Не дам!!!

Адриенна подозревала, что на тот момент у всех троих была одна общая мысль: «Она дура?!» Ответа не требовалось, ответ они и так знали.

Точно дура...

Адриенна закатила глаза.

– Только из сочувствия к вам, эданна, я разъясню. Рану надо вскрыть и промыть святой водой. В противном случае мой муж умрет.

Эданна Франческа хоть и чувствовала себя дурой, но... Адриенне было даже обидно иногда! Мозги есть, а не на пользу делу! Вот как тут не погрузить?

– Я... я останусь.

Адриенна разве что плечами не пожала.

– Да на здоровье, эданна.

Франческа вспомнила о приличиях и сверкнула глазами.

– С вашего позволения, ваше величество.

Адриенна отошла к открытому окну и устроилась в кресле.

– Эданна, расположитесь так, чтобы не мешать падре и дану Виталису. Это будет сложно...

– Ради любимого я все вытерплю!

Мужчины переглянулись и принялись привязывать короля к кровати.

Ага, куда там! Эданна раскудахталась так, что затмила бы целый птичник.

– Зачем?! Не надо так делать!!!

– Поверьте, эданна, это необходимость. Его величество может дернуть рукой или ногой...

– Я подержу его за руки. И он не причинит мне вреда, Филиппо меня любит... – Франческа бросила торжествующий взгляд в сторону Адриенны.

Ответом ей был равнодушный взгляд. А ехидную улыбочку лекаря она и вовсе не заметила, была слишком занята своим торжеством над соперницей.

– Если вы так решили, эданна...

– Да!

А сколько пафоса! Какой вид! Впрочем, комментировать и отговаривать Адриенна не стала. Вместо этого поднесла к носу надушенный платочек: воняло в комнате далеко не розами.

Лекарь взялся за скальпель. Падре Ваккаро крепче стиснул молитвенник.

Чувства – прекрасно, но рефлексy у его величества работали вообще замечательно. Так что руки дернулись непроизвольно. Эданна Франческа отлетела на метр в сторону и грузно шлепнулась на задницу.

Адриенна смотрела на это с чувством глубокого внутреннего удовлетворения. Самой давно хотелось, да вот не получилось. А тут прямо прелесть!

Под глазом у эданны наливался лиловым цветом потрясающий синяк. И кажется, второй удар пришелся ей в грудь, потому что дышала она тоже как-то неуверенно...

Не померла?

Значит, оклемается. Такую заразу и поленом не прибьешь...

Падре навалился на одну руку, дан Виталис на вторую, веревка только мелькнула в воздухе. Действовали мужчины так согласованно, словно всю жизнь кого-то увязывали.

И – по второму кругу.

Только теперь его величество дергаться не мог.

А вот выть...

Адриенна только головой покачала. Вопли были такие, что уши закладывало. Впрочем, она сидела в удачном месте, да и корпию ей лекарь презентовал – уши заткнуть.

А еще Филиппо вопил тише предыдущего пациента. У него и ран было меньше, и воспаление не так далеко зашло... Адриенна подозревала, что это ее заслуга.

Если Сибеллины – свет своей земли... она же больше всего времени проводила рядом с супругом. Вот ему и досталось меньше

всего заразы. К остальным она только заходила, но это позволило мужчинам продержаться до прихода помощи.

Что ж.

Даже если никто об этом не узнает, не важно! Главное, живы и здоровы. Будут здоровы.

А эданна Франческа...

Адриенна просто любовалась. Даже тем, как эданна, вскочив с ковра, кинулась к громадному зеркалу в спальне короля, посмотрела в него...

– О боже!!!

Адриенна даже ехидничать не стала. И так приятно было.

Эданна Франческа вылетела из спальни быстрее ветра. А что по дворцу к вечеру поползли слухи... а при чем тут Адриенна?

Она пришла лечить короля, которому к вечеру стало лучше. Там была эданна Франческа.

А вот что эданна кидалась на королеву, и ее величество той глаз подбила и нос расквасила...

Ой, ну вот уж это точно вранье! И не ее величество, и не нос, и вообще... Франческа на нее не кидалась. Но когда сплетников интересовали такие мелочи?

Глава 3

Мия

Если бы у даны Феретти было больше времени!

Но...

Откуда ему взяться?

Большую часть времени она старалась проводить вместе с Рикардо. Расследованием она занималась, или когда он был занят, или когда крепко спал... но уходить от мужа по ночам ей не хотелось.

Ладно, пока не мужа, но они ведь все равно поженятся! Правда же?

Так что до дома с шестью ивами Мия добралась, как позволило время.

Обошла его вокруг, огляделась, обнюхалась...

Да, именно так.

Дом пах кровью. Старой, запекшейся, металлической, и свежей, сладковатой... а еще тухлятиной. И мертвечиной.

Мие туда даже заходить не хотелось. Но... выбора нет. Узнать все равно надо, и что, и как... поэтому первый раз она просто обошла вокруг, а потом направилась к Булке.

Должен же он что-то знать про тот дом?

Булка не знал.

Даже не думал об этом. Вот вообще... дом и дом. И что?

И ничего... мало ли чем и где воняет? На запах стража не придет, или это уж вовсе жуть какой запах быть должен! И вообще, это некоторые даны все чувствуют, а он скромный и старый ньюр...

Дальше Мия и слушать не стала. Махнула рукой и потребовала себе охрану. Четыре человека.

Булка помялся, пожался, но людей дал. Вот они сейчас и переминались за спиной Мии. А та звонила в колокольчик.

Раз, второй...

Третьего не понадобилось.

– Иду-иду...

Женщина, возникшая на пороге, перепугала бы кого угодно, только не Мию. Подумаешь, ведьма?

Седые волосы, горб, морщины, тряпье какое-то невразумительное... и что?

Ничего!

Мия подозревала, что знает, с кем имеет дело.

– Дана Дзанелла? Виолетта Дзанелла?

Ведьма осмотрела ее странным взглядом.

– А ты кто такая?

– Мое имя вам ничего не скажет. Это уж точно.

Уже по реакции Мия поняла, что это именно та, кто ей нужен.

Но...

– Мне неизвестно это имя, – ответила ведьма.

– Я могу еще одно назвать. Дана Илария Кавалли.

– Можешь?

– Могу даже рассказать, что с ней случилось. Она умерла.

Из ведьмы словно бы стержень выдернули. Она как-то даже осела.

И кивнула Мие.

– Проходи. Поговорим.

– Слово дай, что не причинишь мне вреда.

Мия тоже не собиралась доверять абы кому свою жизнь. И ладно бы свою, но ведь еще и ребенок!

– Клятва по полной форме устроит?

– Да.

– Клянусь своей матерью – да изольется ее чрево, клянусь своим родом – да пресечется он навеки, клянусь своей честью – пусть будет мое имя покрыто позором, клянусь своим сердцем – да остановится оно в тот же миг. Я не причиню тебе вреда. И постараюсь не допустить, чтобы его причинил кто-то другой.

Мия кивнула. И вошла вслед за ведьмой в зеленый домик.

Дана Дзанелла постукивала башмаками по доскам пола. Мия с интересом озиралась по сторонам... забавно. Пыль, паутина... только вот не такие. Явно антураж! Декорация, как на сцене.

– А пауков вы специально приманивали? Или как?

– В лесу наловила. Невелика хитрость: берешь да и в горшок стряхиваешь. Мух в городе хватает, не голодают, – отмахнулась та, кого некогда звали даной Дзанелла. – Разбираешься?

– Так, немного. Видно же, что это... нарочно.

– Умничка, – кивнула дана. – Ну заходи...

Эта комната разительно отличалась от остального дома ведьмы. Если так посмотреть... тут могла бы жить самая обычная ньора. Простая сосновая мебель, светлые занавески, белое покрывало на кровати, простые побеленные стены...

Два кресла у окна, столик между ними...

– Присаживайся. Так как тебя зовут?

– Мия Феретти. Но полагаю, мое имя вам ни о чем не скажет.

– Нет.

– А как насчет Эванджелины Бонфанти?

Виолетта подобралась.

– Ты... как она?

– Да. Вы ее знали?

Виолетта взмахнула рукой.

– Не я. Илария один раз столкнулась...

Мия потерла лицо руками, нещадно смазывая грим.

– Дана Дзанелла... я не знаю, что вам сказать, поэтому буду говорить прямо. Я в дипломатии не сильна. Я представляю интересы ее величества. В первую очередь меня интересовала эданна Вилецци... Франческа. Но и все остальное тоже. Может, поговорим? Что вы хотите за помощь и сотрудничество? Что мы можем вам предложить?

Ведьма даже не задумалась.

– Как умерла Лари?

– Адриенна рассказала мне. Ваша подруга оказалась в Сиблевране. Совершенно случайно она встретилась с Адриенной... то есть с ее величеством. И когда пришел момент... Адриенна отпустила на волю ее душу.

Дана Дзанелла выдохнула.

– Я... я чувствовала это! Но не могла поверить! Значит, правда!

– Что именно? – уточнила Мия. Кто ее знает, эту ведьму?

Ведьма прищурилась в ответ.

– Ты спрашивала о цене, дана?

– Да.

– Моя цена – та же, что и у Иларии. Когда придет миг, ее величество должна быть рядом и отпустить мою душу.

Мия невольно задумалась.

Если бы речь шла о деньгах, о чем-то таком... титул, помощь... ей было бы легко обещать. Но это?

– Я не знаю, дана Дзанелла.

– Зови просто Летта. Я привыкла за столько лет.

– Тогда просто Мия.

– Хорошо, Мия. В чем трудность? Я не так много прошу, я знаю... это для меня бесценно, а для королевы – минута времени.

– Трудность в ее присутствии, – объяснила Мия. – Адриенна беременна, ее сейчас просто не выпустят из дворца. И так-то рядом с ней охрана в три слоя, а уж сейчас...

Виолетта взмахнула рукой.

– Я пока не собираюсь умирать. Если так посмотреть... лет десять я еще точно бы проскрипела. Но... не хочу оставлять все на волю судьбы. Я умру, когда ко мне придет королева.

– То есть?

– Яд или кинжал. Этот грех мне уже не столь важен... главное, чтобы ее величество отпустила мою душу.

Мия кивнула.

– Получается... вы хотите, чтобы королева пришла к вам. Или вы к ней?

– Это возможно?

– Теоретически... да, пожалуй, это даже будет проще, – кивнула Мия. – Но после рождения ребенка, наверное. Подождете месяцев шесть?

– Подожду, – отмахнулась ведьма. – Итак, после рождения ребенка ты проводишь меня к королеве.

– Да.

– И она отпустит мою душу.

– Да.

– Уверена, что можешь это обещать? – Глаза у Виолетты были неожиданно ясные, серые... даже красивые, пожалуй.

Мия кивнула.

– Я еще поговорю с Адриенной, но уверена: она не откажет.

Ведьма несколько минут молчала, потом кивнула.

– Ладно. Поверю тебе на слово. Когда ты увидишь королеву?

Мия подумала. Получалось...

– Дней через пять-семь, не раньше. С ней сложно увидиться без свидетелей, даже для меня.

– Хорошо. Поговори с ней, согласится ли она на мою цену. А пока... давай я расскажу тебе начало сказки?

– Люблю интересные истории, – призналась Мия.

– Жили-были две девочки. Две послушницы. А монастырь, куда их отправили, был тем еще гадючьим кублом. И чтобы выжить, они всегда дружили и во всем друг друга поддерживали. А однажды и вовсе прокололи друг другу пальцы булавками, смешали кровь и поклялись быть верными сестрами.

Мия молча слушала.

И про то, как девочки вызвали демона.

И как они стали ведьмами. Не прирожденными, нет. Чернокнижными. А это намного хуже.

Прирожденная ведьма может делать что пожелает. А вот чернокнижная... только то, что прикажет хозяин. А он рано или поздно объявляется.

Тот самый, давший ей силу...

Чернокнижная ведьма обязана творить зло. Даже если не захочет... это как раз не важно! Она может хотеть, может не хотеть, но большая сила и отсутствие любых моральных принципов – страшное сочетание. С ней рядом лучше даже не чихать – оскорбится и проклянет.

Так и произошло с Иларией Кавалли.

У Виолетты было чуть полегче. Илария шла первой, Виолетта второй, Илария не испугалась ничего, а вот Виолетта... она отдала меньше. И сил получила, считай, крохи от подружкиных. Зато сохранила совесть.

Да, забавно.

Можете посмеяться, кому охота, но...

Ведьме совесть не полагается. И способность любить – тоже. Но у Виолетты они все же остались. Именно она, узнав про интерес инквизиции к дане Кавалли, уговорила подругу исчезнуть. Объявить себя мертвой.

Потом и сама ушла.

Нет, не просто так...

Она боялась. За детей, за мужа, к которому все же была немного привязана, за внуков, которых поллюбила.

Да, ведьма не может любить. Но тут – не повезло. Причем именно ведьме. Она любила и детей, и внуков как продолжение самой себя. Она хотела их уберечь. И справилась с этим.

Инсценировав свою смерть, даны продолжили работать. И спустя какое-то время... появился ОН. Их покровитель.

– Кто? – не выдержала Мия.

– Имя я назову только королеве.

– Но...

– Я дала клятву не открывать его. Если я ее нарушу, жить мне останется считанные секунды.

– Черт!

– Именно. Хотя хозяин и не продавал ему душу...

Мия прищурилась.

– А о его делах рассказывать можно?

Дана Дзанелла ухмыльнулась.

– Самое забавное, что да. Формулировки... они разные бывают. В том числе и достаточно заковыристые.

– Хм?

– Не удивляйся. Ведьмы этому быстро учатся. Я обещала молчать о ЕГО делах.

– Но?..

– Сейчас я говорю о НАШИХ. Общих делах. А о них я молчать не обещала. Это не нарушение клятвы, хотя и неприятно. Ну и еще кое-что...

Мия кивнула. Она поняла.

Дана Дзанелла продолжила рассказ.

Чего хотел хозяин?

Увы, он был неоригинален. Он хотел власти. Много власти. Большой власти! В идеале – корону и трон. И, как все люди, мечтал и на елку влезть, и задницу не ободрать.

То есть не продавать душу.

Понятно, за душу ему бы обеспечили и трон, и правление, но... оговорок множество. Во-первых, печать, которая ставится на каждого. И видна... есть разные видимые признаки.

– Лари пришлось хуже. Она должна была каждый день выпивать по глотку крови. Человеческой.

– Свежей? – уточнила Мия.

– Необязательно. Старая тоже подходила, и от одного человека... можно было нацедить флягу и пить по глотку. Так она и делала, хотя... фу! – Ведьма произвольно скривилась.

– А у вас?

– Смотри. В свое время я его бинтовала. – Дана Дзанелла обнажила плечо, и Мия едва не отшатнулась. На некогда белом и красивом, а сейчас морщинистом плече красовался паук. Черный, четкий... только минут через пять Мия поняла, что это родинка.

– Жуть! – честно сказала она.

– Знаю... Но это еще не самый страшный знак, как ты понимаешь.

Мия все понимала. А паук выглядел на удивление живым. Гадость редкостная...

Какой знак достался бы господину? Да кто ж его знает? Зависит от полученных «плюшек», но точно был бы. И немаленький. Запросы там и были, и есть... ой-ой-ой.

Во-вторых, душа.

Странное какое-то у людей отношение. Можно гадить, пакостить, продавать, предавать людей, а вот душу продавать нельзя. Мысль, что, совершая все это, ты свою душу просто губишь, никому в голову не приходит. А если посмотреть... у некоторых там и души-то уж нет. Все разъедено. Одно название, что живое существо...

Мия с такими сталкивалась, так что кивнула.

Но господину, который подмял под себя ведьм, душу отдавать не хотелось.

В-третьих, ему пришлось бы приносить жертвы. И рано или поздно им бы заинтересовались.

А против инквизиции...

Нет, не выстоять. Ведьм и колдунов так всегда одолевали. Народом, толпой, с монахами, с верующими... придут и убьют. И все.

Мия понимающе кивнула.

Это она и от матери слышала, а та от прабабки. С толпой играть не стоит. А почему?

– Да потому, что в каждом человеке есть капля силы. А толпа... это уже не люди, понимаешь? Это как единое существо, только с

множеством тел. Но с единым сознанием, хоть и мутным. И сила их тоже объединяется... я могу околдовать десяток, сотню... но не тысячу и не две.

– Поняла. Стольких тебе не пересилить.

– Именно.

– Итак, ваш господин решил добиваться власти, – задумалась Мия. – А он не помрет?

– Уже помер.

Мия помотала головой.

– И как тогда? Будет править из могилы?

– Нет же... он все оставил своему сыну. Господин был осторожен, он искал старые манускрипты, книги, сведения... он нашел, как можно собирать и накапливать силу от жертвоприношений.

– Ага... это то, что происходит последнее время?

– Да. Чтобы править государством, нужны деньги, связи и сила. Хотя и не обязательно в такой последовательности...

Мия кивнула.

Допустим. Талант еще нужен, но это вторично. А пока... допустим.

Есть господин... не важно, старый или новый – власть ему все равно дороже жизни. Особенно чужой. Есть ведьмы.

– Вы ему могли помочь с деньгами?

– Конечно. Деньги – и я, и Илария могли найти старые клады. А еще... они же не просто так положены, как ты понимаешь. Где проклятие, где заклятие...

– Поняла.

– Лари могла намного больше, я меньше, но дело нашлось обеим. Денег он получил очень много. Уж поверь.

– Верю.

– Связи? Услуги ведьмы, знаешь ли... кому одно нужно, кому второе, в результате мы получаем обязанных кому-то людей, ну и материал для шантажа.

– Ага...

– Сила. Остается сила.

– Дай угадаю, – отбросила всякое смущение Мия. – Леверранское чудовище?

– Именно. Шесть лет выращивали, между прочим!

– Можно подробнее?

– Почему нельзя, – пожалала плечами ведьма. – Берется женщина, оплодотворяется волком, проводятся ритуалы... мать погибает, на свет появляется такое вот чудовище. Лари смогла после долгих проб и ошибок.

Мию замутило.

Не стошнило, для этого она была недостаточно нежной, да и повидала много чего, но... неприятно. Особенно сейчас, когда она сама беременна.

Минутку...

– Мне говорили, что такое может получиться из меня... если я застряну в переходной форме.

– Может. У Лари получилось, когда в ее руки попала женщина твоей крови.

– Моей крови?

– Лари ее почуяла. И нет, я не могу тебе сказать, кто она была. Сама не знаю. Нищенка, полубезумная... видимо, сбой породы... или кровь проснулась, а вот душонка слабовата оказалась. И рехнулась девочка...

– И вы ее нашли.

– Она бы все равно умерла, какая разница?

Мия выразительно промолчала.

Виолетта покачала головой.

– Понимаю, неприятно такое слышать. Но это было. Беда в другом: такие, как ты, единичны. Вывести несколько чудовищ просто не удалось. А то, которое было...

– Оно само сбежало?

– Насколько я поняла, да. Я ему не помогала, может, ненадолго разум проснулся?

Мия пожалала плечами.

– Может быть. Так, у него проснулся разум, и чудовище удрало. Какое-то время скрывалось, потом пошло вразнос...

– И отправилось к хозяйке. Иларии.

– Но та умерла.

– На землях СибЛеврана.

Мия кивнула. Понятно, куда шло чудовище. К человеку, который его таким сделал. Убить? Попросить о помощи? Впрочем, это уже не

важно, потому что Илария была мертва. И Леверранское чудовище принялось убивать.

– Какой проект вы выбрали взамен? Кто составил войско... господина?

– Волки, разумеется. Они отличные воины.

– Те, которые подрали короля.

– Именно. Только это одна стая. А у господина их... сейчас у него почти пятьсот волков.

Мия не выдержала и высказалась непечатно. Ведьма кивнула.

– Да. Было много жертвоприношений, много силы, и он решил ее использовать именно так.

Мия повторила свое выражение. Только чуточку погромче. А все равно не помогло.

– Пятьсот. Волков. И все его слушаются?

– Да.

– И он их может натравить на людей?

– Может.

Мия задумалась.

– Почему сбежала Илария?

Ей казалось, что это важнее остального. А что еще спросить? Имя? Ведьма не назовет. Про волков? Тоже сомнительно... это ж волки, а не псы. Мало ли где их выращивают?

И что остается?

Да только это. Почему ведьм было две, а сбежала одна? Самая сильная, самая злая, которой, казалось бы, и карты в руки?

А вот сбежала.

И предпочла доживать жизнь деревенской знахаркой в СибЛевране? Заметим, не пакостничая, ну разве что по мелочи: приворожить там или плод помочь стравить, – не причиняя никому серьезного вреда, не убивая, сменив имя, отказавшись от всего...

Ведьмы так не поступают!

– В чем-то и из-за твоей прабабки, – отозвалась невесело Виолетта.

– Моей прабабки? При чем тут Эванджелина? – не поняла Мия.

– Мы ее знали. Обе. Когда были моложе, – принялась рассказывать Виолетта. – Мы были молоды, мы путешествовали, частенько останавливались в монастырях... Лари это веселило, меня

тоже. Побывать гостьей там, где чуть не стала пленницей. И знать, что можешь все это по бревнышку, по камешку раскатать...

– Я понимаю.

– Вот в монастыре мы и встретились. Эванджелина доживала там свой век. Нас она опознала сразу и ночью пришла для разговора.

Виолетта смотрела словно в никуда. И видела себя, молодую и веселую, такую же яркую и азартную Лари, видела Эванджелину... статную, все еще красивую, все еще прямую, хотя годы и тянут, тянут вниз, видела серые стены монастырской кельи, которая едва не стала их вечным пристанищем... не эта, такая же, но не все ли равно?

– Она от вас что-то хотела?

– Нет, – резко ответила Виолетта. – Я понимаю, это смешно звучит, но... она нас просто пожалела.

– Пожалела?

– Она была стара, мы были мóлоды, глупы, безрассудны. И она... она сказала, что рано или поздно это пройдет. А когда останется только пепел, нам надо будет искать человека древней крови. Искать, чтобы он – или она – отпустил наши души. Эванджелина знала, что так можно. Если нас пожалеют, посочувствуют...

Мия кивнула.

– Я понимаю.

– С тех пор Лари искала такого человека. Искала сведения о Высоких...

– И нашла только СибЛевранов?

– Да там и искать долго не пришлось. Король знал о них, а значит, в курсе был и господин.

– Хм...

– Да, это намек. Но имя назвать, прости, не могу.

– Не надо, – отмахнулась Мия. – Пока не надо. Я правильно понимаю, что ваша подруга выгорела?

– Да. Напрочь выгорела, когда волки разорвали ее внучку.

– К-как?

– А вот так. Господин начал их как раз выпускать на дороги, притравливать на людей... ну и не угадаешь. Девчонка поехала к подруге, на нее напали, а когда дома забеспокоились, на дороге только косточки остались. Лари тогда ходила вся серая. Повторяла, что это ей наказание...

– Она же никого не любила.

– Верно. Не любила, но... тебе ли не знать, что такие случайности не бывают случайными?

Мия кивнула.

Это верно.

Кажется иногда: ерунда. Но оглянешься назад и понимаешь, что дорожка-то была, составленная из поступков, словно браслет из звеньев – ни одного не выдернешь, ни от единого не откажешься...

– Лари сказала, что это ей последнее предупреждение. И сбежала. Это было лет десять назад. Может, меньше... лет семь или шесть... время для меня иногда сливается в единую ленту.

Мия кивнула.

– И устроилась в СибЛевране. Да?

– Да.

– Почему ваш господин ее там не нашел?

Виолетта криво ухмыльнулась:

– Не нашел? Еще как нашел...

– И?

– Лари сказала, что сдохнет, но и его с собой заберет. И была достаточно убедительна. Сказала, что проклянет его на последнем вздохе, а такое... это не снять, не перекрыть, не защититься... я думаю, он просто испугался.

– Может быть.

– Да и... я оставалась, ему хватило.

Мия поняла и кивнула.

Может, если бы ведьма решила продолжить свою практику где-то еще, если бы она жила, а не существовала, как загнанное животное, забившись под корягу, глубоко в провинции, даже неподалеку от границы... в чем-то как и у нее.

Если она появилась в столице – изволь играть в игры с Булкой и прочими. А если нет... если бы она оставалась в Демарко, ее никто и не искал бы. Кому она там нужна, в этой глуши? Никому. Это в столице хочется не хочется, а придется...

– Он еще пару раз пытался ее убедить, думал, что Лари успокоится и вернется... все мы живые люди.

И это тоже было понятно.

Устала? Отдохни, посиди в тишине, а потом... потом посмотрим?
Вернешься же...

– Она вам не писала?

– Пару раз. Нет, письма не сохранились, я их уничтожила, как просила Лари, – отмахнулась ведьма. – Первый раз она писала, что Адриенна СибЛевран уехала в столицу. Она боялась, что девочку оставят здесь... тогда все планы Иларии умереть пропадут.

– Не оставили.

– Да. Илария написала мне второй раз. Написала, что в твоей подруге пробудилась старая кровь, что она собирается умирать... остальное тебя не касается. Остальное это лично мое... Лари умерла.

Мия кивнула.

– Адриенна отпустила ее. Она мне рассказывала.

– Да. Поняла, пожалела, отпустила на свободу, и Лари ушла. Она родится вновь на этой земле, родится счастливой...

– В чем-то это несправедливо. Вы столько всего натворили, – сдвинула брови Мия.

– А сколько крови на твоих руках? – прищурилась ведьма. – Если просишь справедливости для другого, будь готова к ней сама.

Мия нахмурилась.

Сама... она все делала не для развлечения, а для своих родных и близких! А эти две стервы... хотя кто его знает? Ее бы в монастыре заперли и жить не давали? Может, там бы и камней не осталось, и семью такую... да что далеко ходить? Что с Джакомо случилось?

– Простите, – признавать свои ошибки Мия тоже умела.

– То-то же... не хватит тебе историй на сегодня?

– С лихвой, – выдохнула Мия, обнаруживая, что на улице уже темнеет. – Я приду еще?

– Конечно. Только... пошли, провожу.

Ведьма честно проводила Мию до калитки, показала на колокольчик.

– Если он висит, можешь приходить. Если я уберу его – лучше не надо. Значит, или тут кто-то недобрый, или меня нет...

Мия кивнула.

– Хорошо. Я так и сделаю.

– И охрану можешь не брать. Думаю, мы договорились?

– Да. Мы договорились.

* * *

Конечно, такие новости требовали не просто осмысления.

Мия должна была рассказать все подруге. Обязана!

Она отправила письмо дану Пинне и едва-едва дождалась ответа. Адриенна предложила Мие прийти во дворец.

Пока еще можно... И повидаться, и поговорить... Дан Пинна встретит ее и проводит. И туда, и обратно.

Мия не возражала.

Не то чтобы дан Пинна был рад, но дану Мию он во дворец провел. Даже через самую обычную калитку. И в спальню королевы провел. Правда, уже по потайному ходу.

– Риен!

– Мия!

Девушки обнялись, расцеловались, и Мия принялась выкладывать подруге новости.

Адриенна внимательно слушала.

Вот оно как, значит...

Две ведьмы.

И чернокнижник.

И пятьсот волков, которые бегают по ее несчастному королевству... а то и побольше?

Адриенна порывисто обняла подругу.

– Побереги себя...

Как в воду глядела.

* * *

Конечно, дан Иларио не мог отпустить Мию одну. Зимой, ночью... хоть до трактира, а проводить надо. Только вот когда из черной ночи и белой снежной крупы выступили две черных морды...

– Ой... – тихо сказал дан.

Мия прищурилась.

Она претолчно поняла, ЧТО это за зверье. И медлить не стала.

Она беременна, Пинна вообще не противник, возраст не тот... если она потеряет инициативу... ее ранят. И кто знает, как эти твари

отзовутся на ее ребенке?

Мия бросилась вперед с такой скоростью, что даже волки ошалели. Не ожидали они такого.

Хлестнул одного из них по глазам тяжелый плащ, накрыл голову... волка это не обмануло, но рвануть-то как? Когда пасть плащом закрыта?

Сбросить надо...

А Мия пролетела уже мимо и полоснула второго волка по глазам кинжалом.

И почему она меч не взяла?

Дура, как есть дура! В следующий раз еще и кольчугу наденет!

Но глазомер у нее был отличным.

Красные лупешки залило такой же алой кровью. Один глаз она расплосовала безвозвратно второй просто сильно повредила, он бы зажил, но кто ж даст волкам убежать?

Точно не Мия.

Второй кинжал отсек волку, запутавшемуся в плаще, самое ценное. Хвост.

Между прочим, больно, да настолько, что можно вообще от болевого шока помереть. Ну, этот не помер, но отвлекся. Второй, с выколотом глазом, как раз развернулся... и очень удачно прыгнул на Мию.

Подмять, разорвать... Мия отступила в сторону и ловко резанула кинжалом.

Нет, она бы не выдержала вес волка. Но если уж он сам приоткрылся для удара, подставил бок... Из испортого сбоку-снизу брюха поползли внутренности. На снег хлынула кровь.

Мия отскочила вовремя.

Второй хищник, тот, который без хвоста, пришел в себя и хотел схватить ее снизу, за ногу.

Она увернулась – и закружилась с волком в смертельном танце. Кажется, этот зверь пытался подогнать ее поближе ко второму... тот из-за серьезной раны нападать не мог, но подползти поближе или цапнуть?

Запросто.

Впрочем, тут очнулся дан Иларио.

Мия была к нему не вполне справедлива; вся описанная схватка заняла меньше минуты. Куда уж тут было что-то осознать? Она сама двигалась так, что глаз за ней не успевал.

Человеческий.

Волчий поострее будет.

Сейчас дан Пинна подскочил к поверженному волку, вытащил из ножен свой клинок и ударил. Удачно, не подставившись под укус.

Второе животное заозиралось по сторонам.

Мия поняла, о чем он думает, так, словно на секунду оказалась внутри волчьей головы.

Молодняк, решили поохотиться... человек – добыча легкая. Баба, старик... И наткнулись... Удрать? Куда удрать?

Вот этого Мия ему позволять не собиралась. Сам пришел! И потом он станет более умным и опытным... нет, так дело не пойдет!

Она усмехнулась, царапнула руку клинком – и издевательски стряхнула кровь в сторону волка.

И этого хватило.

Древняя кровь.

Кровь *истока*...

Волк кинулся, не помня себя от ярости. И тут уж Мия его встретила. Двумя длинными кинжалами, с двух рук... один вошел четко под челюсть и прошел в мозг.

Второй ударил в глаз...

Туша медленно осела вниз, пытаясь увлечь женщину за собой. Не успел...

Дан Пинна только головой покачал.

– Сколько живу... дана Мия, вы...

– Я, – согласилась дана. – Давайте договоримся, что вы Адриенне это не расскажете?

– Н-но...

– Нечего мне волновать подругу.

– Хм...

Дан Иларио подумал недолго и кивнул.

– Хорошо, дана. Я промолчу. А эти...

– Стража уберет. Идемте, дан Пинна?

– Идемте, дана Мия. Вы были великолепны.

Мия это знала. Но признание заслуг все равно приятно.

А вот что НЕ приятно...

Если эта нечисть по столице бродит, надо полагать, ее тут рядом достаточно? Если на людей охотятся, значит, в лесу уже корма не хватает.

Или...

Где под столицей могут прятаться эти твари?

Надо серьезно обдумать этот вопрос.

Адриенна

Кого боялась ее величество, так это кардинала Санторо.

А вот кто его знает? Опыта у Адриенны не было, но это ж личного! А рассказы про то, как ревнивые дураки с женщинами расправляются или как после отказа мужчина любимую убил... вроде как не доставайся ты никому...

Это и рассказов хватает, и всякого такого... романтического.

А вдруг кардинал что-то устроит?

Даже ладно еще против нее. Это не так страшно: за себя Адриенна почему-то совершенно не боялась. А как насчет государственных дел?

На нем же столько всего лежит... ладно, сам перетащил, и Филиппо отдал, но...

Пока Филиппо был здоров, он мог снова заняться всеми этими делами. А сейчас король болеет, и кардинала отстранить не получится, и...

И Адриенне не разорваться!

Ей и так плохо. До слез, до крика, до обмороков...

Да, обмороки тоже были. Раз в два-три дня – обязательно.

За окном бушевал февраль, лежал в постели Филиппо, который хоть и поправлялся, но так медленно, что это было просто невыносимо, а Адриенна чувствовала себя удивительно больной и несчастной.

Если бы не Мия, она бы вовсе с ума сошла. Но и у подруги все было не слишком радостно.

Приказ о зачислении в гвардию Рикардо Демарко Адриенна подписала лично. И молодой человек целыми днями пропадал во

дворце. То на службе – гвардейцы же несли караул, – то просто так, то с друзьями... контактный и общительный, Рикардо легко сходил с людьми...

А Мия тосковала.

Она рассказала Адриенне про дану Виолетту, но пока Адриенна не чувствовала себя в состоянии даже просто в город выехать. Не то что тайно уйти из дворца... стоило только представить... она одна ночью в городе... и теряет сознание.

Или еще что-то в таком же духе...

Беременность же! К примеру, ей бежать надо, а у нее голова кружится. Или ее тошнит... во дворце и так на каждом шагу ночные вазы расставили. А в городе как?

Паланкин? Карета? Так не поможет ведь! Адриенну укачивало так, что два шага в паланкине – и ой, мамочки...

Так, рассуждая о своей несчастной доле, Адриенна завернула за угол.

И остановилась, словно вкопанная.

Рикардо Демарко она запомнила. И лицо, и фигуру... и сейчас эта фигура прижимала к стене черноволосую дану.

Нет, не с целью защитить или помочь. Или упала дана – подхватить, чтобы нос не расшибла!

Нет!

Они целовались!!!

Да как!

Адриенна помнила: отец так целовал Сусанну. Жадно, стараясь словно втянуть ее в себя... не любовь, но похоть, которая пропитывает каждое движение. Вот и здесь тоже...

Но позвольте!

А Мия?!

– Что здесь происходит?! – от всей души рявкнула Адриенна.

Прелюбодеи отскочили друг от друга так, словно молния сверкнула. Разгневанная королева, да еще не одна, а с четырьмя фрейлинами рядом... а чего она так злится?

– Э-э-э-э... ваше величество, – первым сообразил Рикардо. Поклонился даже.

Вслед за ним присела в реверансе наглая девица.

– Следуйте за мной, – жестко приказала Адриенна. – Оба. Немедленно.

Развернулась и направилась в свой кабинет.

Все подождут. А с этим надо разобраться сейчас... ой... а как об этом Мие сказать?

В кабинете Адриенна жестом отослала фрейлин на диванчики у окна, а сама воззрилась на нахалов.

– Что здесь происходит? Вы дворец с борделем перепутали?

Настолько жесткого тона Рикардо не ожидал. Привык, что ему все легко дается, что женщины его обожают, что он нравится всем, и расслабился.

– Ваше величество, мы...

И запнулся. А что – мы? Мы просто целовались?

Адриенна черноволосую девушку в упор не помнила, много их таких бегают, но...

– Как вас зовут, ньора?

– Ньора?! – Так Баттистину Андреоли в жизни не оскорбляли. – Ваше величество! Я... я...

– Имя. – Адриенна понизила голос, в углах кабинета закопошились тени. Моргану враги боялись, а тут... да, Адриенна не Моргана, но и Баттистина не прошедший огонь и воду военный. Это обычная девчонка лет четырнадцати – пятнадцати. На нее преотлично подействовало.

Девушка пискнула и вцепилась в руку Рикардо, которому тоже почему-то стало не по себе.

– Д-дана Анд-дреоли, в-ваше в-величество.

– Замечательно, дана Андреоли. – Голос Адриенны стал вовсе уж шелковым. – И где же ваше сопровождение?

Баттистина побледнела так, что веснушки выступили ржавыми пятнами из-под грима. Все верно, она должна была ходить с сопровождающей. Служанка, дуэнья, кто-то из мужчин... ладно, Рикардо рядом с ней был. Но в такой ситуации...

О господи!

– С кем вы пришли во дворец? – Адриенна почти мурлыкала, словно большая хищная кошка.

– С отцом. – Баттистина начала расклеиваться. Хлюпнула носом.

– Эданна Сабина, распорядитесь найти и пригласить дана Андреоли, – распорядилась Адриенна.

Эданна Чиприани, которая сегодня лично сопровождала Адриенну, даже и не подумала спорить. На прелюбодеев она смотрела с явным осуждением.

Вы другого места не нашли, что ли?

В коридоре, у стенки... может, еще там бы и совокуплялись? Это дворец! А у эданны Сабины внучка подрастает, вот увидела бы девочка такое...

А еще вариант – попалась такому прощелыге. Охотников за приданым и разных подлецов эданна Сабина определяла сразу. Красивый? Так и павлин красивый, вот только петь ему не дано. А этому, видать, совести недодали при рождении.

Правильно ее величество разозлилась, только пока мало. Но, может, она устным разносом не ограничится?

Адриенна и не собиралась. Пока искали дана Джорджо Андреоли, она снова переключилась на Рикардо.

– Дан Демарко, если я верно помню.

– Да, ваше величество.

– Так вы платите моему супругу за оказанную вам милость? Превращая дворец в бордель?

Рикардо замялся. Но...

– Ваше величество, это была случайность. Мы не хотели ничего плохого...

– А что вы хотели, дан Демарко? – Адриенна побарабанила коготками по столешнице.

Сегодня она была одета в темно-зеленое верхнее платье и белое нижнее. Серебряная вышивка, простая серебряная корона... никаких украшений, разве что серьги из серебра с изумрудами, но почему-то в этом наряде Адриенна выглядела более царственно, чем эданна Франческа в лучшем своем наряде.

– Давайте подумаем. Вы гвардеец. Увидь вы такую сцену, вы первый должны были вступить за честь юной даны. Вы не понимаете, что сегодня вы ее погубили?

– Ваше величество, я не...

– Неужели? Вы можете перецеловать с десятков таких дурех. Но кто женится на девушке, которая позволяет себе подобные...

вольности! У стены! В коридоре! И кто знает, что она вам еще наедине позволила?

Рикардо поежился.

А вот с такой точки зрения невинный флирт превращался уже в откровенную подлость. А сам он в редкостную сволочь.

– Ваше величество, мы просто не подумали...

– Это понятно, – согласилась Адриенна. Бешенство куда-то ушло, а на смену ему пришла холодная и рассудочная злость. Ах ты ж гадина! У тебя есть Мия! Она ребенка ждет, твоего ребенка! А ты тут по бабам ходишь?! – Вы не подумали, дана не подумала, вопрос: что подумают о вас?

– Ваше величество? Вы позволите?

Искать дана Андреоли долго не пришлось. Зато сразу стало видно, в кого Баттистина такая черненькая. Интересно, она с возрастом тоже полысеет?

Хотя нет! Неинтересно!

– Позволю, дан Андреоли. Скажите, вам знаком этот молодой человек?

– Нет, ваше величество, – покривил душой Джорджо. И в следующий миг поежился, потому что глаза Адриенны полыхнули бешеной голубизной.

– Еще раз. Вы посмеете. Соврать мне. Пеняйте на себя! – Адриенна почти шипела. Тени сгущались, показалось даже, что кто-то задернул занавеси – так потемнело в кабинете. – НУ?!

Дан Андреоли сделал шаг назад, потом, видимо, вспомнил, что перед ним не бешеная тигра, а беременная королева, и шагнул вперед, отважно выпячивая пузико.

– Ваше величество, я действительно знаю этого молодого человека. Дан Демарко оказал услугу моей дочери, проводил ее домой, и полагаю...

– Вы навели о нем справки, – кивнула Адриенна. – Это понятно. Дан бывал у вас дома?

– Нет, ваше величество.

– Вы приглашали его куда-то, общались где-то?

– Нет, ваше величество. – Дан Андреоли начал подозревать, что дело плохо. Нет, но...

И что с ним произошло? Почему он только что так перепугался?

Вроде и день на дворе, и солнышко светит, и ковер в солнечных зайчиках. А тут...

Жуть жуткая. Кошмарная. А ведь так и не скажешь... сидит милейшая женщина, улыбается... но вранье чувствует мигом. Ой, мамочки...

– Тогда советую перетряхнуть свою прислугу. Потому что ваша дочь только что целовалась с даном Демарко прямо в коридоре дворца.

– ЧТО?!

Адриенна посмотрела на дана Андреоли даже сочувственно.

– Может, вина, дан?

Вина молча поднесла дана Варнезе. Даже не ожидая приказа... хватит еще бедолагу удар, что делать будем? Понятно, хоронить, но лучше б он с ударом до дома потерпел.

Дан Андреоли медленно пил, поглядывая на молодых людей без всякой жалости.

– Ваше величество... что вы хотите с этим делать? – наконец решился он.

Адриенна мотнула головой.

– Нет-нет, дан Андреоли. Я не хочу скандалов. Что будете делать вы?

Рикардо прикинул свои шансы и пошел ва-банк.

– Ваше величество... дан Андреоли... я готов жениться! Я постараюсь сделать Баттистину счастливой! Клянусь!

Адриенна вскинула брови.

– Жениться? У вас нет обязательств перед другими женщинами, дан Демарко?

– Нет, ваше величество.

– Подумайте еще раз, – жестко предупредила Адриенна. – Я не позволю вам поменять решение.

Рикардо расправил плечи и улыбнулся. Именно так, в полупрофиль, он выглядел лучше всего. Он-то знает, лично перед зеркалом отработывал.

– Ваше величество, у меня нет обязательств. И я буду счастлив, если дана Баттистина снизойдет ко мне и станет моей женой.

– Вы собираетесь прелюбодействовать на дворцовой лестнице? Или она еще где-то должна к вам снизойти? – огрызнулась Адриенна. – Дан Андреоли?

– Да как еще земля таких прощелыг носит?! – высказался дан. – Уж простите, ваше величество... – Мужчина нутром почуял, что лучше говорить правду, тогда есть шанс выпутаться из переделки. Не завуалированную истину, которую и не найдешь-то под вуалями, а просто правду. – Я бы дочку хотел замуж в приличную семью выдать, за дана Лучио Манфреди, с семьей уже почти сговорились. Да Баттистина этого шельмеца увидела! Ну и... понеслось! Дознаюсь я, кто там способствовал, – всех повыгоняю! А эту дуру выпорю!

– ОТЕЦ!!!

– Молчи, дрянь! Скажи спасибо, если в монастыре не окажешься. Вот на кой тебе это надо? – вконец озверел дан Джорджо. – Одно то, что морда у него смазливая. Имение – у осла под хвостом, денег нет, заниматься ничем не хочет, только и того, что выгодно жениться... зато потом гулять будет широко! А ты будешь дома с детьми сидеть и слезы лить. И ладно, коли в столице, а то в деревне!

Рикардо молчал. Понимал: открой он рот, ему по зубам и прилетит.

Баттистина разразилась рыданиями.

Только вот – не раскаяния.

Плохой злой отец, плохая злая королева, кругом враги... а Рикардо она все равно любит!

Тьфу, дура!

Адриенна только вздохнула.

– Дан Джорджо, заберите свою дочурку. Я обещаю, слухов не пойдет, но пока она не выйдет замуж, при дворе я ее видеть не желаю. Очень вам сочувствую.

Дан Андреоли поклонился чуть ли не до земли.

– Ваше величество, благодарю! Я оправдаю...

– Думайте, дан Андреоли. Если ваша дочка настолько созрела для брака... думайте. И можете быть свободны.

– Благодарю вас, ваше величество!

Джорджо Андреоли цапнул свою дочь за руку и хотел было потащить из кабинета. Адриенна качнула головой.

– Челия, будь так любезна, проводи дана Андреоли черным ходом. Бьянка, принеси плащ с глубоким капюшоном для даны Баттистины. Ее отец не заслуживает позора.

Дан Андреоли еще раз поклонился.

Действительно, протащи он сейчас истеричную девицу через половину дворца... какие еще сплетни пойдут! А так... мало ли кого он, что он...

– Ваше величество... я запомню. И я благодарен.

– Теперь с вами, дан Демарко. – Адриенна смотрела, и в синих глазах словно вековечный лед намерзал. – Пока... подчеркиваю – пока – вы останетесь в гвардии. Но если еще раз... Вы меня поняли?

Рикардо закивал с удвоенным усердием.

– Да, ваше величество! Я понимаю...

– Второго шанса у вас не будет. Вы не просто уедете из столицы, дан. Вы сюда никогда не вернетесь. И ваши дети, возможно, тоже. Вы поняли?

Рикардо еще раз кивнул.

– А чтобы до вас точно дошло... как гвардеец, вы получаете выплаты каждый месяц.

– Да, ваше величество.

– Три месяца без выплат. Эданна Сабина, пометьте, я отдам распоряжение казначею.

– Да, ваше величество.

– И три месяца вы будете нести службу каждый день. Чтобы не было времени на глупости.

– Я отметила, ваше величество.

Адриенна довольно кивнула.

– Так и решим. Вы свободны, дан Демарко.

Рикардо понял, что надо удирать, пока еще не нагорело, поклонился и попросил разрешения уйти. Зубами он начал скрежетать уже за дверью. Вот ведь... с-с-с-стер-р-р-рва!

А Адриенна просто уронила лицо в ладони и сидела так минут десять. И не обращала внимания ни на фрейлин, ни на примчавшегося дана Виталиса... в голове билась только одна мысль.

«Что, что я скажу Мие?!»

Мия

– Ну, это никуда не годится. – Паскуале хмурился, глядя на своего помощника.

Марко стоял бледный, но смотрел прямо.

– Я люблю Джулию. И прошу ее руки. И... я знаю, что небогат, но все сделаю, чтобы она ни в чем не нуждалась.

Паскуале только головой покачал.

– Марко, ты чудесный юноша. И я бы лучшей партии даже для своей дочери не пожелал. Но...

– Но?

– Джулия – дана Феретти. А ты ньор Мели. Чувствуешь разницу? Свою дочь я бы за тебя выдал, потому что я тоже ньор. И знал бы, что девочка в хороших руках, и радовался. А вот Джулию...

Марко кивнул.

Ну да, в любовном угаре плохо помнится о сословных различиях. Но... когда Джакомо женился на Катарине, та поднялась на ступеньку. Если Марко женится на Джулии, та упадет в глазах общества.

Ерунда? У нас есть любовь и мы справимся?

Так-то так, да не так. Живет человек не в диком лесу, зарабатывать Марко предстоит в столице, соответственно, люди будут в курсе дела. И отношение к Джулии будет... соответствующее.

Любая эданна будет смотреть на нее сверху вниз.

Пусть Марко будет золотым мужем, а он будет. Пусть носит на руках и засыпает бриллиантами. Пусть у этой гипотетической эданны муж пьянствует, гуляет и учит ее зуботычинами. Пусть...

Эданна все равно будет фыркать на Джулию. И в храме сядет выше ее, и смотреть будет с сочувствием... и каково?

Неприятно.

Марко это понимал, так что объяснять ему Паскуале не потребовалось.

– Это единственное препятствие?

– Да.

Марко кивнул.

– Я его исправлю.

– Каким образом? – не стал язвить Паскуале. Просто поинтересовался.

– Я знаю, кто мой отец. Просто найду его и попрошу меня признать, вот и все.

– Хм. А он согласится?

Марко пожал плечами.

– Не знаю. Попробую, если что – подам прошение королеве. Мне не нужна земля, мне ничего не нужно. Просто признание меня даном, и мне хватит. Могу даже фамилию жены взять.

– Феретти? Марко Феретти? В этом что-то есть.

В возвращение Лоренцо Паскуале не верил. На Эмилио надежды было мало – после смерти брата парень становился наследником Делука, ему и род продолжать. А Феретти что?

Простаивать?

Лебедой зарастать? Лебеда она, конечно, в голодный год полезна, но... ни к чему. А так будет и Делука, и Феретти...

– Мне нравится эта идея. Попробуй найти своего отца, парень, а прошение ее величеству подадим. То есть его величеству, конечно...

Паскуале улыбался не просто так.

С начала года Лаццо получили уже несколько приятных кусочков.

Госзаказы – дело такое. На поставках можно неплохо обогатиться, особенно если не нагнеть и три цены не ломить. Хотелось бы больше, но Лаццо понимали, что главное тут – зацепиться. Врасти. А уж потом... потом они развернутся. Может, через два-три поколения, может, не сейчас. Но справятся. А пока они честные купцы.

Кто тут смеялся? А в морду? Со всей честностью и прямоотой?

– Спасибо, – поклонился Марко. – Я могу поговорить с Джулией?

– Ты не позволишь себе ничего лишнего?

– Обещаю, – просто сказал Марко. – Я же ее люблю.

И Паскуале поверил.

Любит. И защищать будет. Повезло девочке. Девочкам.

Эх, где-то сейчас Мия?

* * *

Мия проверяла свой дом на Приречной.

Но там все было тихо и спокойно. Ньора Анджели прекрасно обжилась в домике, комнаты были чистенькие и аккуратные, мальчишки помогали в саду, вкусно пахло рагу и печеньем...

Мия оставила денег на содержание домика, для оплаты труда стражников и задумалась.

С одной стороны...

Они с Рикардо живут на постоялом дворе. А могли бы и в своем доме.

С другой... а как она ему все объяснит?

Лучше она помолчит, пока они не поженятся. Потом она сможет постепенно раскрывать свои секреты, и про Джакомо расскажет, и про все остальное. А пока помолчит.

Правда, так будет лучше...

Мия успешно убедила себя в этом и отправилась в таверну. Скоро со службы вернется Рикардо... последнее время ему тяжело приходится. Но ничего не поделаешь...

Кто-то болеет, кто-то ранен, плюс еще нападения волков участились... вот и приходится Рикардо постоянно пребывать на дежурстве. Тут все понятно.

Ничего. Мия его любит и подождет. Когда Рикардо придет, его будет ждать горячий ужин, грелка в постели и поцелуй любимой женщины. И все образуется рано или поздно. Мия в это твердо верила.

Да и ребенок...

Как же это здорово, когда ребенок!

* * *

Баттистина Андреоли бесилась.

Собственно, бесилась она уже давно, с момента беседы с ее величеством.

Да как она смела?!

С детства Баттистина была избалована до беспредела. Хочешь, деточка, игрушку? Вот, пожалуйста...

Платьице, тuffельки, меха, куколка, украшение, сладость... это получилось вовсе не случайно. Баттистина была последним и поздним ребенком, родилась она, когда матери было уже за тридцать, и никто ничего такого не ожидал. Поэтому баловали девочку всей семьей. Тем более такую. Симпатичную, кудрявенькую, обаятельную...

Баловали-баловали да и не заметили, как гиена выросла. Матерущая такая, противная до крайности.

Внешне-то Баттистина была очаровательна, этого не отнять. А вот внутренне...

Слово «хочу» она знала. А дальше... вижу цель, не вижу препятствий... кто-то против? Ну и покойтесь с миром!

Если бы девочке понадобилось пройти к своей цели по головам живых людей, она бы и не задумалась. Разве что посетовала – каблучки обдерет.

Сейчас она хотела Рикардо Демарко. И злилась на отца и на королеву.

Как королева вообще смела?! Кто она такая?!

Королева? Ну вот сиди и правь... а к людям не лезь! И вообще, она злая и страшная, неудивительно, что его величество к любовнице бегает... вот королева приличным данам жизнь и портит! Стерва!

Отец?

Тоже... как он мог?! Сказал бы, что им с Рикардо прямая дорога в храм, и благословил! И была бы Баттистина эданной Демарко. А что? Прекрасно бы жили! Он при дворе, ее можно ко двору пристроить... почему нет? Она красивее многих фрейлин, между прочим! А ее не взяли! А она хотела! И могла бы! И справилась!

А ей отказали!!!

Где справедливость?!

И отец начал переговоры о ее замужестве с кем-то... Баттистина и не вникала толком... какой еще Лучио Манфредо?! Кому он нужен с его прыщами и занудством?!

Какие-то разговоры о земле, овцах, урожае... вот Рикардо стихи читал, а этот... да тьфу три раза! Тина решительно не хотела за него замуж! Это скучно, скучно, СКУЧНО!!!

Но если не взять дело в свои руки...

Что ж, золотой ключик откроет любую дверь. А дан Андреоли хоть и перепорол прислугу, но всех помощников дочери не выявил. А потому...

Баттистина взяла чернильницу, поморщилась: пальцы пачкать, фу... и отправилась писать письмо Рикардо.

Она согласна выйти за него замуж. А отец...

Позлится да и простит! Никуда он не денется! Поймет, что они любят друг друга, и смирится...

Письмо она передаст через доверенную служанку. А дальше... Сбежать она сумеет. А Рикардо пусть организует все остальное. Священника, свадьбу, что там еще положено? Все записи...

Плохо, что платья не будет. И цветов. И вообще... бежать придется. Но это так романтично! Ни у кого из подруг ничего такого не было и не будет! Баттистина сумеет преподнести им это в нужном ключе, они все от зависти помрут! Это уж точно!

И девушка принялась вырисовывать буквы, высунув язык от усердия. Да, учиться она тоже не любила, а потому и грамотность у нее хромала. Но дане это ни к чему. А Рикардо и так все поймет!

Их сердца связаны! Они услышат друг друга!

Ах, как это будет романтично...

Адриенна

– Дорогая супруга, вам не стоит переутомляться.

– Я не утомляюсь.

– Ческа за мной замечательно ухаживает. Ваша помощь тут не требуется...

Адриенна чувствовала себя так, словно ее по щекам отхлестали. Эданна Франческа смотрела торжествующе. Разве что не ухмылялась ей в лицо.

Ну и ладно!

Адриенна решительно расправила плечи.

– Я не смею навязываться, мой дорогой супруг. Если общество эданны Франчески вам нужнее, пожалуйста.

– Не стоит вести себя как испорченный ребенок, ваше величество. Вам это не к лицу.

А это было и обидно, и несправедливо. Впрочем, когда и кого интересовала справедливость?

Адриенна улыбнулась вполне язвительно.

– Ваше величество, если я вам понадобится, вы всегда можете меня пригласить. В остальном же не смею мешать вам с эданной Франческой. С вашего позволения.

– Позволяю, – махнул рукой Филиппо.

Мысль о том, что жизнью он, как ни крути, обязан Адриенне, неприятно царапала, но Филиппо успешно ее отогнал. Подумаешь!

И так бы выжил!

Франческа бы его спасла, не дала умереть – вот она, сидит рядом...

– Любимая!

За Адриенной глухо закрылась дверь. Ее величество не стала хлопать дверями, вот еще. Ни на что она и не рассчитывала, когда спасала Филиппо. Ни на поумнение, ни на избавление от любви-одержимости... куда там!

Если человек в семнадцать лет не научился головой пользоваться, он ее и в тридцать будет только для еды использовать. Если доживет, конечно^[3].

А если так подумать, Филиппо сам себе враг. Если Адриенна прекратит его навещать, раны короля будут заживать намного медленнее. А она прекратит.

Она будет навещать остальных охотников, передаст привет Лаццо через дана Делука, но к Филиппо даже не зайдет. Она оскорблена, на что имеет полное право. И будет страдать.

Ох-х-х... опять тошнит!

И что за жизнь такая? Как женщины по десять детей рожают? Жуть какая-то!

* * *

Марко долго не раздумывал.

Имя дана, который подарил ему жизнь, а потом выгнал его мать на улицу, он знал. Дан Казими́ро Фриджерио.

Сволочь, конечно, но пусть с него хоть какая польза будет.

Так бы Марко и на одном поле с ним... пахать не стал. Но...

Ладно, ладно! Знаете, как любопытно было? Поэтому по приезде в столицу Марко не выдержал и навел справки.

Дан Казими́ро Фриджерио был женат, имел шесть наследниц и ни единого наследника. Даже приятно стало... как медом по душе!

Злорадство грех?

А вот и ни разу! Церковь может объявлять грехом что захочет, а вот Марко точно знал: справедливость.

Обрюхатить девчонку – можно!

Выгнать ее из дома – можно! Пусть подохнет под забором, правда же?

И подохла бы, если бы не дана Рианна, земля ей пухом. А так... Марко жив, здоров, успешен – по своим меркам. И у мамы его все в порядке, малышку нянчит...

А у дана Казимира нет наследника. И не предвидится. Просто потому, что все шесть девок у него от трех браков. Три раза женился, в первом браке – три девчонки, во втором одна, в третьем две, но близняшки... и все. После смерти третьей жены церковь больше венчать не станет.

Не угоден!

Господь не позволяет, вот и весь ответ. А чтобы его поменять...

Деньги нужны! И у дана Казимира такой суммы нет!

А как приятно!

А как справедливо! Можно радоваться чужой беде, и это нехорошо, но грех ли радоваться высшей справедливости? Господь судил – и точка! Не Марко ж трех жен папаше извел?

Вот с этим Марко и отправился в особняк Фриджеро.

Открывший ему дворецкий был исполнен достоинства. А ливрея заштопана в нескольких местах, Марко это сразу увидел. Ткань, конечно, подороже, чем та, что пошла на его костюм, но у Марко одежда новая и добротная. Простые штаны, рубашка, дублет... поверх – короткий плащ, как сейчас модно носить у молодежи. Аккуратная шляпа с неширокими полями. Все чистое, приличное, без особой вышивки и роскоши. Но и без штопки, так-то!

– Добрый день, ньор...

– Мели. Марко Мели.

– Слушаю вас, ньор.

– Я бы хотел поговорить с даном Казимира Фриджеро.

– По вопросу, ньор?

Надо отдать дворецкому должное, разговаривал он исключительно вежливо. И Марко не стал фыркать. Ну слуга. Но кто-то другой мог бы и нахамить ньору. А этот – нет. Держит себя... молодец.

– Простите, ньор...

– Поцци. Паскуале Поцци, юноша.

– Простите, ньор Поцци, но я не имею права говорить с вами о некоторых вещах. Если ваш дан решит побеседовать со мной, я

расскажу ему все. Если нет... что ж. Значит, нет.

– Прошу подождать, ньор Мели. Полагаю, дан захочет побеседовать с вами.

– Хорошо, ньор Поцци.

Марко проследовал в гостиную, отдал дворецкому плащ и шляпу и огляделся. И понял, почему его примут. Обязательно...

На стене висел портрет. Совсем молодой тогда дан Фриджеро, который обнимает какую-то женщину. Красивую, с белыми цветами в волосах...

Так вот. Лицо дана Казимира на портрете было копией лица Марко. Как с юноши рисовали. И дворецкий наверняка уловил это сходство, о чем и доложит хозяину.

Что ж.

Подождем...

* * *

Долго Марко ждать не пришлось. Дворецкий вернулся почти сразу, поклонился и пригласил ньора следовать за собой.

Дан Казимира ждал его в кабинете. Сидел за столом, но, когда увидел Марко, не выдержал. Вскочил, взгляделся.

– Черт побери!

Дворецкий действительно был профессионалом: дверь за ним уже закрылась.

– Здравствуйте, дан Фриджеро, – спокойно приветствовал Марко родного отца. Хотя... какой он, к чертям, отец?! Не растил, не вытирал слезы, не учил, не любил...

Да коли на то пошло, дан Марк и то больше возился с Марко. А что? И с Адриенной, и с Марко заодно, раз уж мальчик тут крутится... и это Марко еще молчал про своего отчима, ньора Мели. Тот-то вообще и Розы обожал, и первому сыну ее родным стал.

И правильно.

Так и надо.

А этот... да какой он отец? Гниль подболотная, одно название, что бык-осеменитель. Уж прости, мама, а только так и выходит.

– Глазам своим не верю! Кто ты такой?

Марко пожал плечами.

– Полагаю, вы уже догадались, дан Фриджеро. Я грех вашей молодости.

Дан тряхнул головой.

– Нет-нет, я понимаю... сразу видно, что ты мой сын! Но от кого? Кто твоя мать?!

Напомнить было несложно. Правда, дан сильно изумился.

– Розы? Она...

– Жива, здорова, вышла замуж, у меня замечательная семья, – спокойно отозвался Марко. В подробности он не вдавался. И дана это явно задело.

– Семья? Так что ж ты здесь делаешь?

– Решил сначала попробовать поговорить с вами. А если не получится, подам прошение королю, – пожал плечами Марко.

– И что же тебе надо?

Дан Казимиру уже понял, что никто ему на шею кидаться не будет. И даже слегка разозлился. Вот ведь... не успел сына найти, а этот паршивец...

– Я бы хотел, чтобы вы признали меня своим бастардом. Тогда я могу стать даном... земля мне не нужна, деньги я заработаю, но моя любимая – дана. И я не хочу, чтобы кто-то смотрел на нее сверху вниз.

– Хм...

Дан Казимиру задумался.

С одной стороны, он вроде как нужен. С другой стороны, без него и обойдутся прекрасно. Значит что? Поторговаться надо, понятное дело. А для начала расспросить наследничка, посмотреть, что он собой представляет, чем дышит, о чем думает... мало ли кто тут придет?

Всех признавать?

Признавалка отвалится.

Хотя до сих пор вообще-то никто не явился. А еще раз жениться дану никто не даст, как это ни печально.

– Расскажи мне о себе, Марко Мели, – решил он.

Марко покосился на кресло, но решил не спрашивать разрешения. Просто чуточку шевельнулся, меняя позу.

Стоять тоже можно по-разному. Можно навтыяжку, можно расхлябанно, можно скованно, не зная, куда девать руки...

А можно и так. Спокойно, расслабленно, с улыбкой... ладно уж... постою. Мне не жалко. Дан Марк, земля ему пухом, научил. И Казими́ро оценил. Явно новоявленный наследник получил образование, и неплохое.

Так и оказалось.

Марко был грамотен, умел все, что следует уметь благородному дану, – не специально. Просто учился вместе с Адриенной, ну и еще добирал самостоятельно. Разве что не фехтовал как положено, но отлично стрелял, владел кинжалом, ездил верхом даже без седла, плавал словно рыба, а что до меча – зачем? Ему и не надо было. И ни к чему.

Знал три языка, на всех говорил, писал, читал. Дан Рокко учил Адриенну, и рядом учился Марко. Так что...

Хорошие манеры?

А в паре с кем их должна была отрабатывать дана СибЛевран? Так что дан Казими́ро был впечатлен. Марко даже танцевать умел, кстати говоря. Хотя и не любил: вот уж где зряшная трата времени.

Дан Фриджеро самокритично признался сам себе, что знает меньше. Хотя бы на два языка. И постучал пальцами по столу.

– И где же ты получил такое образование?

Марко качнул головой.

– Дан Фриджеро, простите, но название замка, в котором я рос, пока останется при мне.

«Пока я не определюсь, стоит ли вам доверять». Фраза в кабинете не прозвучала, но дураком дан Фриджеро не был. Ни разу. И слегка обиделся.

– Да неужели?

– Мать заслужила спокойствие. И хозяйка замка тоже.

– А если я поклянусь по всей форме?

– То станете клятвopеступником, дан Фриджеро.

– Хм?

– Поверьте, это действительно так. Хотите, я поклянусь по всей форме?

Марко ничем не рисковал. В любом случае прошение об усыновлении будет подано королю. И королеве.

А кто у нас хозяйка СибЛеврана?

Вот то-то и оно. Ты ее в любом случае побеспокоишь.

– Допустим. – Уверенность сына произвела впечатление. – Я подаю прошение, усыновляю тебя без права на наследство, усеченным вариантом, и ты...

– Женюсь на своей любимой. А если король позволит, возьму ее фамилию. У них в роду мужчин не осталось, надеюсь, его величество пойдет мне навстречу.

Дан Фриджеро хмыкнул.

Сын оказался практичен. И девушку себе нашел подходящую, надо признать. Если дана, да одна из последних...

– За ней хоть приданое дают?

– Джулия не из бедной семьи.

– Джулия... красивое имя. Когда состоится ваша свадьба?

– Не раньше, чем ей исполнится семнадцать... лет через пять. Я не хочу подвергать ее опасности ранних родов и смерти. Помолвка – как можно скорее, а свадьба подождет.

– А если за это время ты встретишь кого-то лучше?

Марко качнул головой. И ответил со всей возможной честностью:

– Знаете... дан Казимира. Мы так часто оправдываем свою трусость стремлениями к лучшему, что это даже страшно. Утешаем себя, что вот, влюбился ты, ну так что же? Может, и еще кого получше встретишь, и будет тебе более круглое счастье... А если нет? Если оно тебе вот, дано уже? Просто надо над этим работать, трудиться... как саженец в землю воткнуть? Поливать, заботиться, узнавать друг друга... для меня не в тягость будет ждать, потому что я постараюсь стать для любимой и мужем, и другом, и возлюбленным... всем, чем она захочет. А вот эта надежда, что сейчас-сейчас... вот за следующим поворотом тебе принцесса в объятия упадет, а ты уже женат? Глупая она, право слово. Если уж досталось тебе счастье повстречать того самого человека, так не дури! Хватай, не отпускай, люби что есть силы. Потому что потом может и поздно быть. Я-то видел...

И дана Марка, и ту же Адриенну, и, кстати, Леонардо... да и в столице посмотрел на Серену с Эмилио. Да, можно ждать, что кто-то где-то лучше и радостнее.

Можно.

А если нет?

Если Господь для тебя уже самое важное сделал, если ваши дороги с тем самым человеком пересеклись?! Ты еще и перебирать

будешь?

Бери, дурак, и благодари! А то Небо на вторые шансы скуповато, когда еще допросишься. И шанс тебе дадут или подзатыльник?

Дан Казими́ро задумался.

– Знаешь... сын. Ты меня порадовал. Я не ожидал, честно...

Марко молчал. Он сказал, что ему нужно, и решил, что хватит. Больше от него ничего не зависит.

– Мне надо подумать. Ты не мог бы зайти ко мне дней через десять?

Марко весело улыбнулся.

– Хотите навести справки, дан Казими́ро?

Ответом ему была такая же улыбка.

– Ты бы отказался на моем месте?

– Нет. Не стесняйтесь, дан, узнавайте, что пожелаете. В моем прошлом ничего порочащего нет.

Разве что охота на Леверранское чудовище. Несколько неприлично для юной даны вылезать в окно, ехать, приманивать монстра... как ни погляди – сложная ситуация. Но... можно ли считать это компрометирующим моментом? Все же их было трое... даже четверо, если считать само чудовище.

– Я проверю. Может, назовешь замок, в котором ты рос?

– И лишит вас такого удовольствия узнать все самостоятельно?

Нет-нет, дан, я не способен на такое коварство.

Дан скрипнул зубами. Марко послал ему ослепительную улыбку.

– Вы позволите откланяться?

– Да. Через декаду приходи, поговорим...

– До встречи, дан Фриджерио.

– До встречи... сын.

Выходя из дома, Марко насвистывал. Что ж, можно считать визит удавшимся. Потом он преспокойно отправился в лавку к Паскуале Лаццо.

Хвост?

Ой, да видел он эту слежку, видел! Но так посоветовал Фредо. Пусть дан все узнает сам. Тогда и поймет правильно, и верить будет больше...

Тогда и поговорить можно чуточку иначе.

А сейчас...

Подождем. Невелик труд – подождем. И, кстати, надо по дороге купить букетик цветов для Джулии.

Глава 4

Мия

Рикардо смотрел на записку.

М-да... и уже не первую.

Увидеться с данной Баттистиной он не мог, первый побег из дома должен стать для нее и последним. Потом отец сообразит и перекроет эту возможность.

И придется ей выходить замуж за нелюбимого.

А ему искать новую выгодную партию.

М-да...

Найдет ли он кого-то такого же богатого? Да, Рикардо уже достаточно покрутился при дворе, шел второй месяц его наказания, даже уже заканчивался, и мужчина начал понимать, что в столице на деревьях не растут лорины!

Вы знаете, и даже дарии не растут!

Я вам больше скажу: никто Рикардо не ждал, не встречал с оркестром, не аплодировал, не открывал в честь его приезда бутылки старого вина... и как жить?

Смотрят на него как на провинциала и деревенщину. А столичная жизнь – она денег стоит. Больших денег...

Чтобы и в картишки перекинуться, и на скачки сходить, и куда-то закатиться попить с нужными людьми... даже шлюхи стоят столько, что жуть берет!

А приходится регулярно захаживать.

Мия становится... нет, она не дурнеет. Но толстеет, а у Рикардо есть и свой фетиш. Нравятся ему девушки с тонкой талией и большой грудью. Нравятся...

А у Мии талия уже расползлась, а грудь... эти синие прожилки, эти вены...

Рикардо, конечно, мог. Но все равно... не то! Фу какое-то...

Беременная Мия ему не нравилась. Вообще и никак.

Да и денег у нее не было. И жить в таверне Рикардо надоело. Он пытался найти и снять комнаты, но цены в столице на жилье... может, будь он один?

Нет, и тогда нет. Хозяйки ему не раз намекали, но там такие крокодилы, что Мия даже беременная выглядит раз в двести лучше. А с ЭТИМ Рикардо не смог бы ни при какой погоде. Даже если мешок на голову натянуть. И ей, и ему. Все равно не поможет...

Где-то, наверное, есть квартиры с очаровательными хозяйками, которые жаждут развеять одиночество молодых гвардейцев... но где?! Рикардо такие пока не попадались.

А доходы из Демарко были невелики. Оплатить комнаты и еду, ну одеться. А больше и не хватает ни на что... особенно после того, как королева – вот уж стерва из стервоз – своей волей запретила ему выплаты на три месяца! Зараза! Понятно, почему король другую... любит. Во всех позах!

И что тут делать?

Как быть?

И да! Самый-то ужасный ужас в том, что богатые наследницы тоже на дороге не валяются. Это ему просто очень повезло. Невероятно повезло!

Баттистина не ангел, и слухи о ней ходят, как об избалованной стервочке, но тут Рикардо в себе не сомневался. Баб он укротить может. Любую. Рецепт прост: если бабе хорошо в постели, ей будет хорошо в принципе. На мелочи вроде денег она внимания уже не обратит, факт.

Ничего, и не надо. Зато любимая, балованная, с хоро-о-ошим приданым...

И, что немаловажно, симпатичная.

Он при дворе уже пообтерся, повидал наследниц... что тут скажешь?

Наверное, есть какой-то питомник. Богатые люди сдают туда дочек и на выходе получают страшил, чучел и чудовищ. Потому что ничем иным такое не объяснишь!

Ну правда же!

Страшные, страшные, СТРАШНЫЕ!!!

То фигура, как у палки или бочки, то морда такая – на заборе нарисовать, так его вороны облетать станут по большой дуге, то

характер...

А самое-то главное – переборчивость! Вот не устраивает их бедный красавчик, хотят кого побогаче...

Кругом одни сволочи! Факт!

И если ему повезло с Баттистиной... надо брать. Папаша переберется да и успокоится.

Только вот пока идет Великий пост, их не обвенчают. Придется еще немножко подождать, около месяца. Ну да ладно, ничего страшного.

Он за это время приручит Баттистину побольше, чтобы она смотрела влюбленными глазами, словно кошка. И договорится, и на первое время дом снимет.

И... Мия.

Надо что-то делать с Мией.

Рикардо задумался.

Хотя... чего тут размышлять? Надо поговорить с ней и отослать обратно в Демарко. Вот как только дороги просохнут... как раз в апреле можно будет ехать. И пусть едет, и рожает там, и живет... он же не зверь какой! Они с Баттистиной будут жить в столице, а в Демарко он съездит... разок.

Признает ребенка и уедет.

А Мия пусть живет сколько пожелает. Может, замуж там за кого выйдет...

Она же не могла подумать, что Рикардо на ней женится?

Конечно, нет! Глупость какая несусветная! Он рожден для столицы, для светской жизни, для блеска и сияния. А она?

Всего лишь менестрелька...

Вот и пусть радуется, что он с ней поступит благородно.

Только... когда будут разговаривать, лучше острые предметы от нее убрать. Так... на всякий случай.

Когда поговорим?

А вот как приблизится окончание Великого поста, так и разговор будет. Чтобы сразу и отослать в Демарко. Не любил Рикардо кислые мордочки рядом с собой. Это так... утомительно!

Ему улыбки нравятся. Счастье, радость, то, что несколько веков спустя назовут позитивом. И жить он хочет весело. Так что...

Да, к концу поста надо будет поговорить с Мией.

А пока...

«Моя любимая, обожаемая, несравненная Баттистина...»

Какие ж бабы дуры!

Адриенна

– Ваше величество, умоляю о милости.

Даже если бы Адриенна не прочитала письмо Марко, она бы преотлично догадалась, кто перед ней. Так Марко и будет выглядеть двадцать лет спустя.

Очень симпатично.

Импозантная внешность, никакого животика, прямая спина, густые волосы... красавец. Жаль, что сволочь, а вот Марко будет порядочным и умным. Уже такой.

– Слушаю вас, дан Фриджеро.

– Ваше величество... – Дан помялся под ледяным синим взглядом, но потом решился: – Я... ко мне обратился молодой ньор Марко Мели...

– Я в курсе. И обращения, и судьбы ньора.

Ну да.

Навел дан Фриджеро справки и загрустил. Да еще как... Сообразил, что надавить не получится, что связываться с людьми, которые живут в личном, ее величества, замке – дело гиблое, что шантажировать Марко вообще бессмысленно...

Парень просто решил упростить себе жизнь. А так бы мог и к королеве обратиться, не откажет она другу детства. Просто признать бастарда проще и быстрее, чем с нуля творить новый род.

– Ваше величество, я теперь тоже в курсе. Я рад, что у меня есть сын. И сожалею, что не принимал в нем участия. Но я хочу исправить это упущение.

Адриенна подняла брови.

– И в чем это будет выражаться, дан?

– Ваше величество, у меня, к сожалению, рождались только дочери. Господь не даровал мне сына в законном браке, но титул и земли надо кому-то передать...

Адриенна качнула головой.

– Марко это не подойдет.

Отказ был быстрым и решительным. Дан Фриджеро даже головой замотал.

– Ваше величество! Но почему?!

– Потому что ваши земли истощены, имение выжато как лимон, а дочерям вы не можете даже выделить пристойное приданое, – отрезала Адриенна. – Что вы предлагаете моему молочному брату? Принять всю эту тяжесть на свою шею и порадоваться?

– Молоч... му... б... ра... ту?!

Дан Казимира аж заикаться стал. Об этом он еще не знал. Адриенна и скрывать не собиралась. Да, ее молочный брат. Что кому непонятно?!

– Абсолютно верно. Если вы хотите попробовать наладить отношения с сыном, вы можете пока признать его по усеченному варианту, герб с левой перевязью... [\[4\]](#)

– Ваше величество!

– Возможно, позднее. Но сейчас я не позволю вешать на шею Марко все ваши вериги. Вы эту судьбу себе выбрали, вы и разбирайтесь... Марко нужна только его любимая, вот и пусть будет бастардом. Это не страшно.

Судя по взгляду дана Фриджеро, это было страшно. Но в том-то и беда: воздействовать на Марко он не мог никак! Даже если он устроит неприятности Лаццо... Да плюнет Марко и уедет в Сиблевран! Лошади его любят...

– Ваше величество, я... я хотел бы...

Адриенна понимающе улыбалась. Хотел больше, получил меньше. Ничего, перебьется. Если бы Марко влюбился не в дану, а в ньору, у Фриджеро и того бы не было. Так что все справедливо! И цыц!

* * *

Спустя декаду Марко стал данном Джерио. Полная фамилия ему, как бастарду, не полагалась. А вот усеченная – вполне. И перечеркнутый герб.

А еще спустя несколько дней Марко сделал предложение дане Джулии Феретти, и оно было принято с радостным писком.

Помолвка получилась пышная, Паскуале расстарался.

Дан Фриджерио, глядя на невесту, подумал да и решил, что все еще впереди. Он еще свое возьмет. Видно же, Марко девочку любит, да и та вся светится... разве ему не захочется большего для своей семьи?

Захочется, никуда не денется. И будет у Казимира полноправный наследник. Хотя и так... хоть какой камень с плеч.

Род не пресекался, жизнь продолжается.

Лоренцо

Ох, нелегкая это работа...

Каково тащить через горы беременную женщину?

Нелегко.

И это еще мягко сказано.

Лоренцо предлагал любые другие варианты, готов был уйти один, оставить денег, вернуться...

Его словно огнем гнало в Эрвлин. Он знал, чувствовал, что нужен там!

Нужен Адриенне? Да. Это наверняка, но ведь еще и семья есть! И сестрички, которым без него наверняка тяжело. Мия им пропасть не даст, и дядя, но все равно... они его любят, переживают...

Куда там – уехать!

Динч вцепилась в Лоренцо клещом и поднимала такой вой, что со всей деревни собаки поддерживали. «Я умру, твой ребенок умрет, мы оба умрем...»

Лоренцо в этом искренне сомневался, но ладно уж.

Тогда вариант был только один.

Всем вместе – и через горы.

А тут тоже – беременность...

Остаться до родов? А как потом с младенцем? Это, считай, еще на год задержаться придется, а то и побольше. А жить на что?

А Кемаль-бей? А Бема-фрайя? А Амирух-бей... короче, в Арайте им было крайне неуютно. Надо уходить, это понимала даже Динч. И потому...

Ослики – животные умные.

И этот конкретный ослик аккуратно нес беременную женщину через горы.

Энцо и Зеки-фрай подстраховывали.

Помогало еще то, что горы были вполне преодолимы. Нормальные переходы, неплохие привалы, местные жители, которые зарабатывали на путешественниках свою монетку...

Войско по таким дорогам не проведешь, это нереально.

И каравану сложно будет. На себе много тащить... да, тут не получится.

А если почти без груза?

Почти налегке?

Только сами, ну и немного вещей?

Вот так получалось, и неплохо. Конечно, Динч стонала, рыдала и жаловалась.

Конечно, мужчины терпели, стиснув зубы. Но все упорно шли вперед.

Эрвлин приближался с каждым днем, и Лоренцо все чаще сжимал в ладони серебряного ворона, гладил подвеску кончиками пальцев...

– В Эрвлине сразу направимся ко мне, – распорядился он. – В столицу... горы перейдем, там можно будет и карету нанять, деньги есть.

– Ангел, ты уверен, что нам будут рады? – Зеки-фрай все же сомневался.

Лоренцо только рукой махнул.

– Сам увидишь. Разберемся, и дело себе по душе найдем, и женим тебя потихоньку...

– Всего одна жена? Нет-нет, это не для меня. Она же не справится! – запротестовал Зеки-фрай.

– У нас только по одной, – развел руками Энцо. – Но кто тебе мешает завести полный дом хорошеньких служанок и с десятков любовниц? Уверю тебя, от желающих отбоя не будет.

– А ты тоже так сделаешь?

– Нет. – Лоренцо даже не сомневался. – Я Адриенну люблю. Или она, или никто.

– А если она замужем?

– Все равно.

– Так и будешь всю жизнь ее ждать?
– И жизнь, и смерть, и вечность...
– Ангел, мне хочется посмотреть на женщину, которую ты так любишь. Она должна быть необыкновенной...

Энцо пожал плечами.

– Она... как тут скажешь? Она просто единственная.

Динч злобно сощурилась.

Единственная...

А когда ты меня... когда со мной – это как? Мысль о том, что начала-то она и она залезла в постель к Лоренцо, ей в голову даже не приходила. А что?

Лоренцо мужчина? Должен нести ответственность! Пусть даже ему эту ответственность насильно навязали.

А вот все равно!

Ну когда ж ты поймешь, что она – лучший вариант! Не Адриенна никакая, а именно Динч, Дженнара! Какие же мужчины бывают глупые... ничего! Всему свое время.

Динч и сейчас бы скандал устроила, но сил не было. А вот будут они в Эрвлине, там уж она постарается. Жаль, спать сейчас с Лоренцо нельзя, мужики в постели податливые...

Ничего. У нее еще будет время. Женится на ней Лоренцо как миленький. Никуда не денется!

Адриенна

Весной в лесу голодно.

Холодно, грязно, а дичи мало. А вот волков...

Адриенна получала сообщения раз за разом.

Волки напали на обоз. Трое мертвы, шестеро ранены.

Волки напали на крестьян...

Волки ворвались в деревню...

Волки, волки, волки...

Все – крупные, все – черные, все – невероятно разумные.

А еще...

Нанесенные ими раны не заживали просто так. Их требовалось промыть святой водой, прочитать молитву, а то и прижечь.

И по деревням поползли слухи...

Не просто так эти волки, ой неспроста! Точно... Дьявол на землю пришел. А если не пришел, то кого-то послал...

На эти слухи изумительно наложились сведения про черную мессу в столице. Месса разрослась, расползлась, и теперь шептались, что сатанистов аж во дворце видели...

Точно-точно, говорят, там каждый третий.

А то нет?

Волки эти неспроста, мессы эти... или колдун где завелся, или ведьма! Искать надо, братие! Искать, искать... найти и сжечь! И никак иначе!

Адриенна понимала, надо что-то делать. Надо, но что?!

И как?!

Его величество, несмотря на все усилия эданны Вилецци, пока даже вставать не мог. Так в кровати и валялся.

Государственные дела?

Так-то да, но их вел сейчас кардинал Санторо. А с ним у Адриенны как-то не заладилось. Единственный выход, который видела Адриенна, – это послать войско ловить волков. Массовые облавы, отстрел, загонщики – да, это будет дорого, но сейчас эти твари наносят больше ущерба. Намного больше...

Кардиналу она это изложила. На Совете.

И получила вполне закономерный ответ. Вот как встанет его величество, отдаст приказ... тогда и сразу...

Замечательное чувство! Ты знаешь, что надо делать, ты знаешь, как надо, ты можешь сделать... и тебе планомерно перекрыли все ходы.

Филиппо супругу видеть не хотел, эданна Вилецци в него вцепилась клещом и пела, пела, пела...

Казначей примерно подсчитал, сколько потребуется на очистку королевства от волков, эти деньги можно бы выделить из бюджета, но нужно разрешение короля.

Денег не было. Так король заявил, на всякие глупости денег нет! Зато у эданны Франчески в ушах и на шее сверкали драгоценности, которые стоили не одну тысячу лоринов.

Кардинал же со своей стороны блокировал все, что пыталась сделать Адриенна. Королева дошла уже до того, что откровенно его

игнорировала при встречах. Даже не здоровалась.

Это не мешало кардиналу благословлять ее вслед, но ее величество демонстративно проходила мимо. А для исповеди и причастия отправлялась к падре Ваккаро.

Убила бы!

Тварь, ну отказали тебе, так что ж ты людям-то гадишь?! Сколько должно погибнуть, чтобы ты успокоился? Пакостил бы лично Адриенне, она бы не возразила, но государственные дела зачем примешивать?

И словно этого мало...

Беременность.

Которая протекала чрезвычайно тяжело. Сводила с ума, заставляла корчиться от тошноты... Адриенна чувствовала себя так плохо, что сил не было ни на что. Упасть бы и лежать, лежать, лежать...

А вместо этого требовалось вставать, одеваться, улыбаться, чем-то заниматься...

Старое проклятие не собиралось уходить просто так – и сосало, сосало силы из Адриенны...

Единственной ее мыслью оставалось: «Господи, да скорее бы родить! Хотя что закончится!»

Мия

– Тетушка Летта, – по здравому размышлению Мия и Виолетта перешли именно на этот вариант общения, – значит, черные мессы вы проводили именно для эданны Франчески?

– Да, детка.

– Хм... а ее можно как-то на этом поймать?

– Можно. Но сейчас Господин приказал все прекратить, а я не могу его послушаться. Да и стерва эта сейчас же во дворце? От короля не отходит?

Мия кивнула.

Что было, то было. Бедная ее подружка... Адриенна просто с ума сходила, но сделать ничего не могла.

Пока...

Мия тоже пока сделать ничего не могла. Поймите правильно, убить-то несложно! Сложнее уйти безнаказанной и неузнанной. А Мия сейчас даже внешность поменять не могла, к сожалению...

Эданна Дзанелла только головой качала. Про метаморфов она знала и понимала, что Мие сейчас тяжело. Девушка привыкла к своим способностям, это как руку отрубить. Или ногу.

Вот было, было у тебя что-то – и нет его.

Обидно...

Выбора все равно нет. Надо сначала родить, а уж потом... сейчас Мия даже во дворец пройти не могла. Пару раз дан Пинна ее проводил, но – и только!

Спасибо, конечно, и наговорились они с Адриенной, и Мия твердо знала, что Лоренцо жив... но этого – мало! Ма-ло!

Мия хотела вернуться домой. И... если уж честно, она обдумывала и такую версию развития событий. Дайте ей только родить. А потом...

Минус один король.

Да здравствует ее величество!

А Мие – оправдательный приговор. Или, что еще проще, новое имя и биографию. Выйдет замуж за Рикардо, будет эданной Демарко, чего еще желать? Просто надо будет это как-то аккуратно повернуть... не посвящая Адриенну. Подругу Мия обожала, но иногда просто не понимала... вот что ей стоило?

Приняла бы предложение кардинала, потом убили бы и кардинала тоже. А она: «Подлость, подлость...»

Какая там подлость?

Это с порядочными людьми надо вести себя как с людьми. А с подлецами так действовать нельзя в принципе! Они же тебя сожрут!

Уже жрут!

– Во дворце сейчас гадючник.

– Ты подруге скажи, пусть будет поосторожнее. Я так поняла, что Господин хочет сесть на трон... волки – это часть его плана.

– Сначала обстановку накалить до предела, а потом... потом спустить толпу на короля?

– И на королеву.

– А проклятие?

– А вдруг ему повезет? Опять же, проклятия можно снять.

– Правда?

Ведьма пожала плечами.

– Вообще-то можно. Только не в том случае, если речь идет о Высоком Роде.

Мия вздохнула.

– Вы ему об этом сказали?

– Да.

– Не помогло?

– Когда это умные и сильные мужчины старых ведьм слушали?

Они ж такие... умные, сильные...

Виолетта развела руками, демонстрируя полное свое поражение.

Мия фыркнула.

Ладно. Тут тоже понятно, если человек хочет власти... даже не так. ХОЧЕТ! ВЛАСТИ!!!

И отказываться от своих планов из-за какой-то ерунды? Да щ-щ-щ-щ-щас-с-с-с-с!

Авось пронесет, небось повезет и как-нибудь, да обойдется. Три оправдания дураков, которые правят миром.

– С этими волками как-то можно справиться иначе?

– Я не знаю. Только облава... и все, пожалуй. Это животные, а что ты сделаешь с животными, даже если убрать темную составляющую?

Действительно... что тут сделаешь?

– Тетушка Летта, скажите, когда будет назначена следующая месса. Хорошо?

– Я дам знать.

Виолетта понимала, что речь идет об облаве. Ну и что?

Она-то убежит. А что там будут делать все остальные...

Это ее не касается ни малейшим краем. Что хотят, пусть то и делают.

Адриенна

Получив весточку от Мии, Адриенна задумалась. И решила переговорить с прабабкой.

Проблема была в кардинале, но... дан Санторо легко дал разрешение. И мгновенно предоставил часовню для ночного

уединения. Адриенна даже удивилась. С другой стороны – какая разница? Главное, она поговорит с Морганой.

– Моргана, ты говорила про волков...

– Да, Риен.

Адриенна в очередной раз спустилась к прабабке. Сидела возле кристалла, гладила его, не обращая внимания на кровь, стекающую по пальцам, разговаривала.

– Их можно как-то нейтрализовать?

– Убить.

– Их много. Не меньше пятисот.

– Замечательно, – едко отозвалась Моргана Чернокрылая. – Мне двух десятков хватило...

– У меня размах больше. Так все же, что с ними можно сделать?

– С самими волками? То же, что и с обычным зверьем. Очень советую отравленную приваду, рецепт яда подсказать?

– Пожалуйста.

– Запоминай. Белена, болиголов, дурман...

Моргана перечисляла, Адриенна старательно запоминала и думала, что надо бы записать, как вернется. Забудет ведь... состав сложный.

– В деревне такого не приготовят.

– А ничего другого посоветовать не могу.

Адриенне осталось только сжимать кулаки.

– Разве что...

– Что?

– Понимаешь, даже измененные тьмой, в основе лежат обычные звери. Вперед их гонит воля хозяина. Убери ее – и это будут где стаи, где одиночки... с ними можно будет справиться. Сложно, тяжело, но возможно. И намного легче, чем сейчас. Ты же понимаешь, сражаться с войском и давить отдельных разбойников – это совершенно разные потери.

Адриенна медленно кивнула.

– Убить хозяина?

– И разрушить алтарь. Должен быть алтарь...

– Как он выглядит?

Моргана только плечами пожала.

– Как угодно. Если человек умный, он не станет... а ты предполагаешь, это будет нечто вроде моего камня?

– Да. А разве нет?

– Не обязательно. Вот смотри, можно убивать на алтаре, а можно... можно просто смочить камень в крови жертвы.

Адриенна перевела взгляд на свое кольцо.

– То есть...

– Даже так.

– А я смогу найти его или почуять?

– Если дотронешься, – Моргана смотрела спокойно. – Если дотронешься, он тебя обожжет. Тогда – да. Это оно.

Адриенна представила себе, как она ходит и ощупывает все, до чего дотянулась.

– Эм-м-м...

– Не переживай и не ищи. – Моргана была в этом свято уверена. – Некоторые вещи всегда появляются вовремя. Ты его найдешь. Обязательно. И, может, даже не там, где думала искать.

– И как этот алтарь разрушать? – Адриенна представила себя с молотком.

– Мой клинок подошел бы. Но где сейчас мое Перо...

– Буду искать, – решила Адриенна. – Спасибо, прабабушка.

– Приходи, правнучка. И сына приноси.

– Сына?

– Да. Сейчас уже видно, у тебя будет сын. Как ты хочешь его назвать?

– Подозреваю, Филиппо мне вариантов не даст.

– Моего сына звали Цезаре.

– Цезаре Сибеллин... красиво.

Моргана подмигнула и растворилась в полумраке, намекая, что правнучке вообще-то пора идти.

Адриенна и отправилась в часовню.

А в это время...

* * *

– Да свершится!

Копье погружалось в грудь очередного несчастного.

Эданна Франческа была величественна, как богиня смерти. Ну... ей так казалось.

Моргана мигом объяснила бы безумной твари, свихнувшейся от крови, что между упоением битвы и наслаждением чужой смертью есть конкретная разница. В первом случае ты рискуешь своей жизнью.

Во втором...

Мразь ты законченная.

Впрочем, Морганы там не было.

Жрец наслаждался самим процессом. Ночь еще долгая, он успеет...

– Господин!

– Что случилось, Лука?

– Три раза мигнули. Опасность.

Как дать весточку ночью? Мало ли что? Птицы не летают, гонец не всегда и доскачет вовремя, что остается?

Да просто. Помигать фонарем с башни города. С одной из башен на стене. Если на воротах есть подкупленный стражник – так он есть, кто б сомневался!

Жрец недовольно покосился на пентаграмму... он еще не получил всей силы. Но...

– Начинайте собираться.

– А убирать?

– Если ложная тревога, уберете. Если нет... полагаю, и так все понятно будет. За нас уберут.

Лука понятливо кивнул.

Помог старой ведьме усесться на ослика и кивнул одному из своих людей. Тот взял его под уздцы. Еще двое держали коней наготове... ага!

Есть!

Жрец посмотрел на крупный кристалл на груди. Тот полыхнул последний раз, впитывая силу, и погас.

Отлично!

– Грузите эту дуру.

Конечно, громко он это не произнес, еще не хватало. Но эданну Франческу и так погрузили без особой нежности. Позади нее в седло взгромоздился один из подручных жреца – мало ли что?

Видно же, баба вся шальная, еще сверзится с лошади... понятно, подберут, не оставят, но зачем ей лишние переломы? Клиент платит, поэтому он должен быть целым и невредимым.

Жрец и сам преотлично справился.

Но... плохая тенденция. Вот уже второй раз их едва не застают... считай – знак. Пора заканчивать. Может, еще раз или два провести ритуал, только жертв набрать побольше... и приступать!

Чего его в своем подвале не провести?

Так ведь тоже... сложности. Если бы просто поморочить голову богатой идиотке, прирезать пару людишек... это в любое время можно. А вот так, чтобы с них получить *силу*...

Нужен правильный чертеж, нужен ритуал, тут даже положение звезд важно. Все надо учитывать. С другой ведьмой было бы проще, но эта слабая. Чего там с нее получишь?

Ладно, не стоит ворчать. По мраморной лестнице каждый пройдет, а вот ты по веревочной влезь! Умный человек обернет к своей пользе любой инструмент... ну, практически любого поставит себе на службу. Практически...

Когда отряд городской стражи добрался до места проведения ритуала, было уже непоправимо поздно. Там и следы остыли, и люди лежали мертвые. Но...

Черная месса.

Это страшно. Что же делать-то, что делать?

Хотя что тут сделаешь? Докладывать по команде и получать по шее. И так понятно.

Не уследили.

Хотя как тут уследишь? Хорошо хоть, записку прислали: подбежал мальчишка, кинул камень в окно – и удрал. А кто он, откуда что узнал...

Э-эх.

Поди найди еще... и не нашли.

Мия

– Рикардо?!

Она физически не могла верить в то, что слышала.

Рикардо, ее Рик, ее любимый... да разве он может говорить такое?! Это же чудовищно!

Непредставимо!

Но вот, сидит напротив, смотрит на нее, морщится, словно укуса напился, и говорит такое... ужасное...

– Мия, тебе будет лучше в Демарко.

– Я не хочу оставлять тебя.

– Я буду приезжать. И сына признаю или дочь, кто там родится. Обещал – и сделаю. Будешь жить на всем готовом и ни о чем не жалеть.

– А ты будешь в столице?

– Да.

– Почему я не могу остаться здесь, с тобой? – Мие было откровенно больно. Дурой она не была, понимала, к чему идет дело, но...

Разве ТАК бывает?

Когда по душе, по любви, по ее нежным росткам полосуют острым каленым железом. Или раскаленным... не важно! За что?!

– Потому что я собираюсь жить в столице.

– С кем? – Чего Мие стоил этот простой вопрос, знала только она. Но толкнулась под сердцем девочка... почему-то Мие казалось, что у нее будет малышка. И она знала, как ее назовет.

Эванджелиной.

И Мия смирила норы.

Кинуться бы, вцепиться, ударить...

Нельзя.

Рисковать ребенком? Только не это!

Рикардо отвел глаза. И этот жест лучше всего сказал изучившей его Мие, что есть с кем. Ох как есть...

– Мия, ты понимаешь... ты ведь не дана.

– То есть замену мне ты уже подобрал, – сухо подвела итог Мия.

И встала.

Рвануло когтями где-то под сердцем.

Больно, страшно...

– Мия...

– Ты ошибся, Рикардо. Здесь и сейчас ты ошибаешься. Но я даю тебе последний шанс. Если мы сейчас пойдем и поженимся, я прощу

тебе эту глупость.

Рикардо откинул голову назад и рассмеялся.

– Мия, ты такая забавная... ну подумай сама, как я могу жениться на девке, которая невесть с кем спала до меня? И кто тебя знает, что у тебя там в прошлом, и по остальному ты мне не ровня... ну ты же должна понимать. Давай так! Ты сейчас спокойно едешь в Демарко и живешь там. Ребенка усыновлю, соберешься выйти замуж – дам приданое. И разговор этот мы забываем.

Мия медленно кивнула.

– Карета уже готова?

– Разумеется.

Соображала она быстро.

– Мои вещи ты тоже приказал собрать?

– Да.

– Все?

– Все...

– Так боишься, что она обо мне узнает?

– Да! – выпалил Рикардо и осекся. Вопросы Мия задавала в ураганном темпе, так что... Ответил, не подумав, зато чистую правду. Мия коротко рассмеялась.

– Не переживай. Сейчас нужник навешу и поеду. Только вещи проверю...

– Я все проверил, – подбоченился Рикардо.

– Неужели? Даже драгоценности оставишь? Не будешь *той* передаривать?

Рикардо сморщил нос.

Баттистина, увы, была намного выше его по уровню благосостояния. А потому... ну что он мог ей подарить? Дешевое колечко?

Тоненькую цепочку?

На большее бы денег не хватило... а меньшее выглядело бы жалко. Нет, этого никак нельзя было позволить, поэтому вместо денег мужчина обходился романтикой.

Цветы, конфеты в форме сердца, красивые безделушки... всякое дешевое хламье, стоит рии медные, но бабы почему-то это ценят. Тьфу, дуры...

– Я тебе даже клинок положил, который мой отец подарил.

– Я это ценю, – одними губами улыбнулась Мия. – Хорошо... кто со мной поедет?

– Карло.

– Отлично. Один?

– А зачем больше?

– Затем, что дорога беспокойна. Волки...

– Ничего, вы будете только днем ехать.

«А случись волки – не заплачу», – расшифровала Мия. И улыбнулась еще раз.

Джакомо видел такую улыбку, но с того света не слишком-то посоветуешь бежать и прятаться.

Мия поправила волосы и решительно отправилась в нужник. А потом без звука уселась в карету.

Заговорила она, только когда они выехали за город и даже отъехали подальше. Примерно на полчаса пути.

– Останови.

– Зачем это? – недовольно отозвался Карло.

Рикардо выбрал его не просто так. Слуга Мию недолго любил, потому как попробовал подкатить и крепко был бит. Не ладошкой по личику, а ногой, да по ступне, а потом кулаком в горло. Когда отдышался, мигом лишился всех романтических устремлений.

– Или остановишь, или сделаю лужу в карете, все равно тебе отмывать придется, – отрезала Мия.

– Да щас!

– Если Рикардо меня отослал рожать в Демарко, думаешь, он от меня откажется? Или от ребенка?

Карло скрипнул зубами, но противная шлюха была права. Кто его, дана, знает. Они ж благородные, то есть идиоты... чего им там в голову взбредет?

Пришлось останавливаться. И даже слезть с козел и помочь бабе выйти из кареты. Вон какое пузо...

И как так получается? Вроде и в тягости, и рожать летом, а все равно выглядит красоткой! Так бы и завалил в стожок сена...

Это и стало последней мыслью дурачка Карло. Потому что Мия навыков не утратила. То, что она не могла менять личины...

Ну так что с того? Стилет у нее никто не отнимал, вот и пригодился.

Теперь... оглядеться еще раз.

Никого. Ни на горизонте, ни в пределах видимости. Отлично... труп спихнуть в канаву. Там сразу не заметят, особенно если плащ сверху накинуть, он серый... вот, еще грязи спихнуть.

Нормально.

А там, глядишь, до него и зверье доберется! Приятного аппетита!

Мия поправила мешочек с зельем на груди и решительно принялась распрягать лошадей. Править ей не под силу. Тем более двумя...

А погрузить свои вещи на одну лошадь, на вторую сесть, медленно ехать и вести груженую в поводу она может. Видела такое, только повод надо будет не в руке держать, а к седлу приторочить. Вот так... карету она прямо на дороге и оставит. Найдется, кому поживиться, она даже не сомневалась. И следа не отыщут.

Хорошо, что еще в Демарко, получив рецепт травяного зелья от дана Козимо, она научилась ездить верхом. Не слишком хорошо, но ей тут чудеса вольтижировки и не нужны. Шагом пойдет...

Уж на это ее таланта хватит – в город вернуться. А там...

Домик у нее есть. Как чуяла – молчала.

Вот туда Мия сейчас и отправится. И будет лежать какое-то время... посмотрим, сколько ей понадобится.

И сколько понадобится Рикардо.

И кто эта дрянь...

Ненависть?

О да! Здесь и сейчас Мия ненавидела. Словно пламя выжигало ее душу дотла... Если бы Рикардо мог полюбить ее, вернее и добрее жены не нашлось бы. Но измена...

И такое отношение?

Что ж, ты сам вырыл себе могилу. Сам в ней и спать будешь.

Но позднее, потом. Здесь и сейчас Мия не станет рисковать малышом... малышкой. Что ж, Эванджелина. Нельзя сказать, что тебе будет легче, чем той... но мы справимся. Обязательно справимся.

Сердце болело, и Мия время от времени растирала грудь ладонью. Ничего, это пройдет.

Рано или поздно что угодно пройдет...

Роза Анджели едва в обморок не упала, увидев хозяйку на пороге. Усталую, беременную, едва на ногах стоящую...

И тут же захлопотала вокруг. Один из мальчишек помчался греть воду, второй потащил из угла на кухне большую круглую бадью, а сама Роза молча усадила Мию за стол, налила теплого молока с медом и заставила женщину выпить.

– Вот так... а сейчас мы искупаемся и в чистенькое переоденемся, и кровать у меня стоит застеленная – как знала – и лавандочкой пахнет...

Воркование было уютным и успокаивающим. Потому что Роза смотрела и четко узнавала те самые признаки.

Вот так же, точь-в-точь, выглядела и она. Когда ей принесли известие о смерти мужа.

Вроде бы и живая, и не падает, а в глазах – смерть. И лютый холод.

И душу судорогой сводит, и кричать хочется... она-то ночью орала в подушку. Да только куда тут расслабиться – у нее двое детей! Их надо поднимать, на ноги ставить...

Дана помогла.

А теперь вот она сама вся бледная, словно Смерть повидала. И тоже ей сейчас помощь нужна... Роза-то хоть дитя не носила, а дана...

На таком сроке очень даже запросто плод скинуть. И опасно это очень: считай, приговор и для матери, и для ребенка...

Нет уж!

Такого дана Роза не допустит, недаром у нее сонные капли есть. Вот пусть дана сейчас расслабится, поспит, а с утра любая беда вдвое легче покажется. А если и не так... хоть тело отдохнет! Любому человеку силы нужны, чтобы горе выдержать, а силы – они от тела. Душа-то в нем живет, а не по небу летает... вот так. И волосики промыть, вот какие волосы шикарные, чистый шелк...

Мия послушно помогала себя купать и переодевать в рубашку самой ньюры Анджели. Правда, рубашка ей была велика раза в два, если не в три... ну так что же?

И молочка еще выпила, четко опознав в нем снотворное еще по запаху, на подносе. И в кровать улеглась, вдыхая сушеную лаванду.

Зла ей тут не желают. А если она сейчас не выспится...

Малышка строго толкнулась под ладонью.

Мама, вот не надо! У нас и так день был тяжелый, а ты еще добавляешь? Спи немедленно...

Мия и заснула.

А наутро чувствовала себя так плохо, что Роза просто уперла руки в бока и встала над кроватью.

– Убивайте, выгоняйте... не пущу!

У Мии сил хватило бы только на убийство. И то не факт.

То ли вчера ее продуло где, то ли шок так сказался... Но был сильный жар. Ее всю трясло в лихорадке. Какие уж тут лишние движения?

Мия только рукой махнула.

– В моей сумке кошель с деньгами... да, вот в этой. Трать спокойно.

– Может, лекаря пригласить?

– Если почую, что с ребенком плохо, тогда обязательно, – кивнула Мия. – А пока не надо. Перебьюсь.

– Хорошо, дана.

И Мия откинулась на подушки.

Отдых и снова отдых.

Хотя... нет!

– Бумагу мне дай и перо, а потом попроси кого из мальчишек. Я объясню, куда нести.

Адриенна должна знать, что с ней случилось. Подруга волноваться будет.

Адриенна

– Простите – кто?! – вежливость королевы была почти оскорбительной.

Стоящий перед ней мужчина протягивал ей бумагу с печатью.

– Ваше величество, это приказ его величества...

Ческа учла предыдущие ошибки.

Адриенна быстро проглядела бумаги.

Дан Фортунато Нери устроен ко двору на должность коменданта. Коменданта чего? А, вот! Дворцового коменданта.

Если кто не понимает, это начальник королевской охраны. То есть Адриенна сейчас вверит свою безопасность в руки ставленника эданны Франчески.

Смеяться после какого слова?

Или тут уже плакать надо?

Адриенна даже представляла, как все это выглядит.

«Ах, дорогой, вот мой родственник, он умный-хороший-замечательный (тебе и в подметки не годится, но все-таки!), ему нужна какая-нибудь должность при дворе.

Какая?

Ну... вот хотя бы и эта. Он обо всем позаботится, и ты сможешь чувствовать себя в безопасности...»

Текст произносится эданной Франческой шепотом и в постели. В любой позе.

Вот ведь... гадина!

Вот что тебе спокойно не живется? Чего ты всю эту шваль ко двору тащишь?

Министру, дану Баттисте, такой подчиненный вообще был без надобности, и он предпочел спихнуть этот вопрос на Адриенну.

Пусть королева со своим супругом воюет... ага! Она счастлива, конечно!

Тьфу, зараза!

И ведь не отменишь, не перекроишь... сейчас она должна назначить этого типа на должность коменданта и заверить печатью. Поскольку они с Филиппо соправители, такое мимо нее не проходит. Адриенна еще раз проглядела приказ. В том и суть, что приказы короля исполняются.

Но...

Дословно?

А если дословно, тут не сказано, что именно начальником личной охраны. Адриенна прищурилась на дана Баттисту.

– Дан Микеле, что у нас с Вороньей башней?

Дураком министр не был.

Ну вот так... коменданта в Воронью башню приходилось подбирать долго, а увольнялись они оттуда быстро. Моргана в своей

вотчине эрвлиновских прихвостней не любила и терпеть не собиралась.

Ладно еще заключенные. Те сами пострадали от Эрвлинов, тех можно пожалеть.

Ладно стража. Тем все равно весь дворец дозором обходить, вот и Воронью башню...

А вот тюремщики, комендант...

Надо же и призраку на ком-то коготки почесать? Обязательно!

Вот Моргана и развлекалась. Да так, что людей с большим сердцем в башню на должности старались не назначать. Или наоборот... Чтобы сами померли.

– Там сейчас нет коменданта, ваше величество, – расплылся в улыбке министр.

– Замечательно. Готовьте указ, дан Баттиста.

– К-как Воронья башня? – принялся заикаться дан Нери. – Я же... к-комендант с-ст-тражи...

– Вот и будете, – оскалилась на него Адриенна без малейшего сострадания. – Или вы не хотите служить Короне?

– Х-хочу...

– Считаете, что я не права?

– Н-нет, ваше в-величество...

Воротник явно стал тесным для дана, вон он как его оттягивает.

Хм, приятного аппетита, прабабушка. Авось не отравишься?

– Дан Баттиста, займитесь. – Адриенна подписала приказ, в котором четко указала должность и назначение.

Дан Баттиста оскалился так, что Леверранское чудовище сдохло бы от зависти. Цапнул дана Нери за локоть и потащил за собой, уверяя, что лучше места во дворце просто не найти.

Вот самое-самое вам отдаем, от сердца оторвем, из печени вынем, но вам и для вас! Оно уж лет пять дожидается с тех пор, как предыдущий комендант шею свернул... а, нет! Простите, это предпредыдущий... а последний от разрыва сердца помер. А до того еще кто-то рехнулся... кажется.

Шикарное место!

Не проходите мимо!

Дан Нери что-то попискивал, но дан Баттиста увлекал его с неизбежностью лавины.

Адриенна довольно улыбнулась.

А вот поделом! Пусть теперь Ческа своего родственничка устраивает, но ближайшие года три он королеве на глаза точно не попадет. Если жить захочет.

Впрочем, хорошее настроение у королевы держалось недолго.
Ровно до письма от Мии.

* * *

«Сестренка!

*Он подлец и мразь. Не знаю, на кого меня променяли,
сейчас пока даже встать не могу, плохо себя чувствую.*

Не хочу потерять ребенка.

Как только смогу встать, дам знать, и продолжим.

Береги себя.

М. Ф.»

Адриенна еще раз пробежала глазами записку. Посмотрела на дана Пинну.

– Дан Иларио...

– Да, ваше величество?

– Я хочу знать, где сейчас моя сестра.

Дан Пинна подавился воздухом. Потом подумал, что сестры бывают разные. И двоюродные, и троюродные... и вообще молочные. И названные... чего сразу родные-то? Это он что-то не сообразил.

– Я и так знаю, ваше величество. На Приречной.

– Как я могу к ней попасть?

Адриенна спрашивала не просто так. Ясно же... Если Мие плохо, единственная, кто ей может помочь, – именно Адриенна. Такова уж ее природа...

Но, чтобы помочь, надо быть рядом. Хотя бы ненадолго.

Хоть как...

– Ваше величество!

Дан Пинна даже испугался.

Если Мию беременность украшала, то Адриенна выглядела просто ужасно. Кроме живота, больше выпуклостей не было – сплошные впадины. Щеки запали, губы вообще не видны – так, полоска бледная, сама королева вся тощая, что лиса по весне... а глаза горят.

Лихорадочными синими огнями.

– Ваше величество, так нельзя...

– Дан Пинна, или вы мне поможете, или я пешком пойду.

Иларио подумал пару минут.

И ведь пойдет.

И придумает, как из дворца выйти, и по городу пройдет...

– Ваше величество, у нас не получится отлучиться надолго.

– Мне хоть бы пару часов рядом с сестрой. Потом все и так устроится.

Дан Иларио только вздохнул.

– Хорошо, ваше величество. Я сделаю.

– Сегодня?

– Да. Этой же ночью.

Из Адриенны словно стержень вытянули. Она протянула руку и коснулась рукава дана Иларио.

– Богом клянусь. Я не забуду вашей помощи.

– Да чего уж там... непонятно, что ли? Если родня...

Адриенна кивнула.

– Ближе ее у меня никого нет... почти никого.

Лоренцо.

Но где сейчас ее любимый? Нет его рядом, а когда будет и что будет... пока приходится самой справляться. Как она ему в глаза посмотрит, если Мию не убережет?

Никак.

Попросить короля хоть ненадолго отпустить Адриенну в город? Такое не рассматривал ни один из заговорщиков. Ни королева, ни Иларио... и так все ясно.

И не отпустит, и сестра королевы только себе бед наживет... нельзя.

– Ваше величество, я все сделаю. Только эданну Чиприани позовите.

– Зачем?

– Потому что кто-то должен будет нас прикрывать. Если что...

Адриенна медленно кивнула.

Да... прикрыть их, выиграть время...

– Откуда мы уйдем?

– Из сада, ваше величество. В розарии есть одна тропинка...

Адриенна подозревала, что их куда как больше. Но спорить не стала.

– Позовите эданну, Иларио. Пожалуйста.

Мужчина ласково погладил королеву по руке.

– Будьте готовы, как стемнеет.

И Адриенна кивнула.

Будет. Ой как будет...

Мия, держись! Я тебя не брошу...

– И еще... Иларио, пожалуйста, узнайте, что сейчас с даном Демарко?

Мия его не убила? Очень, очень жаль. Ничего, Адриенна наверстает.

* * *

– Ваше величество?

Эданна Сабина вошла, не подозревая ничего крамольного. И Адриенна протянула ей письмо Мии.

– Прочитайте, пожалуйста.

Эданна послушно взяла его. Пробежала глазами.

– Ваше величество?

Ну да. Что-то понятно, но есть и вопросы.

– Эданна, у меня есть сестра. Не кровная, но это не важно. Я ее все равно люблю, ближе человека у меня нет. Это письмо мне прислала она. Сегодня.

Теперь эданне все было понятно.

– Ваше величество, что вы хотите сделать? Я могу к ней съездить...

– Нет, эданна. Я сама к ней съезжу. Ночью. А вас прошу переночевать в моей спальне и всем говорить, что королеву тошнит. Или королева спит. Или нюхает цветы, или... вы мне поможете?

– Ваше величество, это безумие, – честно сказала эданна.

– Знаю. – Адриенна и спорить не стала. – Вы бы сестру бросили?

– Чем вы сможете ей помочь?

– Эданна, иногда лечат даже слова. Разве нет?

– Вы можете написать их, а я передам. Может, они и на бумаге вылечат, ваше величество? – Эданна упиралась недолго, но всерьез.

Адриенна только головой качнула.

– В жизни себе не прощу... если что. Даже думать о таком не хочется. Вы мне поможете?

Эданна Чиприани прищурилась. Вот теперь было видно, у кого муж армией командовал.

– Если буду уверена, что это для вас безопасно, эданна.

Иларио вернулся как раз вовремя.

– Ваше величество, дан Демарко сегодня с утра был во дворце. Попросил отпуск на декаду для устройства семейных дел.

– Каких-каких дел?

– Семейных. Сказал, что женится.

Шипение Адриенны проигнорировали и дан, и эданна. Сделали вид, что ничего не слышали... может, это во дворе конюха кобыла лягнула... аккуратно туда. Уж больно... витиевато!

– З-замечательно, – прошипела Адриенна, совладав с собой. – Твар-р-р-рь... дан Пинна, прошу, доложите мне потом подробно. И на ком *это* женилось, и обстоятельства...

– Ваше величество?

– Дан Пинна, вы же умный мужчина.

Дан Пинна действительно был умным. Потому что примерно догадался и кто, и что...

– Ваше величество, не нервничайте так. Будет потом еще время, обещаю...

Адриенна медленно кивнула. И придворные переглянулись над ее головой так, чтобы королева не заметила.

Дану Демарко оба посочувствовали. Нет, не сильно. Подлеца, который довел беременную женщину до выкидыша, жалеть не стоит, он того не заслужил. Но...

Судя по выражению лица королевы... ой, что она с ним сделает! Черти в аду позавидуют и опыт перенимать кинутся... это уж точно.

За своих королева не простит. Никогда. Никого.

– Дан Пинна поможет мне. Детали вы можете уточнить у него, Эданна.

Сабина кивнула и взяла дана под руку.

– С вашего позволения, ваше величество.

Адриенна только рукой махнула.

– Охотно позволяю. А я пока посплю... ночь будет долгая и трудная.

Повернулась на бок осторожно, чтобы живот не потревожить: малыш уже двигался, а спать, когда тебе по печени проходятся или, там, на мочевой пузырь что есть силы давят, сложно.

И закрыла глаза.

Придворные вышли из спальни, тихо, вполголоса обсуждая предстоящее ночью дело.

И никто не заметил скользнувшей им вслед фигурки.

Нет, все фрейлина не услышала. Но самое главное поняла.

Этой ночью королевы не будет в ее покоях. А это... это...

Это надо срочно доложить!

* * *

– Ваше величество, нам надо серьезно поговорить.

Филиппо страдальчески поглядел на кардинала Санторо.

Ну почему?! Вот почему его никто не понимает?! Он защищал свою страну, был серьезно ранен, едва выкарабкался... только благодаря нежной заботе Франчески, и ему до сих пор плохо! А ему даже не могут дать отдохнуть!

Где, где справедливость, я вас спрашиваю?!

Почему нельзя подумать, что король – тоже человек?!

Эданна поймала взгляд своего любимого и тут же заворковала, сбиваясь на отчетливое куриное кудахтанье:

– Ваше высокопреосвященство, куда вы, ну куда?! Его величество себя не слишком хорошо чувствует, и у него сегодня...

Кардинала такими мелочами было не сбить. Вот если б Эданна соизволила яйцо снести... нет, не сбился бы, но хоть посмотреть отвлекся. А один звук? Да пусть ее... кудахчет!

– Эданна, оставьте нас.

– Ваше высокопреосвященство...

– Давно ли ты была на исповеди, дочь моя?

Вопрос подбил эданну на взлете.

Ну... не была. Достаточно давно. Вот как это соотносилось в голове эданной Франчески – бог ведь, но тем не менее!

Участвовать в черных мессах можно, ходить к ведьме – ерунда. Убивать людей, то есть приносить в жертву для получения желаемого – легко! А вот на исповеди лгать – низзя!

Нехорошо это. Неправильно. Поэтому к причастию эданна ходила, и на службу тоже, а вот на исповеди не была давненько. Пришлось потупиться.

– Ваше высокопреосвященство, вся моя жизнь сейчас проходит на глазах у его величества...

– Вот и пусть глаза отдохнут. Идите, эданна.

Франческа метнула на Филиппо взгляд то ли раненой лани, то ли тонущего крокодила. Но его величество был занят, разглядывал что-то под одеялом.

Ладно-ладно, Ческу он любит. Но если кардиналу она мешает... да мало ли что? Кардинал ему так помог в последнее время, даже подумать страшно, сколько он на себя взвалил! Эти государственные дела такие утомительные...

Когда за эданной закрылась дверь, его величество посмотрел на кардинала.

– Что случилось, дан Анджело?

– Ваше величество, я хотел поговорить с вами по очень важному вопросу, который не терпит отлагательств.

– Слушаю.

А что еще остается?

– Ваше величество, давно ли вы видели свою супругу?

Филиппо невольно скривился.

Давно-давно... да, достаточно давно. Уже дней десять она к нему не приходила, а он и не настаивал. И Ческа была недовольна, и видеть Адриенну не хотелось... как-то она не так выглядела...

Понять, что во время беременности женщины дурнеют, у короля не хватало ни ума, ни сердца. А подумать, что на беременную женщину не надо наваливать государственные дела, что ей бы

отдохнуть, что ей надо создать комфортную атмосферу... нет, что вы! Зачем?!

Она ведь не жалуется!

Опять-таки. Мысль о том, что Адриенна могла бы жаловаться сутки напролет и это ничего не дало бы, все равно он сделал бы так, как понравится Франческе, тоже не приходила в важную королевскую голову. А зачем?

Там темнота, пустота и образ Франчески. Больше ничего и не помещается.

Филиппо Третий сына, конечно, воспитывал. Но... то ли проклятие сработало, то ли он сам по себе такой получился. Увы.

– Это важно, кардинал?

– Ваше величество, я понимаю, что вы себя плохо чувствуете. Что вас тревожат государственные дела...

С каждым словом кардинала лицо короля разглаживалось. Да-да, все именно так и обстоит. Он страдает! Очень страдает.

– Но и вы поймите. Вы король, вы обязаны служить примером для подданных. В том числе и проявлять внимание к супруге... хотя бы иногда. К примеру, если раз в декаду вы будете проводить с ней ночь...

– Дан Санторо!

Судя по лицу короля, вдобавок к ране у него и все зубы заболели.

Кардинал мило улыбнулся.

– Ваше величество, ну я же не прошу вас изменять эданне Франческе.

Особенно с законной женой, ага...

– Просто прийти, побеседовать...

Филиппо только вздохнул.

– Это очень надо?

– Ее величество носит наследника престола. Если бы это не было так важно, я бы и не подумал вас отвлекать от государственных дел...

Которые ты, обормот, ищешь в декольте своей девки. Тьфу, ну какой же дурак, какой потрясающий дурак!

Кардинал понимал, что не совсем справедлив к королю, просто Филиппо такой человек. Как сосуд. Как глина. Что налили, что вылепили... вот то самое и получилось. Пока отец им занимался, все было в порядке. Попал он в руки эданны Чески – и понеслось...

Впрочем, презирать короля ему это не мешало. Сложно уважать человека, которым манипулируешь, как тебе вздумается. И не только ты, но и такая, как Франческа... это уж и вовсе... тьфу, дурак!

– Что ж... я схожу.

– Сегодня же, ваше величество.

– Сегодня?

Королю явно не хотелось. Но у кардинала был неотразимый аргумент.

– Ваше величество, если вы пойдете завтра, эданна Франческа еще и ночью возмущаться будет...

– Да, Ческе это не понравится...

Замечательно!

– Ваше величество, есть государственная необходимость.

Филиппо скривился, но куда ему было против кардинала. Пришлось покориться этой самой необходимости.

Мия

Чего она не ожидала...

– Миечка!

Адриенна влетела в спальню ураганом, почти упала на кровать рядом с подругой.

– Риен?!

– Фу-у-у-у-у... как же я за тебя испугалась!

Адриенна плюнула на все и сгребла Мию в объятия.

Плевать на дурноту, на все... это ее подруга, почти сестра... да гори оно все огнем и гаром!

Дан Пинна смотрел, как королева обнимает блондинку, и думал, что поступил правильно. Даже если ему потом оторвут голову... он просто не видел Мию. А если бы видел, сам бы королеву привез. Это ж глядеть жутко...

Серое лицо, запавшие за одну ночь глаза...

Разочарование смыло с лица Мии все краски, оставило только черную и серую. А сейчас... сейчас она оживала рядом с Адриенной. Риен положила ей руку на животик.

– Толкается. Терпи...

– Знаю, – кивнула Мия. – Я потерплю... это девочка.

– А у меня парень.

Мия погладила подругу по руке.

– Ты тоже потерпи. Я сейчас приду в себя, и мы все-все исправим. Я тебе обещаю.

Адриенна поцеловала подругу в щеку.

– Мия, ты, главное, не переживай. Рикардо просто недоумок, даром что красивый...

Мия фыркнула.

Она уже не переживала. Она это просто пережила. И... было обидно. До боли, до слез, до крика обидно... ну вот почему, почему он с ней ТАК?! Она же все делала, чтобы ему было лучше, она его правда любила, все отдала, ребенка от него носит, а он...

А ему важен блеск. Шум и гам столицы.

Статус...

Смешные блестящие погремушки, которые нельзя даже сравнивать с родными и близкими людьми. С теми, кто тебя любит. Почему она это понимает, а Рикардо не понял? Почему?!

– Когда-нибудь он это тоже поймет, – тихо сказала Адриенна. – Не скоро. И ему будет очень больно, Мия. Помнишь Марко?

– Да.

– Когда-то его отец едва не убил его мать. А сейчас... готов на коленях к ней ползти, лишь бы Марко признал имя и принял род. Полностью. А Марко уже не хочет. Теперь он дан Джерио.

Мия хмыкнула.

– Потом... двадцать лет?

– Чуть меньше, но ненамного.

– Я столько не выдержу. Возмездие должно настичь подонков при жизни, Риен. И так, чтобы все понимали. И за что, и почему...

– Я не возражаю, но только после твоих родов, – взмахнула рукой Адриенна. – Слово дай!

Мия сморщилась, но...

– Ладно. Я им займусь после родов.

– Вот и отлично.

А к тому времени, глядишь, и остынешь, и успокоишься...

– Как ты себя чувствуешь?

– Лучше. Намного лучше, – честно сказала Мия.

Не то чтобы идеально. Все же нервы, нервы, обиды, разочарования...

Но последствия верховой езды уже так не чувствовались. И голова не болела, и не кружилась, и ее не тошнило...

– Сейчас, вот этой рукой...

Адриенна поменяла руку, которой гладила животик Мии. Теперь на нем оказалась рука с кольцом. Мия посмотрела на него внимательнее. Впервые...

– Хм... кажется, я такое уже видела.

– Да?

Мия оживала прямо на глазах. Огляделась...

– Ага, а мои сумки? Ньора Роза?

– В гардеробной, дана.

– А можно черную сумку принести?

– Я помогу, – вызвался дан Пинна. На ньору Анджели он поглядывал с видимым интересом. И то... ньора была удивительно хороша собой. Этакая сочная, зрелая, наливная красота. Как у осеннего яблочка.

Долго черную сумку искать не понадобилось. А уж длинный и узкий ящик, торчащий из нее – тем более.

– Дан Козимо Демарко отдал, – пояснила Мия. – Сказал, что под женскую руку, да и вообще... Не его это. Вот, оказалось, что и не мое... наверное. Он меня слушается, но не любит. Не признал до конца. И... зовут его так своеобразно. Я думала о тебе, но все как-то к делу не приходилось.

Адриенна открыла ящичек.

Да...

Клинок словно сам лег в руку. Пальцы сжались на рукояти... Адриенна достала из волос шпильку. Царапнула палец, выдавила на камень капельку крови.

Секунду ничего не происходило. А потом словно три алых огня вспыхнули.

В диадеме, в рукояти клинка, на пальце...

Все части камня заняли свое место.

Все попали наконец к своей хозяйке.

И в алом свете камней Адриенна была так похожа на Моргану, что дану Пинне даже жутковато стало.

«Круг замыкается, и все возвращается на свои места. И к законным владельцам», – дану показалось, что кто-то шепнул ему это на ухо. Но... показалось же! Вот как хотите – просто показалось!

А еще...

Звучит это, конечно, неплохо. Но кто сказал, что это самое «все» уступят те, кто им сейчас владеет? Ой вряд ли!

– Ты заберешь клинок? – Мия почти не спрашивала, почти утверждала.

– А ты отдашь?

– Он же твой. Чего тут думать...

Адриенна кивнула.

– Спасибо, сестренка.

– Риен...

– Да?

– Если будет не слишком трудно...

– Рикардо?

– Да.

– Он сегодня взял отпуск для устройства личных дел. Для женитьбы, – не стала скрывать Адриенна.

Мия стиснула кулачки. Слез почти и не было, лишь одна капелька стекла по тонкому лицу.

– Ненавижу...

– Знаю. И поверь, пока я королева, он ничего не получит, – жестко сказала Адриенна. – Обидевший тебя – и мой враг.

И сказано было серьезно.

Адриенна не станет кричать, не будет плакать или взывать к чьей-то давно почившей совести. Она рассудит по своему разумению. И спуску не даст.

Ни Рикардо, ни его женушке... хотя так и так Адриенна подозревала, кто это. Ну погодите у меня... Андреоли! Порву!

* * *

– Ваше величество?

Эданна Сабина склонилась перед королем, изображая верноподданность.

– Я пришел к своей супруге.

Эданна растопырилась еще сильнее.

– Ваше величество, умоляю меня выслушать.

– Пропустите меня, эданна.

Филиппо был настроен не то чтобы решительно, но стоять под дверью покоев королевы? В халате и колпаке? Вот еще...

Эданна Сабина поклонилась.

– Ваше величество... казните. Но умоляю... прислушаться.

И приоткрыла дверь в спальню. Чуть-чуть, только щелочку.

Звуки, которые оттуда доносились, заставили Филиппо отшатнуться. Явно кого-то жестоко и безжалостно выворачивало наизнанку. И запах... такой, тяжелый, сладковатый...

– Что это?!

– Ваше величество... – Эданна Сабина прикрыла дверь. – Ее величеству часто бывает плохо именно по вечерам. Вы же видели, как она... умоляю меня простить... изменилась за последнее время.

– Подурнела, – бросил Филиппо.

Эданна скрипнула зубами. Ну да, у Адриенны беременность. И времени лежать в ваннах с ослиным молоком попросту нет. И вообще, сколько еще с тебя, осла, молока надоишь?

Но вслух Сабина ничего такого не сказала. Жить хотелось. А вместо этого...

– Я умоляю ваше величество или подождать, пока ее величество придет в себя. Или... перенести ваш визит на завтра... если опять не случится ничего подобного. Или я могу дать вам знать, когда ее величество будет чувствовать себя получше...

– Пожалуй, это будет самым верным вариантом, – кивнул Филиппо. – Пожалуй...

Эданна поклонилась.

– Вы изволите сейчас зайти к ее величеству? Если да, то я предупрежу... умоляю, хотя бы пять минут...

– Буэ-э-э-э-э-э-э, – донеслось из снова приоткрытой ей двери.

Филиппо отшатнулся и даже головой замотал.

– Нет-нет. Это до завтра... или вы мне завтра доложите вечером...

– Да, ваше величество.

Поклон у эданны получился очень почтительным. А уж каким получился выдох облегчения, когда за его величеством дверь

закрыли...

Слов нет, одно дыхание...

– Можно? – Головка Челии Санти высунулась из дверей королевской спальни. Вслед за ней появился дан Виталис.

– Все в порядке?

И заткнул пробкой флакон с мускусом.

Парфюмерия?

Так каплей же! Кап-лей! На большой флакон.

А в концентрированном виде – убийственная вонючка.

– Да. Спасибо вам, – от всей души поблагодарила эданна.

Дан Виталис широко ухмыльнулся.

– Не хочу спасибо. Хочу разрешение от ее величества на брак с этой милой даной.

Эданна Сабина невольно улыбнулась. Ну да, как королева, Адриенна должна давать разрешения на браки своих фрейлин. И за Челию она будет рада. Это уж точно.

Очень рада.

Вот ведь как складывается.

Уговаривая своего монарха на свидание с королевой, кардинал не знал, что в соседней комнате готовит лекарство дан Виталис. Адриенна монарха не навещала, пришлось обходиться подручными средствами. Они тоже работают, но их же пить надо, втирать, повязки менять... вот и ждал дан Виталис. Эданна Франческа, как о своей любви ни пела, но даже вида открытых ран не любила. А тут же еще и чистить надо, и обрабатывать... и руки у нее не из того места росли.

А услышав про инициативу кардинала, лекарь решил вечером предупредить королеву. Мало ли...

Нет, не в смысле любовников или еще чего. А просто – вот лежишь ты в кровати, на лицо крем намазала, чесночка наелась, носочки шерстяные натянула... и тут – муж! И романтики требует...

Ага?

Тут, положим, дело не в романтике, но и отношения венценосной четы для лекаря секретом не были. Вот и решил зайти, сказать.

Эданна Сабина впала в панику, дан Виталис подумал... и – привлек дану Челию. Иначе не получилось бы. Эданна Сабина должна разговаривать, но кого-то и тошнить должно... причем женским тоном. У мужчин это иначе слышится. Добавили еще запах

концентрированного мускуса, от которого Челию едва на самом деле не стошнило... и ура!

Отбились.

Но это на сегодня... а потом?

– Предлагаю всем вместе подождать ее величество, – решила эданна. – И обрадуем.

* * *

Долго ждать Адриенну не пришлось. И у дана Виталиса последние подозрения отпали касательно любовников и прочего. Ага, именно так со свиданий и приходят.

В сопровождении личного секретаря, серые от усталости, нежно прижимая к себе чехол с клинком. Вот просто – кто бы сомневался?

Сразу видно. ЗАлюбили и ВЬлюбили. Только что выкинуть осталось.

Узнав о случившемся, Адриенна даже зубами заскрипела.

– Вот... с-собака!

– Его величество не...

– Да при чем тут он? Кардинал! – не выдержала королева. – Взаимность ему, гаду, подавай! Обойдется!

Присутствующие переглянулись.

Ладно-ладно, допустим, кардинал обойдется без взаимности. Но... что он дальше-то выкинет?

Адриенне это тоже было интересно. Но сейчас ей больше хотелось спать.

– Официальное разрешение на брак выдам завтра, – честно сказала она. – И над подарком подумаю.

– Ваше величество, – начал было дан Виталис и был остановлен решительным жестом.

– Дан, я все понимаю. Вы не за деньги, а я не откупаюсь. Это другое. Позвольте мне просто сделать подарок двум замечательным людям, которые нашли друг друга.

Против такого возразить было сложно. И дан Виталис кивнул.

Адриенна так и уснула, положив неподалеку от себя клинок. И руку на него положила.

И снилась ей счастливая Моргана.

Все возвращается на круги своя. Рано или поздно – все возвращается...

Глава 5

Лоренцо

– Столица. Эврона.

Путешественники смотрели на нее с самыми разными чувствами.

Лоренцо – счастливо. Он дома, он почти дома!

Зеки-фрай с опаской. Как-то его встретит чужая страна?

Его дети – с любопытством. Интересно же!

И только Динч злобно щурилась.

Лоренцо решительно отказывался жениться. Не помогали ни крики, ни слезы, ни обмороки. Ответ был один и тот же.

«Ты сама говорила, что свадьба тебе не нужна. Вот и отлично, ребенка признаю, тебе пропасть не дам – и довольно глупостей!»

Ну говорила! И что?!

Всякому ж понятно, эданной быть куда как приятней, чем ньорой!

А вот Лоренцо этого не понимает!

И другая...

Адриенна...

Найди ее еще поди, ту Адриенну! У них вон даже королева – и та Адриенна. То есть уже у нас, в Эвроне.

Ладно, сдаваться Динч не собиралась. Вот после родов как возьмет Лоренцо сына на руки, так и поймет! Так и предложение ей сделает!

Наверняка!

А пока хватит и того, что она едет не к своим родным, а к его. В дом Лаццо.

Энцо еще немного волновался, как его встретят да что скажут, но... с Паскуале он столкнулся прямо на пороге. Ньор Лаццо как раз выходил из дома, а Лоренцо спрыгнул с лошади и готовился позвонить в колокольчик.

Увидев эту картину, Паскуале охнул – и едва в обморок не упал.

– ЭНЦО!!!

Лоренцо едва успел подхватить дядю.

– Ну-ну... не надо! Я живой, все в порядке.

– Правда? Но... КАК?!

– А вот так. Меня смыло за борт, поносило по свету, но я выжил и вернулся.

Паскуале потрогал Лоренцо за руку. Но рука была живой и теплой.

Коснулся светлых, сейчас почти льняных волос, выгоревших на жарком южном солнце.

И – признал!

– ЭНЦО!!! Мальчик мой!!!

У мальчика только кости хрустнули. А его спутники тут же расслабились. Если ТАК обнимают, выгнать точно не станут. Любят, это видно. Сразу видно...

Так и вышло.

И в дом всех пригласили, и домочадцы примчались, и Марко позвали, и...

Рассказывать было много чего. Равно как с одной, так и с другой стороны.

Лоренцо познакомил всех с Зеки-фраем, и Фредо Лаццо довольно потер руки.

Компаньонство, говорите? Знакомые в Арайте?

Интересненько, любопытненько, мы еще об этом поговорим. Подробно так, серьезно.

Зеки-фрай не возражал.

Вот Динч вызвала больше любопытства у женской части семейства. Энцо был объявлен «бессердечным», но тут уж рявкнул Фредо Лаццо. Ньоры и даны замолчали и утащили Динч отдыхать и переодеваться. А то как же...

А Марко отвел Лоренцо в сторону для частного разговора. Об Адриенне.

– Она вышла замуж.

Лоренцо даже плечи опустил. Он знал... но верил! И надеялся.

А вдруг?!

– За короля.

– ЧТО?!

– Ты ведь кое-чего о ней не знаешь. Ты ее сейчас не осуждай. Поверь, другого выхода у нее не было. Вечером, когда все устанут и

разойдутся, я приду, и мы поговорим. Хорошо?

Энцо молча кивнул.

А что ему еще оставалось делать?

Это ему еще про Мию не рассказали. Не успели.

* * *

Про Мию Лоренцо спросил сам. Минут через десять.

– А где дядя Джакомо? Мия? Она замуж не вышла?

Фредо и Паскуале переглянулись. И на этот раз уже они утащили Лоренцо в кабинет.

– Энцо, тут такое дело...

– Подробнее, – попросил Лоренцо, начиная осознавать, что дома-то без него беда. И, видимо, серьезная...

– Я тоже виноват, – честно сказал Фредо. – Я должен был подумать, как-то приглядеться... я не сообразил. Но я любил свою дочь. И Джакомо тоже любил. Я и подумать не мог, что оно все так обернется.

– Как – так? – У Энцо по позвоночнику уже не холод бежал – там ледяная дорожка открылась.

– А вот так. Джакомо решил выдать Серену за дана Густаво Бьяджи.

– Да вы что! Он же старик!

Лоренцо про Рубинового короля кое-что слышал. Лично его не видел, но в лавке-то чего не узнаешь?

– Вот, он решил жениться на Серене. Джакомо даже нам не сказал сразу...

– А вы бы вмешались? – прищурился Лоренцо.

Тут уж глаза опустили оба Лаццо.

Ну... как бы... деньги, все же... а от Серены точно не убудет! Жила бы, как сыр в масле каталась...

Лоренцо это понял. Но осуждать не стал. Раньше – может быть. А сейчас... помотался среди людей, понял, что почему. И осознал, что никому-то его сестры не нужны. Кроме него самого.

Так вот. Твоя семья и твои близкие – они только твои. И только ты будешь их беречь, любить и защищать. Никто другой об этом не

подумает и не сделает. Скорее уж использует их в своих целях.

Вот как Лаццо.

Все ж они Лаццо, он – Феретти...

Можно дружить, можно хорошо относиться, можно помогать. Но... если встанет выбор между своей выгодой и чужим счастьем, Лаццо выберут свою выгоду. А Серена... поплачут на могилке, если что.

– Что с Мией? – Лоренцо даже не сомневался, что старшая сестра пыталась это остановить. И остановила, видимо, потому что Серену он уже видел. И Джулию.

– Мия убила Джакомо и утопилась.

– А... ы...

Как-то ничего содержательнее у Лоренцо не получилось. Какое уж тут содержание? Шок полный...

– Убила Джакомо?! Утопилась?..

– И дана Бьяджи тоже убила. Подсыпала им отраву, а там и... да, взяла грех на душу. – Паскуале вздохнул. – Потому и говорим... это и наша вина.

Лоренцо скрипнул зубами.

– А если б вы знали? Мию бы заперли в монастыре? Или как?

Лаццо опять переглянулись.

И снова... будь Лоренцо обычным человеком, не переживи он столько всего за последнее время... нет, он бы не понял. А сейчас...

– Дядя Фредо. Дядя Паскуале. Простите, мне это надо серьезно обдумать.

И вышел из кабинета.

Лаццо переглянулись. Они оценили по достоинству и выдержку молодого человека, и его реакцию... ожидали куда как худшего. Но Лоренцо привык уже не рубить сплеча. И отправился размышлять в сад. Там его Серена с Джулией и нашли.

– Братик...

Лоренцо почувствовал, как его обнимают, посмотрел на сестер.

– Девочки... простите.

– Не надо, – покачала головой Серена, понимая, о чем переживает брат. – Мия мне все-все объяснила. И сказала, что надо делать. Ты не думай, она точно жива.

Лоренцо почувствовал, что ему стало легче дышать.

– Правда?

– Да. Она сказала, что иначе остановить Джакомо не получится. Слишком выгодная партия... будь кто-то другой, попроще, можно бы побороться. А так... бесполезно.

Лоренцо кивнул.

Да, пожалуй. Слишком много денег, слишком высокое положение в обществе... и осуждать Лаццо не получается. Разозленный Рубиновый король устроил бы такое...

Лоренцо мог бы не отдать сестру. А вот купцы...

Даже Джакомо, хоть и дан по рождению, но многое определяет среда обитания...

– Я понимаю.

– И не переживай за Мию. Она пообещала объявиться, но не сразу, не раньше чем через год.

Энцо выдохнул.

– Да?

– И под другим именем.

– Понятно. Как вы здесь жили без меня?

Сестры переглянулись и заулыбались. Про помолвки Лоренцо еще не сказали... дану Феретти предстояли определенные потрясения.

* * *

Казалось бы – куда еще?

Но поздно вечером Лоренцо добились окончательно. В дверь постучался Марко.

– Поговорим?

– Проходи. Вино будешь?

В качестве жениха для сестры дан Джерио полностью устроил дана Феретти. А что?

Молод, неглуп, руки и голова на месте, желание работать для семьи есть – остальное приложится. И приданое не разматывает, и приумножит еще, и детей неволить не будет.

Нормальный парень.

Завтра еще со вторым познакомится, который Делука, но пока женихи сестер Лоренцо устраивали.

Про Мию бы еще узнать.

Но про нее Марко ничего сказать не смог. А вот про Адриенну...

– Ты не думай. Адриенна тебя любила, и любит, и любить будет.

В этом Лоренцо и не сомневался. То, что между ними, не подделаешь. Но вопросы оставались.

– Она не смогла отказать принцу? Но где она его увидела? Я думал, она просто с кем-то помолвлена? Ее жених ко двору представил?

Марко качнул головой.

– Нет. Я ведь ей молочный брат, что-то слышал, что-то видел... клятву дай, что никому про меня не скажешь.

– Про тебя?

– Я не беру клятву держать сказанное в тайне. Ты не дурак, сам поймешь, кому что говорить. А вот о том, что я это знаю, лучше помолчи.

– Клянусь, – четко произнес Лоренцо. – Клянусь своей матерью – да изольется ее чрево, клянусь своим родом – да пресечется он навеки, клянусь своей честью – пусть будет мое имя покрыто позором, клянусь своим сердцем – да остановится оно в тот же миг. Я не скажу никому о твоём знании.

Марко кивнул. Они друг друга поняли.

– Адриенна и была помолвлена с принцем. С двенадцати лет.

– Как?!

– А вот так... она потомок Сибеллинов. Тех самых.

– Ох...

– Я точно не понял почему, но вроде как Эрвлины нас завоевали давно, а вот право...

– Легитимность.

– Да, вот именно. Не знаю, что именно там не так, но эта свадьба нужна была королю. Еще старому. Ну, ты знаешь, у нас теперь Филиппо Четвертый.

– Да. И... королева Адриенна.

– Да.

Лоренцо ссутулился и прикрыл глаза.

Впрочем, ненадолго.

На арене тоже бывали безнадежные ситуации. Но разве это повод умирать? Вот ничутьки! Он жив и здесь! И с браком Адриенны тоже

рано или поздно решится... естественным путем.

Так что юноша открыл глаза и посмотрел на Марко.

– Продолжай.

– А чего тут продолжать? Она была свято уверена, что ты жив. Знала откуда-то, так и говорила. С подарком твоим не расставалась и не расстанется. И любит тебя. Но...

Лоренцо кивнул.

Да, с королем не поспоришь.

– Она знала, что у нее нет выбора. С детства знала. И... я тебя очень прошу. Не мучай ее.

– Что?!

– Тебе придется побывать при дворе. Но если ты начнешь ей признаваться в любви или как-то... ты понимаешь?

Лоренцо понял. И кивнул.

– Я ничего не сделаю во вред ей. Клятву дать?

Марко только фыркнул.

– Не надо. Я и так знаю, что ты ее любишь. Просто прошу: осторожнее. Я тут послушал... муж ее не любит, просто женился потому, что так надо. А любовница мужа вообще распоясалась.

– Что?! Любовница?!

Лоренцо понимал, что такое бывает. Но... у них что, страной идиот правит? С такой женой, как Адриенна, – и еще любовницу? Тебе бриллиант дали, а ты его в лужу – и комок грязи из нее выкопал! Еще и гордишься этим?

Недоумок.

– Да. Некая Франческа Вилецци... слышал?

– Знаю. Слышал.

– Вот. Так что держи себя в руках. И не бросайся сразу спасать деву от драконов, хотя бы поговори с ней сначала.

– Обещаю.

Марко посмотрел на... да, почти брата. Родственниками ведь будут.

И только рукой махнул.

– Выпьем?

– А давай...

Головы наутро болели у обоих. Но на душе у Лоренцо точно стало легче. У него есть семья.

Да, вот такая. Но если подумать...

Лаццо после скандала могли вообще сдать девочек в монастырь. Или еще чего утворить, замуж срочно выдать. Абы за кого. А они и женихов подобрали хороших, и заботились, и...

И девочки счастливы.

И Мия найдется. Он уверен.

Адриенна же...

Если бы она вышла замуж по любви, Лоренцо было бы намного хуже. А по принуждению, да еще такому... нет уж! Обвинять любимую не в чем! А вот быть рядом...

И найти случай поговорить.

И любить, любить... чтобы она знала, что не одна, чтобы верила, чтобы надеялась на лучшее...

Он может. И будет. И пошел к чертям сей король! Любимую Лоренцо никому не отдаст!

Мия

Рикардо встретил закутанную в плащ девушку совсем рядом с ее домом.

Бабы же! Дуры!

Запросто или ошибется, или передумает, или влезет куда... ну бабы же! Ясно все! Лучше им воли не давать!

Баттистина, закутанная в плащ так, что даже нос не торчал, кинулась ему на шею.

– О мой герой!

Герой закивал. Мол, я согласен...

– Баттистина, умоляю, не время!

Ага, не время!

Когда в крови невинной девушки бушует пламя страсти и оно готово вырваться и опалить несчастного, пробудившего огонь. И она обязана выразить благодарность своему спасителю от родительского произвола и тирании! Додумались!

Замуж насильно выдавать!

Кошмар!!!

Сказал бы по этому поводу Рикардо много чего, да некогда было. И священник ждет, такие все корыстные твари! Сказал: буду ровно два часа ждать, и ведь так и сделает! Потом развернется и уйдет! Никакого понимания о любви, сплошные деньги у всех на уме!

И карета тоже... да, у Рикардо есть своя, но она... вот Мию туда посадить можно было. А вот Баттистину нельзя. Неромантично-с!

Дерево, даже местами некрашеное...

А надо что-то роскошное, с позолотой и даже цветочками... опять, опять расходы!

Так что Рикардо плюнул на все и подхватил девушку на руки... что ж ты лопала-то, как не в себя! Зараза!

Вот Мия была легкой, а эта... тушка такая увесистая... и откуда что берется. Зато, во-первых, уверился, что точно Баттистина: капюшон упал, открыв мордашку; а во-вторых, смог начать двигаться. Эх, лишь бы в лужу дуру не уронить! Вот тяжелая, зараза!

Не уронил...

И до кареты донес, и на подушки опустил (два лорина в час за аренду, у-у-у-у-у!), и даже сам припал на колено... попробуйте сами, еще как раскорячитесь! И даже умудрился куртуазно даме ручку чмокнуть.

От благоговения-с...

Потом захлопнул дверцу и уселся рядом с кучером.

– Ну!

– Н-но! – отозвался кучер.

И карета тронулась. Колеса застучали по мостовой... на козлах Рикардо сидел не просто так. Знает он этих конюхов, тот сейчас будет полчаса по городу колесить, а потом еще надбавку возьмет! А вот перебьется!

Рикардо не какой-то там провинциал, чтобы его так дурили, он столицу знает...

Ну, может, он здесь и не родился. Но это просто случайность! Вот!

И нечего тут сворачивать, прямо надо ехать!

Кучер покосился на дана, но промолчал. Прямо так прямо. Сам виноват, дурак. Может, улицы ты и знаешь, а вот где и когда золотари работают – уже нет. Так бы их и объехали аккуратно, а нет – так нюхай! Наслаждайся!

Рикардо и наслаждался. Баттистине в карете еще не так перепало, а вот ему полной ложкой духовитости отсыпало. Даже расчихался.

Кучер помалкивал.

А вот не его дело.

Ну жулик ты и прощелыга! И плевать! Девка сама дура, что на тебя клюнула, ее родители дураки, что за дочерью не следят, а ты... а ты первый дурак, если думаешь, что альфонсу сладко живется. Если чего тебе и дадут, так потом три шкуры снимут.

Извозчики – они много чего видят и знают. Но молчат. Так что...

Вот и храм.

Приехали.

* * *

Обряд прошел быстро. Да и что там – того обряда? Священник ждал, книга готова, разрешение на брак есть, правда, заплатить за него пришлось еще двадцать лоринов («Ква-ква-ква», – нежно распевала личная жаба Рикардо), но это же надо! Это необходимо!

Обменяться кольцами (еще пятьдесят лоринов, ква) – и опять в карету. И в таверну.

Правда, тут Рикардо уже постарался. И номер свой приказал отмыть, и цветов везде напихать... сволочи!!!

Ну кто ж розы – да на кровать... штаны-то не кожаные, а колючки у них метровые. Баттистина через юбки и не почуяла, а вот ему – да. Ему тяжело пришлось.

Но справился!

Не опозорился!

И Баттистину порадовал, и сам удовольствие получил, и, главное, брак консумировал!

Все, теперь расторгнуть его уже нельзя. Никак. Можно, правда, убить Рикардо, но Баттистину это уже честной девушкой не сделает, только вдовой. Так что...

Завтра с утра попробуем договориться с тестем.

А пока... еще раз?

Почему бы и нет. Баба – она ласку любит, вот чтобы завтра выглядела совершенно счастливой – надо! Вперед, Рик, ты

справишься!

* * *

– Дан Андреоли, я умоляю о прощении!

На следующий же день не вышло, увы.

Баттистина оказалась жутко избалованной, капризной и совершенно ненасытной в постели. Так что Рикардо вспомнил про Мию с тоской. В первый, но, похоже, не в последний раз.

Мия тоже была ненасытна в постели. Но все остальное...

Номер убогий.

За окнами шумно.

Еда отвратительная!

Слуги непочтительные, этот воняет луком, та косит, а третья вообще тебе улыбнулась! Ты забыл, что ты женатый мужчина?!

Как ты вообще смел заметить, в каком она платье?! Ясно, ты на ее вымя смотрел, вот и заметил!!!

Унять Баттистину можно было только постелью, но к концу четвертого дня Рикардо начал подозревать неладное. Он нормальный мужчина, а не это самое... которое у статуй вечно воздето вверх! Он так не сможет! У него не постоянно...

Как это называется? Приапизм?

Вот, у него – не оно!

Жаль, что Баттистину это не интересовало. Равно как и рассказы Рикардо о себе. Вот о своих чувствах девушка говорила много и охотно: о том, как угнетали ее родители, как не понимали и не одобряли...

А вот что касается Рикардо...

Баттистина искренне полагала, что молодой муж должен любить ее, носить на руках и выполнять все прихоти.

Мириться с родителями?

Вот еще не хватало!

Нет-нет, дорогой, сейчас отец нас просто убьет! Лучше мы поедem к тебе в имение, поживем там годик на лоне природы, там наверняка прекрасное место... а через годик, когда я рожу тебе ребеночка...

лучше сразу двоих, близнецов, отец меня простит, и мы сможем вернуться в столицу.

Рикардо от одной мысли начинала дрожь пробирать.

Да не для того он из глуши уехал, чтобы в нее возвращаться. Плюс к тому же в Демарко сейчас Мия. Беременная.

А на что она способна... о, Рикардо примерно это представлял. И стать молодым вдовцом, не получив никаких плюшек, ему совершенно не хотелось. Впрочем, к концу третьих суток он готов был это обдумать.

Ну дура же, дура, ДУРА!!!

Ага, видели глазки, что покупали...

Секс обладает хорошим мозговыносящим действием – что есть, то есть. Рикардо лишний раз убедился, что бабы этим местом думают. Не верхним, а нижним... вот он, пример. Стоит рядом с ним и мямлит.

А вот дан Джорджо Андреоли настроен весьма и весьма нелюбезно.

– Прощении? Соблазнив и опозорив мою дочь?!

– Мы женаты, – поспешил сообщить Рикардо. И копии документов положил на стол тестю.

– Папочка, я его люблю! И у нас будет три ребенка, и все мальчики, – сообщила очень вовремя Баттистина. – Может, даже близнецы.

Дан Андреоли ядовито хмыкнул.

– Угу. И все родятся сразу. В один день.

– Мне Ронетта говорила, так бывает, если ты... это... в один день! – выдала Баттистина. Побагровела, мучительно, пятнами...

Мужчины переглянулись, и дан Джорджо ехидно ухмыльнулся.

С одной стороны... пятно на репутации. Это понятно.

С другой... если такую дуру замуж за сына компаньона выдать, как бы потом полного раскола не было. Может ведь и так случиться. Кто за подобный подарочек поблагодарит? Только что сумасшедший...

Итак, дочь замужем.

Если сейчас прибить ее мужа, кто с ней потом мучиться будет? Пра-авильно. В семью она вернется, не поедет же она в глушь... так что...

Дан Андреоли положил ладони на стол.

– Если вы поженились против моей воли, благословения и приданого вы не получите.

– ОТЕЦ!!! – ахнула Баттистина.

Приданое! Это же... как же...

– Есть то, чего я тебя лишить не могу. Дом в столице, на Абрикосовой улице. Тебе его бабка завещала, вот... ключи. – Дан Джорджо положил на столешницу брякнувшую связку. – Платья, украшения, безделушки забрать можешь – мать проследит, чтобы ты чужого не прихватила. И будет с тебя. Муж есть, вот пусть он содержит, он и обеспечивает.

Рикардо стоял как оплеванный.

На такой поворот событий он, конечно, не рассчитывал. Ему хотелось...

Ну как минимум жить в доме тестя, пользоваться его положением и достатком, радовать его внуками... за которых Рикардо тоже что-то хорошее полагается, разве нет? Он вообще на этой дуре женился! Да кому б она нужна была, если бы не Рик?

О том, что с приданым – кому угодно, да и ему только за приданое, Рикардо не думал. Он же не какой-то охотник за деньгами, он другой! Понимать надо разницу!

– Дан Андреоли, – откашлялся Рикардо. Дураком он не был и понимал, что именно сейчас можно отыграть без потерь. – Я понимаю, вы сердитесь. И признаю ваше право гневаться на меня.

Ответом ему был насмешливый взгляд.

Право ты признаешь?

Молчи, тварь, пока кирпичом не заткнули!

– Я умоляю вас об одном. Позвольте Баттистине навещать мать. Она будет тосковать по родным и близким...

Ответом ему были два взгляда.

Первый – восхищенный. Баттистины.

Ах, как же благороден ее супруг! Как хорош собой... почти как в романе! Просто такой... ну ах же какой!

Второй – ехидный от дана Андреоли.

Умный подлец – все равно подлец. Только еще и опасный, и гадкий... ничего! Разберемся!

– Я позволю матери навещать Баттистину.

Пусть полюбуется на дочурку. Поделом... говорил же, не надо девке романов давать, и вообще... зачем женщине читать? Потом она глупостями увлекаться начинает.

То права какие-то, то романтик...

Нет-нет, это совершенно лишнее. Вот молиться умеет, шить научилась – и замуж! За-муж! Дети пойдут, так и вовсе не до дури будет! Но супруга ж кишки перематывала... доченька! Младшенькая...

Тьфу!

Рикардо не показал, что его этот вариант чем-то разочаровал. И поклонился.

– Я благодарю вас за эту милость, дан Андреоли.

– Вот и прекрасно. Тина, иди проверяй свои вещи и с матерью поговори, дрянь. Она переживает.

Баттистина задрала нос и вышла вон.

Джорджо насмешливо посмотрел на Рикардо.

– Значит, так, юноша. Своего вы добились, богатую дуру поймали.

– Дан...

– Молчи и не перебивай, сопляк. Я таких, как ты, сотни перевидал, кого и похоронил. Плевать... запомни. Денег не получишь. Жить будете на твое жалованье. Королева вообще гневалась и хотела отослать тебя в имение – едва умолил не лишать дочери.

– Благодарю вас, дан Андреоли...

Мужчина махнул рукой.

На самом деле, кто там и кого умолял...

Ее величество вчера вызвала его к себе. Он уже второй день разыскивал дочь, жена лежала с приступом, самому плохо было... Адриенна посоветовала проверить конкретную гостиницу и конкретного человека. Но ничего лишнего не делать.

Так дан Джорджо и поступил.

Обнаружил довольную и счастливую дочь, уже не дану, а эданну, взъярился, но... решил еще раз прийти к королеве. А вдруг?

Ее величество мужчину не разочаровала.

– Дан Андреоли, – королева тщательно подбирала слова, чтобы не сказать лишнего. Но умный человек поймет... – Дан Демарко не ангел, и наследил он за собой достаточно. Я уверена, что Небеса покарают негодяя, – точнее Мия, когда родит и придет в себя.

– А дочь?

– Полагаю, что к тому моменту она должна разочароваться в супруге. Поймите правильно, дан Андреоли, я знаю о некоторых делах дана Демарко, но... если Баттистина будет рядом, она может пострадать просто так. Потому что была рядом.

Это дан Андреоли понял и закручинился.

– Но...

– Не давайте им денег. Вот и все.

– А приданое?

– А благословение? Главное, чтобы они не слишком показывались вместе в свете...

Мия будет мстить. В этом Адриенна была уверена. Только вот... кому? Одному Рикардо или Баттистине тоже? Впрочем, на это королеве было наплевать.

Жестоко?

Это сложный вопрос. Рикардо тоже поступил жестоко. А Баттистине и вовсе было бы наплевать на Мию. Лично для Адриенны жизнь и здоровье подруги были важнее сорока таких Демарко. Она бы и сама их... того, лишь бы Мие хорошо было.

– Думаете, ваше величество?

– Поверьте, дан Андреоли, это лучший вариант из возможных. Обдумайте сами, но...

– Простите, ваше величество, но почему вы принимаете такое участие в моем деле?

Адриенна хмыкнула. Опять же, к чему было скрывать правду?

– Дан Демарко причинил много зла. В том числе и человеку, который мне дорог.

– Но ваше величество...

– Почему я распорядилась взять дана Демарко в гвардию? Почему не гоню? Потому что здесь он под присмотром, вот и все. А где-то там опять возьмется за старое... я так надеялась, что вы проконтролируете дочь! Ведь было, было же...

Дан Андреоли только голову опустил.

– Простите, ваше величество.

– Дан, вы, главное, дочь попробуйте вытащить, прежде чем будет поздно.

Намек дан Андреоли понял и сейчас, прикинув, претворял в жизнь королевские инструкции. В таверне или еще где Баттистину не

удержишь. А вот дом...

Его надо обставить, нанять прислугу, привести в порядок сад... да много чего надо. Днем дом, ночью муж. А еще безденежье, повышенные требования дочки, ее очаровательный ласковый характер...

Да, месяца на три мужчины хватит. А потом намекнем Баттистине, что ее всегда ждут дома. Но без мужа. Вернется, никуда не денется...

И вообще.

Это у нее с детства. Орет, пока куклу не получит, поиграет пару дней – и бросит. Вот и тут... кукла, правда, крупновата вышла, но если удастся это дело уладить по-тихому...

Найдется и за кого молодую вдову выдать. Правильно, с выгодой...

Найдется.

Он пока и поищет.

– Только вот тебе это не поможет! Тебя я содержать все равно не буду. Живите, как получится, а ко мне не приходите. Дочь я приму, а тебя нет.

– Мы любим друг друга, дан Андреоли. И будем счастливы.

Ответом Рикардо был насмешливый взгляд.

Будете?

Ну-ну... попробуйте!

И честно говоря, Джорджо свою дочку знал куда как лучше, чем Рикардо. А если бы ее так знала королева... она бы сказала, что Мия будет не убивать, а наносить удар милосердия. Нельзя же так мучить человека, даже если он и подлец! Лучше уж четвертование! Точно быстрее.

Адриенна

– Ваше величество, я умоляю выслушать меня...

Как Адриенна не упала после этих слов!

Этого голоса!

ЛОРЕНЦО!!!

Повзрослевший и раздавшийся в плечах, получивший несколько шрамов, в том числе и на лице, с длинными льняными волосами, стянутыми в хвостик.

Такой весь... невероятно красивый. Даже в простом сером дублете. Вон как придворные дамы оживились. И фрейлины.

А она...

Адриенне впервые захотелось провалиться сквозь землю.

Бледная, страшная, худая, словно скелет, зато с пузом... еще и одежда самая простая, куда ей тут наряжаться? Когда то тошнит, то в обморок падаешь, то еще чего... нижнее платье голубое, верхнее черное... украшений вообще нет, сегодня даже на серьги сил не было.

Ой, кошмар какой!

И он ТАК смотрит...

А Лоренцо так и смотрел. И смотрел бы, и не отходил, и просто держал за руку, разговаривал, слушал... был бы рядом – и больше ничего не надо.

Не видел он ничего в упор. Ни простого платья, ни волос, заплетенных в тугую косу, ни еще какой-то ерунды... о чем вы вообще?

Это его любимая!

Она прекрасна в принципе!

А вот то, что она худенькая и бледная, – непорядок. И то, что вся осунулась... убить ее муженька мало, гада такого! О чем он вообще думает?!

И беременность...

Да любой нормальный мужчина в это время должен быть рядом с женой! Помогать, поддерживать, не расстраивать... даже отец так говорил Лоренцо. Хоть дан Пьетро и не был образцом примерного супруга, но...

Но даже он!

А этот... к-король где?!

Нет.

И пропади он пропадом.

Лоренцо сделал шаг вперед и опустился на колени перед своей королевой. Поднес к губам край ее платья.

– Ваше величество...

Синие глаза встретились с карими. И все.

Все стало не важно. Все стало пустым и серым вокруг. Потому что самые важные слова были сказаны... они не прозвучали вслух, но глаза сияли, и губы тоже улыбались. А слезинка...

А кто ее там заметит?

Ерунда какая! Ее величество беременна, она не то что плакать, она даже в обморок упасть может!

– Люблю тебя...

– Люблю тебя...

И не надо больше ничего. Есть только небо – одно на двоих. И капельки слез, бегущие по бледным щекам Адриенны Сибеллин...

А в толпе придворных черным бешенством исходил дан Санторо.

Здесь и сейчас он понял, почему ему отказали. Или думал, что понял. В конце концов, честь, верность и прочее – это лишь слова. Когда постоянно слышишь, как через них переступают, начинаешь и сам относиться ко всему достаточно критически.

Поэтому подсознательно он искал другую причину для отказа Адриенны. Ну не просто ж это так? Вот такой замечательный он – и такой обидный отказ!

А сейчас...

И больно, и обидно, и...

СУКА!!!

Так бы и взвыл во все горло, да вот беда – нельзя. Прием-с. Малый королевский, и что присутствует только одна королева – не столь важно. Оставалось лишь давиться черной желчью.

Гадина, какая ж гадина!!!

НЕНАВИЖУ!!!

Потому что вижу, что может быть иначе!

Как это может быть иначе!

Кардинал себя знал и никогда не простил бы такого. Чтобы он вернулся, а его женщина замужем за другим, еще и беременна, и вообще...

А тут... да у Лоренцо Феретти и мысли нет обвинить в чем-то королеву. Наоборот, он на нее смотрит как на икону. И она на него... есть в мире другие мужчины?

Наверное, да.

Только вот не для нее. Даже останься она единственной женщиной в мире, даже кинься к ее ногам... да кто угодно... ей будет

все безразлично. На троне она выполняет свой долг.

А любовь...

Вот она.

Настоящая и беспримесная. Когда две души сливаются в одну, и присутствующим становится даже немного стыдно. Казалось бы, что тут происходит? Пришел дворянин, подал прошение, поцеловал подол платья королевы... ладно, это вольность, но кое-кого и к ручке допускали. А тут сразу видно, что ничего интимного не происходит.

И все равно...

Словно они увидели что-то невыразимо личное. И прекрасное.

Настоящее.

То, что дается далеко не всем и не просто так. И как еще это самое «то» получить и отстоять, и чем заплатить придется, и сто́ит ли оно того?

А вот сто́ит!

Перед ними сейчас пример того, что они потеряли. Что-то такое важное и настоящее. И жить становится намного легче. Потому что... У тебя не сбылось? А и не важно! Оно есть!

То самое, искреннее и чистое, о котором, оказывается, не врут авторы романов. И завидовать такому просто не получается. Разве что понадеяться... ну будет же чудо? Наверняка будет, рано или поздно. Дайте только время...

Мужчина и женщина смотрели друг на друга.

И словно золотистое сияние расходилось от дворца. Тепло, солнышко... да, вот так!

Сибеллины – свет и счастье своей земли. Особенно когда счастливы сами. И несут его людям не по долгу службы, а вот так!

Сияя.

И людям становилось легче. Даже тем, кого на приеме не было. Расправлялись плечи, появлялись улыбки на лицах, Филиппо Четвертый заулыбался от внезапно нахлынувшего приятного ощущения, больные выздоравливали, не сразу, конечно, но болезнь начинала отступать, поджимая свой облезлый хвост, и зеленели даже растения.

А посреди розария стоял и чесал в затылке дан Матео Кальци.

И не знал, как даже самому себе объяснить, что на кусте с черными розами распустились несколько новых цветов.

Белых, с крохотным черным пятнышком в самой сердцевинке.
Откуда, а?

* * *

Пауза продлилась недолго, всего-то минут пять. Но сколько ж всего в ней уместилось!

Беззвучно взыв, вылетел из зала кардинал Санторо.

Утерла слезинку эданна Чиприани.

А Адриенна улыбалась, ласково и искренне. Впервые за все время своего пребывания во дворце. Так счастливо, что и все остальные в зале заулыбались.

Почему-то ни у кого не возникло пошлых мыслей. Сразу было видно... вот ничего между этими двоими не было. А любовь – есть.

– Дан Феретти, я рада, что вы живы. Ваше поместье ожидает вас.

– Ваше величество, я умоляю вас позволить мне бывать при дворе.

– Гвардия? – вслух подумала Адриенна.

«Что угодно, – мысленно ответил ей Лоренцо. – Лишь бы видеть тебя и быть неподалеку. Тебе и так тяжело пришлось, а меня рядом не было. А теперь я вернулся и никому не позволю тебя обидеть...»

Королева качнула головой, отвечая своим мыслям.

Гвардия не подойдет. Кто у нас гвардии полковник? Правильно, его величество. Тогда...

– Нет, гвардия, пожалуй, не совсем то...

– Ваше величество, – улыбнулся Лоренцо, – я прибыл из Арайи. И учился там в школе боя. Возможно, я смогу показать вашим гвардейцам нечто новое...

– Учитель фехтования?

– Нет. Не фехтования, а боя, – качнул головой Лоренцо. – Если ваше величество позволит...

– Ваше величество! – Капитан королевских гвардейцев, дан Просперо Кастальдо, был в зале. И спускать такое покушение на основы не собирался. – Позвольте! Невесть кто будет нас учить?

Лоренцо посмотрел на королеву.

– С вашего позволения, ваше величество?

– Позволяю, дан Феретти.

– Дан... простите?

– Кастальдо.

– Дан Кастальдо, вы ведь капитан гвардии, верно?

– Да, молодой человек.

– Если пятеро ваших гвардейцев не смогут победить меня, вы согласитесь, что я могу их чему-то научить?

– Пять поединков за день?

Лоренцо едва не пожал плечами. Не гоняли тебя часами по арене...

– Я имел в виду пятеро за один раз. С любым оружием.

– А вы?

– Меч и щит. Мне хватит.

– Вы слишком самонадеянны, дан Феретти.

– Я готов хоть сейчас ответить за свои слова. На плацу... где у вас тренируются?

Дан Кастальдо вопросительно посмотрел на королеву. Спор переходил в какую-то новую плоскость. Но Адриенна только улыбнулась.

Уверенность Лоренцо она чувствовала как свою. И знала: пятеро гвардейцев ему вреда не причинят. Вот если бы штук двадцать... а, все равно не причинят!

– Сколько вам нужно времени на подготовку? Дан Кастальдо?

– Полчаса. И я соберу пятерых воинов, – решил капитан.

Нет, можно бы и быстрее, но хотелось не абы кого. А тех, кто сможет проучить выскочку, не убивая. Ну и не уродуя...

– А я бы пока размялся? – пожал плечами Лоренцо. – И рубаху бы старую... неохота одежду портить, ваше величество.

Адриенна поглядела на фрейлину, стоящую рядом.

– Леонора, у меня есть для тебя поручение. Сходи в мои покои...

Леонора выслушала и удрала. А Адриенна поднялась с трона.

– Где будет происходить поединок?

– На заднем дворе, ваше величество, – отозвался дан Кастальдо, который уже давал указания, кого и откуда позвать, – но вы...

– Я хочу присутствовать. Такое не каждый день увидишь...

– Ваше величество, может быть кровь...

– Я обещаю никого не убить, – открестился Лоренцо. – Давайте или до первой крови, или до невозможности продолжать бой...

– До первой крови, – прошипел дан Кастальдо.

Лоренцо только плечами пожал.

– Как прикажете.

* * *

Да, в жизни часто так получается, что на бой надо выходить – вот в любой момент! Пираты напали, разбойники налетели, шли хулиганы и осознали острую потребность в твоём кошельке... да всяко бывает. Но если есть возможность нормально размяться – надо так и сделать! Лоренцо и сомневаться не стал. Это не арена, но попотеть придется. И к площадке лучше привыкнуть заранее.

Ощутить ее под ногами, подвигаться, прочувствовать...

Перекатиться, размять шею, плечи, ноги... подвигаться...

Какое самое слабое место бойца?

Именно что ноги. Надо двигаться, в бою постоянно надо двигаться. Поэтому ноги должны быть хорошо развиты. И Лоренцо разминался, не обращая внимания ни на кого.

Пока не появилась Адриенна.

– Ваше величество...

– Это вам, дан Феретти. Полагаю, этот клинок достоин вашей руки...

Лоренцо протянул две руки ладонями вперед. И Адриенна вложила в них тот самый клинок.

Перо.

Лоренцо медленно вытянул клинок из ножен – и едва не ахнул. Это гладиаторы тоже могли. Узнать по-настоящему хорошее оружие... этот клинок был достоин короля.

– Это Перо. Перо Ворона, – тихо сказала Адриенна. – Когда-то он был отдан защитнику древней королевы.

Морганы Сибеллин.

И сейчас его отдает уже Адриенна Сибеллин. Все возвращается на круги своя.

– Я буду его достоин.

Лоренцо коснулся губами клинка.

Да... вот тут была его проблема. Одна из.

Он, конечно, мог сражаться любым оружием. Но найти то самое... чтобы казалось продолжением твоей руки... он ведь еще растет! Тяжелые клинки ему не слишком удобны, а легкие... везде есть свои тонкости. Хороший меч найти так же сложно, как и хорошую жену. Может, и сложнее.

Но этот меч был хорош.

Так и заплясал в его руке, так и запорхал, словно обрел свою волю и разум. И долгожданного хозяина.

Да так и было.

Артефакты разумны. А кто этого не признает... пусть сам последствия и расхлебывает.

Перо признало нового Ворона. И готово было ему служить – до смерти.

– Вы готовы, дан?

Просперо выходил на площадку. Вслед за ним шли пятеро гвардейцев в алом, с белыми перевязями, окидывая Лоренцо весьма насмешливыми взглядами.

А что?

Они тут все такие красивые, в мундирах, в плащах, они элита. И против них мальчишка, которому и двадцати не исполнилось, стройный, даже изящный, гибкий... в простых серых штанах и рубашке явно с чужого плеча.

Как его воспринимать всерьез?

Щит для Лоренцо был у дана Кастальдо. Меч тоже, но... другой клинок Лоренцо уже не хотел. Только этот.

Который так удобно лег в руку, словно под нее и ковался. И блеснул синими огнями черный камень в рукояти. Там, в самой его глубине, плескалось небо и били, резали воздух вороны крылья.

Шаг вперед... поклон.

– Бой!

Лоренцо не стал ждать, пока на него нападут. Он сорвался с места и помчался вперед. Кажется, такого гвардейцы не ожидали... удар – парировать, еще удар – и развернуться, потому что он проскочил мимо.

– Минус двое! – рявкнул дан Просперо.

До первой крови, говорите?

Вот и получайте! У одного из гвардейцев царапина оказалась на щеке, у второго – на плече. Аккурат на перевязи. Медленно, словно нехотя, перевязь распалась – и стекла на землю. Перерезанная.

А как?

Мундир-то алый, на нем пока еще кровь заметят...

Мастерство Лоренцо оценили по достоинству. Двое гвардейцев оскалились, но с площадки ушли. И только потом, когда прошла первая злость, оценили мастерство противника.

Клинок же!

Царапнуть человека по лицу, да еще так, что при бритье сильнее, бывает, режутся, это действительно надо чувствовать меч как продолжение своей руки. Чуть что не так – это лицо! Можно и глаз выколоть, и нос отрубить, и распахать так, что ни один лекарь потом не поможет...

Лоренцо тем временем не ждал атаки.

Трое оставшихся гвардейцев рассредоточились – и пошли на него, постепенно окружая с трех сторон... м-да. Кажется, они в выигрыше, им надо нанести одну царапину, а ему – три.

И что?

Это только кажется.

Лоренцо стоял и ждал, пока все трое не приблизились достаточно. Никогда не бывает так, чтобы все шли синхронно. Кто-то будет на шаг впереди, кто-то сзади... отлично! Есть!

Лоренцо в прыжке преодолел расстояние до ближайшего гвардейца, но ударил не мечом, а щитом. Сильно, жестко... в плечо, сбивая и разворачивая – и толкая его на соседа.

Есть!

Один гвардеец чудом не нанизал второго на клинок. А Лоренцо еще ему царапину вслед добавил... Ну, куда вышло. Целился в спину, получилось чуточку пониже... но получилось же! И штаны не спадают, все прилично. Сойдет!

– Вышли! Оба! – рывкнул на своих гвардейцев дан Кастальдо. Он-то понял, что произошло.

Хотел бы Лоренцо... это он развернул и толкнул. А мог бы и клинком полоснуть... считай, один мертв. А пока второй сбился... и его добил бы. Ничего сложного.

Остался последний гвардеец.

Лоренцо подумал пару минут, а потом...

Потанцуем?

Вы видели, как я умею убивать. Теперь смотрите, как я умею танцевать...

Лоренцо просто загонял несчастного гвардейца по площадке. Бедняга пытался его достать... да как только не пытался! Но куда там!

Клинок противника был везде. А невезучий гвардеец или воевал с воздухом, или натыкался на подставленный щит, или...

Нет, все было бесполезно.

Дан Кастальдо точно оценил.

Адриенна вообще смотрела... Она просто смотрела. И Лоренцо летать был готов.

Она здесь, она рядом, она есть!!!

Ладно, будем заканчивать. Себя он показал, а Адриенне тяжеловато уже находиться на жару. Удар, еще удар... гвардеец четко понял, когда притворная игра сменилась настоящим наступлением. Вылетел и зазвенел по камням клинок, сверкнула у горла холодная сталь, царапнула, упал на землю надрезанный шейный платок...

И первым зааплодировал дан Кастальдо.

Просперо умел признавать ошибки и восхищаться чужими талантами.

– Дан Феретти, вы... это арайская школа?

Лоренцо кивнул.

Не рассказывать же при Адриенне, что это школа выживания?

– Я правильно понимаю, вы так, как с последним, могли и с двумя играть, и с тремя?

– Даже с пятью, – кивнул Лоренцо. – Но так сложнее... не хотелось, чтобы гвардейцы покалечили друг друга.

Гвардейцы дружно изобразили злых гадюк, но Просперо только пальцами прищелкнул. Мигом замолчали.

– Дан Феретти... Ваше величество, если дан Феретти согласится потренировать моих оболтусов, благодарен буду.

Адриенна кивнула.

– Полагаю, это можно будет устроить, если одобрит его величество.

Для Лоренцо мигом померкла вся радость.

Его величество...

Ну забыл! Тоже мне... Король! Тьфу, дурак!

– Я лично пойду к королю, – рубанул воздух рукой Просперо. – Такое самому нужно!

Лоренцо поклонился, но, когда он хотел протянуть клинок Адриенне, та качнула головой.

– Пусть служит вам, как служил первому своему хозяину.

– Мой клинок и моя жизнь принадлежат вам, ваше величество.

Адриенна кивнула.

– Я принимаю вашу службу, дан Феретти.

– Ваше величество. А я прошу... если вы не возражаете, мы с даном Феретти сейчас к королю и пойдём?

Дан Кастальдо плюнул на все и лично потащил Лоренцо к королю. Сообщить, что нашелся такой специалист... ну вот такой мастер...

– Где ты учился?

Ему Лоренцо врать не стал.

– Это не для дамских ушей. Но в Араие я был гладиатором.

– Черт!

– Именно. Я сражался на арене, убивал, несколько раз едва сам не умер... кстати, со мной в Эрвлин приехал ланиста.

Просперо был достаточно образованным, чтобы знать, кто это такой. Но на всякий случай...

– Тот, кто готовил бои?

– Зеки-фрай и меня тренировал. Не лично, но именно как тренер он не имеет цены.

– Зеки-фрай, значит...

– На родине... Так получилось. Он не поладил со своим хозяином, и тот приказал затравить его на арене. А чтобы поиздеваться, предложил желающим из гладиаторов защитить его.

– Хм...

– Я рискнул и выиграл свою свободу и его жизнь.

– Полагаю, хозяин был недоволен?

– Мне до сих пор жаль, что я был серьезно ранен. Стоило бы... проверить на прочность его недовольство.

Мужчины переглянулись. Лоренцо хищно оскалился, и дан Кастальдо подумал, что правильно он тащит парня к королю.

Такое ему и самому нужно...

И этот... Зеки-фрай? Всех берем! Потом разберемся!

* * *

Король...

Лоренцо едва зубами не закрипел. Бедная Риен. Бедная его девочка...

Ладно-ладно, внешне Филиппо даже симпатичный, не считая бледно-голубых глаз, словно с чужого лица взятых, но вот это ощущение...

Никакой.

Мягкая глина. А кто скульптор?

Когда-то был его отец. Теперь же... было ощущение, что вылепили скульптуру, а потом ее опять нагрели – и принялись переделывать. Половина старая, половина новая. А вместе – ужасно!

Это как ужа и ежа скрещивать... выродок, да и только!

– С чем пожаловали, дан Кастальдо?

А вот это и есть скульптор. И вот тут Лоренцо едва не сплюнул.

Вот на ЭТО можно променять Риен?! Его Риен?!

Да он что, больной?! Идиот на всю голову?! А ничего другого парню в мысли и не пришло... ну шлюха же! Дешевая, грязная, гадкая... на арену Зеки-фрай и то таких не водил, чтобы гладиаторов не заразили чем...

Красивая?

А вот красоты Лоренцо и не заметил. Все затмевало какое-то зловоние... ей-ей, если эта дрянь до него дотронется, его просто вырвет!

Просперо что-то объяснял, рыбьими глазами смотрел король, а Лоренцо боролся с тошнотой, которая накатывала волнами. То приливала, то отступала... да что ж, никто этого не ощущает?!

Вообще никто?!

Бред какой-то...

Король сомневался, хмыкал, расспрашивал Лоренцо о его жизни на арене, и дан Феретти послушно отвечал. Смотрела черными глазами эданна Франческа, умолял тут же подписать приказ дан Кастальдо,

пока никто не переманил такого бойца. А Лоренцо просто не понимал: почему?! Почему этого никто не чувствует?!

Гнилью же воняет!

Тухлятиной!

Мерзость редкостная!

И, может быть, именно потому, что Лоренцо демонстративно держался подальше от эданны Франчески, его величество и согласился. Пусть будет.

Пока – на год. Потом продлим, если что.

Да, и второй тоже.

Жалованье?

Как у лейтенанта гвардии. Остальное... опять-таки посмотрим... будет видно.

Лоренцо кланялся и благодарил. Но на самом деле...

Как же ему хотелось убить! Трех ударов хватит. На всех... дан Кастальдо? Его первым, чтобы не защищал и не мешался под ногами. Потом бабу, потом короля. Он мог бы.

И нельзя. Пока нельзя.

Если он так сделает, Адриенна будет вынуждена его казнить. Это ее сломает.

Впрочем... нельзя сейчас. Но кто сказал, что будет нельзя потом?! Эту эданну он точно убьет! Такое не должно поганить землю!

И ведь никто не замечает...

Если бы Лоренцо рассказали о его происхождении всю правду. Если бы объяснили, что его обоняние в несколько раз чувствительнее обычного человеческого, если бы Мия не скрывала от него свои знания...

Если бы.

Тогда он не удивлялся бы ничему. Все и так ясно. Франческа просто... пропиталась запахом крови, боли... безумия. Вот он и чувствует. Вот ему и тошно.

Но пока пускай живет. Недолго...

Домой Лоренцо возвращался с клинком Адриенны у пояса, уставший... и зачисленный на должность тренера по фехтованию и рукопашному бою для гвардейцев.

Зеки-фрай тоже был принят на службу.

А дома ждала Динч. И настроенный ею дамский коллектив.

Мужчины – отвратительно непонятливые существа.

Вот что тебе надобно, глупый?!

Есть женщина, которая тебя любит, которая хочет за тебя замуж, носит твоего ребенка, которая пусть не слишком красива, зато умна, обаятельна, будет вести твой дом твердой рукой, нарожает детей... чего тебе еще надо?!

О каких ты кренделях небесных мечтаешь?

Женись!

Примерно это и заявила Мария, глядя на Лоренцо серьезными глазами.

Дан Феретти едва пальцем у виска не повертел.

– Женишься? На Динч?

– Она Дженнара Маньяни, – заметила Серена, просачиваясь в комнату к брату. – И она тебя любит...

С Сереной брат и вовсе церемониться не стал. Мария все ж когда-то его за уши таскала. Вот и запомнилось...

– Серена, так, может, и тебя надо было за дана Густаво замуж выдать? Он-то тебя любил?

– Но я его – нет!

– А я – ее.

Серена заткнулась. Крыть было нечем, не скажешь ведь, что в браке любовь не так обязательна или со временем стерпится-слюбится... ясно же, что спросят в ответ.

А сама?

То-то и оно...

Мария только головой покачала, когда Лоренцо решительно выставил сестру за дверь. С напутствием не лезть к старшим, а пойти кукол прибрать.

– Зря. Совет она хороший дала. Или тебя коробит, что Дженнара – только ньора?

– Нет. Я просто ее не люблю.

– Зато она тебя...

Лоренцо закатил глаза.

– Мария! Если ты сейчас скажешь, что она меня любит... рискнешь?

Мария только головой покачала. Вот здесь и сейчас Лоренцо был удивительно похож на Мию.

Серена и Джулия иные, совсем иные... В них старая кровь уснула и уже не проявится. Ни в них, ни в потомках.

А вот Мия и Лоренцо...

Яркие, жесткие, иногда жестокие... безжалостно рассекающие гнилое мясо по живому – иначе гибель!

– Нет. Не скажу.

– И я не скажу. Я стал ее шансом, но кто сказал, что я обязан пройти эту дорогу до конца? У нее есть многое. Спокойствие, безопасность, я ее обеспечу, признаю малыша... мало?

– Вот ради сына или дочери мог бы и жениться.

Лоренцо качнул головой.

– Не могу. Думал, что сумею, но... не смогу. Даже в постель с ней лечь больше не смогу. Люблю другую.

– Адриенну? – послышался голос от двери. – Да?! Которую звал?!

Лоренцо посмотрел на Динч.

Да, беременность ей не к лицу. Но если Адриенна резко похудела и едва на ветру не шаталась, то Динч словно бы водой налилась. Отекшее лицо, руки, ноги...

– Ляг полежи, – мягко сказал Лоренцо. – Тебе сейчас надо отдыхать...

– Мне надо замуж! За-муж!!! – разрыдалась Динч.

Вот не получалось у Лоренцо назвать ее Дженной, никак не получалось... Динч – и все.

– Вспомни. Я не клялся в любви и не обещал жениться. Ребенка признаю, вас обеспечу. А там... все будет хорошо. Замуж выйдешь...

– Ненавижу!!! – закричала Динч.

Мария развернулась к женщине. Как утешать беременных и истеричных, она знала. Еще на эданне Фьоре потренировалась, земля ей пухом. Вот и сейчас... перехватила, обняла, заворковала...

Динч ушла, кидая на него злые взгляды, Мария смотрела укоризненно, даже Джулия... сопля мелкая, а туда же, фыркать!

А Лоренцо было все равно.

В его душе царили покой и гармония. Впервые за долгое время...

Там была Адриенна.

Глава 6

Мия

Дана Иларио Мия не ждала. Сейчас не ждала. Но...

– Что-то случилось?

– Да, дана Белло.

– Что именно?

– Ее величество умоляла передать вам письмо.

Мия послушно протянула руку.

«Сестренка!

Он вернулся!

Люблю!

А.»

Других пояснений Мие и не понадобилось.

Вернулся?!

Лоренцо!!!

Ее братик жив, он вернулся, он здесь!!! В столице!!!

– Дан Пинна, вы вдохнули в меня жизнь!!!

Мия повисла у растерявшегося дана на шее, звучно поцеловала в щеку... дан аж шарахнулся.

– Простите...

– Нет-нет, это вы простите! Но жизнь так чудесна!!!

Дан в этом чуточку сомневался, но если дане хочется? Пусть так и будет.

Да, конечно, чудесна и замечательна.

– Вы будете писать ответ, дана?

– Да, конечно!

«Родная моя!

Спасибо, спасибо, спасибо!!!

Люблю тебя!

М.»

А зачем больше? Кого послать с запиской к Лоренцо, Мия уже знала.

* * *

На службу Лоренцо должен был прибыть через декаду. Как раз ему хватит этого времени, чтобы из канцелярии ушли все ненужные бумаги, чтобы Лоренцо вновь признали живым, чтобы он уладил свои домашние дела.

А заодно дан Просперо слегка построил гвардию по линейке и охладил некоторые горячие головы. Учиться не желаете?

Сейчас я это исправлю! Мечтать будете! И об учебе, и об учителе! Нет?!

Еще десять кругов – БЕГОМ!!! Не нравится?!

Двадцать!!! Еще бегомее!!!^[5]

Зеки-фрай тоже был счастлив. Но прежде, чем вести его ко двору, стоило хоть как-то приодеть, подобрать оружие... Перо он видел. И завистливо качал головой.

Такой клинок!

Невероятный, чудесный... сокровище! Три веса в рубинах – дешевая цена. Пять надо! И то не продадут, нет таких глупцов...

Подарок?

Просто подарок?

Ах, от любимой...

Знаешь, плюнь на Динч. Если тебе такое дарят... тебя действительно любят.

А Лоренцо и так в этом не сомневался.

* * *

Кто может ему писать?

Неясно. Но сходить стоит.

«Дан Лоренцо!

Если вы хотите узнать о судьбе некоей особы на год старше вас, с карими глазами, следуйте за подателем сего письма. Немедленно.

Л. Б.»

Двух мнений у Лоренцо не было. Особа старше его на год и с карими глазами – это его сестра. Написано так отвлеченно, чтобы не понял посторонний. Лаццо сообразят, но кто и что им показывать будет?

Лоренцо и думать не стал.

Накинул плащ, схватил шляпу и выскочил вслед за Федерико Анджели, который и принес ему записку от Мии.

– Идем.

– Вот и она так сказала, дан, что вы сразу пойдете.

Мия, правда, добавила, что, если не пойдет, Федерико надо уходить. Не ждать, никого к ней не вести... только если Лоренцо пойдет сразу же, никому не сказав ни слова.

Но Лоренцо и не собирался говорить.

Сначала он сам разберется в ситуации, потом... потом будет видно. Говорить кому-то, промолчать, еще что-то...

Будет видно.

Мальчишка быстро шел по узким улочкам, сворачивал то туда, то сюда... и, наконец, остановился у небольшого домика, утопающего в зелени. Открыл калитку и пригласил Лоренцо заходить.

Юноша подумал, положил руку на кинжал – и пошел в дом. Впрочем, ровно через минуту руку он убрал и подхватил сестру, которая кинулась ему на шею.

– ЭНЦО!!!

– МИЯ!!!

Ньора Анджели, которая из угла наблюдала за встречей родных, только слезинку утерла. Вот уж кто душой не был, так это она. Все она понимала, и что хозяйка у нее как бы не из этих... ночных, и что беда у нее стряслась, и что имя фальшивое...

Ну так что же?

Когда сама по шее от жизни получишь, оно как-то и чужой беде больше сострадается. И соображать лучше начинаешь.

Кто бы там хозяйка ни была, она тебе и кров дала, и на детей не поглядела, а ведь сколько данов вообще прислуге жениться запрещает! Или требует малышей отправлять в деревни...

Мия только плечами пожала, да и положила на один лорин больше жалованья – мальчикам на штаны. Растут-то быстро...

Дома ее почти никогда и не бывало, да и сейчас... лежит себе, плачет... явно что-то плохое у нее стряслось. И нечего в это грязными лапами лезть! Понадобится помощь, так дана скажет. Нет – не скажет. А уж записочку отнести да молодого человека привести... ньора было подумала, там любовная история, ан нет! Явно родня!

Только посмотреть на них, как рядом стоят, – лица ну совершенно одинаковые. Только у мужчины резче, суровее, жестче. А у даны оно нежнее, изящнее. Но что родственники, так это всенепременно.

Хорошо б они договорились, а то и родня иногда хуже врага бывает...

Но вроде как брат сестричку любит... ну, дай им Бог понять друг друга.

И ньора Роза, перекрестив ушедшую навверх пару, принялась готовить малиновый взвар. Подаст с медом, а то дана вся бледненькая...

* * *

– Мия, я так рад, что ты жива! Я был уверен, что ты жива...

– Я и не собиралась умирать. Вот еще не хватало.

– Джакомо... это было обязательно?

Мия жестко посмотрела в глаза Лоренцо. Вот сейчас решится, брат он ей или не брат. Именно сейчас.

– Если я скажу да?

Два карих взгляда скрестились, словно клинки зазвенели.

– Мне жаль, что я не смог это сделать вместо тебя.

Лоренцо был абсолютно искренним. И Мия расслабилась, выдохнула...

– Энцо, спасибо...

– Ты моя сестра. А уж сколько ты для нас с девочками сделала... я только потом оценил.

Мия кивнула. Сделала. И хорошо, что Лоренцо это понял.

– Расскажи мне о том, что с тобой произошло?

– А ты? – Лоренцо взглядом указал на живот сестры.

– Подозреваю, что мне рассказывать дольше. Потому что мой рассказ начнется с того времени, как мы попали в столицу.

– Даже так?

Мия подтвердила свои слова решительным кивком.

– И ты поймешь, почему я поступила именно так.

– Ладно. Тогда слушай. Когда меня смыло за борт, я думал, что умру. А потом понял, что Адриенна рядом со мной...

Сначала о случившемся с ним рассказал Лоренцо. Про Арайю.

Когда Мия закончила свой рассказ, за окном уже темнело. Ньора Роза принесла обед, потом ужин, но они сиротливо остывали на столе. Не до еды было Феретти. Лоренцо молча встал с кресла, подошел к Мие и опустился рядом с сестрой на колени.

– Прости меня. Я не знал...

Мия кивнула.

– Я старалась, чтобы вы не знали. Я ведь и сама... мать немножко мне рассказала. Вот тебе знать и надо. А Джулии и Серене – нет. В их детях кровь уже проснуться не должна. Разве что встретится с древней и активной кровью. Но тогда там и так расскажут...

– А запрет пробовать кровь?

– Полагаю, он их тоже не касается. Нас – да.

– Но я несколько раз уже...

– Ты связан с Адриенной, сам сказал. Это страшует от изменения и безумия.

Лоренцо медленно кивнул.

– Да, я связан. И... я не хочу уходить. Ты думаешь, нас из-за крови потянуло друг к другу?

Мия замотала головой.

– Нет. Кровь могла послужить толчком, да, вы могли испытать интерес друг к другу, и только. А потом... даже когда вы связаны, вы не обязаны друг друга любить. Это вы уже сами сделали и выбрали. Вне зависимости от крови, или предков, или вашей силы, да и моей тоже...

– Это хорошо. Если бы все зависело от крови, если это только морок... я не хотел бы, чтобы он прекращался.

– Я знаю, что связь кровью не вела к близости, – отмахнулась Мия. – Связанные были вольны в своих чувствах, просто ты был бы обязан защищать Адриенну. Даже ценой своей жизни. Мог бы умереть после ее смерти... но тоже не обязательно. Это выбор служения. Как с монашеством или рыцарским орденом.

– Не нужен мне без нее никакой орден.

– Знаю. – Мия понурилась. А вот она оказалась не нужна Рикардо. Если бы она рассказала ему даже часть правды, стала бы необходима. Только вот искренности не дождалась бы... нет, так уже она не хотела. Так нельзя.

Лоренцо понял, о чем она думает.

– Давай я его убью?

– Нет.

– Почему?

– Потому что ты не имеешь права лишить меня этого удовольствия, – оскалилась Мия. Увидь ее сейчас беззащитный и безобидный Левэрранский оборотень, бежал бы до Арайи со всех лап, крестясь и молясь. А то еще догонят – последнюю шкурку сам отдашь...

Лоренцо хохотнул.

– Ладно. Если так... я потерплю. Когда ты рожаеть?

– Летом.

– Уже скоро. А у меня Динч должна родить...

– Лекаря получше пригласи. Если это вообще твой ребенок.

– Мия?

– Ты чем слушал, когда я рассказывала? Если кровь не пробудилась, от нас забеременеть легко. Да и нам тоже, вот, на маму с отцом погляди. А если пробудилась – там хуже. У прабабки один ребенок, у прапра... ну, ты понял? Везде, где кровь запела...

– Но ты же...

– Я от древней крови. И тоже разбавленной. Не запевшей.

– А Адриенна?

– Проклятие. Оно свое диктует и возьмет...

Лоренцо медленно кивнул.

– Я понял. Но Динч клянется...

– Мне тоже клялись в любви, Энцо. Не надо повторять моих ошибок. И... не женись на ней.

– Серьезно? Я думал, ты меня будешь уговаривать...

– Не буду. Ты ее не любишь. Не делай троих людей несчастными.

– Троих? А кто третий?

– Даже четверых. Считая Адриенну и малыша.

– Адриенна, да... – Лоренцо счастливо улыбнулся. – Мне только жаль, что она сразу не рассказала, еще тогда...

– Она рассказала мне. – Мия развела руками. – А я – тебе. И все сложилось...

Лоренцо кивнул.

Да, именно так все и сложилось. Чего-то не знала Мия, чего-то Адриенна. А оказывается... были Высокие, были их спутники. Их потомки оставались на земле и нередко забывали о своей крови.

А потом...

Да, вот такое и бывает. Как у невезучего Леверранского чудовища. И его матери не повезло, и самому оборотню, и...

– Мия, кто у нас такой умный, что решил стать королем? И насколько это опасно для Адриенны?

Мия развела руками.

– До ее беременности? Я бы сказала, что совсем не опасно.

– Так... а сейчас?

– А сейчас... Лоренцо, я лежу и думаю. И чтобы не размышлять о Рикардо, думаю о другом. Неприятном таком... я за ребенка порву. Как за вас рвала в ключья...

Лоренцо кивнул.

Да, если бы не он, не девочки... может, Джакомо и не удалось бы так легко превратить Мию в чудовище. Рассудочного и хладнокровного убийцу. Но Мия боялась и за них в том числе. И понимала: пока она выгодна Джакомо, он не станет трогать младших. Ну и... и на кровь оно неплохо легло.

Идеальный защитник – это и воин, и убийца... как научишь.

– Понимаю.

– А Адриенна за своего малыша?

И тут-то до Лоренцо дошло.

– Да...

– Первый удар будет направлен именно на нее. До родов она в безопасности, король не осмелится ее тронуть. А потом...

– Получить на свою голову проклятие?

– Это если убивать самостоятельно. Нанимать убийцу самостоятельно. А если нет?

– Это как?

– Ты приходишь к эданне Франческе и говоришь ей, что она навсегда уезжает в ссылку. К примеру. Королева распорядилась, или еще что...

– А король?

– Да что угодно. Заболел, в отъезде... есть же варианты, при которых он не может вмешаться!

– Допустим.

– Накрученная эданна нанимает убийц. Кто получает проклятие?

– Она.

– А выгоду?

Лоренцо грязно выругался.

– Мия, я не подумал.

– Вот именно. Кто бы ни хотел сесть на трон, он не дурак. Он понимает, что Адриенна не даст убить своего ребенка. То есть сначала надо убирать Адриенну: она умнее и свое защищать будет до последнего. Потом короля. А потом и малыша можно... столько разных случайностей – Бог дал, Бог взял... и даже не обязательно своими руками.

– Я этого не допущу.

– Надеюсь, Энцо. Сейчас ты рядом с ней, и мне спокойнее.

Лоренцо кивнул.

– Мне тоже. Я могу рассказать про тебя Лаццо? Или девочкам?

Мия качнула головой.

– Не сейчас. Может, после родов...

– Тебе здесь удобно?

– Да. А если ты будешь меня навещать, будет вообще великолепно.

– Буду. А насчет Демарко подумай. Я тебе оставлю... достаточно.

– Я подумаю, – кивнула Мия. – Обещаю... на ком он, говоришь, женился? Баттистина Андреоли?

– Да.

– Я слышала про эту семью. Посмотрим, кто будет в итоге смеяться...

Лоренцо кивнул.

Посмотрим. Но если Мия и решит помиловать негодяя, то Энцо его все равно не простит. Даже после скорой и мучительной смерти. Ладно, он добрый христианин. Молебен закажет. Заупокойную.

* * *

Домой Лоренцо вернулся поздно. Он никому и ничего не скажет про Мию. Но сам еще не раз придет в этот домик.

Обязательно...

Впрочем, и дома отдохнуть ему не дали. Мария вошла в комнату, присела в кресло.

– Можно, Энцо?

– Да.

– Дженнаре сегодня было плохо.

– Кому? А... Динч?

– Не называй ее так. Она теперь свободная женщина...

– Вот и пусть свободно идет на все четыре стороны, – отбрил Лоренцо. – Тетя, чего ты от меня хочешь? Свадьбы? Ее не будет!

Мария только вздохнула.

– А все ж... подумал бы ты, мальчик. Она девушка хорошая, и связи у ее семьи есть, просто сейчас, незамужняя, с ребенком, она им на глаза показаться боится...

– То есть мне надо срочно принести себя в жертву, чтобы она не страдала?

Мария пожала плечами.

– Вам ведь было хорошо вместе.

– Да. Но я люблю другую и не женюсь на Динч. Чем раньше все это уяснят, тетя, тем легче всем будет. Ей я сразу про все сказал и замуж не звал. Это она меня соблазнила...

– Она тебя любит.

Лоренцо пожал плечами.

– Не меня. А то, что она хочет получить. Нет, Мария, я не женюсь. Ребенка признаю, ее обеспечу – и больше со мной об этом не

заговаривай.

– Я для тебя недостаточно хороша? – В дверях стояла бледная от гнева Динч. – Что, что у меня не так?! Лицо хуже?! Груди меньше?! ЧТО?!

– Ты не она, – просто ответил Лоренцо, сомневаясь, что его поймут. – Ты просто не она.

Динч всхлипнула.

– Я... я без тебя умру! И наш ребенок умрет!

– Я закажу для вас лучшее надгробие. Хочешь арайский мрамор? – вежливо уточнил Лоренцо.

– ТЫ!!!

Лоренцо молча встал. Поглядел на Марию.

– Тетя, спасибо за гостеприимство. Я сегодня переночую в доме дяди Джакомо. Ключи у меня есть.

– Энцо...

– Завтра я напишу письмо Маньяни. Пусть забирают свое сокровище и делают с ней что пожелают. Я в этом представлении участвовать не буду.

Как же!

Участвовать все равно пришлось. Динч взвыла, кинулась ему в ноги, пришлось поднимать, сажать в кресло, поить водой, а потом строго заявлять, что это была первая и последняя попытка шантажа. Или берешь то, что тебе дали, или свободна. И ищи кого-то другого...

Динч пила воду и хлюпала носом.

А Мария...

С одной стороны, она сочувствовала женщине, которая оказалась в такой ситуации. С другой же... испытывала даже легкое злорадство.

Хочешь ты пробиться этим местом? А вот не всегда работает... и мальчик стал мужчиной, и не дает на себя давить, и не вешает тебя себе на шею из ложного благородства. Да, ложного...

Так что...

Динч была упорна. И попыток своих она не оставит. Но пока... пока она перетянет на свою сторону родных Лоренцо и подождет до рождения ребенка. А потом начнет давить и давить. И Лоренцо обязательно на ней женится. Куда он денется?

Он просто своего счастья не понимает! Но обязательно поймет, дайте только время! Вот!

Адриенна

Это для государственных дел его величество здоровьем слаб. А Адриенна тихо полагала, что и умом тоже.

А вот для охоты...

О, на охоту Филиппо собрался с громадным удовольствием. Еще и Ческу с собой прихватил.

Адриенне оставалось только делать безразличный вид. Хотя... чего ей это стоило. Вот так вот...

– Ваше величество, я вам так сочувствую, это так унижительно...

Стоит, понимаешь, главная сплетница вся дворца и смотрит такими сочувственными глазами... ну дай, дай мне что-то вкусненькое! Твой муж с другой лижется на виду у всех, а ты...

– Эданна Берелли, что унижительно? Мой муж меня оберегает.

– Оберегает? – Кажется, такая трактовка наличия любовницы не приходила в голову бедолаги.

– Конечно, – Адриенна только что руками не развела. – Я беременна. И вы сами видите, как тяжело мне приходится.

– Да, ваше величество. Вы такая...

– В нашем роду женщины созревают поздно. Мне бы еще годик-два подождать, но не получилось, его величество такой... Пылкий.

– О да!

Вот что – да?! Тебя, охалку семипудовую, не поднять и не перекатить, ты-то чего вздыхаешь?

– Вот видите! Как добрая супруга, я не отказала бы мужу в его потребностях. Но сейчас это тяжело для меня и вредно для ребенка. Поэтому мой супруг пользуется... ночными вазами.

Адриенна понимала, что ее слова дойдут до Франчески. Их еще раздуют, приукрасят и вообще... всячески поиздеваются по дороге. Но... сколько терпеть-то можно? Она тоже не каменная.

Эданна удалилась, восхваляя и понимание короля, и терпение королевы. Эданна Франческа через пару дней, узнав, что ее сравнили с ночным горшком, плевалась от злости. А король...

А до короля такие тонкости просто не доходили. Болтают – и пусть их! Это ерунда!

А вот охота!!!

И трубят рога, и мчатся кони...

Только вот волков спросить забыли. А зря...

* * *

Филиппо мчался в числе первых. Конь летел словно птица, плащ развевался за плечами... красота! Так его величество и думал, пока не услышал за спиной грозный волчий вой...

И...

Филиппо прекрасно помнил, чем для него закончилась предыдущая встреча с волками. А потому...

Но повернуть было уже поздно. Из зарослей взметнулось хищное темное тело, промахнулось, сбило с коня дана, который следовал за королем... истошно завизжала эданна Франческа... и его величество дальше действовал на инстинктах.

Пришпорил коня и помчался к реке. Там есть шанс уйти от любых волков... эданна последовала за королем. Просто на инстинктах... А волки продолжали нападать...

Падали люди, падали кони...

Это была не специальная загонная охота на волков, это придворная охота. Красивые декорации, кони, наряды – посмотреть на людей, показать себя...

Никто не был готов стать из охотников – дичью.

Волки порвали на части двадцать восемь человек. Двадцать мужчин, восемь женщин. Причем егеря, конюхи, загонщики – вся обслуга не пострадала.

Только дворянство.

Только самый цвет Эрвлины!

Чудом выбрался король, а с ним и эданна Франческа. Они добрались до реки, пустили коней по воде и сбили волков со следа. А там и из леса вышли...

Двор был в шоке. Дворянство тоже...

Филиппо рвал и метал. Но люди погибли. И надо было что-то делать!

Адриенна не злорадствовала. Нет. Вот если бы на охоте хоть один волк цапнул эданну Франческу или короля... тогда она не удержалась

бы. А так... пострадали люди, которые ни в чем перед ней не виноваты. Это горе.

И... дворянское недовольство.

И... это не просто так. Адриенна была свято уверена, что волков натравили. Но кто? Зачем – понятно. Когда люди недовольны королем, они не станут его защищать. Но вот кто?!

КТО?!

Лоренцо

Это женщинам не стоит ходить по дворцу в одиночку.

А мужчинам можно, мужчинам – ничего страшного.

Вот Лоренцо и шел по своим делам.

Служба при дворе – это не так просто. Должен быть мундир, он должен быть из определенной ткани, по определенным лекалам... Можно сэкономить и заказать в городе. А можно пошить его у придворных портных.

Это дороже, но быстрее. И все-все будет сделано по правилам.

Энцо махнул рукой и заказал.

Деньги были, да и не так чтобы много на мундир требовалось. Плюс дан Кастальдо щедрой рукой выписал ему деньги на обзаведение. Пояснил, что королева одобрила и приказала выделить.

Энцо не стал оскорбляться. Он все понял правильно. Адриенна просто хотела, чтобы ему было чуточку полегче. Вот и все.

А портные...

Вы знаете это страшное слово – примерка?

Нет?

Вы счастливые люди, даны и ньоры. А вот когда час постоишь на одном месте не двигаясь, когда в тебя иголками потыкают... да он на арене меньше крови пролил...

Ощущение одно – тихого бешенства. И мечта загрызть кого-нибудь. Пойти, вытащить и загрызть!

Но даже в этом состоянии Лоренцо не сорвался на служанку, которая присела перед ним в глубоком поклоне.

– Дан, умоляю...

– О чем?

– Моя эданна просила вас уделить ей пару минут...

Лоренцо тряхнул головой, намереваясь отказать в самых конкретных выражениях.

Служанка понурилась, по симпатичному личику покатались слезинки.

– Умоляю, дан, меня высекут...

Лоренцо зло прошипел что-то сквозь зубы. И кивнул девчонке.

– Показывай, где твоя эданна.

Привести девчонка его приведет. А отказать он и эданне может в чем угодно. Тут уж служанка не виновата будет.

* * *

Покои эданн Франчески были обставлены в лучших бордельных традициях. Алые шторы и обивка, золотые и позолоченные части мебели...

Красиво?

Еще курильницы с благовониями. И росписи на стенах, этикие «медальоны».

Надо признать, Франческе это шло.

Золотые волосы, смуглая кожа, черные глаза... и алое платье с таким низким вырезом, что соски виднеются.

– Дан Феретти... я хотела с вами поговорить.

– Говорите, – отказался соблюдать придворный этикет Лоренцо.

Близко к красавице он тоже не подходил. Вот еще не хватало!

– Дан Феретти, умоляю вас, не раскрывайте никому этот секрет... – Франческа поняла, что жертва в ловушку не торопится, и принялась приближаться сама. А что?

Мальчик еще!

Молоденький, хорошенький... вот и смущается. Да куда ж ты денешься от Чески, если она чего-то хочет?

И в постели у меня окажешься, и приказы мои выполнять будешь как миленький... может, еще и влюбишься. Особенно приятно будет сделать пакость королеве.

Лю-убо-о-о-о-овь!

Ха!

Ческа точно знает, нет никакой любви! Она проверяла!

– Какой секрет? – Лоренцо сделал шаг назад.

Эданна надвигалась неотвратно, словно осадная башня. В голове у парня зашумело. Ему и так-то было плохо рядом с Франческой, но ее запах частично забивали курильницы.

А вот когда она близко подошла...

Да почему этого никто не чувствует?!

Этой вони?!

Этой крови?! Тухлятины?!

– Вот этот, – шепнула Ческа.

И дернула за шнурок платья.

Алый шелк свалился с плеч победительницы и осел кучкой на пол.

Что будет дальше, эданна Ческа знала совершенно точно. Сейчас она сделает шаг, поцелует милого мальчика, а потом... первый раз, наверное, все на полу и случится. Но второй точно на кровати.

На полу не слишком удобно: хоть ковер и мягкий, но колени на нем стираешь только так.

Она уже чувствовала руки Лоренцо на своем теле, видела его влюбленный взгляд, его покорность...

А вот то, что произошло потом...

Желудок несчастного парня окончательно взбунтовался. Да еще и кровавая колбаса, съеденная с утра...

И все это рванулось наружу.

Эданна Ческа завизжала. Но было поздно. Ее, простите, обливали просто с декольте и до коленок.

На визг влетела служанка, ахнула, застыла на месте... Лоренцо воспользовался случаем – и так рванул в открытую дверь, что чуть еще одного слугу не сбил.

Есть у слуг такое... вечно они оказываются в каких-то местах... не тех, не там и не тогда.

Или – как посмотреть?

Вечером слухи разошлись по всему двору.

Франческа сделала вид, что ничего не было... ну, в общем-то, ничего и не было. Лоренцо до нее даже пальцем не дотронулся.

Даже и рассказывать не о чем. И вообще, может, это эданну стошнило?

Нет?

А она точно не беременна? Опять нет?

Ох уж эта молодежь, как напьются, так и приходят после вчерашнего... и это... нет бы прекрасных дам розами засыпать!

А они!

Двор развлекался.

Правда, его величеству не доложили ни о чем – не нашлось героев, но эданна Ческа все равно чувствовала себя весьма неудобно.

А вот королева, напротив, получила громадное удовольствие. Это действительно судьба. Какие у них с Лоренцо схожие реакции на эданну оказались! Просто прелесть!

Это придворные, кстати, тоже отметили.

Эданна Франческа бесилась.

Народ потешался.

Время шло.

Адриенна

– Ваше величество. – Дан Делука склонился перед Филиппо.

Энрико выздоровел раньше короля и чувствовал себя намного лучше. Только вот шрамы останутся. И волосы побелели. Смерть сына даром не проходит.

– Дан Делука, – не стал тянуть король, – вы слышали, что произошло на последней охоте?

– Да, ваше величество.

– Я поручаю вам набрать охотников и искоренить этих черных тварей! Везде!!!

Энрико даже не задумался.

– Как прикажет ваше величество. Но на это потребуются время и деньги.

– Я отдам распоряжение. А время... сколько?!

Энрико развел руками.

– Ваше величество, если мы уложимся в год, будет хорошо.

– Год, дан Делука?!

– Да, ваше величество. Если не больше. Королевство велико, а волк... он быстрое животное. Умное, опасное...

– Чересчур опасное.

– Да, ваше величество. Не знаю, откуда взялись эти стаи, но... они умнее обычных волков. Как Леверранское чудовище.

– Поговорите с кардиналом, дан Делука. Я помню, как убили того оборотня... может быть, вам нужна помощь храма?

– Пока не знаю, ваше величество. Но полагаю, что в таком деле никакая помощь лишней не будет.

– Ваше величество. – Кардинал Санторо выступил вперед. – Вы полагаете, что это не просто волки, но происки дьявольские?

– Скорее всего, – неохотно кивнул Филиппо.

Так тоже неприятно. Но это лучше, чем признать себя трусом и дезертиром. Пусть не с поля битвы, но достойно ли короля бегать от зверей? Как-то не очень. А вот от нечистой силы – в самый раз. Уважительно получается...

– Полагаю, надо искать ведьму или колдуна. Черные мессы, дьявольские звери... ваше величество, умоляю, отдайте приказ начать расследование.

Филиппо кивнул.

Да пусть расследуют. Ему это только на руку.

– Ваше величество, я помолюсь за успех дела, – вступила Адриенна. – Позвольте мне провести ночь в молитвенном бдении.

– Если вы так желаете, дорогая супруга, – хоть сегодня.

Адриенна вежливо поблагодарила. И поймала на себе острый взгляд кардинала.

Может, стоило ему не отказывать? Нет... это нереально. Просто потому, что есть Лоренцо. Но вот гадать теперь, что предпримет этот подонок?

А вот это очень и очень грустно...

* * *

Моргана была встревожена.

– Я не знаю, детка. Хорошо, что нашелся мой клинок. Хорошо, что ты отдала его своему защитнику. Но как почуять алтарь на расстоянии, я не знаю. Мне это не удалось.

– У меня тоже нет шансов, – погрузилась Адриенна. Если уж Моргана с ее кровью, знаниями...

Прабабка развела руками.

– Нет. Только искать обычными методами.

Адриенна положила руку на живот.

– Я не могу. Я связана по рукам и ногам...

– Ты рассказывала про ведьму, которую должна отпустить. Может быть, она поможет?

– До нее еще надо добраться. А за каждым моим шагом следят...

– И все же... подумай над этим. А сейчас спешి навверх. Ты права: за тобой следят. Пытаются следить – и кто-то идет в часовню.

Адриенна повиновалась.

Тупик, везде тупик... может, и правда попробовать – с ведьмой? Но поможет ли? И как сейчас выбраться из дворца? Если даже в прошлый раз они едва не попались?

Впрочем, если не будет другого выхода, она попробует.

* * *

Успела она в последнюю минуту.

– Ваше величество, совместная молитва супругов более угодна Богу, чем поодиночке...

Филиппо скрипел зубами, но с кардиналом не спорил. Ах ты ж гадина!

Адриенна едва-едва успела потайной выход закрыть. А голоса уже были за дверью, и засов лязгнул...

– Ваше величество? – «удивилась» Адриенна.

– Я решил помолиться вместе с вами, дорогая супруга.

– Я рада, дорогой супруг.

Адриенна вновь сложила руки в молитвенном жесте.

– Хм... а что у вас на ладони?

Женщина едва не выругалась.

Ну да, она поила алтарь кровью! Каждый раз поила! И Моргана залечивала ее раны, но шрамы-то оставались! Рубцы, сначала красные, потом выцветали, и никто не видел. И вот...

Просто сейчас он яркий, броский...

– Вы порезались?

– Случайно, дорогой супруг.

– Чем?

– Рука соскочила, стекло попало, – вздохнула Адриенна. – Понимаю, глупо, но дома я привыкла убирать сама и забыла, что беременна...

Филиппо только головой покачал.

– В следующий раз думайте головой! Дан Виталис в курсе?

– Нет. Зачем?

– И его держите в курсе дела. Ладно... не будем тратить время на глупости. Господи Христе...

Адриенна не заметила, как вышел из часовни кардинал. Да и заметила бы... что толку?

* * *

– Ее величество что-то разбивала?

– Нет.

– Припомни. Может, вазу, бокал... окно...

– Нет. Я бы точно знала.

– У нее на руке порез. Откуда?

– Не знаю... у нее вообще на руках шрамов хватает.

– Да?

– На ладонях. Я видела... старые такие...

– Хм. Интересно...

– Я могу еще чем-то помочь?

– Если сможешь, я тебе потом скажу. Иди и понаблюдай за королевой. Если у нее будут еще шрамы, скажи мне...

– Да, ваше высокопреосвященство.

Кардинал Санторо проводил свою шпионку и задумался.

Может... в том-то и дело? Адриенна – Сибеллин. И есть нечто... зачарованное на кровь?

Он бы не удивился. Высокий Род умел охранять свои секреты. И защищать их умел. Но королева наверняка будет все отрицать.

Шрам красный, недавно полученный, еще воспаленный. То есть... день-два? Что она делала в это время и где может находиться тайник

Сибеллинов? Надо подумать. Это точно старая часть дворца, это точно время...

Ничего!

Что один человек загадал, другой всегда разгадать может. А стоит королеве родить – и потомок крови Сибеллинов у кардинала и так будет. Во всяком случае, пока он будет нужен...

Мия

Причина визита в банк была чрезвычайно проста. Деньги понадобились.

Мия жила вполне себе скромно, но ребенку очень многое нужно. Надо обставить детскую, надо заказать колыбельку, надо договориться на всякий случай с кормилицей, надо...

Ох как много надо! С ума сойдешь!

Вроде бы такой маленький ребенок – и такие большие расходы!

Так что Мия отправилась за деньгами. И весьма удивилась, увидев в своем сейфе поверх мешочков с золотом еще и большую шкатулку.

Впрочем, опасностью от нее не пахло. Ни ядом, ни металлом, просто деревом. Поэтому Мия махнула рукой и открыла крышку. Кстати – демонстративно не запертую. Даже слегка приоткрытую.

Хм...

В шкатулке лежало несколько небольших мешочков. А поверх них – письмо.

Вот его-то Мия осторожно и развернула.

Нюх предупредил бы ее об опасности, но опять же... обычный пергамент. Обычные чернила... ничего нового, на самом деле.

Кроме самого содержимого.

«Ну здравствуй, Змейка.

Если ты читаешь это письмо, меня все-таки убили. И я пошел к твоему дядюшке. Эх, и погуляем же мы теперь по адским кабакам! Чертовок поваляем! Главное, чтобы в рай не выперли, говорят, там даже подраться не с кем. Но нагрешил я достаточно. Авось не выгонят черти».

Если бы Мия и сомневалась в авторе письма, то теперь...

Комар.

Именно он любил шутить на эту тему. Нечасто, и только с Джакомо. А девушка слышала пару раз. И Комар знал, что она слышала.

Можно подделать почерк. Можно подделать печать и подпись. Можно подслушать разговор. Но все это, сразу взятое, сделать намного сложнее. Это уж точно.

Так что ты хотел сказать, учитель?

И Мия вновь впилась глазами в ровные четкие строчки.

«Не буду врать, твое бегство спасло тебе жизнь. Убил бы за Джакомо. Но как уж получилось. Жаль, что он повелся на предложение этого подонка. Я ему говорил, что ты можешь быть опасна, но друг не внял моим словам.

Теперь это дело мертвых.

Надеюсь, ты когда-нибудь вспомнишь меня добрым словом, детка. Все же мы тебя любили. Ты стала дочкой и для меня, и для Джакомо. Своих-то ни у кого из нас не было. Будь счастлива...

Теперь к делу.

Недавно ко мне обратился дан Пинна. Он просил проследить за эданной Франческой Вилеци. Полагаю, для королевы.

После смерти старика он служит девчонке СибЛевран, и это хороший выбор. Она хотя бы не дура.

Я согласился.

Не стану рассказывать, кто и как следил за королевской шлюхой, но результаты получились потрясающие.

Эданна регулярно посещала некую ведьму по имени Виолетта Дзанелла. А также принимала участие в черных мессах. Если тебе будет интересно, кто, что и как – под днищем икатулки лежат свидетельские показания. Они по всей форме заверены, подписаны... люди, которые их дали, готовы выступить даже перед королевским судом. Хотя чем он закончится – ясно заранее».

Мия даже фыркнула.

Действительно, чем может закончиться суд над эданной Вилецци? Особенно королевский?

Смертью всех, кто обвиняет сию нежную невинную розочку. Причем быстрой и жестокой. Может, еще и родных вырежут, так, для гарантии...

Что там дальше написал Комар? А то про эданну Мия и сама подозревала, просто проверить пока не могла – беременность. Интересно, хоть у кого-то и когда-то это случается вовремя? Или у всех, как у нее, – не ко времени, но рожать надо?

«С Франческой все было ясно. С ведьмой и ее подручными – тоже. Меня заинтересовал Жрец.

Он появлялся на мессе один раз, но лично в жертвоприношении не участвовал. Старалась исключительно эданна.

Я попробовал проследить за ним. Не получилось.

Подозреваю, что он увидел меня... или хотя бы понял, что за ним следят. И все же кое-что мне узнать удалось.

До определенного места он ехал явно на чужой лошади. А вот потом, у трактира «Пыль и солнце», пересел на другого коня. Этого оставил у коновязи. То есть коня он брал именно в трактире. Если не дурак, туда он не вернется... но одна зацепка у меня появилась. Видишь ли, его ждал слуга с арайским жеребцом.

Слуга трактирный, я эту породу ни с кем не перепутаю, то есть приехал дан, попросил поддержать своего коня, взял трактирного и уехал. Он мог быть в маске, мог быть в капюшоне, менять голос... это вообще могла быть баба. Не знаю.

Важно, что приехал Жрец в одиночку, сопровождающих у него не было. То есть там, куда он возвращается, никто ему не помогает. А вот деньги у него водятся. Арайцы...

Сколько это стоит, не мне тебе рассказывать.

Именно жеребец.

Арайский. Изабелловой масти. Ты представляешь, какая это редкость? Вряд ли таких жеребцов в столице десятки.

Найти его можно, и узнать можно...

Я поговорю с ведьмой и отдам приказания своим людям.

Но...

Сердце чувствует беду.

Когда-то Джасаккомо смеялся над моими предчувствиями.

А я ему говорил еще тогда не связываться с Бьяджи. И сам старался. Не стал бы я тем, кем стал, если бы не прислушивался к предчувствиям, но вот расслабились, старые идиоты. Надеюсь, ты душой не окажешься.

Если со мной что-то случится, будь осторожнее. И выкопай эту сволочь хоть из-под земли!

Но береги себя.

Ты – наше лучшее творение. Не хотелось бы, чтобы мир лишился тебя так рано.

Удачи тебе, Змейка.

P. S. Не побрезгуй как-нибудь поднять бокал за старого грешника и поставить свечку. Все же мы тебя любили. И прости, что так получилось. В ларце ты найдешь немного драгоценных камней, в которые я переводил свой капитал. Детей у меня все равно нет, так что наследуй. И будь счастлива, малышка.

Твой дядюшка Комар».

Печать. Подпись.

Мия сидела над ларцом с драгоценными камнями и еще более драгоценными документами и ревела в голос.

Как так получается?

Рикардо поступил с ней как подлец. А Комар – как дворянин. Хотя первый – дан и потомок Высокого Рода, а второй – один из хозяев Грязного квартала... Был! Но как так получается, что иногда подонки ведут себя благороднее дворян?

Как?!

Нет ответа...

Прошло немало времени, прежде чем Мия нарыдалась, проверила сейф, пробежала глазами документы, которые вытащила из тайника (и снова вернула их в тайник, пока не время такое обнародовать), взяла деньги на жизнь и попросила у клерка бумагу, перо и чернила.

А что?

Комар это своим примером показал.

Жизнь – штука сложная, надо оставить завещание. И да! Есть в банке такая услуга. Можно сделать его хозяина своим душеприказчиком, хотя заплатить и придется. Но лучше так...

Тем более что Мия поищет изабеллового жеребца.

Наверняка такие водятся в столице. И она найдет и коня, и хозяина, и... дату Комар написал...

Отлично!

Никуда ты, гад, не денешься! Я с тебя за Комара три шкуры сдеру – и четвертую добавлю.

Адриенна

Может, не будь Адриенна беременна...

Или не будь оно так неожиданно...

Но...

Когда открываешь крышку шкатулки с драгоценностями, а там – нож! Даже НОЖ!

Кривой такой, расписанный какими-то неприятными символами и покрытый запекшейся кровью...

Кто бы удержался на месте Адриенны? Вот и она завизжала что есть сил, оттолкнула от себя шкатулку вместе с фрейлиной и только глядя, как дана Дждойя поднимается с ковра, чуточку опомнилась.

– Ох-х-х...

– Кошмар какой! – Эданна Сабина оказалась рядом как нельзя более вовремя. – Челия, бегом к дану Виталису. Николетта, чего ты лежишь, словно труп?! Откуда ты вообще взяла эту гадость?

– К-какую?

– Вот эту. – Эданна Сабина с отвращением указала на клинок.

– Я н-не знаю. Я взяла шкатулку с сапфировым гарнитуром... – Девушка аж побледнела. И неудивительно: нож был... просто

символом сатанизма. И козлиная голова, вырезанная на рукояти, и пентаграмма, и прочая символика...

Да и кровь ему обаяния не прибавляла.

Хотя Адриенна сейчас готова была поклясться, что этим ножом никого не убивали. Почему?

А вот...

Хотя бы потому, что нож был покрыт кровью весь, включая рукоятку. И никаких следов пальцев... когда ты кого-то убиваешь, держишь его... ну хоть что-то должно остаться? Если крови так много?

А тут ни единого отпечатка, ровный слой бурых хлопьев.

На дурака рассчитано, на испуг. Вот испугаться она испугалась, но нож все равно бутафория. Его просто измазали чьей-то кровью... да хоть и на дворцовой поварне нацедили... принесли и положили.

Вот гады.

Но почему сегодня? И в сапфировый гарнитур?

Как оказалось, о том же думала и эданна Чиприани. Пока Челия бегала за лекарем, эданна принялась проводить дознание.

Кто знал, что ее величество собирается надеть гарнитур?

В общем-то, все фрейлины. Потому что с вечера Адриенна распорядилась приготовить синее платье с серебром. А с ним она обычно гарнитур и надевала. Ясно же все...

Кто последний чистил и укладывал на место гарнитур? Дана Варнезе.

Видела она там что-то постороннее? Нет... Когда это было? Два дня назад.

То есть – бесполезно. Просто бесполезно. Концов не найти, как ни старайся... за два дня кто угодно мог подсунуть что угодно. Хоть и нож, хоть и гадюку. Живую...

Адриенну затрясло от гнева. Прибежавший дан Виталис решительно уложил королеву в кровать и приказал не вставать: срок-то уже очень большой. Если сейчас родить, не выживут ни мать, ни ребенок... этого нельзя допустить.

Пришлось Адриенне лежать и злиться.

Узнав о случившемся, явился Филиппо. Примчался кардинал Санторо...

Шум, гам, крики...

Адриенна лежала и думала, что убила бы гада, который подложил этот клинок. Вот ведь зараза! Ни покоя, ни отдыха...
Сволочь, сволочь, сволочь...

* * *

Сейчас Джеронимо Дикарло не чувствовал себя таким уж счастливым.

О нет...

Вот раньше – было. А сейчас... когда он опознал ту самую эданну... его буквально за руки привели в небольшую комнату. Монах и привел.

И через несколько минут там появились еще несколько доминиканцев.

– Ты уверен?

– Это точно?

– Не ошибся?!

Вопросы следовали один за одним, но Джеронимо точно не ошибался. Разве такую забудешь?

Никогда...

Так что отвечал он честно, а потом...

Потом он оказался вот в этой келье.

Нет, пожаловаться грех, кормят его неплохо, но сидеть и в стену смотреть? Ну молиться три раза в день, когда монахи идут в храм.

Ну наблюдать за происходящим из окна.

Орать?

Смысла нет, он на территории монастыря. Хоть ори, хоть не ори... пытался спрашивать, возмущаться, но ему сказали просто: это для вашей же безопасности.

Спорить было сложно. Где он, а где эданна? Если Джеронимо и скажет, что это она... его наверняка убьют. А жить хочется.

Но и сидеть тут целыми днями, никуда не выходя?

И чем еще все это закончится?

Да чем угодно... может, и убить его решат. Но и сбежать... и не сможет он, и некуда...

Страшно.

Очень страшно.

Остается только молиться и молиться. Но почему же доминиканцы ничего не делают? Почему?!

Если бы Джеронимо мог слышать некоторые разговоры, происходящие в монастыре, он бы не удивлялся. Но юноша не слышал. А в силу необразованности и додуматься до таких вещей не мог. Увы.

* * *

– Брат Томазо, рад вас видеть.

– Брат Луис. Взаимно.

– Что вам удалось узнать?

– Про эданну Вилецци? Сложный вопрос. Несколько раз она действительно отлучалась на всю ночь. И возвращалась в состоянии, близком к опьянению.

– Кровь?

– Нет. Но волосы были влажные, нижнее белье иногда тоже...

– Смывала с себя кровь и одевалась наспех? – предположил брат Луис.

– Вполне возможно, – согласился брат Томазо. – Мы расспрашиваем ее прислугу... пока вышли вот на этот адрес. Здесь проживает некая Виолетта Дзанелла.

– Кто?! – Удивление брата Луиса было совершенно искренним.

– Виолетта Дзанелла, – пожал плечами брат Томазо. – Что-то не так?

Брат Луис только головой покачал.

Один из старейших монахов и глава ордена доминиканцев, он был лет на двадцать старше брата Томазо. И был в курсе некоторых историй... это для молодежи они уже забылись. А брат Луис это все помнил, родители обсуждали... считай, его в детстве чем-то таким и пугали. И неудивительно...

– Продолжайте, брат Томазо. Я потом объясню.

– Ньора Дзанелла...

– Вы уверены, что не дана?

– Не уверен. Пару раз мне удалось ее увидеть, ньоры себя так не ведут. И не держатся. Может быть, и дана.

- Эданна. Если это она, то эданна...
- Так вот. Эданна Дзанелла известна в округе как «старая ведьма».
- В открытую?
- Да. Впрочем, ничего такого страшного она не делает. Немного гадает на картах, немного на бобах...
- Чернокнижие?
- Этого нет. По словам соседей, травки какие может продать, заговор нашептать, зубную боль унять или чирей заговорить, ячмень вылечить...
- Тогда почему – ведьма?
- Тоже по словам соседей. Глаз у нее дурной. И кому она зла пожелает, тот обязательно в беду попадет. Одна из соседок с ней поругалась, в тот же день сломала ногу и прикусила язык. У соседа... не рядом, а по той же улице, который обозвал эданну, сгорел курятник... и таких вещей набирается более чем достаточно.
- И это в центре столицы. Практически у нас под самым носом...
- Всеведущ лишь Господь, а мы – его скромные слуги.
- Что по поводу месс?
- Эданна Вилецци навещала ее, и не раз. Обе женщины куда-то уезжали вместе в карете в сопровождении слуг. Возвращались только под утро.
- Чья карета? – быстро спросил брат Луис.
- Ведьмы.
- И ее же слуги?
- Да...
- Понятно...
- Последнее время она, правда, притихла. Эданна Вилецци к ней приезжает, но остается ненадолго, на час-два, не больше.
- Понятно...
- Может, взять ведьму и расспросить как следует?
- Если это та, о ком я думаю... ты можешь не трудиться, Томазо. Ты ее не возьмешь.
- Брат Луис?
- И я тоже. Она еще чудом держится на свете, хотя ее давненько ждут в аду. Интересно, почему?
- Брат Луис?..

– Я расскажу тебе сейчас историю, о которой все говорили лет сорок-пятьдесят тому назад. Неподалеку от столицы стоял монастырь. И были там две послушницы... дана Кавалли и дана Дзанелла...

* * *

Историю брат Томазо прослушал с интересом. Потом подумал немного.

- Полагаешь, брат Луис, это она?
- Я бы не удивился.
- Но сколько ж ей тогда лет?
- Зло живет долго, очень долго. Тем более такое...
- Понятно... но есть же способы? Наверняка!
- Есть. Но применять их надо не в столице. Когда такая дрянь помирает... поверь мне, она постарается с собой половину квартала уволочь. Как бы не больше...
- А если ее выманить?
- Можем попробовать. Но осторожно. Она и умна, и хитра... столько лет под самым нашим носом, почти не скрываясь...
- Это верно. А эданна Вилецци?
- Как ты себе это представляешь? Если мы ее хоть пальцем тронем, завтра же его величество приступом возьмет монастырь. И плевать ему будет на все наши доводы.
- Отлучение?
- Полагаю, он и этого не испугается.
- М-да... проблема.
- Еще какая, брат Томазо. Но мы ее решим, с Божьей помощью. Зло не всемогуще и не всеведуще...
- Аминь, – подтвердил брат Томазо.
- Пока следим за обеими. И за той, и за другой. И... брат Томазо. Когда его величество принимает эданну во дворце – это одно. Но когда они с эданной куда-то едут, я должен об этом знать.
- Брат Луис, вы предполагаете, что король тоже? Он...
- Он может быть обморочен, приворожен, околдован... поверь, это возможно. Я видел такое не раз.

– Но говорят же, что на истинного правителя нельзя наложить никакие чары. Во время миропомазания он становится на ступеньку ближе к Богу, и...

Брат Луис только головой покачал.

– Говорят. Но кто тебе сказал, что Эрвлины...

– Черт побери! – Тут уж и брат Томазо не удержался. – Прости меня, Господи...

– Вот, брат. Ты понял?

– Сибеллины? СибЛевран?

– Вполне возможно. На нее это подействовать не должно, но... Кто знает? Ты в курсе, чьи потомки Сибеллины?

– Да.

– Их нельзя назвать темными, но и христианами их тоже не назовешь.

– Мне стоит последить и за королевой?

– Сейчас вряд ли. А после родов – обязательно.

– Во что мы ввязываемся, брат Луис? Во что?!

– Грязь тоже должен кто-то вычищать, брат Томазо. И это наш долг.

– Ах да... нашим расследованием сильно интересуется кардинал Санторо.

– И это неудивительно. Надо бы побеседовать с ним, полагаю, как пастырь и исповедник, он должен многое видеть и знать. Он постоянно находится при дворе, многое видит и слышит. И не может не подозревать неладное...

– Мне пригласить его сюда? На беседу к вам?

– Да, пожалуйста, брат Томазо.

Когда младший священник ушел, старший неловко потянулся. Скрипнуло колесиками кресло...

Ног у брата Луиса не было вот уже лет тридцать. Чуть повыше колен...

И что такое волки-оборотни, он преотлично знал. И с колдовством даны Кавалли дело имел. И ощутил все на своей шкуре...

И не хотел повторения.

Он выжжет эту скверну каленым железом.

И да...

Во все монастыри полетят указания о помощи охотникам. Пусть предоставляют братьев, святую воду, серебро... что угодно! Нечисти не место на земле Эрвлина!

Или Сибеллина... не важно! Нечисти вообще не место на земле! Только в аду...

И он сделает все, чтобы отправить к хозяину и нечисть, и тех, кто ее выпустил... надо только не промахнуться. Прошлый раз дорого ему стоил.

В этот раз он не станет рисковать. Он будет бить только наверняка. Пусть даже это будет его последнее дело.

Мия

– Шесть изабелловых жеребцов? ШЕСТЬ?! Булка, ты надо мной поиздеваться решил?

Живот Мия придерживала руками. Но собеседник все равно следил за ней с опаской. Змейка же... укусит еще!

– Если бы! Мода одно время была... ты ж сама знаешь, ради моды эти благородные из шкуры вывернутся и обратно завернутся...

– Знаю. Что за мода?

– Именно чтоб изабелловый конь или кобыла. Шкура розовая, шерсть белая, глаза голубые... сама знаешь, бешеных денег такая тварь стоит.

– Знаю, – отмахнулась Мия. – Значит, шесть штук?

– Да.

– У кого? Перечисли мне всех владельцев?

– Дан Аурелиано Москано. Дан Орландо Сарти. Дан Джерардо Фьорде. Дан Амандо Франко. Дан Анджело Санторо. Дан Альдо Форти.

– Санторо... кардинал?

– Именно.

– Вряд ли он дурак – так подставляться? Или просто не подумал... ладно. Его оставим напоследок. Булка, дай своим людям задание, а? Мне нужно знать, кто из этих данов постоянно ездит верхом на своем коне.

– В смысле?

Мия потерла лоб.

– Булка, ты пойми... для кого-то это не конь, а статус. Допустим, купил его дан и дал сыну попользоваться... или сынок сам взял пофорсить перед приятелями.

– Возможно.

– Кто-то для жены купил. Кто-то ездить не мог...

– Ага...

– По внешности еще... это должен быть мужчина средних лет, достаточно поджарый... сам понимаешь, если в человеке под сто пятьдесят килограммов, это не наш клиент.

– Хм... втягиваешь ты меня в политику, Змейка.

Мия оскалилась.

– А ты меня? Скажи еще, не знал, почему Комара положили?

– Ну знал...

– Тогда благодари. Я тебя не втягиваю, я твоих ребят использую для подручных работ. Сама бы пробежала да спросила, только вот у меня пузо. А время уходит, я это почти физически чувствую...

– Да?

– Может, это меня касается, – пожала плечами Мия. – Может, преддродовое. Но в городе неладно.

– Да уж чего там ладного... твари эти чуть не под стенами воют.

– Под стенами? Они и в город заходят. Я двоих сама положила, но это повезло.

Булка поежился.

– Знаю... Комара не мухобойкой прибили.

Мия тоже была в курсе дела.

– Вот и не тяни. Лично я жить хочу. А для хозяина этих тварей мы в одной цене с червями. Сам понимаешь.

Булка понимал.

Так что вздохнул – и отправился выяснять, и кто, и что...

Надо. Если хочется жить, надо.

* * *

– Вот еще! Я что, нищенка какая-то?! Как это – всего трое слуг?!
Рикардо закатил глаза.

Действительно, как?! Вот как так получалось, что они с Мией и вовсе одним слугой обходились?

– Дорогая, сколько тебе слуг нужно?

– Дворецкий. Два конюха, а лучше три, два садовника, кухарка и помощник для нее, две посудомойки и минимум восемь горничных.

Рикардо едва не застонал.

– Дорогая, зачем?!

– Что значит зачем?! – Баттистина смысл вопроса вообще не поняла. Ясно же все! Она перечислила необходимый минимум, и то в родительском доме горничных было в два раза больше. Просто здесь столько не поместится...

– Зачем нам два конюха, если у нас всего две лошади и карета?

– Да-да, мне еще нужны четыре лошади для упряжки, лучше одной масти, мышастенькой такой, мне нравится, серые в яблоках. И новая карета – в твоей ездить совершенно невозможно, ты же понимаешь! А еще две лошадки для верховой езды. Черная и белая.

– Зачем?

– Под платье, – удивленно подняла брови Баттистина. – И да! Еще паланкины... штуки три для начала. И носильщиков надо будет нанять...

Рикардо застонал, притянул супругу к себе и закрыл ей рот поцелуем.

Пока действовало.

Но... сил не было! Слов – тоже! Вот как, КАК так получалось, что, пока он был с Мией, все решалось просто мгновенно, и его ждали с улыбкой и горячим ужином, а сейчас...

Сейчас он приходит – в доме конец света, все вверх дном, Баттистина якобы занимается уборкой, но пока, как по мнению Рикардо, добилась только абсолютной разрухи... опять же! Вот как Мия стала для прислуги в Демарко даной? Но ведь стала, и приказания отдавала, и ей повиновались, и порядок был!

А тут!

– Дорогой, а еще я хочу маленькую собачку! Вот, пушистенькую, как муфточку...

Даже в постели рот у Баттистины не закрывался. И вовсе не для поцелуев.

Рикардо просто не понимал разницы в воспитании. Мия сначала росла в бедной семье, а потом в купеческой. И там, и там не до капризов. И здесь, и тут надо уметь обходиться тем, что у тебя под рукой, да с максимальным эффектом. И как ведется дом, она знала. И понимала, что не надо отдавать много приказаний тем, кто и без тебя справится.

Вот умеет дворецкий организовать слуг? Расставил он их на места?

Радуйся! И не лезь! И чтобы кухарка работала нормально, с ней надо обсуждать меню на декаду. Согласовать, закупить продукты и оставить ее в покое. Если уж какой форс-мажор случится, тогда и будешь прыгать. Но не раньше!

Баттистине сие было неведомо.

Любимый, поздний и напрочь избалованный ребенок, она получила в свое распоряжение дом. И теперь хотела в него куколок!

Вот есть новая кукла – муж!

Красавец, гвардеец, им можно похвастаться подругам... и потискать опять же...

Вот куклы-слуги. Ими тоже надо играть. Отдавать приказания, строить, гонять... а что? Дома мама не давала разгуляться, а здесь-то Баттистина главная! Все в ее воле!

А что приказания надо отдавать разумные, что на их выполнение нужно время...

Конечно, дома был конец света. И деньги летели со свистом, словно в бездонную пропасть.

Рикардо начинал подозревать, что на капризы супруги не хватит ни денег, ни сил... да ничего не хватит! А если тесть... ой, если вот это безденежье – оно продлится еще месяц-два...

Долговая тюрьма, вот что его ждет!

И ничего хорошего там не будет. Разве что заложить Демарко? Но это уж на крайний случай... да и отец там что-то накрутил с завещанием – кажется, Рикардо поместье заложить не сможет... или не сейчас, а через три года, как-то так...

Надо посмотреть.

Рикардо действительно был недалеко от истины.

Дан Козимо, примерно представляя себе цену наследника и его выдающийся ум, решил обезопасить дурачка, насколько сможет. И сам

заложил поместье. Правда, предусмотрительно сделал так, что часть дохода отчислялась на погашение залога, и примерно через два-три года он будет полностью закрыт. Да и долг там небольшой.

Но с поместьем Рикардо пока сделать ничего не сможет. Оно не его.

А что же делать?

Что делать-то?!

* * *

Пиппо Кало, конюх в доме уважаемого дана Орландо Сарти, с удобством устроился за столиком в таверне.

Разве что-то плохо?

Да жизнь прекрасна! Есть выпивка, есть закуска, скоро друзья подойдут, а там и девки подтянутся. Э... а это что такое?

– Простите, ньор. Вы не откажете ньорите?

За стол присела красивая девушка. Вроде даже как не из этих трактирных. Молодая, симпатичная, темные волосы колечками, носик курносый, глазки блестят, платьице такое... с кружевом.

– Присаживайтесь, ньорита, – решил Пиппо. А что?

– Вы уж простите. Но одинокой девушке сложно, а вы выглядите таким решительным и сильным, – щедро плеснула медку девушка. – Пока я сижу за столиком рядом с вами, ко мне никто не посмеет подойти.

Пиппо ощутил себя чуть ли не героем и расправил плечи.

– Это... да...

– Я по тавернам не хожу. Но так получилось, придется брать обед навынос. Представляете, у нас Марита заболела.

– Сестренка? – посочувствовал Пиппо.

– Что вы! Лошадка наша! Папенька извозчиком работает, Марита, считай, всю семью кормит...

Тут уж Пиппо был на своем поле.

– Что с ней такое?

– Ньор, а вы неуж в лошадях разбираетесь?

– Да я... я конюхом работаю у дана Сарти! Старшим!

– Ой! – всплеснула руками девушка. – А говорят, у него такие кони, ТАКИЕ... даже арайцы есть... неужто правда?

Лучшая тема для разговора с мужчиной – сам мужчина. Вот и Пиппо развернулся. Девушка ахала, закатывала глазки, заламывала ручки, поддакивала и быстро выяснила, что да. Есть и изабелловый жеребец. Но не здесь. В поместье. Хозяин его туда на племя отправил, хочет ему пару найти, кобылку, а пока конь там, на выпасе... уж, почитай, год. С того лета.

Из таверны девушка вышла, условившись о новой встрече с Пиппо. Придет или не придет – там видно будет. В общем-то, она и не соврала почти. И папенька извозчиком работает, и кобылка у него Марита, только она вполне жива и здорова. А семья еще в придачу к основному промыслу оказывает ма-аленькие такие услуги одному хорошему человеку.

А что плохого?

Узнала она про жеребца, скажет – и все. Это ж слова.

А ей за это денежку дадут, когда семья сам-десять, лишней никакая рия не окажется. А может, и правда сходить на свидание? Ведь хороший муж будет... и старше, и глупее, и при работе. Надо брать!

* * *

Милая девушка получила за работу три дария на ленточки. Булка получил отчет о жеребце и вычеркнул дана Орландо из списка. Точно так же в течение декады из него убрался дан Аурелиано Москано: конь был куплен им для супруги и на коне ездил верхом только эданна. Чтобы его кто взял без ее ведома? Да вы что! Эта тварь никого другого к себе и не подпустит.

Дан Джерардо Фьорде – конь куплен чисто для красоты. Сам дан на нем не катается, потому как весит под двести килограммов, и никто другой его не брал. Дан Фьорде очень серьезно за своим имуществом следит.

Дан Амандо Франко – этот ездит сам, но его вместе с конем просто не было в столице. Уехал в провинцию. Уж с полгода как...

В списке оставались дан Анджело Санторо и дан Альдо Форти. Но Булка планировал его уменьшить еще хотя бы на одно имя.

Не ошибиться бы... страшновато. А с другой стороны, все равно помирать рано или поздно. Так лучше уж помереть весело.

Адриенна

Не прислушивайся старая ведьма к своим ощущениям, давно бы Летту песком забросали.

Но Виолетта Дзанелла нутром чуяла опасность.

Да, вот так.

Ей далеко до Иларии, она откровенно слабая ведьма и может очень и очень немного. Почти и не ведьма даже, так, по верхам, по кочкам. Но опасность она чувствует нутром.

И сейчас... она надвигается.

Надо бежать.

Поговорить об этом со жрецом? С хозяином? Нет, бессмысленно. Он просто не примет ее во внимание. И сил не хватит отстоять себя.

И... Виолетта точно знала, что надо спасать свою шкуру.

Надо бежать. А куда? Из столицы? Лишаясь последней надежды на спасение души? Положа руку на сердце... Виолетте уже и жить-то не хотелось. Так, лямку тянула. И зная, что Лари смогла уйти, зная, что она тоже сможет...

Не побежит она никуда. Хватит уже, отжила свое...

Виолетта решительно принялась приводить дела в порядок. Записи складывались в ларец, туда же отправлялись самые удачные зелья, кое-какие побрякушки... надо отправить письмо в банк. Хоть семья Дзанелла и похоронила ее лет двадцать тому назад, все равно наследство лишним не будет. А ларец пойдет королеве, в благодарность.

И той, второй, девочке... разберутся. Летта почему-то думала, что они – как сама Летта и Лари. Вот так примерно... и не ошибалась. Просто они с Иларией были ближе, больше времени могли проводить вместе. А Адриенна даже не могла приблизить Мию ко двору. Но девушки переписывались и знали, что они друг у друга есть. А это уже много.

Летта прогулялась по улице, побеседовала с соседями, прошлась до лавки и обратно...

Ага, вот и слезка. Ну так... плох́а та лиса, у которой только один выход из норы. У Виолетты их было четыре.

Улаживаем дела – и вперед. Лари там, наверное, уже соскучилась по подруге.

* * *

Розарий...

Прекрасное место для беременной королевы. Тихо, спокойно, розы цветут и пахнут...

Кардиналы неучтенные разгуливают, словно по церкви.

– Оставьте нас, дана, – жестко приказал кардинал фрейлине.

Челия Санти вопросительно посмотрела на Адриенну. Вот еще... кардинал ей не хозяин.

– Принеси мне шаль, Челия, – мягко попросила Адриенна. – И успокоительное, наверное. Не думаю, что в присутствии его преосвященства моей жизни или чести будет что-то угрожать.

– Да, ваше величество.

Вторая фрейлина ненадолго отлучилась, и Адриенна осталась наедине с кардиналом. Смотрела, ждала...

– Плохо выглядите, ваше величество.

Улыбка в ответ. Кардинал не знал, что сейчас из земли полезли плети розовых кустов. Не знал, что раскрываются новые черные бутоны. Не знал...

– Супругу нет до вас дела. Если вы не переживете родов, он будет счастлив.

И снова улыбка.

– Я последний раз предлагаю вам помощь и защиту. Последний раз.

Адриенна посмотрела прямо в глаза кардиналу.

– Ваше высокопреосвященство... – Она медленно поднялась со скамейки. Не хотелось вот так, снизу вверх... она все равно ниже, но стоя она сама себе не кажется такой беззащитной.

Кто знает, что бы она сказала. Но порыв ветра ударил ей в лицо, толкнул... и Адриенна невольно пошатнулась. Кардинал так же, на

инстинктах, подхватил ее под локти. И пальцы девушки коснулись распятия на груди кардинала.

– АЙ!!!

Руку словно крапивой обожгло. Адриенна расширенными глазами уставилась на кардинала. Перевела взгляд на распятие.

Красивое. Вырезанное из черного камня и оправленное в золото. Настоящее произведение искусства.

Или...

– Это вы, – жестко сказала Адриенна.

– Что? – не понял кардинал.

Это вы проводите черные мессы, управляете волками и хотите сесть на трон вместо дурачка Филиппо, это все вы, вы, ВЫ...

Каким чудом она не сказала это вслух? Божьим, понятно. Дана Санти вернулась.

– Ваше величество?

Адриенна выдохнула. Отстранилась от кардинала.

– Челия, благодарю.

– Ваше величество, служить вам – мой долг, – Челия накинула на плечи Адриенны шаль и с вызовом поглядела на кардинала. Ну?! Ты чего-то не договорил?! Иди отсюда подобру-поздорову!

Адриенна коснулась ее руки. Поблагодарила...

– Ваше высокопреосвященство. – Она больше не боялась. Она знала своего врага в лицо. – Мне казалось, я достаточно ясно выразилась? С прошлого раза мое мнение не поменялось.

– Это ваше последнее слово, ваше величество?

– Мое последнее слово будет наедине с Богом и совестью. Не смею вас задерживать, дан Санторо.

Кардинал оскалился. Резко развернулся, так, что взметнулась ряса, и пошел чуть ли не напролом. Сквозь розы... ага, как же! Это вам не пионы или гвоздички, розы таких вольностей не понимают. Пришлось гордо выдираться и так же гордо разворачиваться и уходить.

На кустах алели алые ключья сутаны. Словно капли крови...

– Ваше величество? – Челия коснулась руки Адриенны.

– Успокоительное, – приказала королева. И залпом выпила все протянутое.

Чуточку отпустило. Только вот...

– Пойдем в мои покои, Челия. Мне надо руку перевязать.

– Руку, ваше величество?

Адриенна медленно разжала стиснутую ладонь. Волдырь на ней был знатный. Как Моргана говорила – обожжет?

Больно. Зато наглядно.

А вот что теперь-то с этим делать? На улицу выйти и орать, мол, это сатанист? А кто поверит?

Надо бы поговорить с Мией. Больше Адриенна никому доверять не могла. Мия и Лоренцо. Дан Рокко? Он в СибЛевране, остальных в это втягивать просто нельзя...

– Челия, когда перевяжешь меня, позови ко мне дана Лоренцо Феретти, если он во дворце.

– Да, ваше величество.

Челия понимала, что дело неладно. Что происходит нечто... очень и очень плохое. Но разве у нее есть выбор? Есть... только вот она уже и выбрала. И королеве поможет.

Да и что в этом такого – пригласить дана Феретти для беседы? Все нормально и обычно, ничего страшного...

* * *

Лоренцо уже полностью освоился среди гвардейцев.

Не то чтобы его приняли сразу же и с радостной улыбкой. Но, получив мечом, пусть и деревянным, пусть и тренировочным, по задней части организма или по передней, аккуратно по пузу, быстро начинаешь уважать человека.

Лоренцо просто умел сражаться. И учить, как оказалось, умел. А еще дан Кастальдо, который навел справки, ну и... тоже рыкнул.

А что?! Он нашел хороших учителей фехтования, так перенимайте опыт, балбесы! Лучше на площадке синяком, чем потом – кровью.

Лоренцо не чинился. Охотно показывал, рассказывал, радовался чужим удачам... правда, были у него и свои минусы.

Он не ходил ни с кем в трактиры, в бордели, не смотрел на придворных дам, которым как медом было в казармах гвардии намазано... ему это просто было неинтересно. В его сердце была только Адриенна. Только она...

То, что дан Феретти влюблен в королеву, поняли быстро. Но... и что?

Он просто смотрит издали. Не подходит, не навязывает свои чувства... человеку уже и влюбиться нельзя? А почему? Его величество на свою эданну не только смотрит...

Может, если бы Лоренцо на что-то претендовал. Если бы вел себя излишне нагло. Если бы не любил так сильно...

Если бы.

Но гвардейцы тоже дураками не были в большинстве своем. И завидовали. Да-да, именно что завидовали. Тихо и молча. Любовь, когда настоящая и искренняя, ее видно. Она как солнышко светится. И греет всех окружающих, и радуется. Только вот ведь как.

Она и греет, и радуется, и бывает так редко, что раз в жизни ее встретить – уже счастье. И читаешь о ней, и думаешь. Но если тебе такое пошлет Господь... награда это – или кара? Гвардейцы точно не знали. А коли так... Не надо в это лезть. Позавидовать только. Кому-то Господь послал или на счастье, или на горе... Есть оно в жизни. Есть. Просто не всем дается и многое забирает.

Так что Лоренцо не задирали. Эданны и молоденькие даны пытались привлечь его внимание, но куда там! Дан Феретти смотрел ровно сквозь любую красотку, как сквозь воздух. А от эданны Франчески вообще шарахался, чем заслужил немалое благоволение его величества. Жена-то ладно! Пусть любит, если вкус плохой у человека, это не жалко. Вот если бы эданну Ческу, тут бы король осерчал, но как раз к ней Лоренцо полностью равнодушен.

А к королеве бегом побежал.

Гвардейцы только переглянулись. Ну... что поделаешь? Любовь...

* * *

– Мне надо срочно поговорить с Мией, – не стала тянуть кота за хвост Адриенна.

– Я спрошу сестру. Завтра же.

– Пожалуйста. И сообщи мне...

– Да, моя королева.

Только эти слова.

Только взгляд.

А так все очень и очень прилично. И на расстоянии. А взгляды что? Взгляды – это воздух. Даже меньше, чем воздух.

Но кто бы мог подумать, что кардинал Санторо... да... это не просто проблема. Это решительно жуть! И что теперь с ним делать, непонятно.

Лоренцо

Лоренцо намеревался зайти к сестре в тот же день.

Но... человек предполагает, а Бог располагает. У Динч начались роды.

В чем-то был виноват Лоренцо. Все же переход через горы для беременной женщины, да и само путешествие – это тяжело. И сама Динч добавила полешек в костер. Ей бы лежать, успокаиваться, думать о хорошем. А она переживала, нервничала, строила планы, злилась, металась... и вот, как результат...

Серену и Джулию отправили в дом к Джакомо Феретти. Лаццо решили его не продавать – недвижимостью в столице лишней не бывает, – и пока там жили несколько слуг, приглядывали, ухаживали за домом и садом.

Пригласили повитуху, пригласили ньора Рефелли, который озабоченно прослушивал сердцебиение ребенка через деревянную трубку...

И все закружились рядом с Динч.

Мужчин отправили в библиотеку.

Лоренцо честно переживал. Это его первый ребенок. И... кровь. Надо будет посмотреть, наследует ли он кровь Лоренцо. Его... особенности.

Вот ребенок Мии обязательно что-то да унаследует. Потому что будет от Демарко. От мужчины древней крови. А его ребенок – неизвестно.

Надо будет проверять и смотреть. Нет, жениться Лоренцо все равно не собирался. Но если кровь спит – там проще. Там можно ограничиться обычным воспитанием. А вот если проснется...

Лоренцо осознавал, что Джакомо и Лаццо, и даже Зеки-фрай... его просто спасли! Ему невероятно повезло! Останься он в деревне, воспитывай их отец... сейчас Лоренцо мог бы уже умереть. И никто не понял бы почему. А Мия...

Мия ушла бы из дома. Или еще что похуже... Эванджелина, их прабабка, все же была не права. О своих корнях надо знать, тем более о таких. Но что ее судить? Она была стара, она устала, она похоронила многих и многих, она уже ни во что не верила, вот и унесла секреты с собой в могилу.

Лоренцо не допустит такой ошибки.

Шесть часов.

Мужчины сидели в библиотеке. Пили, разговаривали, старались не слышать и не слушать крики, доносящиеся со второго этажа. Сначала просто вопли. Потом проклятия и ругательства. Потом длинные стоны, словно наверху страдало и металось смертельно раненное животное.

Восемь. Двенадцать. Сутки... уже и стонов не слышно. И эта тишина пугает больше, чем самые страшные вопли.

Ньор Рефелли, который вошел в библиотеку.

– Дан Феретти, положение очень серьезное.

– Насколько? – В животе у Лоренцо возник и начал смерзаться ледяной ком.

– Нам придется выбирать: мать или ребенок.

Лоренцо окаменел. Страшный выбор. Жуткий даже...

– А сама Динч?

– Она в беспамятстве. Если не выбрать сейчас, умрут оба...

Лоренцо прикусил губу. Как тут выбрать? Вот как?! Если бы Динч могла... но решение придется принимать ему. Здесь и сейчас...

Решение... разговор с Мией...

– Ты беременна, а этот подонок...

Мия улыбнулась и погладила живот.

– Энцо... это же мой ребенок! Мое дитя... я его уже люблю.

– Даже несмотря на то, что сделал этот урод?

– Мой малыш не виноват. Малышка, как мне кажется... и я ее люблю. Я умру за нее, Энцо, если понадобится. Я уже люблю ее так, что самой страшно...

Мия не колебалась бы, выбирая между собой и ребенком. Энцо был в этом уверен. А значит, и Динч.

– Ньор Рефелли, спасите ребенка. Умоляю. Динч мне никогда не простит, если она выживет, а малыш умрет.

Марио медленно кивнул. Он ожидал такого ответа. Но... это был не первый случай в его практике. И лекарь поспешил наверх.

Минута, две... Почему-то иногда минуты становятся длиннее часов. И вот – детский крик...

Энцо переглянулся с остальными мужчинами. Фредо вздохнул, налил вина себе, подвинул второй кубок племяннику.

– Залпом.

– Спасибо.

– Ты правильно выбрал, мальчик. Это страшно, но... ты поверь, если б я выбирал... я бы то же самое сделал. Иначе меня жена растерзала бы потом на кусочки.

Паскуале кивнул. Зеки-фрай сделал сложный жест рукой.

– Судьба. Кисмет...

Лоренцо вылил в себя вино, не ощутив ни вкуса, ни крепости, – и отправился наверх.

Динч лежала под покрывалом. Бледная, черты лица заострились, волосы слиплись от испарины, но именно сейчас, в смерти, она обрела красоту и тихое достоинство.

В руках у ньора Рефелли копошился, попискивал маленький комочек.

– Дан Феретти...

Судя по лицу, ньор Рефелли ожидал худшего. Но чего?

– Что случилось, ньор?

Неужели ребенок родился... с клыками? Или когтями? Или еще что-то?

Ньор Рефелли выдохнул – и протянул Лоренцо ребенка. Тот взял маленький сверток. Такой хрупкий... страшно даже представить... и из свертка на него взглянули угольно-черные глаза. И орлиный нос, и черные, словно смоль, волосы...

Если это его ребенок... нет, вряд ли!

– Значит, она все же это сделала. – Зеки-фрай вздохнул рядом. Когда он только успел подняться наверх...

– Что сделала?

– Динч не могла забеременеть от тебя, как ни старалась. И решила попробовать один раз с кем-то другим... ну и, видимо, вот.

Лоренцо посмотрел на мертвую женщину. На малыша. Снова на Динч.

– Ньор Рефелли, вы же подтвердите в магистрате, что это мой ребенок? Дженнаро Феретти. Дан Дженнаро Феретти.

Марио молча поклонился. Такого благородства он не ожидал. Не ожидала его и Мария, которая вытирала слезы за ширмой. Останься Динч жива, за обман Мария сама свернула бы ей тощую шею. Но... она умерла, ребенок жив, и Лоренцо мог сделать с ним что угодно. Выкинуть в канаву. Сдать в приют, отдать монахам, нищим, на усыновление или просто убить... он не обязан давать свое имя чужой крови. Но все же...

Он это сделал. И не просто дал имя – усыновил.

Мальчик не просто вырос. Не просто стал мужчиной. Он настоящий человек.

К Мие Лоренцо смог попасть только спустя сутки. До магистрата – и то едва добрался...

Сил просто не было. Упасть – и уснуть.

Даже похороны состоялись без него. Их взял на себя Паскуале, решив, что так будет проще и лучше. Племянник молодец и умница, но ему и так тяжело пришлось. А потому...

Кормилица, нянька, достойное погребение, письмо Маньяни...

Пусть Лоренцо хоть немного отдохнет.

Глава 7

Адриенна

- Милый, родной, любимый...
- Обожаемая моя, любимая... Ческа...

Два тела сплетались на кровати в любовной игре. Франческа старалась как могла, извивалась, имитировала страсть, сыпала признаниями...

Пока был жив Филиппо Третий, шансов у нее не было. Но сейчас...

- Как я мечтаю родить от тебя ребенка!
- Ческа, милая... может быть, потом...
- Впрочем, скоро у тебя будет ребенок. Это так чудесно, милый!

Дети... они такие милые...

Как-то сложно было описывать малышей. Эданна Вилеци искренне считала, что от них одни проблемы. Они орут, гадят, они вообще... что такое ребенок? Радость и счастье?

Вот и неправда ваша! Ческа точно знала, что ребенок – это гадкая и мерзкая личинка человека. Сначала она растет внутри, высасывая все хорошее из матери... достаточно на королеву посмотреть – жуть жуткая...

Потом его надо кормить... хорошо, есть кормилицы и знатной даме не надо портить грудь, но все равно – гадость, гадость, ГАДОСТЬ!!! И жди, пока оно созреет, поумнеет... и когда еще это произойдет?^[6]

Отвратительно... да и что там вырастет? Вдруг вот такой Филиппо? Дурак дураком, только и того, что король?

- Да, – расплылся в улыбке Филиппо.
- Обещаю, я буду любить его! Это будет твой сыночек... твоя кровиночка... ты же разрешишь мне с ним играть?

Филиппо нахмурился.

- Полагаю, Адриенна будет против.
- Но ты же король! Ты можешь приказать!

Приказать Филиппо мог. Но... предсказать – тоже. Особенно реакцию Адриенны. И жить как-то хотелось... чувство самосохранения прямо-таки орало в голос.

– Ческа, любимая...

– Я... Филиппо, я ТАК несчастна! Я не могу родить от тебя, а ты мне отказываешь даже в праве нянчить твоего сына!

Слезы полились потоком... надо бы сказать – горохом посыпались, но это так простонародно, а потому – жемчугом посыпались на простыню, оставляя на ней мокрые пятна, и Филиппо не выдержал.

– Хорошо, любимая. Я разрешу тебе... обещаю...

– О, Филиппо!

И Ческа кинулась ему на шею.

Так-то! Хоть королеве насолить! А потом... потом и будет видно! И чья возьмет, и что с ребенком делать... она умная, она разберется.

Мия

Вот уж чего не ожидала Мия, так это найти у себя на пороге старую ведьму.

– Ты?!

– Не выгонишь?

Мия едва не фыркнула старухе в лицо.

– Заходи. Куда ж я тебя выгоню?

Виолетта Дзанелла кивнула и зашла в домик на Приречной.

– Не переживай, я ненадолго. День-два, больше нельзя.

– Почему? – насторожилась Мия. Ей скоро рожать, а тут... что случилось?

– Доминиканцы. За мной следят. Я их стряхнула, но, чую, ненадолго.

Мия нахмурилась. Вот еще доминиканцев ей не хватало. Ей-то... С ее кровью... тут еще неизвестно, как она рожать будет, одна, без помощи... даже ньора Рефелли не позовешь... да никого вообще не позовешь! Мало ли что во время родов с ней будет?

Хотя... какая ей разница? Трупом больше, трупом меньше... надо только поговорить с Лоренцо. Но это потом, потом...

– Ты пришла сюда, чтобы я тебя спрятала? Или помогла выбраться из столицы?

Они уже переместились в спальню Мии и разговаривали там. Тихо-тихо, чтобы никто и ничего не услышал. Хотя Виолетта сейчас, кстати, совсем не походила на ведьму. Скорее, на торговку пирожками или еще чем таким... даже пахла она не травами, а сдобой. Ванилью, корицей...

Простое платье, белый чепчик, белый передник...

– Я не хочу маскироваться. Я хочу увидеть королеву. Вы обещали меня отпустить.

Мия покусала губы.

– Как ты себе это представляешь? Адриенна беременна, у нее вообще роды со дня на день начнутся!

– Не знаю. Но это надо сделать сейчас.

Мия сжала руками виски.

– Безумие!

– Нет. Мне так чутье говорит... ты уж поверь. Если б я ему не следовала, давно б мои кости песком занесло.

– И что сейчас говорит твое чутье?

– Что надо спешить.

Мия вздохнула. Ее чутье как раз ничего не говорило. Но за ней и доминиканцы не следили... С другой стороны... если Виолетта явилась к ней в дом, значит... значит, и те скоро ее найдут. Даже здесь. И что будет дальше?

Вестимо, ничего хорошего.

Выход один. Сообщить Адриенне.

– Хорошо. Я свяжусь с королевой сегодня же, – решила Мия.

Записку-то брату она отправила. Но Лоренцо спал, будить его никто не стал, и записка пролежала до утра.

Адриенна

– Что скажете, дан Виталис?

– Ваше величество, ребенок должен появиться на свет со дня на день.

Филиппо горделиво кивнул. У него хватило ума не приводить в спальню к супруге эданну Франческу, но та ждала за дверью. Вместе с фрейлинами.

Последнее время они с королем всегда ходили вместе.

– Вы постараетесь ради державы, ваше величество?

– Безусловно, ваше величество, – в тон супругу ответила Адриенна.

Дан Виталис чутьем придворного понял, что сейчас разразится гроза, и быстренько откланялся. И она таки грянула.

– Адриенна, мне бы хотелось, чтобы вы мягче относились к эданне Франческе.

– Насколько мягче? – Адриенна оперлась локтем о подушку, натянула на себя одеяло... потом она оденется. А пока надо объясниться с мужем.

– Мне бы хотелось, чтобы она вошла в число ваших фрейлин.

– Это невозможно, ваше величество. Фрейлинами могут быть только незамужние девушки. В крайнем случае, замужние дамы... или эданна решила выйти замуж? Кто сей счастливец?

Филиппо перекосило.

– Адриенна, тогда... тогда я хочу, чтобы она была смотрительницей спальни его высочества.

– Что?

Адриенна сначала подумала, что ослышалась. А потом... потом ее захлестнул неудержимый гнев.

– Смотрительницей спальни моего сына. Или дочери, – повторил Филиппо, думая, что супруга не расслышала.

Зря.

Матео Кальци точно мог бы сказать, что зря. Потому что розарий стремительно разрастался, вытесняя к чертовой матери алые и желтые розы. Кусты черных роз буквально захватывали сад...

Адриенна откинула одеяло, уже не думая, что она в одной ночной рубашке. И Филиппо сделал шаг назад. Показалось ему? Или...

В углах спальни сгустился мрак. Адриенна сделала шаг вперед – и в следующую секунду словно тенью окуталась. Стала выше, мелькнули за спиной черные тени – крылья? Засверкали ледяной безжалостной синевой глаза... еще шаг... Филиппо отступил еще и еще... уперся спиной в дверь, зашарил по ней, нащупывая ручку...

– Я, Адриенна Сибеллин, – негромко зашептал в спальне голос, – кровью клянусь: если твоя шлюха подойдет к моему ребенку, она умрет. Если дотронется – умрет. Я долго терпела, но всему приходит конец. Опомнись, пока не поздно...

Филиппо нашарил ручку двери и спиной вперед, с воплем ужаса полетел под ноги фрейлинам.

– А-а-а-а-а-а!

По счастью, на его пути оказалась как раз эданна Франческа, а той было не привыкать. Только и успела, что вскрикнуть, когда ее примяло королевским тылом.

– Вон из моих покоев!

Адриенна в одной ночной рубашке стояла в дверях. И вовсе не казалась беременной, слабой, беззащитной. Моргана никогда такой не была, а Адриенна – ее потомок, копия, кровь...

И что это за ее спиной? Черные тени, синяя молния...

– Вон из моих покоев, Эрвлин! И заberi с собой свою шлюху!

Филиппо подскочил словно ужаленный. Только вот... какое там достоинство? Какое сопротивление? Перед ним стояло жуткое, голодное чудовище. И он сам его пробудил!

Куда уж тут отстаивать честь эданны? Бежать надо! И побыстрее, и подальше... ой, мамочки...

Ческа зашевелилась на полу. Перевела взгляд на Адриенну.

И завизжала. Да так, что фрейлины шарахнулись. Перевернулась на четвереньки и, не переставая визжать, кинулась из спальни. Прямо так, на четырех костях.

Филиппо сглотнул – и молча последовал за ней. Для разнообразия – на двух ногах. Негнущихся.

Адриенна хлопнула дверью.

Фрейлины остались стоять, дуры дурами. Первой опомнилась Челия Санти.

– Ваше величество... – поскреблась в дверь. Ответа не было. Ну, если не считать ответом звон чего-то стеклянного, разбившегося о дверь.

Девушки переглянулись...

И что тут делать? А?

Ничего не ясно. Но и лезть в это страшно. А кого не страшно... точно! Где у нас дан Пинна?

Ох, как же не вовремя эданна Чиприани отлучилась навестить дочку!

* * *

Филиппо молча пил. Крепкое вино лилось в глотку словно вода. После пережитого...

Рядом истерически рыдала Франческа. Что уж ей померещилось... она не сказала. И вместо этого плакала и плакала.

Король ее не утешал. Он думал, что чудом не обгадился на глазах у всех. В буквальном смысле... еще бы немного – и точно бы того... омедведился. И попал бы в историю как Филиппо Засранец.

А что? Скряга и Предатель в его роду уже были, составил бы им компанию.

Еще один кубок вина отправился в глотку короля.

– Ваше величество? Я могу войти?

Кардинал Санторо постучался в дверь короля. И, не дожидаясь ответа, вошел внутрь.

Оценил картину, закрыл дверь изнутри, еще и засов в пазы вогнал.

– Ваше величество, мне донесли, что ее величество колдовала?

Филиппо даже рот разинул. Колдовала? Эм-м-м...

Зато на полу очнулась эданна Ческа.

– Точно! Это колдовство! Это все она... ведьма! Милый, ты помнишь! Черные мессы... пока ее не было в столице, их и не проводили! А сейчас... ужас какой-то! Это точно она!!!

Вообще-то, мессы были. Только намного реже. И эданна в них участвовала. Но сейчас... если есть шанс спихнуть свою вину на другого человека?

На другую... да еще так ее напугавшую?

До истерики, до крика, до свинячьего визга, чего уж там! Ческа и обмочилась, просто под юбками это не так было заметно... Когда Адриенна посмотрела на нее, женщине показалось, что та... что она все знает! Что это вообще посланница Неба. И она пришла судить и карать!

И... ой, мамочки, страшно-то как!

Моргану Чернокрылую не просто так боялись на полях сражений... боялись матерые воины, прошедшие не одну войну, не одну битву... Куда уж там шлюхе, на которой клейма ставить негде, и королю, который никогда не бывал на войне?

А Адриенна действительно унаследовала от своей прабабки все. Теперь – почти все.

Оставалось только показать ей ребенка и снять проклятие, которое ограничивает силу.

Филиппо посмотрел на Франческу. На кардинала.

– Эм-м-м... ведьма?

– Мне сложно сказать, ваше величество. Но вы же не знаете, как именно жила все эти годы ваша супруга? Чем она занималась в этом своем Сиблевране... да и ее происхождение...

– Что не так с ее происхождением? – рыкнул Филиппо.

– Ваше величество... – Кардинал позволил себе развести руками. – Позвольте мне говорить откровенно. То, что ваша супруга бастард Сибеллинов, давно уже ясно всем, у кого есть глаза. Она их копия. Но ведь всем известно, что Сибеллины были потомками ведьмы! И кто знает, что там могло пробудиться в вашей супруге? Как это могли пробудить? Может, и правда – черными мессами?

Филиппо задумался.

Звучало логично. И сегодня... разве такая сила может быть доброй? Может быть хорошей? Да никогда!

– Я слышал, – голос кардинала журчал, сглаживая острые углы вопросов, словно ручеек, – что Сибеллины были солнцем и светом для своей земли. Но разве сегодня... разве это так?

– Нет! – взвизгнула эданна Франческа. – Она черная! Она страшная! Ведьма!!!

Филиппо промолчал.

Ему тоже было страшно. И действительно, какой уж тут свет и счастье?

Понять, что он сам спровоцировал эту вспышку своей глупостью... куда уж там! Любая мать кинулась бы защищать своего малыша, а Адриенна – тем более. От чего защищать?

А что, не от чего?

Малыш рождается полностью зависимым от окружающих, беззащитным, если ему кто-то причинит вред, он даже сказать не

сможет! Куда уж там – себя защитить! Даже пожаловаться... ну плачет ребенок. А отчего?

А кто ж его знает, дети часто плачут.

И рядом с малышом будет находиться такая мразь?! А голодную гиену в няньки взять не надо? Нет?

А что так?

Вот Адриенна и кинулась. И ничего удивительного в этом не было. Любая мать потеряла бы всякий разум от такого заявления. Только Филиппо этого не понимал.

Это же Ческа! Она его любит, значит, она и его ребенка любить будет, она сама сказала! То есть ей можно доверить малыша! Все нормально, все хорошо...

Особенно все хорошо для Франчески.

– Ваше величество, умоляю вас назначить расследование.

– И кто им будет заниматься? Вы, кардинал?

– Могу и я. Ваше величество, вы же понимаете, это надо делать очень осторожно, чтобы ваш сын не оказался в двусмысленном положении. Потом, когда-нибудь... как сын ведьмы. Если, не дай бог, это действительно так.

Филиппо нахмурился.

– Что вы предлагаете, кардинал?

– Установить слежку за ее величеством. Отправить людей в СибЛевран. Дождаться родов и провести допрос...

– В СибЛевране погибла моя подруга! – взвизгнула Ческа. – Эданна Сусанна! Она вышла замуж за этого СибЛеврана и пропала без вести! И Леонардо, ее несчастный сын... я уверена, это она... – Произнести имя Адриенны Франческа просто не смогла, и продолжила еще визгливее: – Эта гадина убила мою подругу и несчастного мальчика! Наверняка!

– Если это так, мы найдем доказательства, – заверил эданну кардинал Санторо.

– Да! Прошу вас, кардинал! Филиппо, милый, умоляю! Назначь расследование! Если она ведьма... она же тебя изведет! Особенно после рождения ребенка! Ты же просто будешь ей не нужен!

Филиппо заколебался.

Действительно, это играет в обе стороны... ему Адриенна будет не нужна после родов. Проклятие снимется. А он ей? Если будет

ребенок и не будет проклятия?

«Я, Адриенна Сибеллин...»

Его величество сжал руки в кулаки, чтобы не показать дрожащих пальцев, и повернулся к кардиналу.

– Дан Санторо, начинайте расследование. Только тихо, никто ничего не должен узнать.

Кардинал молча поклонился.

– Я повинуюсь, ваше величество.

А улыбку на его лице и вовсе никто не увидел. Ты сама этого хотела, дрянь! Ты еще пожалеешь, что мне отказала...

Лоренцо

Первое, что сделал Лоренцо сразу после пробуждения, это прочитал письмо сестры. Ахнул, схватился за голову и помчался к Мие.

Сестра была весела и довольна жизнью. Даже несмотря на ведьму в своем доме. А вот Лоренцо таких эмоций не испытывал.

– Мия, ты с ума сошла?!

Мия пожала плечами.

– Энцо, ты сам отлично понимаешь, мы ей обещали. И обещание надо выполнять.

– Адриенна сейчас не сможет.

– А потом поздно будет... как наказывают клятвопреступников, тебе объяснить?

Лоренцо только за голову схватился. То, что обещала Мия, а выполнять придется Адриенне, он понимал. Но на сестру не злился. Тут все понятно.

Хотели продержаться до родов, не получилось, а вот что теперь – один Господь ведает.

Только вот мудростью своей не делится. Приходится людям решать самостоятельно.

И словно этого было мало, в дверь домика постучался дан Пинна.

– Доброе утро...

Совет заседал в спальне Мии в полном составе. Мия, Лоренцо, дан Пинна, ведьма... да, нетривиальный круг, но что поделать. Остро

не хватало Адриенны. Но она сейчас лежала в спальне.

Опять у нее болел живот, опять все тянуло, опять кружилась голова и хлопотали вокруг фрейлины. Соприкосновение с чужой силой, да потом еще вспышка гнева даром не прошли. Впрочем, это не помешало королеве с утра вызвать Иларио, шепнуть ему пару слов и почти с мольбой отправить по нужному адресу.

– Ее величество просила передать: это кардинал Санторо.

Мия хлопнула в ладоши.

– Все сходится! Мы еще одного с жеребцом не проверили, но если Риен так считает, я ей верю.

– Что именно сходится? – не понял Лоренцо, который не знал полной картины.

Дан Пинна потер лицо руками.

– Полагаю, что-то очень неприятное. Если ее величество в таком состоянии... дана Леонора, может, вы расскажете нам всем? А мы дадим клятву, что никому...

Мия вздохнула. Подумала пару минут...

– В том-то и дело, дан Иларио, что клятву я с вас взять не смогу.

– Почему?

– Потому что может наступить такой момент, когда вам потребуется это рассказать окружающим. Я не смогу дать позволение, и вы станете клятвопреступником... Нет, придется мне довериться вам. Лоренцо, ты эту историю тоже не всю знаешь, так что помолчи и послушай.

– Хорошо.

– Эта история началась давно. Когда две девушки решили стать ведьмами. Но все ведьмы разные. Бывают прирожденные, они сами по себе выбирают – и чем заниматься, и как свою силу использовать, в добро или зло, и все остальное. А бывает и так, что взамен на силу отдают часть души, как дана Виолетта. И тогда становятся только черными ведьмами. А после смерти отправляются в ад. Есть только один способ его избежать. Верно ведь, дана?

Виолетта кивнула.

– Меня должна отпустить хозяйка этой земли. Мою душу... отпустить и простить. Как она сделала это с моей подругой.

– А хозяйка этой земли, законная и принятая, – Адриенна Сибеллин.

– Эрвлин, – автоматически поправил дан Пинна.

Мия качнула головой.

– В том-то и дело... возможно, что уже и не Эрвлин. Дана Виолетта мне объяснила...

– Могу еще раз повторить. – Старая ведьма оглядела всех присутствующих. – Когда даются клятвы у алтаря, это не просто так. Их надо выполнять. Сказал беречь – береги. Заботиться – заботься. Хранить верность – храни. С обычного человека спрос меньше, а вот с короля... или с потомка Высокого Рода – дело другое. Адриенна Сибеллин клятвы не нарушала. Она верна мужу, она живет его интересами, как короля Эрвлина, она помогает и носит его ребенка.

Иларио кивнул, подтверждая сказанное.

– В обратку ей Филиппо Эрвлин не верен, не любит, не защищает, не бережет... дальше пояснять?

– Не надо. Его дрянь...

– Которая, кстати, участвует в черных мессах и приносит жертвы, – мягко вставила свои три рии Мия.

– Я понял. Из-за нее король нарушил все брачные клятвы. Верность не хранил, не любил, не уважал, не берег...

– К сожалению, тут каждый отвечает за себя. И Адриенна не может быть свободна от своих клятв, – вздохнула Мия.

– Но если король первым от нее откажется, она снова станет Сибеллин. Или уже стала? – задумался Лоренцо.

– Стала, – кивнула Мия. – Она приняла свое наследство, собрала все его части... клинок у тебя – тоже ее наследие. Родовое. Она стала истинной королевой этой земли.

– Церковь этого не признаёт, – заметил дан Иларио. – И вообще...

Ведьма пожала плечами.

– Святить то, что без них свято? Пусть признают, пусть не признают – это не столь важно. Есть законы Божии, которые не обойти даже князьям церкви. Они могут присваивать себе право судить и советовать, но даже они не изменяют то, что дано от начала времен. Адриенна происходит из Высокого Рода. Клятвы, данные ей, стоило бы держать свято. Просто потому, что нарушение их отдаст человека... фактически сейчас Филиппо Эрвлин – ее раб. Он будет жить, пока жива она, дышать, пока дышит Адриенна Сибеллин. Он этого еще не осознал, но каждое нарушение клятвы затягивает на его горле

ошейник. Если бы клятвы нарушила она, результат был бы еще хуже. И даже сейчас она должна держать данное слово. Но Филиппо... он уже почти мертвец.

– Это понимаем мы. Но не поймет король, церковь, народ, наконец, – взмахнул рукой Лоренцо.

Дан Пинна был с ним полностью согласен. Допустим – да, допустим, что это все так. Но тем более лучше молчать о таком. Целее будешь.

– Мы отвлеклись, – призвала всех к порядку Мия. – Итак, хозяйка этой земли – Адриенна Сибеллин. Фактическая, но не формальная. Формально пока королем является Филиппо Четвертый.

– Пока? – поинтересовался дан Пинна.

Мия кивнула и оскалилась.

– Пока. Я не могу заниматься этим вопросом, пока жду ребенка.

Дан Пинна предпочел не уточнять. Так, от греха.

– Мы хотели оставить этот вопрос до родов, но, к сожалению, не успели. Враг начал войну первым. Итак, под столицей проводятся черные мессы. В лесах бесчинствуют волки – младшие братики Леверранского чудовища. Все это делается ради того, чтобы сесть на трон. И теперь мы знаем имя нашего героя. Кардинал Анджело Санторо во всей красе.

Виолетта кивнула.

– Я не могла открыть его имя. Но... если уж вы сами узнали, эта клятва меня больше не связывает. Да, кардинал. Его отец взял нас на поводок, помог с наследством, с другими вопросами. И мы служили. Потом Лари ушла, я осталась... я слабее.

– Ее величество сказала, что алтарь – это крест, – передал еще одну фразу королевы дан Пинна.

– Все правильно. – Виолетта смотрела в стену. – Чтобы собирать силу, чтобы отдавать ее, нужен алтарь. Человек в себя столько не поместит... ладно. Не каждый человек. Адриенна могла бы. Она Сибеллин, она Высокого Рода. Кардинал не сможет.

– И этот алтарь... крест?

– Почему нет? Какая разница, как это выглядит? Можно и как символ культа. Для алтаря нужно всего несколько условий. Он должен накапливать силу, отдавать силу, можно, конечно, и камень было бы

размером со стол, но как его перемещать? А тут он всегда рядом со своим хозяином. На груди. Абы кто до этого распятия не дотронется.

– Тогда почему его никто не замечает? Не понимает? Не видит, что это такое?!

Лари расхохоталась. От всей души.

– Да потому что для этого надо обладать кое-какими способностями! Понимаешь? Действительно ими обладать, а не дурачить наивных идиотов! Хоть ты кардинал, хоть ты король... если у тебя ТОЙ крови нет в жилах, ты ничего и не почувствуешь! Сила не рассеивается бесконтрольно, алтарь для нее и вместилище, и хранилище, и кокон, если хочешь! Что было бы с него толку, расплывайся оно в разные стороны? Ерунда!

– Эданна Франческа воняет кровью, – спокойно поведал Лоренцо. – А вот кардинал – нет.

– От твоей сестры должны шарахаться животные. Они этого не делают. Почему?

Мия спокойно вытащила из-за воротника ладанку.

– Полынь, любисток и чертополох.

– Вот тебе и отгадка. У него тоже такое есть. Не совсем это и наговоренное, но есть. Еще Лари делала, а силы – силы у него хватит!

– Но это же кардинал! Как он может проводить богослужения, заходить в храм?! – Дан Пинна нашел слабое место в рассуждениях.

Виолетта пожала плечами.

– Мне ли объяснять, что Бог не в храме, а в душе? Или не существует священников, которые деньги себе в карман гребут, прихожанок, а то и прихожан пользуют... нет?

– Есть.

– Но службы они проводят?

Дан Пинна только вздохнул.

– А серебро?

– Если ненадолго, то он вполне может его брать. Понимаешь, дан... – Виолетта пошевелила пальцами, стараясь объяснить. Выразить словами то, что понимала. – Это я продала душу за силу. Лари так сделала. Несчастное Леверранское чудовище – нечисть. Это мы не любим серебро, это нас жжет ЕГО сила. А дан Санторо души не продавал. Ему досталось наследство, и он его использует.

– Но черные мессы?

– Это эданна Ческа в них душу вкладывает. А он... он ни в Бога не верит, ни в Сатану, для него это просто работа. Есть сила – ее надо собрать, потом использовать... не тьма или свет. Равнодушие. Равнодушное использование всего, что под руку подвернется. Это намного хуже, но это НЕ продажа души. И он НЕ нечисть. Но и не человек уже, наверное...

Дан Пинна поежился.

– Страшно это...

– Человек сам по себе страшен.

Некоторое время все молчали. А потом Лоренцо нарушил тишину:

– Если я правильно понимаю, Адриенна должна прийти сюда?

– Не обязательно. Проведите меня на территорию дворца, вот и все, – пожала плечами ведьма.

Заговорщики переглянулись. Это явно было проще. Но...

– Тело потом останется? – деловито уточнила Мия.

– Да.

– Его можно спрятать или как-то... а потом похоронить? – Дан Пинна понимал, что выбора нет. А если так... надо действовать.

Виолетта пожала плечами.

– Хоть сами закопайте. Это будет просто тело. Душа улетит, а оболочка – пусть ее.

Задача упростилась еще больше.

– Значит, надо провести эданну на территорию дворца. И привести к ней королеву.

– Как насчет розария? – уточнил Лоренцо. – Я могу подождать там вместе с данной Дзанелла.

– А я приведу ее величество, – кивнул дан Пинна.

Мию оба по умолчанию исключили из расчетов. Куда ей с животом по кустам лазить? И Адриенне не стоило бы, но...

– Этой ночью? – уточнила Летта.

– Да.

– Мы попробуем. – Мужчины дружно кивнули.

Ведьма явственно расслабилась.

– Это хорошо. Я действительно боюсь... доминиканцы идут за мной по пятам.

– Может, стоит им намекнуть про кардинала? – задумалась Мия.

– Доказательства? – тут же потребовал дан Иларио.

– У вас есть мои показания. – Виолетта коснулась рукой шкатулки. – Но этого мало, сами понимаете. Слова и слова. Меня-то в живых уже не будет.

– А его подручные?

– Трактир «Пыль и солнце», – посоветовала Виолетта. – Хозяин в деле.

– Показания ньоров? Против дана? – засомневался дан Пинна. – Полагаю, это напрасный перевод времени. Суд их заслушает – и оправдает кардинала.

– А доминиканцы?

– Слово против слова. Это если говорить о справедливом суде, – отмахнулась Виолетта. – Но в мессах принимала участие эданна Франческа. Дальше разьяснять?

Нет. Его величество сделает все, чтобы суда не было.

То есть опять все упирается в то же самое.

Король.

Чья власть перекрывает все ходы. И даже доминиканцы... допустим, что-то они сделать могут. А чего-то и им сделать не дадут.

– Интердикт? – шалея от ужаса, уточнил Лоренцо.

– Не за что, – развел руками дан Пинна. – Сами подумайте. Живых свидетелей мы вряд ли найдем, кроме эданны Франчески, а ее вытащить на суд не дадут. А бумаги... показания назовут подделками, оговором, да чем угодно!

С этим тоже было сложно спорить. Мия взмахнула рукой.

– Давайте решать проблемы по мере поступления. Сначала эданна Дзанелла. Потом роды. А потом и все остальное.

– Кстати, у меня сын родился, – вспомнил Лоренцо.

– Сын?

– Динч умерла. Мальчика я усыновлю, – разьяснил он.

– Кровь? – деловито спросила Мия.

– Не проснулась и не проснется. Оказывается, Динч нагуляла ребенка, но думала, что он мой.

Мия подумала пару минут и кивнула.

– Малыш не виноват. Как ты его назвал?

– Дженнаро Феретти. И... пусть это будет между нами? Прощение я в канцелярию подам, женаты мы не были, но полагаю, никто мне не помешает...

– Бастард? Усеченный герб? – уточнил дан Пинна.

Лоренцо качнул головой.

– Нет. Все и полностью. Я все равно не женюсь, поэтому пусть малыш живет полноправным даном, пусть наследует Феретти... Серена выходит замуж за Демарко, у них есть поместье. Джулия тоже пристроена... посмотрим, если что, я им помогу купить землю. Но там отец Марио рвется оставить ему свое имение. И признать по всей форме, не бастардом.

– Это хорошо, – одобрила Мия. – А денег у девочек на любое поместье хватит. И благоустроить, и еще останется. Ладно! Дан Пинна, Лоренцо, собирайтесь во дворец. Вам предстоит все подготовить для ночной церемонии. А мы с данной еще поболтаем напоследок.

– Куда мне прийти? – Виолетта не собиралась молча сидеть и ждать милостей от мужчин.

– Тут неподалеку. Каштановая улица, там есть павильон для влюбленных. Сможете прийти туда к полуночи?

Виолетта кивнула.

Сможет. Еще как сможет...

Пора уходить. Ее очень ждет подруга.

* * *

В это время его преосвященство стоял перед дверью домика старой ведьмы. Злился...

Куда делась эта карга?!

Что ей взбрело в голову? Она ему срочно нужна, и где теперь искать прикажете? Мужчина толкнул дверь, вошел внутрь...

– Нико? Где ведьма?

Слуга поклонился кардиналу. Особенно он ни во что посвящен не был, дан Санторо приставил его сюда за страхолюдную внешность. Горбун, да еще одноглазый, да без части пальцев...

Впрочем, язык у него был.

– Эданна ушла, дан.

– Куда? Она оставила записку или что-то...

– Письмо, дан.

– Хм... давай сюда.

Наглухо запечатанный конверт перекочевал в руки дана Санторо.
– Больше она ничего не говорила?
– Нет, дан.
– Иди отсюда, – цыкнул на него кардинал. И открыл письмо.
Прочитал. Ошалел от гнева, перечитал еще раз.
Что?! Нет, даже не так. ЧТО?! Да как она вообще посмела?!
Стерва!!! ВЕДЬМА!!!

Виолетта была достаточно корректна. Но кардиналу, который привык к послушанию и подчинению, и это показалось пощечиной.

*«Дан.
Я ухожу умирать. Больше на меня не рассчитывайте.
От всей души желаю вам неудачи. Надеюсь на скорую
встречу ТАМ.*

Эданна Виолетта Дзанелла».

Кардинал скомкал письмо. Выругался. Потом еще раз...
Потом соизволил подумать.
Почему бы и нет? С другой-то стороны? Пора прекращать все это.
Пора брать власть и страну в свои руки. И старая ведьма могла бы ему
в этом помочь. А могла бы и помешать. Поэтому... пусть подохнет
самостоятельно. А остальное...

Это просто бабские слова, эмоции... да плевать на них! Сто раз
плевать!

Надо просто зачистить поле действия. И вперед.

Его величество Анджело. Королевская династия Санторо.
Королевство... хотя нет. Он даже переименовывать его не будет –
зачем? Ему и так неплохо. Пусть остается Эрвлином. Главное ведь не
как называется страна, а кто ею правит. Так-то...

Да. Пора обрывать концы.

Адриенна

– Эданна Сабина, я никуда не уйду с территории дворца. Клянусь.
– Ваше величество, вам бы лежать и лежать...

Адриенна пожала плечами. Поморщилась. Внизу живота опять потянуло. Не больно, но определенно неприятно.

– Я понимаю, но если я этого не сделаю... Я не хочу стать клятвопреступницей.

Эданна Сабина только руками развела. Ладно, она поможет королеве. Даже если ее за это казнят.

С другой стороны, клятва – это серьезно. О прелюбодеянии здесь и сейчас речь не идет – на девятом-то месяце! А все остальное, что бы там ни было, – ее величество клятвенно обещала, что это займет не больше часа.

Ладно. Эданна подождет.

И поможет своей королеве. Адриенна честно заслужила если не любовь, то симпатию у всего двора, а это было весьма и весьма сложно.

Адриенна поцеловала эданну Сабину в щеку, быстро сжала руку – и дан Пинна открыл перед ней потайной ход.

Шаг, второй... ступеньки под ногами, сначала вниз, потом вверх... одышка мучает... душно.

Быстро Адриенна идти просто не могла. Еще хорошо, платья удобные, даже без шнуровки. Балахон и есть балахон. Но все равно тяжело.

Иларио шел медленно. Потом, когда стало возможно и ход чуть расширился, подхватил королеву под локоть, пошел рядом.

– Ваше величество... для короля все плохо?

Он любил Филиппо Третьего и не хотел зла его сыну. Но как о таком спросишь? Как скажешь, как объяснишь? Как попросить милосердия у той, о которую король с усердием вытирает ноги?

Адриенна врать не стала.

– Не знаю. Тут дело не во мне. Я человек, я могу любить и ненавидеть. А сила... она равнодушна. Если бы я не смогла ее принять, просто погибла бы. Силе все равно, она не дает скидок и не учитывает поправок. Сказано «черное»? Вот таким оно и будет. Это бездушный механизм, который будет перемалывать все живое. Если человек, зная, что меч острый, отрежет себе пальцы, виноват ли в этом клинок?

– Не виноват. Но может... как-то можно исправить эту ситуацию?

Адриенна пожала плечами.

– Может быть. Но для этого Филиппо придется пересмотреть всю свою жизнь. Отказаться от любовницы, признать, что он был не прав, возможно, даже попросить у меня прощения...

– Которое вы не дадите?

Адриенна даже не фыркнула. Моргана за столько лет простить не смогла. А она должна? Даже не так. Простить-то можно. Только вот ничего это в судьбе Филиппо не поменяет. Сам виноват, сам и получит. И эданне Франческе прилетит... дура! Нашла с кем и с чем связываться!

Почему, почему у дураков так популярно убеждение, что можно получить блага для себя, заплатив за это чужими жизнями?

– Пока не дам. Не смогу. Может, позднее, – дернула плечом Адриенна.

Дан Пинна примерно так и думал.

– Я буду молиться, ваше величество. Пусть все будет хорошо.

Адриенна промолчала.

* * *

Вот и розарий.

И две тени, которые отделились от стены. Одну Адриенна признала сразу.

– Энцо...

– Риен...

Они не целовались, не обнимались... так, прикосновение руки. Но почему в этом жесте было больше интимного, чем в самых крепких объятиях? Потому что в нем была любовь.

Дана Виолетта шагнула вперед.

– Я оставила свое наследство твоей подруге, эданна. Все сделала. Твой... друг поможет мне?

– Помогу, – спокойно кивнул Лоренцо. – Вы готовы?

Виолетта вздохнула.

Все сделано. Все сыграно... уходить все равно страшно, но какая теперь разница?

– Я готова.

А следующего вдоха и не получилось. Больно тоже не было. Так... закружилась голова, стали непослушными ноги, на долю секунды потемнело в глазах. Или это чернота перед ней? И сейчас она туда упадет? НЕТ!!!

– Я отпускаю твою душу. Иди с миром. Ты искупила свою вину передо мной.

Тихие слова сплетались в золотистую дорожку, ложились под ноги пятнышками света. Словно камушки, теплые такие, уютные... и на дорожке стояла Лари.

Не старая, уставшая и потухшая. А молодая, веселая, дерзкая, такая, какой была в монастыре. Какой ее навсегда запомнила Виолетта.

Как ДО проклятого ритуала, навсегда перекорезившего их судьбы.

– Летта! Что же ты! Скорее!!!

И ведьма... да какая там ведьма... уже самая обычная женщина, поспешила к подруге, не думая, что в дворцовом парке, в розарии, остается грудой сброшенного тряпья ее тело.

* * *

– Готово.

Несколько секунд Лоренцо держал кинжал в ране. Чего его раньше времени вытаскивать – кровью уделаешься. Подождем...

Потом тело даны Виолетты осело на дорожку. Адриенна опустилась рядом на колени, коснулась ее руки.

– Я отпускаю твою душу. Иди с миром. Ты искупила свою вину передо мной.

Дан Пинна поежился. Показалось ему на долю секунды, что от Адриенны исходит сияние. Такое... солнечное, теплое... Сибеллины.

Свет и счастье своей земли. Ее плодородие, ее любовь...

И, повинувшись этому сиянию, отступало нечто холодное, темное, уже готовое схватить и унести обреченную душу.

Но спорить с Высоким Родом? На земле, которая полита ее кровью, которая приняла Адриенну как свою хозяйку?

Здесь она властна над живым и мертвым... ну, почти властна. Проклятие еще остается. И нарушать некоторые законы не стоит.

– Все? – тихо спросил он.

– Да, – отозвалась Адриенна. И внезапно схватилась за живот. – Ох-х-х-х!

– Ваше величество?

В темноте не было видно. А вот Адриенна чувствовала, как под ней расплывается лужа...

– Воды отходят, – прошептала она. – Воды...

Лоренцо выругался. Схватил Адриенну на руки – и помчался к потайному ходу. Быстрее, еще быстрее... Иларио едва успевал подсказывать, куда идти.

Про тело старой ведьмы они благополучно позабыли. До нее ли, когда тут такое? Королева рождает! И уж точно не смогли предусмотреть патруля, который прошел по этому месту буквально через десять минут. Чуть-чуть бы – и попались. А так...

Каравул увидел тело, поднялся шум, тревога... и карусель понеслась.

* * *

– Ваше величество!

Дан Кастальдо? Что ему еще надо?

Филиппо лениво разлепил глаза.

– Ваше величество, на территории дворца обнаружили тело пожилой женщины. Убитой...

– При чем тут я?

– Ваше величество, мне нет прощения. Я счел необходимым лично доложить... по уставу.

А что тут скажешь? Если б я твоему отцу такое не доложил, меня бы выгнали с волчьей грамотой? За ворота и на все четыре стороны? Это тебя, кроме сисек твоей любовницы, ничего не интересует...

– Разберитесь, кто это такая, и все выясните, – отмахнулся Филиппо.

Он только-только уснул после бурного марафона, и его будят! Ни совести у людей, ни сострадания... А это еще что?

Но слуга выглядел очень решительно. Даже и рывкнуть не захотелось.

– Ваше величество. Дан Виталис приказал сообщить, ее величество рождает.

Определенно, все сговорились. Почему, ну почему нельзя дать выпастись несчастному королю?!

А может...

Филиппо вздохнул и полез из-под одеяла. Ческа недовольно зашевелилась, и он чмокнул любимую в плечико.

– Спи, прелесть моя.

У нее есть такая возможность. А у него нет. Надо идти... по старой традиции, пока ее величество производит наследника на свет, его величество должен находиться в соседней комнате и ожидать вестей. Вместе с приближенными. Самыми-самыми...

Этим он показывает, что королева носит его ребенка. Ох уж эти традиции... рожай там Ческа, он бы места себе не находил. А так...

Ладно. У него просто нет выбора.

* * *

Адриенна орала от боли.

Боль накатывала, разрывала внутренности, изматывала, лишала самоконтроля и сил...

Не успевала она отойти от одного приступа, как начинался второй, третий, четвертый, они накатывали неритмичными волнами, становились все интенсивнее...

И не получалось сохранять достоинство.

И держаться не получалось. Только кричать от боли и ужаса. Только это...

Филиппо мрачно напивался в соседней комнате. Какая ж гадость эти ваши роды! Вот как прикажете расслабиться, когда в соседней комнате ТАК орут? Только кубок наполнил – опять заорала! Едва вино не разлил!

Она что, сдержаться не может?

Не понимает, что королева должна проявлять достоинство?! Все бабы рожают, у них такая расплата за первородный грех! Только кто-то и в канаве рождает, и на соломе, а этой чего возмущаться?

В кровати, в уюте, между прочим, с лучшим врачом, который только есть в Эрвине...

Ну вот, опять орет!

И ведь к Франческе не пойдешь... как же это все неудобно и неприятно! Отвратительно просто! Что только королю не приходится терпеть...

И Филиппо налил себе еще вина. Быстрее бы все это закончилось... проклятые традиции! Тьфу!

* * *

Лоренцо вцепился пальцами в камни стены. Из всех сил вцепился, чтобы не нажать на рычаг потайной двери.

Адриенна, его Риен...

Его девочка рождает за этой дверью, а он... он ничего не может сделать! Даже быть рядом с ней не может! Что ж это такое?!

– Надо разобраться с трупом...

– Да, да, конечно...

– Надо идти.

– Да, да...

Иларио крепко встряхнул Лоренцо за плечи.

– Соберись! Ты ей тут ничем не поможешь!

– Знаю, – собрался с мыслями Лоренцо. – Но не уйду.

– А труп?

– Пропадом он пропади! – от всей души пожелал мужчина. – Ей плохо, а я буду где-то там? Не могу! Понимаешь, не могу я так!!!

– И что от тебя здесь толку?!

– Она знает, что я рядом, – уверенно сказал Лоренцо. И был прав. Адриенна действительно его чувствовала. Была уверена, что Энцо – вот он, только руку протяни, и это придавало ей сил.

Ее любимый.

Филиппо? О короле она и вовсе не думала, и о проклятии, и о кардинале, и про интриги... ничего не осталось. Только боль и Лоренцо. Там, на самой грани сознания.

Он был рядом, и Адриенна держалась.

Лоренцо это знал совершенно отчетливо. Он помнил темноту и ледяную воду. И арену, и беспамятство... и Адриенну. И ее руки над пропастью.

Она спасла его тогда.

Неужели он сейчас ничего не сможет для нее сделать?

Нет. Он же не лекарь! Но быть рядом может. И она его чувствует.

Дан Иларио только головой покачал.

Вот все он понимал. Но... да поделом королю! Даже если когда-нибудь потом ему рога наставят... хотя нет. Он более чем уверен. Не наставят. Эти двое слишком благородны для подобной пошлости. И любовь у них немного другая. Они как части единого целого.

Филиппо именно об этом мечтал со своей Ческой... что ж. Его право и его проблема. А вот Адриенна и Лоренцо...

Иларио видел, как сжимаются от боли губы парня. Ровно за миг до очередного крика женщины.

И... не надо ему никуда уходить. Пусть будет.

– Ты, главное, к ней не выскочи. Перепугаешь всех...

Лоренцо даже внимания на это не обратил. Иларио махнул рукой да и отправился сам в розарий. Не дошел, правда. Что он, дурак?

Если в том месте, где они оставили тело ведьмы, начались шум, гам, суета... вот не сойти ему с места – обнаружили!

С другой стороны... что там могло остаться?

Следы. И если приведут собак...

В этом он не ошибся. Собак таки привели. И над садом, над дворцовым парком поплыл тоскливый вой и ругательства псарей.

* * *

– Не идут.

Просперо заскрипел зубами.

– Чертовы шавки.

Псарь искренне обиделся за собак. Но... те и правда идти никуда не хотели. Выли, скулили, поджимали хвосты и всячески показывали, что лучше без них.

Вот вообще без их участия. Вам надо, вот вы и идите. И подальше, подальше... и без собак! А они тут важным делом

займутся... где-нибудь подальше отсюда.

Вообще, ничего удивительного в этом нет.

Даже не считая того, что Виолетта была ведьмой, то есть существом для собак противоестественным. Добавим сюда Лоренцо Феретти, который метаморф... пусть животные и не шарахались от него, как от Мии, но силу чувствовали. И совершенно не хотели его искать.

Они же не охотничьи псы, те на крупную дичь натасканы, а они... нет, ты можешь найти медведя. А уйти от медведя? Желательно живым...

Нет-нет, это тоже без них.

Дан Иларио, возможно, и не скрылся бы. Но была еще и Адриенна. А уж она-то... кто сказал, что собаки глупы? Даже не считая двух первых факторов, их сейчас пытались пустить по следу человека, которого они обожали. Стоило Адриенне появиться на конюшне, к ней тянулись лошади. На псарне? К ней готовы были ластиться даже самые свирепые псы.

Преследовать? Никогда!

Так что собаки упорно изображали из себя бревна и показывали, что нет тут следов. Вот нет – и все! И вообще, вам это кажется. Не было тут никого, она сама зарезалась, ножом в спину.

Егеря попытались прочитать следы. В этом они тоже неплохо разбирались. Но...

Да, тут было несколько человек. Но... толком уже ничего не разобрать. Все так затоптали... дело-то во дворце! И придворных тут пропасть! И всем же любопытно, и никого с матюгами не пошлешь...

Дело гиблое.

Даже кардинал Санторо прибежал. И едва не выругался в голос.

– Дан Кастальдо, на два слова.

– Слушаю, ваше высокопреосвященство.

– Я знаю, что это за женщина.

Просперо вопросительно посмотрел на кардинала.

– Она ведьма. Это некая Виолетта Дзанелла, бывшая эданна, которая разрабатывалась по подозрению в проведении черных месс.

– А почему она не у доминиканцев?

– Потому что я еще не успел об этом сообщить. Сам недавно узнал, – отмахнулся кардинал. – Да и проверить хотелось. Живой же

человек, еще оговоришь кого ненароком, век себе не простишь.

Дан Кастальдо кивнул.

– Понимаю, ваше высокопреосвященство. Вы сможете рассказать все, что вы о ней знаете?

– Да, конечно. Только вы ее как-нибудь осторожнее переносите. Все же ведьма... мало ли что...

Просперо кивнул. Ну, если ведьма, тогда понятно все с собаками. Но вот как она на территорию дворца попала? Кто ее привел? Кто убил?

И зачем это было делать именно здесь? Что, по всей столице другого места не нашлось?

Очень смешно. Ха-ха...

* * *

Боль нарастала. Схватки учащались, становились все сильнее, все чаще, Адриенна металась по кровати, мертвой хваткой сжимая руки эданны Сабини.

– Держись, детка, – уговаривала та. – Держись...

Адриенна держалась.

Крики сами срывались с губ. Как же больно, как больно... мамочка!

Лоренцо!

Позвала она его вслух? Или нет?

Не важно! Он рядом, рядом, она это знает... ну же! Еще чуть-чуть!!!

Ослепительная боль разорвала тело девушки, казалось, на две равные части.

А в следующую секунду комнату огласил сердитый крик. Новорожденному явно хотелось обратно. И правильно, вот что тут хорошего? Еще и по заднице дали... гады!

Адриенна застонала.

Лекарь спешно передал малыша на руки эданне Сабине и склонился над роженицей.

– Ну... еще чуточку!

Сейчас уже и больно так не было. Подумаешь – послед!

Адриенна выдохнула – и вытянулась на кровати.

– Ваше величество, вы молодец! Смотрите, какой у вас герой родился! – Дан Виталис взял малыша из рук эданны и уложил на живот королевы.

Адриенна с интересом уставилась на младенца.

Хм...

Честно говоря, она перевидала много младенцев в СибЛевране. Может, свой чем-то отличается от чужих? Там... интереснее, симпатичнее?

Да вот ни разу!

Красный, сморщенный какой-то, липкий, еще и орет как невесть что! Вот что в нем приятного?

Адриенна протянула руку, потрогала малыша... крохотная ручка вполне осмысленно вцепилась в ее палец. И синие глаза встретились с такими же ярко-синими глазами. Древняя кровь в малыше проснулась сразу же.

Он не Эрвлин. Он Сибеллин. Прямой потомок Морганы Чернокрылой.

– Ой...

– Уа-а-а-а-а!

– Дайте мне его, – тихо попросила Адриенна. И, плюнув на все регламенты, на то, что благородные дамы вообще-то детей не кормят, приложила малыша к груди. – Ой...

Хватка у малыша оказалась мертвая.

Впивился так, что стало больно. И не отдерешь, и вообще... ощущения такие... странные... нет, не понять.

Дан Виталис посмотрел на измученную королеву, на младенца, на эданну Сабину – и кивнул той.

– Скажите его величеству: у него сын.

С точки зрения дана Виталиса, роды прошли невероятно легко. Всего-то часа четыре. Для первых родов – вообще ерунда! Тьфу и растереть...

И вроде бы все более-менее хорошо. Он опасался разрывов, да много чего, но... вроде бы все получилось?

Дай Бог!

И дан Виталис перекрестился на ближайшее распятие.

* * *

В потайном ходе тихо сполз по стенке Лоренцо Феретти.
Адриенна родила. И она жива, и малыш живой...
Господи, спасибо тебе, спасибо, спасибо, СПАСИБО!!!
Любые слова недостаточны для моей благодарности...
Мужчины не плачут? Да кто вам сказал такие глупости! Еще как плачут. Особенно когда никто не видит. Так что...
Нет, не плачут. Лоренцо отродясь не признается. Но...
Господи, спасибо тебе...
А соль на языке... да вспотел он – и все! Душно здесь, в этом вашем ходе... Может, до утра тут посидеть? Так, на всякий случай?
А и ладно! Посидим до утра!

* * *

Филиппо злился и на себя, и на всех остальных.
Вот почему он не пьянеет? Где справедливость? Такое слушать... давно б набрался да уснул. Так нет же! Пьется как вода...
Стукнула дверь.
Эданна Сабина была растрепана, на руках ее цвели синяки, но женщина улыбалась.
– Ваше величество, у вас родился сын.
– Сын?!
Филиппо медленно встал. А вот что он должен чувствовать? Да кто ж его знает... наверное, радость? А почему ее нет?
Но... когда не знаешь, что делать, следуй традициям. А потому...
– Благодарю вас за благую весть, эданна Чиприани. Возьмите... это вам на память и в благодарность за верную службу.
Снять с себя одну из орденских цепей, вручить эданне.
Та расплылась в улыбке и принялась благодарить и поздравлять. Завтра надо будет ей еще чего пожаловать. Так положено. У династии есть наследник.
Это радует?
Ну... теперь можно и расслабиться. Воля отца выполнена.

Филиппо вошел в комнату супруги. Адриенна лежала в кровати. Выглядела она, конечно, ужасно. Лицо бледное, глаза красные – сосуды полопались, губы искусаны, волосы мокрые от пота... просто кошмар!

И ребенок... кто сказал, что родители обязаны обожать своих детей вот прямо с рождения? Может, будь это вполне разумный малыш лет пяти-шести... Филиппо мог бы его оценить. А это...

Гусеница какая-то в пеленках.

Но традиции – наше все.

– Ваше величество, я благодарен вам за сына.

– Это я вам благодарна за сына, ваше величество...

– Просите что пожелаете. Я исполню. А это вам...

Что обычно просят бабы после родов? Да что угодно, на первое желание вообще отказа нет никогда. Считается, что это принесет отцу несчастье. Но одним желанием обычно не ограничиваются.

Филиппо поставил шкатулку на кровать, откинул крышку. Сверкнули бриллианты.

Адриенна даже не посмотрела в ту сторону. Плохой знак... Филиппо напрягся.

– Ваше величество, – четко сказала королева. – Я прошу, чтобы одним из имен нашего сына было Чезаре.

Филиппо расслабился. А, это ничего, это можно. Он сам – Филиппо Антонио. Отец был Филиппо Кристиано... сын будет Филиппо Чезаре.

Это не страшно, это легко исполнить.

– Как пожелаете, дорогая супруга. Это все, чего вы хотите?

– Нет.

Филиппо опять напрягся. Ну... было, было у него подозрение, что Адриенна может сказать про Ческу. Но...

– Я прошу разрешить мне кормить нашего сына грудью.

Филиппо расслабился.

– О, это пожалуйста. Сколько угодно, ваше величество.

Правда, есть запрет на супружеские обязанности на это время. Но Филиппо и так не претендует.

– И когда я приду в себя, разрешите мне посещать часовню в любое время. И молиться в одиночестве.

Тоже несложная просьба.

Филиппо милостиво разрешил и это. И даже смягчился.

Все же он ожидал подвоха, а Адриенна порадовала. Это все несложно выполнить... он даже некую благодарность ощутил к супруге.

– Вы точно больше ничего не желаете, ваше величество?

– Нет, мой дорогой супруг. Больше я ничего не желаю.

– Я благодарен вам, Адриенна. Сегодня вы выполнили свой долг передо мной и королевством.

– Не стоит благодарности. Это был мой долг. И он выполнен.

Почему Филиппо не понравились эти слова?

Нет, не понять. Ладно, потом он у кардинала спросит. Тот точно знает... кстати, и легок на помине!

* * *

– Ваше величество, все очень и очень плохо.

– Дан Санторо? – встревожился король. Плохо? Что плохо? Почему плохо? У меня тут сын родился, чего плохого? – Что случилось?

– Ваше величество, во дворец проникла ведьма.

– В-ведьма?

– Да. Она была убита, но ведь кто-то должен был провести ее во дворец! Кого-то она ждала в розарии!

– В розарии?

– Да, ваше величество. А это любимое место королевы, как вам известно.

Королю это было известно. Но...

– Королева только что родила.

– Вот! Ваше величество, ведьма могла идти к ней! Всем известно, ЧТО обещают им за помощь! Первенца!

Филиппо аж затрясло.

– За... помощь?

– Ваше величество, я понимаю вас и восхищаюсь вашей отвагой. Посадить рядом с собой на трон потомка предыдущей династии, дать ей такие права и верить, что она не ударит в спину, не захочет вернуть себе... вчерашний день.

– И... для этого ей понадобилась ведьма?

– Более того! У меня есть сведения, что именно она проводила черные мессы.

Филиппо побелел. Все складывалось в страшную картину. Жутковатую такую...

Адриенна попросила у отца короновать ее. Она потомок Сибеллинов и наверняка захочет вернуть себе трон.

А ребенок... кто сказал, что она его так уж ценит? Могла и пообещать в жертву... если уж черные мессы проводятся. И да, когда Адриенна оказалась в столице, они и начались.

– Вы хотите сказать...

– Леверранское чудовище убили в СибЛевране. Он был... оттуда?

Короля откровенно затрясло. А еще он вспомнил черного кота, который лежал на кресле. Черного! Самое ведьминское животное!

– Вы полагаете...

– Можем проверить, ваше величество. Известно, что волки... если ваша супруга причастна к их появлению, волк ее не тронет.

– И где я могу взять волка?

– Не надо брать, ваше величество. Его поймали недавно... Делука написал, скоро привезут.

– Скоро?

– Дня через три-четыре. Как раз вы сможете показать его королеве...

– Да, она как раз оправится после родов... Что ж. – Филиппо расправил плечи. – Кардинал, поручаю вам это организовать.

Анджело Санторо поклонился.

Не хотела ты сидеть рядом со мной на троне?

Ничего, я и один прекрасно посижу. А ты полежишь в могилке, стерва такая! Дрянь, гадина... как же я тебя ненавижу!!!

Мия

– Адриенна родила!

– Энцо!!!

Мия кинулась на шею брату, повисла... да, она слышала салют, но это же другое! Совсем другое! А вот услышать так...

– Кто?
– Мальчик. Чезаре.
– Король согласился? – удивилась Мия.
– Она попросила это имя подарком после родов. Так что придется...

Женщина тряхнула головой.

– Отлично! А... наше дело?

Лоренцо потупился.

– Ну... наполовину.

– Наполовину? – вежливо поинтересовалась сестра, цепляя братика за ухо. И не важно, что едва дотянулась. Можно и снизу за ухо как следует уцепить, особенно если пальцы с длинными ногтями.

– Адриенна ее отпустила. Но потом у нее начались роды. Пришлось срочно нести ее в спальню, а ведьму мы бросили в розарии. Ну и...

– Ее нашли?

– Да, – понурился Энцо.

– Болваны.

– Дан Иларио часть ночи на это потратил. Собаки след не взяли, мы вне подозрений...

– Хорошо, если так. Эданна Франческа точно узнает про эту смерть, а на что способна крыса, загнанная в угол, не мне рассказывать.

Лоренцо вздохнул.

– Ладно... разберемся и с этой дрянью. Может, ее просто убить?

Мия хмыкнула.

Может... только вот ты не сможешь. Ты не обучен убивать. Арена – это другое. Там ты учился сражаться, побеждать, владеть оружием, устраивать красивые представления.

Но не убивать.

А вот она... она сможет и убить, и не попасться... устроим генеральную зачистку? Надо только родить... она коснулась ладонью живота.

Ничего.

Кое-что она уже сделала, а остальное... поживем – увидим.

Ньор Гвидо Поли, владелец трактира «Пыль и солнце», не ожидал такого подвоха. Как-то не принято почтенных ньоров среди бела дня бить по голове, засовывать в мешок, тащить куда-то...

Да и в ньоре семь пудов.

Но ведь и стукнули, и утащили, и вытряхнуть соизволили только на ковер, пред ясны очи...

Булка разглядывал человека, похитить которого попросила Мия. Она понимала, что кардинал Санторо сейчас начнет убирать подельников. А если так...

Надо сначала получить показания, предъявить все миру, а потом... потом – пусть хоть сам помрет.

– Ну что, оклемался?

Ньор Поли сверкнул глазами.

Привык он к кардинальскому покровительству. А это не просто так. Это и благожелательное отношение стражи, и таможенники не слишком лютуют, и налоговый инспектор ведет себя как человек.

А тут что?

Схватили, притащили...

– Вы кто такой, ньор?

– Мое имя тебе ни о чем не скажет. А прозвище... Булка.

Гвидо расправил плечи. Грязный квартал?

– Я свою долю честно вношу...

– А кардинальскую? – нежно поинтересовался Булка.

Гвидо побледнел. Нет, он понимал, что может быть и такое, что спросят... не слишком-то оно и скрывалось. Брат Гвидо, Лука, работал у кардинала Санторо на конюшне. Ну и Гвидо не было в тягость помочь хорошему человеку... опять же кардинал...

Но... почему этим заинтересовался один из королей Грязного квартала?

– Я... вам чего нужно-то?

– Ничего. Ты помнишь, когда кардинал приезжал?

– Д-да...

– Когда коня своего оставлял... изабеллового?

– Он не всегда на нем...

– Но было ведь? Верно?

Гвидо кивнул. Ему и помнить не надо было, все записывалось в хозяйственную книгу, кардинал же платил. Стало быть – денежка, а

она счет любит...

Булка аж от радости засветился.

Книга тоже была изъята. И Гвидо вскорости сидел в уютной и комфортной комнате. И писал братику письмо. А что?

Вдруг и братец пригодится? Тем более если ему опасность грозит... как-то быстро Гвидо поверил, что дело нечисто. И что в таких делах приговорят всю мелочь... крупная рыба еще может порвать сеть и уйти. А вот мальки вроде него...

Жить мужчине хотелось.

Он еще и сам не знал, какой сделал подарок Булке. Потому что Лука был одним из близких помощников кардинала Санторо. И принимал непосредственное участие в подготовке жертвоприношений и ликвидации последствий.

Поверив письму брата, тот пришел по названному адресу, был так же нежно скручен и посажен под замок. Правда, уже в цепях, чтобы чего не утворил.

Посидит пока.

Булке жутко не хотелось влезать во все эти дела. Но Мия честно рассказала ему и про мессы, и про волков, и про кардинала, и про смерть Комара. И предложила проверить.

Пока все сходилось.

И даже врать не надо было. Смена власти – время хорошее, сытное. Но не для всех.

Для тех, кому терять нечего, кто на чужие места пролезть хочет. А Булке сейчас оно было решительно не ко времени. Он только-только зад в Комариное кресло уместил, только начал укрепляться... ему бы пару-тройку лет спокойствия. Даже если власть бы и поменялась, так потихоньку, без шума и бунта...

С кардиналом так не выйдет.

Значит, надо играть на стороне королевы. Против короля и кардинала.

Получится? Будет и награда.

Нет? Тогда ему и так не уцелеть.

И лишний раз Булка поразился, что вовремя изъял свидетелей, когда узнал, что трактир «Пыль и солнце» сгорел в ту же ночь. Вместе с частью слуг...

Но ни хозяина, ни записей там уже не было. Кардинал опоздал, и это радовало душу.

* * *

Рикардо Демарко стоял перед даном Джорджо Андреоли с самым покаянным видом. Присаживаться ему тесть не предложил.

– Что вам угодно, молодой человек?

– Дан Андреоли, я пришел поговорить с вами о Баттистине.

– Да неужели? – прищурился дан.

– Скоро торжества по случаю рождения наследника... его решили окрестить на восьмой день после рождения.

– Я в курсе. Я приглашен на торжество.

Дан Андреоли действительно получил приглашение от ее величества.

Да, королева пока в храм войти не может, это сорок дней надо ждать после родов, но зато в храме будет король. И куча придворных. Это, скорее, статусное мероприятие.

Дан Андреоли был приглашен со всей семьей, чем весьма и гордился. И намек понял правильно. Приглашение было подписано королевой, так что... Рикардо Демарко ничего хорошего не светило.

– Я прошу вас взять с собой Баттистину. Я служу в гвардии, я буду на работе, но хотелось бы, чтобы моя супруга побывала на торжестве.

Ага.

Возьми с собой Баттистину. Заодно покажи всем, что я тебя принял как ее супруга, что общаюсь с дочерью, что... Не много ли ты хочешь, Демарко?

Дан Джорджо развел руками.

– Сожалею, молодой человек, после вашей свадьбы Баттистина уже НЕ Андреоли, поэтому я ничем не могу вам помочь. Ее просто не пропустят по моему *именному* приглашению.

– У нее есть приглашение. Как у моей супруги. Супруги гвардейца...

– Все равно ничем не могу помочь, дан Демарко. Я ваш брак не одобряю и не намереваюсь принимать у себя ни вас, ни дочь.

– Но я же здесь? – резонно удивился Рикардо.

– Только потому, что пришли неожиданно и случайно застали меня дома. Ну и любопытство. В противном случае... я бы приказал гнать вас со двора.

Рикардо скрипнул зубами.

М-да...

Такого он не ожидал. А как все казалось радостно вначале! Вот он женится на Баттистине! Получает приданое, весело живет придворной жизнью... куда там! Даже Кастальдо словно нарочно ставил его на самые неприятные участки... Вы не пробовали заднюю калитку дворца охранять?

Да, у каждого входа во дворец должны стоять гвардейцы. И там тоже. Двое обязательно... а через нее и скотину гонят, и золотари ходят, и мусорщики... ГР-Р-Р-Р-Р-Р!

Упорства Рикардо было не занимать, и он попробовал еще раз:

– Дан Андреоли, дело в том, что Баттистина соскучилась по матери и очень тоскует...

Дан ехидно фыркнул.

– Демарко, давайте назовем вещи своими именами. Один раз. Второй я беседовать с вами просто не буду. Итак, вы прибыли из провинции и надеялись на легкую жизнь. Вам подвернулась моя дурочка. Я запретил ей даже думать про голодранца и прохвоста, но Тина всегда была слишком своевольна. Пожениться вам удалось, а вот дальше... Денег нет и не предвидится. На гвардейское жалованье не разгуляешься, на ваши доходы от имения тем более. Заметим, имения заложенного. Характер у Тины не сахар, и, когда пройдет первое увлечение, она начнет требовать того, к чему привыкла. Вы ей обеспечите подходящий уровень жизни?

– Я постараюсь!

– Вытрясти у меня деньги? Не получится. Я и без вас найду, куда их потратить. Единственный способ, который вам доступен, – это вернуть мне дочь.

– Вернуть... дочь?

– Да, Демарко. Разводиться просто так мы, конечно, не имеем права, здесь не Арайя, но придумать кое-что можно. К примеру, вы можете расторгнуть брак, если ВЫ, именно вы изменили Баттистине. Можно поискать общих родственников, к примеру, двоюродных-

троюродных, но это дольше. Или вы будете жаловаться на импотенцию... именно с Тиной. Какой вариант вас устроит?^[7]

Рикардо аж опешил от таких заявлений.

– Но...

– Нет?

– Конечно, нет! Я люблю Тину!

– То есть покрутились при дворе и поняли, что другую такую дурочку найти будет сложно?

– Я... вы просто не хотите нас понять!

– Напротив, я вас отлично понимаю. Сообщите мне о вашем решении ДО крещения наследника, и, возможно, я даже компенсацию вам выплачу. Как учителю... Тине надо иногда получать уроки от жизни. Она вас еще не извела своими скандалами?

Рикардо едва зубами не заскрипел.

Дан Джорджо попал не в бровь, а в глаз. Баттистина действительно была невыносима. И скандалила она без перерыва на отдых и прием пищи. Разве что в кровати рот закрывала... и то не всегда!

Убил бы дуру!

Но деньги, деньги...

Дан Андреоли понимающе улыбнулся.

– Я вам озвучил свои условия, юноша. Думайте. И помните, манна с неба падала один раз за всю историю человечества. Потом халявы уже не было. Оно и правильно...

Рикардо вылетел из дома Андреоли, как дерьмом облитый. Нет, ну как так-то?! Что за жизнь, нет, что за жизнь!!! Просто кошмар! Никто его понимать не желает!

Мия?

А Мия ушла. И из Демарко весточек нет. Ну и... и черт с ней! Баба с возу – кобелю легче. Может, правда попробовать старыми методами? Отлупить женушку, обрюхатить – и в провинцию ее? И пусть только вякнет?

Плеток у нас большие запасы... на всех баб хватит, и еще останется.^[8]

Надо это серьезно обдумать.

По обычаю, крестную мать выбирает отец. Крестного отца выбирает мать.

Потому и вопли в королевской спальне стояли такие, что потолок дрожал. Орал, правда, его величество. Его высочество королева предусмотрительно вручила эданне Чиприани, а сама не орала. Не то здоровье – мужика с луженой глоткой перекрикивать.

– Да ты!..

Вопли были по очень простой причине. Его величество твердо решил, что крестной сына будет эданна Франческа.

А ее величество твердо решила, что крестным сына будет... кто бы вы думали?

Ее молочный брат. Ньор Марко Мели.

О том, что он является бастардом, его величество знал, а вот о его официальном признании – нет. Ну не вник он в такие мелочи. И о том, что Марко в столице, тоже не знал.

А зачем ему? У него дела серьезные, государственные...

Но чтобы крестным наследника престола был ньор?! Бастард?! Да еще и крестины переносить придется, потому как ехать ему до столицы не два-три дня, а больше?!

Издеваешься, да?!

Адриенна на эти вопли души не отвечала. Зачем?

Вот сейчас король прокричится, проорется, и можно будет разговаривать серьезно. Потому как... она издевается?! А делать крестной матерью ребенка шлюху? Продажную девку, которая за медяк кого угодно в жертву принесет? Сатанистку, сволочь, гадину?! Это как?! Это нормально?!

Да Марко рядом с эданной Вилеци – ангел небесный, крылья искать пора! Даже не убивал еще никого! Как еще эта стерва в церковь зайти не боится?

Впрочем, Адриенна подозревала, что этот демарш направлен не на то, чтобы стать крестной матерью наследника. А на то, чтобы в очередной раз вбить клин между супругами.

Поздравляем вас, эданна, вы этого успешно добились. Кто бы сомневался? Хотя куда там еще-то? И так... Адриенна даже не

представляла, как до своего супруга дотронется. Хоть пальцем. Потому и ребенка кормить попросила... минимум год. А лучше двадцать!

Наконец Филиппо выдохся и упал в кресло.

– Это невозможно.

Адриенна не стала ему напоминать, что крестные родители, считай, для ребенка как вторые отец и мать. А чему может научить *такая* мать, как Ческа? Что она дать-то может? Ноги раздвигать научит? Так вроде не девка, парню такое и ни к чему. И девке тоже.

– Тогда можем вернуться к завещанию вашего отца, мой дражайший супруг. Он четко прописал, что крестным отцом нашего первенца становится дан Андреас Альметто, а крестной матерью – эданна Джильберта Брунелли.

Канцлер и жена казначея. Своих соратников его величество ценил, холил, лелеял и к семье старался привязать. Адриенна предпочла бы Мию в качестве крестной, но... нереально.

И пусть! Все равно Мия будет любить ее малыша, Адриенна даже не сомневалась. На это никакие обряды не повлияют!

– Я хочу Франческу, – надулся его величество. – И канцлер... да, сойдет.

– Вы хотите – вы ее и пользуете, – огрызнулась Адриенна.

Филиппо побледнел от гнева.

– Не смей! Ты...

Адриенна сверкнула глазами. Убила бы. Вот за себя не так больно и обидно было, а за ребенка... просто убивать хотелось. Зубами на части рвать.

– Если твоя шлюха даже просто подойдет к моему сыну, я ее убью. Так понятно?

И так это было сказано...

Филиппо понял. Сглотнул, икнул... и ведь правда убьет. И был недалек от истины.

Это Филиппо она не могла причинить вреда, потому как клятву у алтаря давала. А вот эданне Франческе – запросто. Любой вред по выбору ее величества.

И ничего Адриенне за это не будет. Ну, кроме гнева супруга. Но ее такие мелочи уже и не пугали.

– Ты...

– Ее величество Адриенна Эрвлин, – жестко ответила Адриенна. – Спать, дражайший супруг, вы можете хоть с кобылой на конюшне, но моего ребенка я в навоз окунать не позволю. И в храме буду присутствовать на крещении. Потом падре Ваккаро мне этот грех отпустит. И дана Альметто и эданну Брунелли я уже предупредила. Потому что уважала вашего отца и его распоряжения. Что еще сказать желаете?

Филиппо зашипел сквозь зубы. Бледно-голубые глаза его и так были навывкат, а сейчас и вовсе выпучились, сделав короля похожим на не слишком умную жабу.

– Вот так, значит...

– Да.

– Посмотрим, кто будет смеяться последним.

– А я не смеюсь. Я плачу.

Король хлопнул дверью.

Глава 8

Адриенна

– Ваше величество, я хочу вам кое-что показать.

Адриенна как раз начинала вставать после родов. Уже начала выходить в сад, более-менее спокойно двигаться по дворцу.

Роды для нее оказались тяжелым испытанием, но, по уверениям дана Виталиса, все было замечательно. Антонов огонь не случился, горячки не было, ран и порывов тоже... чего еще надо?

Да ничего! Только порадоваться.

Но первые два дня Адриенна все равно пролежала в лежку, просыпаясь, только когда ей приносили кормить ребенка. Потом начала постепенно вставать, двигаться, и сейчас могла прогуляться по дворцу.

Только вот почему у короля такая улыбка паскудная? Точно пакость замыслил...

– Это обязательно, ваше величество?

– Да. Здесь недалеко.

Пришлось подниматься с тяжелым вздохом и отдавать малыша нянькам.

– Вя-а-а-а! – возмутился Цезаре. С мамой он расставаться не любил.

Филиппо посмотрел на него даже слегка брезгливо, за что Адриенна тут же приписала к счету еще час мучений. Перед смертью, понятно. И поцеловала малыша в кончик носа.

– Подожди, маленький. Я скоро вернусь.

Малыш послушно прикрыл глаза.

Адриенна вздохнула и проследовала за супругом. Дотрагивалась она до его рукава. До кожи не хотелось... ощущение было такое, словно рядом с ней идет что-то очень гадкое. Скажем, двуногий слизень.

Вот и сад.

Придворные. Кто-то смотрит со страхом, кто-то с любопытством.

Предвкушение на лице кардинала, какое-то злорадство на лице эданны Франчески...

И клетка.

А в ней большой черный волк.

Измученный, израненный и... той самой породы. Ровно как и Леверранское чудовище. Один в один. То, о чем рассказывала Мия.

Адриенна выдохнула.

– И что вы мне хотели показать, ваше величество? Волка? Я видела их раньше.

– Даже таких?

– Я даже Леверранское чудовище видела, когда его убили, – равнодушно отозвалась Адриенна.

– А оно – вас? – парировал король.

Волк явно прислушивался. Привстал, смотрел мутно-зелеными глазами. Несчастное, изуродованное создание, искаженное в угоду негодьям.

А потом тихо-тихо заскулил.

Адриенна ахнула, схватилась за виски... после родов кровь запела еще громче, еще отчаяннее...

– *Отпусти меня. Пожалуйста... за что? Мне больно, больно, я не хочу так...*

Скулеж был ей так понятен, словно волк говорил словами. Но это – ей.

А остальные видели только, как потянулся к королеве страшный зверь, как он тычется носом в железные прутья, почти слéпо, безрассудно...

Филиппо отшатнулся назад.

Адриенна выдохнула.

Вот что тут можно сделать? Как поступить? Только один путь у нее есть как у Адриенны Сибеллин. И можно бы сказать, что она придет потом, но... она не сможет прийти.

Значит, здесь и сейчас.

Она расправила плечи.

– Кто-нибудь, дайте мне клинок.

И столько власти было в голосе королевы, что... кто-то из гвардейцев шагнул вперед. Протянул Адриенне на ладонях свой меч.

Женщина потянула его из ножен, не обращая внимания на то, что отшатнулся король, кардинал... их дело.

Тяжелый.

Неудобный.

Но ей не надо им махать. Надо просто протянуть его в клетку. Перед собой.

– Я не смогу тебя убить. Это твой выбор.

И волк понял.

Искра зелени в полубезумных глазах – и в следующий миг тяжелая туша нанизывается на острие всем телом, специально надавливая, чтобы насмерть, чтобы до конца...

– Я, Адриенна Сибеллин, по праву крови, отпускаю тебя. Ты свободен!

И на какую-то долю секунды... показалось людям? Да, но всем присутствующим и сразу.

Пахнуло сосновой иглицей, разогретой хвоей, лесом...

И бежит, бежит под соснами, по лесной тропинке, здоровущий волчара. Светло-серый, вовсе не черный, с умными желтыми глазами. Бежит к волчице с волчатами... у него еще все это будет. Скоро...

Чужая сила отпустила его душу. Заклятие спало.

На полу клетки лежала туша, которая уже не внушала ужас. Только жалость.

Адриенна пошатнулась. Тяжело?

Не важно! Надо довести все до конца.

– Так будет со всеми, кого изуродовала эта погань, – жестко сказала она. – Спрошу за каждого. И невинные души обретут свободу в вечности.

Развернулась и ушла.

Не дожидаясь ни короля, ни разрешения... ничего.

Просто ушла.

Она знала, что ее услышали и поняли. Она понимала, что это провокация.

Время уходит. Времени уже почти не осталось.

Ей надо снять проклятие со своего рода. А потом...

Потом, Филиппо Эрвлин, мы посмотрим, кто и чего заслуживает. Ты ведь знал.

Ты понимал... и за все твои выходки Моргана бы давно сняла с тебя шкуру. А я пока не могу. Я пока не такая сильная... ничего!
Это ненадолго.

* * *

- Кошмар какой!
- И эти клыки!
- И как она держала клинок...
- И...

Голоса перекликались, переплетались, но именно того эффекта, на который он рассчитывал, Филиппо Эрвлин не получил. Если бы Адриенна испугалась... если бы защищалась, если бы волк кидался на нее. А так...

Всем было все понятно.

Адриенна просто освободила несчастное изуродованное создание. Какое уж тут ведьмачество?

Тихо-тихо подошел кардинал.

– Ваше величество... не Эрвлин. Сибеллин...

– Она тебя в открытую не уважает! – прошипела Франческа. – Вообще... как так можно? Филиппо, милый, с этим надо что-то делать! Она же подрывает основы твоей власти, расшатывает трон...

Филиппо был согласен с ними обоими.

С этим надо что-то делать. И побыстрее.

Осталось решить, за что его супруга пойдет на плаху. Потому что пока она жива... он помнил ледяной взгляд синих глаз. И тени за ее спиной. И не думал, что именно его клятвоотступничество и дает Адриенне такую власть над ним.

Нет. Пока она жива, он не сможет чувствовать себя в безопасности. И сегодняшний случай тому примером.

Адриенна Сибеллин должна умереть.

Мия

– У-у-у-у-уй! А-а-а-а-ай! Твою мать!!!

Нельзя сказать, что роды у Мии выдались тяжелыми. Наоборот, отошли воды, начались роды – нбора Анджели и за повитухой послать толком не успела. Только-только сын убежал, а там уж и схватки пошли.

К моменту, когда повитуха пришла, все было кончено.

Мия родила девочку.

Эванджелину Феретти. Или Эванджелину Демарко?

Этот вопрос Мия еще до конца не решила. Она еще обдумает все как следует... нет-нет, о прощении речь не идет! И о живом Рикардо тоже.

Тут есть два варианта.

Или Мия сразу его убивает и девочка будет Феретти.

Или Мия сначала заставит Рикардо признать малышку, а потом убьет его. И девочка будет Демарко.

Ладно, это она еще посмотрит, и что, и как...

Девочка, приложенная к груди, посмотрела на маму золотисто-кариими глазами. Обычно у малышей у всех глаза светлые, серые, голубоватые, но у Эванджелины глаза были золотисто-карие. Яркие, чистые, как у матери и у дяди...

А и ладно!

Пусть будет Феретти...

И Мия осторожно погладила малышку по головке.

– Девочка моя, маленькая...

* * *

– Мия, тебе не пора возвращаться домой?

Мия удивленно поглядела на Лоренцо.

– Домой? Куда?

– Ну... ты можешь переехать к Лаццо.

– Это не наш дом, Энцо. В Феретти? В принципе я могу потом поехать туда. Но как оставить Адриенну?

Лоренцо только головой покачал.

– Никак. Завтра крестины его высочества Чезаре Филиппо Эрвлины. Я обязан присутствовать.

– Я и хотела бы, но пойти не смогу. Как дела у Дженнаро?

– Отлично. Кушает, спит, пачкает пеленки. Очень спокойный малыш... от Динч в нем, похоже, ничего нет. Копия того арайца...

Мия пожала плечами.

– Что ж. И такое бывает. Как девочки?

– Серена ждет жениха. Он как раз по лесам носится. Джулия ходит тенью за Марко. Мария говорит, что это не слишком уместно, но... не возражает. Пусть девочка приглядится повнимательнее к своему жениху.

– И это правильно.

– Я рассказал про тебя только Зеки-фраю.

– Зачем? – не поняла Мия.

– Случись что, он сможет передать записку тебе или от тебя.

Понимаешь?

Она кивнула.

– Он не разболтает?

– Он мне жизнью обязан. И поклялся молчать.

С точки зрения Мии, это не было гарантией. Но... ладно уж!

– Хорошо. Действительно, мало ли что? Мало ли кто?

Энцо кивнул, закрывая эту тему. Вот именно! Всякое случается, к примеру, поскользнулся он на гнилом яблоке и ногу сломал. А Мия будет нервничать и переживать. Чем посыльных искать невесть где и неясно кого, проще своего человека попросить. Хоть письмецо отнести.

– Покажешь малышку?

Мия расцвела в улыбке.

– Эви, познакомься с дядей Энцо...

Малышка знакомиться не собиралась. Она наелась, согрелась и упорно сопела носиком. Ей было хорошо и спокойно. Она спала.

– У нее нет... признаков? – тихо спросил Лоренцо.

– Нет. Но кровь у нее проснулась, это точно.

Энцо принялся и кивнул.

– Да... я чувствую. Она пахнет почти как и ты.

– Мной? – уточнила Мия.

– Нет. Это ее собственный запах... но у вас он очень похож. А вот мой сын пахнет иначе. Эви точно унаследовала твои способности.

Мия кивнула.

– Я этому рада.

И вдруг накатило нечто холодное, страшное... Мия поежилась, крепче прижала к себе малышку.

– Мия?

– Энцо, прошу тебя... если со мной что-то случится, Эви...

К чести Лоренцо, он не стал говорить глупостей, уверять, что все будет хорошо и тому подобное. Вместо этого он просто кивнул.

– Если с тобой что-то случится, Эви станет моей дочерью. И я для нее все сделаю.

– Спасибо, – выдохнула Мия. – Завещание в банке, там же и мои деньги...

Там же и сундучок старой ведьмы. Дома такое хранить опасно.

Ничего! Все будет хорошо, и малышку свою она вырастит... надо только с Рикардо разобраться. А это... это просто приступ слабости. Все пройдет.

Все. Пройдет.

Адриенна

Адриенна не рассчитывала, что ей разрешат провести ночь в часовне. Тем более с ребенком. Тем более после крестин.

Эданна Франческа даже не пришла в церковь. Испугалась.

И правильно.

Если раньше Адриенна ее кое-как терпела, то после родов... да что там! Даже у животного меняется характер после родов! Тихая и милая кошечка рычит и кидается на любого, ласковая прежде собака готова напрочь отгрызть руку, которая тянется к щенкам, даже если это рука любимого хозяина. А человек... условно у него есть разум. Но женщинами во многом после родов правят инстинкты. Вот они и гласят, что рядом с твоим ребенком не должно быть ничего опасного.

Никого опасного!

Эданна Франческа опасна? Рвать ее! В клочья!!!

И немедленно!

Эданна это чувствовала, понимала и разумно не подходила близко к ее величеству. Особенно если рядом не было его величества. Жить хотелось...

Зато шустрил кардинал.

Именно он убедил короля разрешить ее величеству помолиться в часовне. Правда, приставил своих соглядатаев. Но главным было не это.

Главное, чего он хотел, – спокойно и без свидетелей обыскать вещи ее величества.

* * *

Часовня.

Ночь.

Адриенна обвела взглядом присутствующих.

Спят. Все спят. И те, кто находится рядом с ней, и те, кто в потайных ходах подглядывает за ее молитвой... это не она. Это Моргана.

Сейчас, напившись ее силой и кровью, Моргана Чернокрылая способна на многое. Здесь, в месте ее средоточия.

Она может усыпить присутствующих, напугать, явиться едва ли не во плоти... да, потребуется много сил. Но разве это важно? Сейчас самое главное другое. А именно маленький сверточек, который посапывает в руках Адриенны, прижавшись носиком к ее плечу.

Королева медленно спускается вниз по ступеням.

Вот и комната.

И алтарь.

Адриенна привычно касается рукой острой грани камня, но сегодня Моргану вызывать не приходится. Она уже пришла.

Уже здесь... и смотрит на малыша.

– Как он похож на Цезаре. Спасибо, детка...

– Ты уже знаешь?

– Второе имя, конечно, не слишком приятное, но Цезаре ведь. – Моргана улыбнулась так, что стало ясно: все хорошо. – Пожалуйста, приложи его ручку к кристаллу.

Адриенна вздохнула.

Вот свою кровь она проливала спокойно. А малыша...

– Это обязательно?

– Да, Риен.

Адриенна выпутала из пеленок маленький кулачок и осторожно расправила стиснутые пальчики. Провела одним из них по грани кристалла.

– Вот так?

– ДА!

Алтарь засветился голубым светом. Ярким, чистым, как глаза Морганы... как глаза самой Адриенны и малыша Чезаре...

Моргана развела руки в стороны.

– Да будет так! Чезаре, маленький мой, я люблю тебя! Пусть развеется старое проклятие!

Над дворцом грянул гром.

Синие молнии били в землю, ветер рвал кровли крыш... сухая гроза. Страшная на самом деле штука. Одна из молний ударила в крыло дворца, и то загорелось.

Шум, гам, крики...

Моргана хохотала, запрокинув голову. Но Адриенна не боялась. Она смотрела с восхищением...

А еще...

Как это можно описать?

Когда ты всю жизнь живешь в клетке, стиснутая по рукам и ногам? И вдруг тебя достают оттуда... и ты расправляешься и вдыхаешь полной грудью.

И это так восхитительно...

Голова кружилась от счастья.

В пеленках верещал малыш Чезаре. Не от страха, нет! От восторга! Он ведь тоже родился еще под проклятием. И сейчас, когда это все слетело, словно опавшие листья, упало...

Ему тоже было легко и весело...

Прошло несколько минут, прежде чем Моргана опомнилась.

– К новолунию и следа не останется. А теперь спешి наверх. Что-то мне подсказывает, что наведенный сон долго не продержится. Минута, может, еще две...

Адриенна ахнула, перехватила ребенка и как могла быстро побежала вверх по лестнице. Получалось пока не слишком хорошо, ну хоть как-то...

Моргана смотрела ей вслед.

Призраки не могут плакать?

Призракам не бывает больно?

Как же мало, господа ученые, вы знаете о призраках! Но одно точно: просвещением они заниматься не собираются.

Адриенна вылетела в часовню, запыхавшись, почти упала на скамейку... фу-у-у-у-у!

Успела?

Вроде бы да!

Никто не орет, не прыгает, не пытается найти ее величество... только вот ранки на ладонях и у нее, и у ребенка еще не зажили. Рубцы видны...

Ничего, рассосутся.

К новолунию?

Две декады еще ждать. Так много...

Так мало по сравнению со ста годами.

* * *

– Смотрите, ваше величество!

Покои королевы обыскивал лично кардинал. Король присутствовал.

Все же это не обычный обыск, это намного важнее и серьезнее. Это королева. Мать наследника. И... как ни горестно самому себе это признавать... король попросту побаивался.

А рядом с кардиналом ему становилось легче. Спокойнее.

Появлялась рядом более сильная личность, на которую можно было спихнуть и ответственность, и решения... опять же получить совет, помощь, уверения в своей правоте.

Женишься вот так...

И ведь отец все знал!

Вот все!

Знал!

И все равно подсунул ему в постель эту гадюку! Да лучше б Филиппо на Ческе женился! А эта... эта... нечисть! Вот она кто!

Сибеллин!

Кости твоих Сибеллинов давно истлели!

НЕНАВИЖУ!!!

Филиппо пересек гардеробную и склонился над ларцом, который оставила Адриенне эданна Кавалли.

– Это записи ведьмы. И зелья ведьмы.

Филиппо едва за голову не схватился.

– ВЕДЬМА!!!

Кардинал покачал головой.

– Полагаю, ваше величество, вину королевы можно считать доказанной?

– Еще бы!

– Ее надо судить.

Филиппо замотал головой.

– Кардинал, как вы себе это представляете? В чем ее можно обвинить? В ведьмовстве? В супружеской неверности? А как это отразится на моем сыне?

Ребенка он не любил. Но... если это и правда единственный наследник, который у него будет?

– Конечно, нет, ваше величество! В покушении на вас!

– Покушении? На меня?

– Разумеется! Вот яды, вот записи... плюс этот... которого взяли во дворец... Феретти! Наверняка он наемный убийца...

– Хм!

– Если взять его и допросить, он во всем сознается! Я уверен!

Еще бы! Если допрашивать на дыбе или с помощью раскаленного железа! Тут всякий сознается! Мгновенно!

А если бы кто-то сказал кардиналу, что он просто ревнует...

Дан Санторо никогда бы в это не поверил. Ревнуют ведь, когда любят, а он-то НЕ любит! И это было чистой правдой. Адриенну он не любил. Он просто был ею одержим. И мысль о том, что она никогда не станет ему принадлежать... тело?

Да что ему то тело!

Девочек много, и более мясистые есть! И волосы у них роскошнее, и личики симпатичнее... и вообще! Найти можно! А вот остальное...

Адриенна из древнего рода. Из Высокого Рода. Крылатая душой...

Подчинить ее себе, сломать, заставить выполнять свою волю, опутать сетями по рукам и ногам... как это было бы сладостно! Но...

Нереально!

В том-то и дело, что нереально!

Адриенна даже не смотрела в его сторону. Более того, она видела его – настоящего, знала, на что он способен, чувствовала его силу. И не боялась!

Вообще не боялась.

Ни его, ни того, что он мог с ней сделать... вот ничего! Хотя и понимала все преотлично!

Но вот!

Как, вот КАК у нее так получалось?! Почему рядом с ней кардинал чувствовал себя просто тварью? И с тем волком...

Она ведь его поняла и пожалела. И отпустила.

Волка! Дьявольскую, изуродованную черной силой жертвоприношений тварь! Поняла, простила, освободила, дала возможность родиться вновь... для него это не смерть пришла. Это свобода!

Как так можно?!

Почему, ну почему эта сила принадлежит глупой девчонке, которая даже не может ею грамотно распорядиться?! Вот он бы... Ух!

Впрочем, Адриенна еще поплатится за свою глупость. А сила...

Если он правильно понял... он видел малыша. У него тоже синие глаза. И наверняка сила его матери. Зачем ломать кого-то под себя? Зачем... если можно просто воспитать из Сибеллина Санторо? Сделать из малыша своего сына?

Случись что, и опекуном наследника престола – одним из – станет кардинал. И уж он постарается... мальчишка будет любить его как родного. Слушать каждое слово, дышать им... конечно, вся его сила будет доступна дану Анджело!

Он сам выложится, и уговаривать не придется!

Надо только правильно его воспитать, вот и все. Представляете, какие открываются просторы? Это ж... восторг!

Адриенна?

Не захотела ты, значит, твой ребенок захочет! Так что...

Первый шаг – убрать тебя от малыша.

Второй...

Кардинал составлял в уме четкий план действий. Потом он представит его королю... как потом? Сегодня же. Утром, которое уже почти наступило.

А пока...

– Ваше величество, прикажете арестовать Лоренцо Феретти? Сразу же, как он появится во дворце?

Филиппо кивнул.

– Да, пожалуй. И начать допрос...

Самое забавное, что про Зеки-фрая ни тот ни другой не подумали. Почему?

У кардинала от ненависти к Адриенне бывший ланиста вылетел из головы. А король... его величество что, должен вникать в такие мелочи?

Тьфу, глупость какая!

Лоренцо

– Доброе утро, дан Феретти.

– Доброе утро, дан Кастальдо.

Просперо встретил Лоренцо едва ли не у ворот. И лицо у него было удивленным и огорченным.

– Дан Феретти, у меня к вам дело.

– Что-то случилось? – удивился Лоренцо.

Зеки-фрай, который пришел во дворец вместе с ним, начал медленно отступать в сторону. Что-что, а сливаться с местностью бывший ланиста умел. Пара минут, и он прижался к стене, став почти незаметным для окружающих. Вот нутром он опасность чуял.

И с Кемаль-беем, кстати, тоже. Только ума не хватило удрать вовремя.

В тот раз. Сегодня он такой ошибки не совершит.

– Его величество приказал арестовать вас и препроводить для допроса в Воронью башню.

– Меня? – удивился Лоренцо. – Но за что?

Дан Кастальдо развел руками.

– Даже предположить не могу. Просто есть приказ короля... дан Феретти, сдайте оружие.

Лоренцо качнул головой.

Отдать Перо?

Никогда. Он повел глазами по сторонам. И от его взгляда Зеки-фрай скрыться не сумел.

– Отдашь... ты знаешь кому. Свободен.

Ланиста кивнул, принимая клинок. Он знал, куда ему сейчас пойти, кому и что сказать. Но...

Как же ему хотелось удрать! Вот сейчас, вместе с Лоренцо... нельзя, нельзя ему туда!

– Ангел... – Вряд ли кто-то знает арайский. – Это ловушка. Тебя убьют.

– Адриенна, – просто отозвался Лоренцо. – Я не оставлю ее... сбегу сейчас – стану преступником.

– Умрешь.

– Нет. Я ничего плохого не делал, все выяснится, и я вернусь.

Зеки-фрай схватился бы за голову. Да вот беда, клинок в руках помешал...

– Я все скажу, Ангел...

Разговор велся по-арайски, но дан Кастальдо не мешал. Даже демонстративно отступил на шаг, чтобы не мешать. Он тоже был уверен, что это недоразумение.

Ерунда!

Ну что, что можно натворить за пару месяцев во дворце? И те проведенные в основном на плацу? Смешно даже...

Лоренцо кивнул Зеки-фраю и шагнул вслед за даном Кастальдо.

Ланиста развернулся и что есть сил кинулся бежать вверх по улице. Он знал, куда идти и кому надо сообщить о случившемся.

Срочно!

Мия

Она с интересом разглядывала свою руку.

Вытянула пальцы, полюбовалась изящной ладошкой, аккуратными розовыми ноготками. И принялась их трансформировать.

Сейчас это уже давалось легче.

Пальцы послушно превращались в длинные кошачьи когти, потом снова становились аккуратными тонкими пальчиками. Это почти несложно, и сил не требует...

Мия примерно понимала, что происходит.

Когда она меняется... ребенок-то внутри ее меняться не может. А силу тянет. И потому во время беременности толком ничего не получалось.

А сейчас – сейчас лучше.

Жаль, что молока у нее маловато. Малышка хныкала, висела на груди пиявкой, никак не засыпала... Ньора Роза посмотрела на это дело и позвала кормилицу от знакомых.

Эви вцепилась и в ту, насосалась и уснула. Мгновенно и крепко.

Мия подумала и попросила ньору Розу договориться с кормилицей. Пусть приходит и подкармливает малышку. Так будет лучше... не страдать же девочке, если у мамы маловато молока?

В дверь забарабанили.

Ньора Роза открыла, слышался чей-то говор... Мия насторожилась. Так, малышку на руки, выглянуть вниз...

Ничего страшного.

Это всего лишь араец брата. Мия его знала в лицо...

– Зеки-фрай?

– Дана! Ше латто...

От волнения бедолага половину слов забыл, а вторую еще и не знал. Мия спустилась вниз, погладила его по руке.

– Ньора Роза, это друг моего брата. Пожалуйста, подайте нам в гостиную что-нибудь выпить...

– Конечно, дана.

Мия потянула за собой Зеки-фрая, впахнула ему в руки отвар шиповника... не вино же предлагать арайцу? У них это практически запрещено. Да и не любила Мия вино.

Невкусно.

Зеки-фрай обжег язык, поперхнулся и заговорил:

– Дана Мия, дана Энцо арестовали.

– Арестовали? – даже не поняла Мия. – За что?

– Н-не знаю. Его просто взяли и арестовали. И он сам пошел с ними...

Мия задумалась.

Кто может что-то знать? Узнать?

Только дан Пинна. Но с ним надо еще связаться. И Адриенна... с ней тоже надо связаться.

Может она пройти во дворец?

Сейчас... не вполне. Лицо она изменить может, а вот долго удерживать эту маску не в состоянии. Что ж.

– Зеки-фрай, ты можешь сейчас вернуться во дворец?

– Могу, дана.

– Передашь записку дану Пинне?

– Да.

– Он узнает, за что задержали Лоренцо. Дальше разберемся.

Зеки-фрай выдохнул.

– Я... боюсь.

Мия кивнула. Для нее это не было чем-то смешным или нелепым. Она прислушалась к себе. Ей страшно за брата?

Да... И за Адриенну, и за себя, и за малышку Эви, и...

Джакомо многому научил Мию. В том числе и прислушиваться к себе, к внутреннему ощущению опасности. И это могло значить лишь одно.

Враг нанес удар первым.

* * *

Зеки-фрай смотрел на прекрасную девушку. Сестру своего друга и господина он видел только раз, и то издали. Вблизи же...

Она могла бы украсить собой даже гарем султана. Прекрасное лицо, изящные формы... так он думал ровно до сей секунды. А потом... потом лицо Мии начало меняться. И Зеки-фрай подумал, что она могла бы распугать гарем султана.

Одной вот этой нежной улыбкой.

Вот пришла бы, улыбнулась – и бежал бы гарем впереди своего визга. А впереди гарема бежал бы султан. И не особенно размышлял, куда бежит. Подальше бы...

Потому что в глазах очаровательной девушки Зеки-фрай видел смерть. Равнодушную, страшную, жестокую и изощренную.

Мия, впрочем, не обратила на него никакого внимания. Она напряженно размышляла.

– Так... сейчас ты отправляешься во дворец, а я к Лаццо. Надо их срочно отправить из города вместе с малышкой Эви...

– Там мои дети...

– И их тоже. В Феретти... и побыстрее! Сейчас же! Подожди минуту, я напишу записку, отнесешь ее дану Пинне – и бегом к Лаццо. Понял?

Зеки-фрай мотнул головой.

– Нет.

– Нет?

– Лоренцо спас мне жизнь. Я никуда не уйду.

Мия злобно сверкнула глазами. Вот еще, спорить взялся! Некогда ей! Не-ког-да!

Пусть делает, что ему скажут, и не спорит.

– Ты хочешь ему помочь? Действительно?

– Да...

– Тогда придешь – и уедешь. У Энцо есть сын, у меня дочь. Кому я еще их доверю?

А вот этот довод Зеки-фрай понял. И кивнул.

– Я сберегу ваших детей, Мия-фрайя. Детей вашего рода...

Мия кивнула.

– Ты знаешь адрес этого дома. Вот тебе ключ от сейфа. Если со мной что-то... дети ни в чем нуждаться не должны. Понял? Не то с того света достану.

Зеки-фрай понял.

Он и так не обманул бы. Но... он все же беглец, и денег у него не так чтобы много...

– Хорошо, дана. Пусть прервется мой род, если я обману ваше доверие.

Мия кивнула. В Арайе это серьезная клятва.

– Во дворец и к Лаццо. Ключ отдала, этот дом ты знаешь, если станет вовсе уж плохо... уходи в СибЛевран. Там есть дан Рокко Вентурини. Он поможет.

– СибЛевран. Рокко Вентурини.

– Если и там не найдешь помощи – Каттанео. Дан Антонио Каттанео. Он обязан Адриенне СибЛевран, он поможет вам уехать из страны.

Зеки-фрай кивнул.

– Я все сделаю, дана. Клянусь.

Мия кивнула – и выбросила его из головы. Промчалась по дому, написала записку Иларио Пинне, отдала Зеки-фраю. Потом, когда тот

ушел, написала еще несколько записок, приказала мальчишкам отнести их, а сама отправилась поговорить с ньорой Розой.

– Ньора Роза, дело может сложиться так, что я не вернусь. Я не могу написать завещание сейчас – мне некогда бегать по нотариусам. Поэтому вот дарственная на дом. Ее я могу составить сама. Оспаривать ее все равно будет некому.

– Дана...

– Выживу – все равно подарю вам этот дом. Авось сразу не прогоните?

– Дана!

Мия махнула рукой.

– Ньора Роза, я бы посоветовала вам уехать в деревню к родным, но... может сложиться так, что в столице будет безопаснее.

– А ваша дочь?

– Ее я отправлю отсюда.

– Но тогда... – Ньора Роза не понимала ситуацию.

Мия потерла лоб.

– Люди, с которыми я ее отправлю, могут позволить себе хорошую охрану. Итак, у вас два выхода. Первый – я дарю вам этот дом, и вы со мной никак не связаны. Жила тут какая-то... ну и все. Наплетете что захотите. Второй – вы едете сейчас с моими родными, но... я не знаю, как у них все сложится. Просто – не знаю. А у вас двое детей.

Ньора Роза задумалась.

Да, дети...

И опасность. И...

– Дана Мия, я хотела бы уехать с вашими родными. Да и за малышкой Эви пригляжу. Слово даю.

Мия кивнула. И сунула женщине дарственную на дом.

– Если так... собирайтесь, и побыстрее. Знаете дом Лаццо?

– Купцов?

– Собирайтесь и приходите туда. Поедете все оттуда. И... если вы решили, соберите вещи Эви.

Мия шла по улице. Качала на руках малышку, напевала ей колыбельную.

Было такое предчувствие... не плохое, но тяжелое, сложное. Почему-то она старалась продлить эти минуты. Шептала нежные слова, гладила пушистую светлую головку...

Чувствовала, что надвигается буря. Но... когда она приняла решение отправить Эви с Лаццо, ей стало легче. За малышку, за родственников...

Значит, в опасности она сама? Она, Энцо, Риен...

Это не страшно. Они справятся. Главное сейчас – убрать из-под удара самых незащитных.

– Детка, маленькая моя, хорошая...

Эви притихла на руках у матери и смотрела серьезными золотисто-кариими глазами. А в них словно искры плавали... сила. Уже пробуждающаяся сила. Которая не станет ждать совершеннолетия или лунных дней.

– Я не хочу оставлять тебя, – тихо шепнула ей Мия. – Но и уберечь не смогу. А если брошу брата и сестру, прокляну себя. Может, ты когда-нибудь сможешь меня за это простить, родная...

Эви прикрыла глазки и засопела. Ей вся эта патетика была не нужна. Молочко, пеленки, ласковые руки... мама? Да, мама – это хорошо. Но и кормилица с нянькой должны справиться. А любовь...

Марии можно доверить малышку.

Вот и дом Лаццо.

Мия постучала в дверь.

– Открывайте, хозяйева, гости пришли...

Лицо она предусмотрительно поменяла. Не сильно, но и на себя она сейчас ничуть не походила. Ничего, минут пять продержится.

* * *

– Вы кто, ньора?

Нарисовавшегося на пороге слугу Мия в лицо не знала. Что ж, год – это тоже время...

– Это дана Феретти. – Мия спокойно указала на дочь. И не соврала, кстати. Пока Рикардо ее не удочерил, малышка может носить

фамилию Мии.

– Ф-феретти?

– Дан Лоренцо Феретти здесь проживает?

– Д-да...

– Я могу его увидеть?

– Я спрошу, ньора. Прошу вас подождать.

Мие того и надо было.

Она могла бы...

Могла бы разметать в стороны с десятков слуг, могла бы прорваться к Марии, могла...

Нельзя.

Если пострадает малышка... а в драке может быть что угодно... Если поднимется шум... нет, нельзя. Надо соблюдать тишину. Она подождет...

Да и ждать пришлось недолго. Минут пять от силы...

– Ньор Лаццо вас примет, – вернулся лакей.

– Который Лаццо? – подозрительно уточнила Мия.

Лакей покосился на нее.

– Ньор Фредо Лаццо...

– Отлично, – кивнула Мия. И только каблучки застучали.

Фредо ждал ее в гостиной. Рядом с ним Мария. На коврике возится малышка Кати. Как она подросла... Мия и не ожидала, что так получится, на глаза навернулись слезы...

Нет. Плакать нельзя...

Вдох, теперь еще вдох... и злые глаза Фредо. Не узнал.

– Ньора, вы утверждаете, что это дочь дана Феретти?

Мия огляделась.

Все, лакей ушел, двери закрылись. Больше можно не скрываться. Под капюшоном маска сползает с лица. Мия подняла голову и улыбнулась. Хищно, зло...

– Нет. Я утверждаю, что это – дочь даны Мии Феретти. Как ваши дела, дядюшка?

А вот так, конечно, не стоило. Мог бы и удар хватить человека... Ничего! Он крепкий! Такие дубы по сто лет стоят, ничего с ним не будет! Подумаешь, ворот рванул. Поругался минут пять... какое выражение интересное! Надо запомнить...

Мария оправилась намного быстрее.

– Миечка!!!

Вскочила со стула, подлетела... обняла бы, да вот незадача – малышка у Мии на руках. Открыла глаза, пискнула...

– Мия?

– Знакомьтесь, тетушка. Это дана Эванджелина Феретти. Может быть, Эванджелина Демарко, но я пока не уверена.

Мария помотала головой. Подумала пару минут.

– Твоя дочь.

– Да.

– Демарко? Я не слышала этого имени... Мия, ты расскажешь?

– Сейчас я все расскажу. Но до того... – Мия потерла лоб свободной рукой, вздохнула. – Дядя, тетя, мне надо извиниться перед вами. Мы с Лоренцо самонадеянное дурачье. Но сначала... прикажите слугам собирать семью к отъезду.

– Отъезду?

– Из столицы. Хоть куда. В безопасное место, – жестко сказала Мия. – Лоренцо арестован. Что будет дальше, я не знаю, но Лаццо и Феретти связаны. Вы хотите попасть под удар?

Фредо не хотел. Так что...

– Сейчас я отдам приказ. И ты мне все расскажешь. Или я тебе шею сверну, поняла?

Мия кивнула.

– Ладно. Распоряжайтесь и возвращайтесь. Я расскажу.

– Все? – прищурился торговец.

Мия ответила ему спокойным взглядом.

– Не все. Только то, что непосредственно вас касается.

Фредо это устроило. Врать Мия точно не будет, а клятвы – это дело ненадежное, он купец, он знает. Мужчина вышел, послышались приказы, и минут через пятнадцать он вернулся в комнату.

– Начинай. Я слушаю.

Мия потерла лоб.

– Вы знаете, чем промышлял Джакомо?

– Да, – кивнул Фредо. – Не прощу себе... теперь знаю. Поздно... Кати говорила, что он играл, и я не проверил. Все ж понятно... старый я дурак.

– Если вас это утешит, к тетушке он относился прекрасно, – отмахнулась Мия. – Сложно было догадаться. Более того, и я бы

ничего не знала. Но у нас есть родовая особенность.

– Вирканги? – уточнил Фредо.

– Именно, – решила не вдаваться в подробности метаморфоз Мия. Лицо она меняла по дороге и в тени капюшона, так что свидетелем ее превращений Фредо не стал. И ни к чему ему. – У меня это проявилось сильнее, чем у Энцо, и более контролируемо. Догадываетесь, как Джакомо решил меня использовать?

– Да, – поникла Мария.

Мия пожала плечами.

– Я не в претензии, но натаскивал он меня, словно собаку на дичь. И натаскал-таки... получилось вполне душевно. Я могу убить сейчас всех, кто находится в этом доме, и уйти незамеченной...

Фредо даже поежился.

– Ты не станешь этого делать?

– Нет. И не собиралась никогда, вот еще... Давайте перейдем к важным вопросам. Под столицей проводят черные мессы, в лесах бесятся волки-оборотни, а Лоренцо взяли под стражу. Я пока не знаю, какое обвинение ему предъявлено, но считаю, что скоро начнется... нечто.

– Беспорядки? Бунт? Переворот?

– Я бы не удивилась, – честно сказала Мия. – Кардинал Санторо хочет корону. Так или иначе, Адриенне он предложение делал.

– Ее величеству?

– Да. Она отказалась.

– Она же замужем, – не поняла сразу Мария.

Мия только рукой махнула.

– Тетя, овдоветь несложно. И говорю сразу: ничего она к супругу не испытывает, просто кардинал гнилой до мозга костей.

В этом никто и не сомневался. Теперь. Так-то Лаццо кардинала и в глаза не видел, да и слава богу.

– Так... нам, наверное, надо погрузиться на корабль, – задумался Фредо. – Отплыть недолго, опять же можно пришвартоваться где-нибудь неподалеку, не уходить далеко, а вот по суше... Это сейчас опасно.

Мия пожала плечами.

– Как по мне, на море тоже будет опасно. Шторма я вам гарантирую.

– Разве? – удивился Фредо.

Мия махнула рукой. Ну не скажешь ведь всю правду до конца? Адриенна любит Лоренцо. И ее боль, тревога, волнение... считай, непогода обеспечена.

– Поверьте, дядя. В море лучше будет не выходить в ближайшее время. Подумайте, куда вам переехать... лишь бы это было – вот!

Фредо вздохнул.

– Ладно... я могу напроситься в гости к одному дану... он мне серьезно должен.

– Вот и отлично. Напроситесь, дядя. И пока кто-то из нас троих вам не напишет, не вылезайте из подполья.

– Троих?

– Я, Лоренцо, королева...

– К-королева?

Фредо понимал, что Мия и Адриенна были подругами и, наверное, ими остаются. Но... все же королева... Это очень серьезно.

– Да, дядя. Джакомо меня учил не зря. Думать он меня тоже научил, может, и против своей воли. Давайте сейчас обговорим тайные слова, и вы уедете. Да... и моя дочь отправится с вами.

– Ты нам доверишь Линочку? – переименовала имя Мария.

Мия кивнула.

– Я должна буду сделать многое. И не смогу ничего, если у меня на руках ребенок.

– А... ты не кормишь сама?

Мия пожала плечами.

– Кормила. Не буду. У малыша Дженнаро есть кормилица, добавьте еще козье молоко – и хватит на всех.

Мария только головой покачала.

– Миечка...

– Если бы я могла засесть на год и сама заниматься с ребенком, я бы так и сделала, – честно сказала Мия. – Я не могу. Я не брошу брата.

– Ты их всегда любила больше себя, – кивнул Фредо. – Всех. Я когда узнал, какие суммы в приданом у девочек... и ты все сама...

– Я хороший убийца, – невесело улыбнулась Мия. – Слишком хороший, чтобы жить нормальной жизнью... Джакомо сделал из меня чудовище.

– Мы это допустили, – еще раз вздохнул Фредо. – Хорошо! Я пойду присмотрю, как собираются слуги.

Мия поглядела на Марию.

– А можно... я Дженнаро еще не видела.

– Конечно, можно, – кивнула Мария. – Пойдем. И с кормилицей познакомлю, и все покажу-расскажу... я сберегу твою дочку. Если уж тебя не уберегла...

– Спасибо. Но... не стоит жалеть. От благовоспитанной даны сейчас не было бы никакой пользы.

Мария ответила грустной улыбкой.

– Она бы сейчас была замужем и нянчила деток...

– Как же звали того дана... с четырьмя, что ли, кораблями? Которого мне сватал Джакомо?

Мия даже вспомнить не могла. Подумаешь, труп! Да на ее счету уже не один десяток... А вот Мария его помнила... такое сватовство получилось убийственное.

– Ньор Аугусто Кинио. Мия... это ты его?

– Я.

– А Джакомо увидел и понял?

Мия кивнула.

– Что-то вроде.

К чему вдаваться в подробности? Там уж и могилка мхом подзаросла... ни к чему. Сейчас Мию гораздо сильнее волновал ее брат.

Адриенна

– Что?!

Дан Пинна мрачно кивнул.

– Лоренцо Феретти арестован. Я пытался узнать, за что, но – стена. Личный приказ короля.

Адриенна молча встала.

– Я сейчас пойду к королю и поговорю с ним.

– Ваше величество...

– Пусть даст мне объяснения. Или...

Вот сейчас дан Пинна испугался по-настоящему. Такой Адриенны он еще не видел. Филиппо досталось, да, а вот ему еще не приходилось присутствовать при вспышке семейной ярости Сибеллинов.

Синие глаза зажглись нехорошим пламенем, руки сжались в кулаки...

Адриенна не успела совсем чуть-чуть.

За дверями слышались шаги, шум, звон оружия... Дан Пинна бросил на королеву отчаянный взгляд.

– Ребенка возьмите! – рыкнула Адриенна, всовывая в его руки малыша Чезаре и толкая дана Иларио к потайному ходу.

Благо здесь и сейчас, в спальне, она была одна с ребенком... Хоть фрейлин не было. А шум за дверями... это могло означать что угодно.

Иларио повиновался.

Просто так в королевскую спальню не вламываются. Это уж точно.

Адриенна ловко накинула одеяло на колыбель так, что под ним ничего не было видно. И встретила вошедших в комнату гвардейцев насмешливой улыбкой.

– Что вам угодно, даны?

* * *

Малыш Чезаре молчал.

Смотрел на лицо мужчины в потайном ходе и молчал, не издавал ни звука. И глаза у него вспыхивали синими огоньками.

Иларио тоже смотрел.

Королева стояла напротив гвардейца... его Иларио знал. Верный пес Чески. Та еще шавка и дрянь.

– Ваше величество, вынужден сообщить вам, что по приказу короля вы помещаетесь под арест в собственных покоях.

– Да неужели? Вот просто так? – ехидства в голосе Адриенны хватило бы на сорок человек.

– Да, ваше величество.

– У вас есть приказ?

Мужчина замялся.

– Приказ его величество отдал устно.

– И при этом присутствовали или эданна Франческа, или кардинал, – понятно кивнула Адриенна. Черный камень в ее короне взблескивал тревожными синими искрами.

– Оба, – проговорился гвардеец.

Адриенна только фыркнула.

Ну, тут и так все ясно. Даже и не слишком интересно...

– Какие у вас еще распоряжения?

– Эм-м-м... взять ваши покои под стражу. С вами могут оставаться две фрейлины по вашему выбору.

– Ребенок?

– Пока остается с вами, ваше величество.

Адриенна покосилась на колыбель. Или еще не нашли кормилицу, или...

– Я могу увидеть или своего мужа, или кардинала?

– Я передам им вашу просьбу о встрече, ваше величество.

Адриенна могла бы уточнить, что это совсем не просьба, но к чему? А еще...

– Дана Феретти тоже вы арестовывали?

– Нет, дан Кастальдо. Ваше величество...

– Стоять. Молчать. Отвечать на заданные вопросы.

Когда Адриенна говорила таким тоном, мог послушаться кто угодно. Капитан исключением не оказался и вытянулся по стойке «смирно» раньше, чем сообразил, что тут происходит.

– В-ваше величество...

На миг его даже ужас пробрал. Вот рядом с королем такого ни разу не было. А сейчас... смотрела на него смерть, улыбалась, облизывалась даже, и не уговоришь, не отведешь...

– Куда поместили дана Феретти?

– В Воронью башню.

– Его допрашивали?

– Нет, ваше величество.

– Свободен, – рыкнула Адриенна. И первой вышла в гостиную.

Фрейлины стадом овец сгрудились у стены.

– Даны, эданна, меня временно помещают под арест, – спокойно произнесла Адриенна. – Со мной разрешили остаться двум

придворным дамам. Неволить я никого не стану, выберу из тех, кто сам пожелает остаться.

Эданна Чиприани даже не колебалась.

– Вы не посмеете отослать меня, ваше величество.

Адриенна улыбнулась краешком губ.

– Не посмею, эданна. Вы взрослый человек и осознаете последствия.

Челия Санти сделала шаг вперед.

– Ваше величество, вторая дама у вас тоже есть. Если вы позволите.

– Если позволит дан Виталис? – коварно уточнила Адриенна.

– Он поймет, – жестко отозвалась Челия. Хрупкая, нежная, молчаливая... видел бы ее сейчас придворный лекарь! Оставалось только восхищаться.

– Ваше величество...

Пухленькая Паола Чиприани, темненькая Бьянка Варнезе, вечно растрепанная и улыбающаяся Джина Симонетти, задумчивая Леонора Роберто, ядовитая Альбана Аморе, все остальные фрейлины...

Все они сделали шаг вперед.

– Мы желаем остаться, – объявила за всех Альбана. – Если решитесь, выведите нас силой.

Адриенна качнула головой.

– Девушки, это безрассудно. К тому же капитан действительно может применить силу.

Альбана посмотрела на капитана.

– Может. Кстати, он женат?

– Нет, – едва сдержала смешок Адриенна.

Альбана потянула за шнуровку платья.

– Вот и отлично. Капитан, примените же ко мне силу... умоляю...

Если бы на несчастного шел кабан с нехорошими намерениями, и тогда бы капитан с такой скоростью за дверь не выскочил. Альбана только вздохнула.

– Удрал. А жениться? Я дана благородная, казни за примененное ко мне насилие не потребую, а вот свадьба... о да!

Гвардейцы, оставшись без своего решительного командования, попятились к двери. Альбана оглядела их плотоядным взглядом. А учитывая формы девушки...

Пышные такие... объемные...

Адриенна, давась от истерического смеха, спасла ситуацию:

– Доложите королю. Мои девушки желают служить мне и впредь.

Действительно, вы же не можете применять силу к благородным данам.

Гвардейцы переглянулись.

Ну да... так-то они могли. Но!

Даны благородные, даны незамужние, а за оскорбление... они-то тоже не ньюры здесь! И, кстати, не женаты. Нет, хорошим такое не кончится.

Да еще и королева девушек явно поддерживает. Нет бы отослать, помочь, так сказать, людям! Посодействовать в своем аресте!

Вот как хотите, а дело здесь нечисто! Его величество, он такой... сегодня поругались, завтра помирятся, а кто крайним будет? Ясно же – те, кто увернуться не успеет!

Нет-нет, им такого не надо! И даром не надо, и с доплатой не надо...

Адриенна подняла руку, успокаивая шум.

– Эданна Сабина, даны... я благодарна вам. И все же... поймите, его величество может действительно приказать и настоять на своем. Не знаю, что придумала эданна Франческа, но умоляю вас побереечь себя. Если кто-то из вас пострадает по моей вине, никогда себе этого не прощу.

И убралась к себе в спальню.

Если она все правильно рассчитала, сейчас начнется бардак. А ей того и надобно...

– Дан Пинна!

Иларио выскользнул из гардеробной. В руках он сжимал маленького принца.

– Ваше величество...

– Сейчас вы берете моего сына и уходите.

– Ваше величество?

– Зеки-фрай поможет вам. Я знаю. И Мия...

Адриенна уже знала, что Мия отправилась к Лаццо: Зеки-фрай рассказал все дану Пинне, тот – королеве. А значит...

Сейчас ей надо убрать ребенка. Единственное существо, которым можно ее шантажировать. Единственного, за чью жизнь она опасается.

Единственного, кто не сможет защитить себя сам.

– Ваше величество, это похищение...

– Нет, дан Пинна. Печать... к счастью, Филиппо не сообразил, что она у меня.

Действительно, Адриенна же возилась с бумагами. И малая королевская печать так и была у нее. Большая – та в казне, ей самые важные указы заверяют. А вот малая... у нее и у короля.

Адриенна быстро писала.

Указ дану Пинне.

Отвезти принца к дане Феретти, позаботиться о ней и о его высочестве.

Отвезти принца к дану Вентурини, в СибЛевран.

Еще несколько указов.

О разрешении брать почтовых лошадей, о выделении денег...

– Вот с деньгами будет сложно, но здесь тысяча лоринов. Для путешествия хватит. – Адриенна протянула дану Пинне кошелек с деньгами.

– Ваше величество...

Королева тряхнула головой.

– Довольно, дан. Поймите, я не знаю, что крутит его величество, но точно знаю: если мой сын, внук Филиппо Третьего... окажется в лапах Чески... вы за его жизнь сможете поручиться?

– Нет, эданна Адриенна.

– Я не знаю, опоили моего супруга, околдовали, что-то еще... вы знаете?

– Вы так полагаете, эданна?

– Называйте меня просто Риен, Иларио. Неужели вы сами не видите? Разве его величество позволил бы сыну так поступить? Ну глупо, глупо же...

Иларио даже головой потряс. Показалось на миг, что сидит перед ним как раз Филиппо Третий, с этим его вечным: «Ну глупо, глупо же!» Такое привычное, уютное выражение *оттуда*, из прошлого...

И с губ само собой сорвалось:

– Не позволил бы, Риен.

– Тогда... – Адриенна быстро собрала сына. Конверт, пленки... – С Богом, Иларио. Где вас ждет Зеки-фрай?

– Он сейчас не во дворце.

– Вот и отлично. С Богом...

Еще раз посмотреть на сына, коснуться губами маленького лобика – и подтолкнуть Иларио к гардеробной. Ах, какое же счастье, что это старый дворец! Старый, который помнит еще Сибеллинов, который пронизан потайными ходами. Филиппо знает их?

Теоретически. Но Адриенна их так же знать не должна. Вроде бы. Поэтому может проскочить.

Риен покусала костяшку пальца.

Так... Лоренцо в тюрьме, тут она ничего не сделает. Ребенок в безопасности. Мия на свободе. Иларио на свободе. Что дальше? Будет видно...

За дверями снова послышался шум. И на этот раз – голос короля:

– Адриенна!

Ее величество бросила взгляд в зеркало, поправила корону на голове и вышла из спальни. Жаль, переодеться не успела. Ладно, белое и розовое тоже неплохо. Хотя черное и серебряное было бы лучше.

* * *

Филиппо прибыл со всей группой поддержки.

Эданна Франческа держалась чуть позади своего любовника, кардинал сверкал глазами. Он как раз держался почти рядом с королем. Вровень... может, даже вырвался бы вперед, но зачем ему?

Пусть все подлости совершит Филиппо. А кто управляет несчастным дурачком... впрочем, какая разница? Тобой могут управлять, но ты же взрослый мужчина! Понимаешь, подлости ты делаешь или нет! И ответишь за них сполна.

Адриенна мило улыбнулась супругу.

– Ваше величество.

– Адриенна, я отдал приказ! Извольте исполнять.

– Какой именно? – отбросила вежливость Риен.

– Две! Придворные дамы! Остаются! Остальные уходят!

Адриенна пожалала плечами.

– Я объявила об этом. Здесь и сейчас, при его величестве... девушки, умоляю вас не рисковать своими будущим ради меня.

Девушки переглядывались. Потом Челия сделала шаг вперед, опустилась в глубоком реверансе.

– Ваше величество...

– Да? – сдвинул брови Филиппо. Впрочем, не слишком сильно. Первая ласточка пошла? Сейчас они все отсюда вылетят...

– Умоляю вас позволить нам всем остаться с королевой. Если это полный арест, мы просим о разрешении забрать свои вещи. И разделять судьбу ее величества.

– Что?! – опешил Филиппо.

Челия похлопала ресницами.

– Мы дали клятвы. Мы не хотим их нарушить.

Филиппо чуточку успокоился. Адриенна наблюдала за всем этим из-под ресниц. Ну... тут все понятно. Клятва такое дело, с ней лучше не играть. Пусть служат.

– Заберите свои вещи. Сейчас вы вместе с королевой отправитесь в Воронью башню.

Адриенна подняла брови.

– Неужели? И на каком основании?

– Покушение на мою жизнь, – уверенно ответил Филиппо. – Доказательства есть, ваш... Лоренцо Феретти наверняка сознается...

Адриенна стиснула кулачки.

Ах вот оно что... конечно же! Самое простое и удобное! Злоумышление против короля – дело житейское, трон тесноват стал для двух седалищ, всякий поймет.

И Лоренцо будут пытаться, выбивая из него признание. И она ничем, ничем не сможет ему помочь!!! Энци, любовь моя... но пока она знает: ему не причинили вреда!

– И только-то? Признание, полученное под пыткой, не имеет законной силы!

– Мой предок отменил этот закон!

– Кроме признания должно быть что-то еще.

– Ведьминские вещи, найденные у вас. Яды. Записи. И волк...

Адриенна задумчиво кивнула.

– Что ж, вы неплохо подготовились. И подбросили мне все, что хотели. А волк... его преосвященство может подробно изложить, откуда взялась эта тварь. Равно как и Леверранское чудовище. Дана Виолетта тоже оставила признание.

Кардинал перекрестился, возведя глаза к небу.

– Не представляю, кто эта дана Виолетта. Но верю, что Господь простит вам все грехи, ваше величество.

– Она не королева! – рявкнул Филиппо. Сделал шаг вперед, протянул руку к короне, даже взяться за нее успел.

Зря.

Корона Сибеллинов, оказавшись на голове последней из рода, не собиралась допускать таких вольностей. Грязными руками хвататься?

Сейчас без рук и останешься!

Ну... не совсем. Но руку Филиппо отдернул с громким криком. И все увидели, как на его пальцах вздуваются громадные алые ожоги.

– Стерва!!!

– Ее величество Адриенна Сибеллин, – мягко парировала Адриенна. – Не вы меня короновали, не вам ее и снимать.

– С головой снимут, – прошипел король, кое-как баюкая руку. – Извольте проследовать в Воронью башню немедленно! Покои для вас там уже готовы.

– Мой сын?

– За ним присмотрит эданна Франческа.

Та ухмыльнулась. Двигаться она предусмотрительно не стала, но... столько было в ее черных глазах! И триумф, и злорадство, и восторг победительницы...

Адриенна покачала головой.

– Я официально заявляю, что не доверю ребенка шлюхе, сатанистке и убийце.

Ческа побледнела.

Королева... знает? Да, она все знает, судя по взгляду. И о ней, и... ведьма?! Как же ее звали? Ческа и не думала никогда, и по имени не обращалась. Ты – и все.

Она Виолетта? Была?

– Да как ты смеешь! – рявкнул Филиппо.

– Поинтересуйтесь у своей пассии, какие ритуалы она проводит вместе с его преосвященством, – медовым тоном отозвалась Адриенна. – И кому принадлежат те самые волки, и кто приносил человеческие жертвы.

Кардинал сделал шаг вперед.

– Несчастливая... я прощаю вам все. И вашу клевету, и ваши заблуждения.

Ческе хватило этой подсказки.

– Да... обвинять других в том, что делала сама, это так недостойно...

Филиппо понял, что сейчас разговор превратится в базарную склоку, рука болела все сильнее, и он решился.

– Сами пойдете, или вас повести?

Адриенна пожалала плечами.

– Эданна Сабина, прошу вас собрать мои вещи. Дня на два-три, не больше.

И спокойно вышла из комнаты. Первая. Мимо отшатнувшихся стражников...

И только сейчас до короля дошло... бросок в спальню. И – пустая колыбель.

– ГДЕ?! Где мой сын?!

Адриенна даже не остановилась. Филиппо налетел, схватил ее за плечо.

– Куда ты его дела, гадина?!

– Он в безопасности, – отозвалась Адриенна.

– ГДЕ?! – от рева разъяренного короля, казалось, портьеры колышутся. Адриенну это не напугало.

– Не скажу.

– Ты...

– Хоть шкуру с меня сдерите, я буду молчать, – отчеканила Адриенна. – Я не позволю вашей шлюхе убить моего сына!

Филиппо размахнулся, теряя над собой всякий контроль.

Уклониться от удара Адриенна не успела. Пощечина сбила ее, прокатилась по коридору, и королева позволила себе потерять сознание.

Что могла, она сделала. Потянула время, отвлекла всех, дала шанс Иларио уйти с ребенком. Сказала во всеуслышание про Ческу и кардинала. Остальное?

Больше от нее ничего не зависело.

– Где принц, ваше величество?

Кардинал покосился на королеву.

Лежащее на полу тело, в белом и розовом, казалось почти невесомым. Словно бутон розы растоптали...

– Не сказала.

– Если его унесли, это могли сделать только потайными ходами. Я сейчас распоряджусь перекрыть их... с вашего позволения.

– Позволяю, – взмахнул рукой Филиппо. – И распорядитесь: эту тварь в Воронью башню! Нашла дурака ей верить!

– Ваше величество, – вздохнул кардинал, – королева была обязана так сказать. Хотя бы попытаться вбить между нами клин, разрушить ваше доверие к эданне Франческе... ну разве она могла заниматься всякими гадостями?

Филиппо поглядел на Франческу, которая тоже зашла в спальню.

Вся в белом, золотые локоны льются по спине, огромные глаза сияют, тело богини, улыбка ангела... да разве она может творить зло?

Глупости!

Никогда!!!

– Ческа, родная, я надеюсь, ты не слишком расстроилась из-за клеветы этой дряни?

Эданна Франческа надула губки, и вышло это так очаровательно, что у короля заметно потяжелело в штанах.

– Любимый, пока ты рядом, я могу ни о чем не волноваться. Ты не дашь меня в обиду. Но что же с твоим сыном?

Все трое, включая кардинала, переглянулись. Посмотрели на Адриенну.

Королева была в глубоком обмороке. Но почему-то никто и не сомневался: она будет молчать. Хоть ты ее на кусочки режь.

Впрочем, это и необязательно.

Но где же его высочество?

* * *

Иларио Пинна медленно шел по потайному ходу. Так бы он двигался намного быстрее, но младенец на руках, и еще сверток всякого барахла... м-да. Тут не побегаешь.

– Стоять!

Если бы руки у мужчины судорожно не сжались, он бы точно уронил малыша. И был повод!

Когда перед тобой в воздухе появляется призрак... тут поневоле задержась.

– А... э...

– Спокойно. – Моргана подняла призрачную ладонь. – Я не причиню вреда ни тебе, ни своему потомку. Клянусь кровью.

Иларио чуточку расслабился.

Потомку?

То есть это...

– Сибеллин?

– Моргана Сибеллин, – спокойно кивнула Моргана. – Оставим это на потом. Я знаю, что произошло во дворце. Не возвращай пока сюда моего потомка, делай, как сказала Адриенна.

Иларио послушно кивнул.

Не вернет. Сделает. А...

– Поговори с Мией Феретти. И приходите.

– Н-но...

– Вас будут искать. Но вот на это моих сил хватит. – Моргана повела рукой.

По коридору пронесся ветерок, пыль на полу зашевелилась, и спустя пять минут Иларио мог бы поклясться: ходом никто не пользовался уже невесть сколько лет.

– А... я...

– В мое время мужчины были многословнее, – ехидно заметила Моргана. – Не переживайте, юноша. Все будет хорошо, но Мие все расскажите. И приходите.

– К-куда?

Моргана подумала пару минут.

– Полагаю, сейчас начнут обыскивать все ходы. Если вас найдут, будет плохо... Можете просто пройти в сад? В розарий?

Иларио кивнул.

В розарий он мог, это не страшно.

– Вы сможете туда явиться?

– Да. Пусть Мия позовет меня по имени, я услышу ее и приду. Именно она.

Иларио снова кивнул.

– Я сделаю, ваше величество.

Моргана улыбнулась.

– Спешу. Время уходит, его почти нет... и передай Мие, что с ее братом все в порядке.

– Пока?

– Пока.

Иларио поклонился кое-как – с ребенком на руках это вообще сложно – и заспешил по коридору. Ну если так...

Ох, мамочки! Как-то оно... при исторических событиях присутствовать интересно, и детям потом много чего рассказать можно, но уж очень... опасно. А еще жутко. И мороз по коже...

А самое печальное, что и деваться некуда.

Иларио служил Филиппо Третьему от всей души. И любил покойного короля как друга, как старшего брата, просто как короля... уважал как человека.

Да, называли Филиппо Змеиным Глазом, но в том-то и дело, что он король! И мерки для него чуточку другие, не как для обычных людей. Мало кому из лавочников приходится вести суд, подписывать смертные приговоры... и это оставляет свой отпечаток. Иларио видел его другим.

Уставшим, серым, погасшим, умирающим от болезни – и радующимся Адриенне. Счастливым, что она такая... не разматывает сынок все, что доверено.

Будь Филиппо жив, он бы и сына удержал, и никогда бы ничего такого не позволил... При нем кардинал сидел тихо... ну почти. Именно поэтому Иларио сейчас помогал Адриенне. Совесть и долг, порядочность и здравый смысл – все говорило об одном и том же. Все было воедино.

И мужчина решил действовать.

Может, он и погибнет. Но хоть перед Господом предстанет человеком, а не скотиной!

Глава 9

Лоренцо

В пыточной было сыро и холодно. И в то же время душно. Вот как может такое быть?

Низкие своды, крохотные окошки, через которые свет не проникает, а скорее проползает внутрь, просачивается каплями. Факелы, разные пыточные приспособления, столы, стулья, колеса, козлы, инструменты, от одного вида которых у особо впечатлительных родимчик приключится.

И запах...

Крови, боли, страданий...

Лоренцо послушно дал пристегнуть себя к большой крестовине. Палач перебирал инструменты, а Лоренцо даже не волновался.

Он ни в чем не виноват. Так что все разъяснится.

Вот и какой-то чиновник. Мелкий, явно совсем не важный... сидит, смотрит...

– Здравствуйте, дан Феретти.

– Добрый день. Ньор?..

– Леоне. Адельмо Леоне, к вашим услугам.

– Не могу сказать, что счастлив знакомству при таких обстоятельствах. – Лоренцо выразительно пошевелил привязанными руками.

Ньор Леоне, пожилой мужчина лет шестидесяти, такой весь добродушный на вид, кругленький, сразу видно – опасный, словно кобра, улыбнулся в ответ.

– К нам редко попадают настолько спокойные люди, дан Феретти.

– Ньор, я не знаю за собой вины, вот и не беспокоюсь. – Лоренцо серьезно посмотрел на ньора. – В чем меня обвиняют?

Ньор Леоне посмотрел в карие глаза парня.

Вот убивайте, режьте, вешайте... что хотите с ним делайте! Но ньор Леоне всем чутьем ищейки, наработанным за сорок лет беспорочной службы, чувствовал: невиновен! Иной тут ангелом

светлым выглядит, но нутро ведь не обманешь! Так и поет оно: врут тебе! В глаза врут, нагло врут... еще и не краснеют. А тут парень уверен в себе и спокоен.

Почему?

– Дан Феретти, вас обвиняют в попытке убить короля.

Круглые глаза Лоренцо сказали ньору Леоне все, что он хотел узнать.

– А зачем мне его убивать?

И этот вопрос тоже... действительно – зачем?

– Если ее величество отдала вам приказ...

– Но я ее видел всегда при свидетелях. И никаких приказов она мне не отдавала.

Ньор Леоне покачал головой.

– Дан Феретти, вы сами понимаете... если вы не сознаетесь, я буду вынужден применить пытку.

– То есть вас вынудят, – понятиливо кивнул Лоренцо.

Ньор Леоне опустил глаза.

Ну... примерно так. И вынудят, и заставят... начальник прямо сказал: надо! И сейчас он превратит хорошего парня в воющий от боли кусок мяса. Чтобы заставить его солгать...

А не хочется...

Вот сволочью ньор Леоне отродясь не был.

– Дан Феретти...

Лоренцо покачал головой.

– Ньор Леоне, я сейчас попрошу вас об одной услуге. С вашего позволения...

– Слушаю вас, дан Феретти?

– Прикажите развязать мне одну руку и дайте что-нибудь... хоть нож, хоть гвоздь, хоть уголек...

– Вы хотите покончить с собой?

– Вам дать клятву по всей форме, что я так не поступлю?

– Дайте, – кивнул ньор. Выслушал клятву и кивнул палачу. – Отвяжи ему левую руку. Дай... ну хоть уголь. И побудь рядом.

Палач послушно подхватил щипцами горячий уголек из жаровни и передал Лоренцо. Дан Феретти, недолго думая, перехватил щипцы и приложил уголек к центру груди.

Мерзко зашипело.

Запахло паленой кожей.

Лоренцо продолжал улыбаться.

На арене приходилось терпеть еще и не такое. И натаскивал их Зеки-фрай качественно. Какое-то время он продержится... Энцо отнял уголек от груди.

– Убедитесь сами?

Ньор Леоне послушно подошел.

Ожог был настоящий, без волдырей, просто до живого мяса... а Лоренцо улыбался. Даже когда палач, недолго думая, ткнул в рану пальцем... дернулся, конечно, но не вскрикнул, и гримасы боли на его лице не было.

Улыбка. Даже жутковатая слегка.

– Д-дан Феретти...

– Вы можете меня убить в любой момент, ньор Леоне. Но... вы сами видите, как я отношусь к боли.

– Вижу.

Сейчас Лоренцо рисковал. Но Арайя же! Люди о соседнем-то городе иногда знают ничтожно мало, а о соседней стране в такие байки верят, что хоть ты падай! И морские змеи у них, и летучие драконы, и горящие птицы по небу летят...

Чего после третьей кружки не придумаешь!

– Я долго жил в Араие. И меня научили одному хитрому фокусу. Я могу умереть в любой момент.

И правда – мог. Откусить себе язык, захлебнуться кровью... один из гладиаторов рассказывал. Было и такое.

– И зачем вы мне это показали?

– Я не стану ничего подписывать. Болью вы меня ни к чему не вынудите. А начнете уродовать и ломать – попросту убью себя. Быстро и почти безболезненно. Я смогу.

– Это грех.

– А сломаться под пыткой и оговорить невинного человека – нет? Это будет не самоубийство, а жизнь, отданная за любимую. Это – не страшно.

Ньор Леоне задумался.

Патовая ситуация. Пытать... можно! Но бессмысленно. Убить можно. Но признания от этого все равно не будет.

Что остается?

Только поговорить с начальством.

Что ж, время себе дан Феретти этим выгадал. Но вот сколько? И что будет потом?

Ньор Леоне кивнул, подтверждая маленькую победу Лоренцо.

– Дан Феретти, я распоряжусь отвести вас в камеру. Пока... Что будет потом, я просто не знаю.

Лоренцо пожал плечами.

– Я тоже, ньор. Скажите, если меня спрашивают о королеве, значит... она тоже?

Тут уже ньор не выдаст никаких тайн.

– Его величество приказал поместить ее величество сюда же. В Воронью башню. Обвинение – покушение на короля.

– С моей помощью? Можете меня убить...

– Можем, дан Феретти. Можем. Только вот что это даст?

Лоренцо вздохнул.

– Ее... не тронули?

– Нет, дан Феретти.

Это хорошо.

Ньор Леоне прищурился.

– А если честно, дан? Что вас связывает с королевой? Не для протокола?

– Я ее просто люблю, – пожал плечами Лоренцо. – И об этом все знают.

Потому ты сюда и попал. Любил бы ты кого попроще...

Вслух, понятно, ньор Леоне этого не сказал. Распорядился отвести дана Феретти в камеру и пошел докладывать по команде. То есть своему начальству, а уж оно и выше пойдет...

И не видел, как в камере статуей отчаяния упал на солому Лоренцо.

Риен, Риен, любимая...

Что мне сделать, как тебе помочь?!

Ответа пока не было. Увы.

Мия

– Чего только не бывает в жизни...

Это печатный вариант, так-то Мия выразилась крепче и короче. И было отчего.

Как-то не ожидаешь получить себе на руки младенца – его высочество! Вот вообще никак не ожидаешь! Да и известия...

Мия ожидаемо не порадовалась.

Энцо в башне, и ему предъявлено обвинение в покушении на короля.

Адриенна арестована. Шум по городу уже пошел... его величество лично оттащил ее величество в Воронью башню и там заточил.

Обвинения? Как обычно, государственная тайна, то есть всем все известно. Адриенну обвиняют в покушении на короля. Мия едва не фыркнула.

Да уж хотела бы подруга... там бы и покушаться смысла не было. Прибила бы.

Но – Сибеллины.

Клятва ИМ крепче стали, но и ИХ клятва тоже должна быть такой. Сказано: честность, верность, супружество и вообще, в горе и радости. Адриенна сказала. И перед алтарем стояла добровольно, понимала, что происходит. И нарушить клятву не могла. Никак.

Если уж честно, Мия собиралась сделать подругу вдовой по личной инициативе. Понимала, что Адриенна никогда о таком не попросит. Будет годами терпеть паразита, страдать, но...

Чертовы. Клятвы.

В качестве доказательств – записи какой-то ведьмы... ну, тут Мия знала, чьи. Эданна Кавалли, эданна Дзанелла. И кое-что из лекарств, оставшееся от даны Кавалли. Это понятно. И все?

Вроде как показания дана Феретти... которых он так и не дал.

Покушения на короля с помощью волков, а эти волки вроде бы отлично понимают Адриенну, и она даже одного из зверей убила...

Короче, доказательств уйма! Хоть завались! И любой нормальный суд на этом основании королеву оправдает. Но! Опять-таки это гнусное слово из двух букв! Вот всего две буквы – и сколько от них проблем! Жуть же просто!

Дела о покушении на короля рассматриваются Советом Короны. То есть король, кардинал, канцлер, казначей, министр двора. Вот и весь списочный состав. Расширенный.

А по факту так уж повелось, что дела о покушении на короля отродясь рассматриваются самим королем. Часто даже в одиночку.

Ему предоставляют доказательства, и он решает, казнить или помиловать. Это же на него покушались...

В данном случае у кого-то есть сомнения? Филиппо и козу ангелом назовет, лишь бы убить супругу.

Вопрос на засыпку: Адриенну оправдают? Лоренцо оправдают?

Даже если бы из всех улик у Адриенны в комнате нашли одногодохлого таракана, так и тогда б сказали, что это волшебный таракан, что с его помощью можно перетравить половину Эрвлина и что он пожалован Адриенне лично Сатаной. За большие заслуги, значитца.

Мия это преотлично понимала. И на благородство Филиппо не надеялась.

Значит – что?

Надо вытаскивать подругу. И брата надо вытаскивать.

Она потеряла лоб... а вот дальше-то как? А вот пес его знает! Дан Пинна нужен. Никто другой дворец не знает так, как он. Зеки-фрай? Вот и отлично, у него своих двое, ну и тут... поедет как миленький, с детьми, никуда не денется.

Зеки-фрай и не упирался.

Зато взвился на дыбы Марио.

Адриенна в опасности?

Да он... да его... да сейчас...

Бушевал он недолго, минуты две. Потом Мия скрутила сопляка, настучала по буйной головушке для вразумления и внятно разъяснила, что лучше сама его прибьет. Так быстрее будет и проще.

И помешать он ей не сможет...

Еще она влюбленных дурачков не спасала... кстати, а как же Джулия?

Видимо, что-то такое было или в словах, или в голосе Мии, что Марио перекрестился, пробормотал молитву и извинился за свое непослушание.

Сказала дана Мия ехать? Он поедет! Даже вперед лошади побежит, если нужно! И детей сбережет! И доставит в лучшем виде, и все им расскажет. Вопросы?

Только один. Связь.

Тут уж задумалась и Мия. Вопрос связи... вот кто его знает, куда удерет с детьми Зеки-фрай? В какую щель забьется? Как поведут себя Лаццо? Что делать надо будет?

Впрочем, это она быстро решила. Чего тут связываться? По результатам драки останется или король, или королева. Если король – связываться с ним не надо, надо драпать. В Арайю. И побыстрее...

Если королева – с ней можно связаться. Тогда Зеки-фрай преспокойно возвращается в Эврону вместе с Лаццо. И все прекрасно.

Насколько можно доверять Лаццо? Хм... можно вообще не доверять. Целее будешь.

Зеки-фрай кивнул и понятливо принялся укладывать мешок с вещами для детей.

Мия подошла к малышам. Они лежали в одной большой колыбельке и... держались за ручки. Спали, сопели носиками и держались. И было видно, что это... осознанно, что ли? Мия попробовала расцепить маленькие пальчики, но куда там! Малышня запищала сквозь сон, и Мия решила этот опыт не повторять. Пусть спят.

Итак, на все про все у нее день-два. И именно это время где-то надо переждать Лаццо. Да и ей бы неплохо... хотя с ней ясно. В свой дом на Приречной она не пойдет, там место засвечено. Она пойдет в дом Джакомо.

Мия сидела над колыбелькой, гладила малышей по головкам и ревела, как последняя раскисшая сопля. Уж очень тоскливо и грустно было...

Вот так детей отправлять, от груди отлучать...

Знаешь что, Филиппо Эрвлин?

Я ведь с тебя и за это спрошу... жаль, у тебя не три жизни. Одной мне точно будет маловато.

* * *

Фредо Лаццо сомкнул перед собой кончики пальцев, побарабанил ими друг об друга. Мария отлично знала, что это означает.

Размышления.

Муж о чем-то думает... серьезном. Обычно она не лезла, но сейчас... сама о том же думала недавно. Так что... спросить стоит.

– Ты думаешь, не стоит ли сдаться королю?

Фредо поглядел на жену, а потом медленно кивнул. Что ж. В его возрасте не женятся только за сиськи или внешность. Хотя нет. Женятся. И потом до смерти за это расплачиваются.

Он в Марии разглядел не только бюст. О нет! Еще в женщине была этакая крестьянская, житейская сметка. Не хитрость, но практичность...

– Думаю.

– Я тоже об этом думала, – созналась Мария, опускаясь на колени возле кресла. – Решила, что не стоит.

– Почему? – Фредо и сам склонялся к этому решению, но почему так думает жена?

– Потому что благодарности ты от него не дождешься. А вот свидетелей он точно уберет. В таких делах у данов головы летят, а уж у нас-то...

С этим Фредо был согласен полностью. Умный купец в дела аристократов не полезет и вообще будет скромненько, тихонько, в тени... ни к чему ему такая известность. Нет, ни к чему.

– Насчет чернокнижия и месс Мия тоже не врет. Значит, и это тоже... с таким связаться – душу погубим.

Ну, насчет души был еще большой вопрос. Фредо хоть и верующим был, но дела и с чертями бы вел, если б платили. А вот другое...

Когда люди привыкают, что все остальные – это лишь жертва... вопрос! Сколько времени пройдет до того, как тебя положат на алтарь? Недолго, это уж точно.

– Согласен.

– И самое главное. Мы должны девочке, Фредо. Если бы не мы... точнее, если бы ты пригляделся, если бы я подумала... но я осознанно смотрела в другую сторону. Я не хотела в это влезать. И вот результат... Я тоже виновата перед Мией.

Этот довод и вовсе не остановил бы Фредо. Мало ли кто в чем виноват и перед кем... другое дело, что у Мии могут остаться связи среди городского дна. И она может ими воспользоваться...

Нет-нет, ему такого не надо. Себе дороже встанет.

Выход только один.

Прячемся на несколько дней, прячем детей, ну а там... дальше будет видно. Так что через два часа Лаццо всей толпой выехали из дома. С сестрами Мия так и не повидалась, резонно решив, что им такое ни к чему. Да и ей тоже.

Какая любовь? Какие чувства? Вы о чем?

Машина убийства возвращается и выходит на тропу охоты. Розарий, говорите, дан Иларио?

Отлично! Вперед! И горе тем, кто встанет на ее пути.

Адриенна

Пробуждение было не из приятных. Адриенна открыла глаза в комнате... да, сравнительно уютной. Но решетки на окнах.

И массивная дверь.

И кандалы... на запястьях у ее величества обнаружилось два массивных браслета, к которым прекрасно можно было пристегнуть цепочку. Правда, перстень остался на месте. И корона... не решились притронуться?

И правильно. Не стоит брать в руки некоторые вещи, если хочешь жить долго и счастливо.

Рядом кто-то есть? Да, вот эданна Сабина. Сидит рядом, вышивает что-то...

Адриенна пошевелилась, давая понять, что пришла в себя.

– Эданна?

– Ваше величество!

– Эданна Сабина, где я и что произошло?

Эданна отложила в сторону вышивание и доказала, что не зря была женой военного. Доложила она четко и понятно, без лишних эмоций.

– Его величество ударил вас, вы потеряли сознание, он приказал гвардейцам отнести вас в Воронью башню и лично сопроводил. Мне и фрейлинам разрешено остаться здесь с вами, ваше величество. Король решил обвинить вас в покушении на его жизнь. Вроде как собирается суд Короны, есть доказательства...

– Мой сын?

– Его не нашли.

Адриенна попробовала пошевелиться.

– Суд Короны? Король, кардинал, канцлер, кто там еще? Он уже был?

– Нет пока. Вроде как завтра с утра.

– Значит, послезавтра меня казнят, – спокойно произнесла Адриенна.

Она не паниковала, не истерила. В семнадцать лет... ладно, даже в восемнадцать в свою смерть верится с большим трудом. Ну и...

Ее обязательно спасут. Разве нет?

Спасут, конечно.

– Дан Феретти?

– Вроде как его показания против вас, что вы приказали ему убить короля...

– Глупости.

Эданна Сабина развела руками. Мол, за что купила...

Адриенна прикусила палец в раздумье.

– Господи помилуй, надеюсь, Энцо не пытали. Другим путем от него такое признание не получают.

Эданна Сабина молчала аж две минуты. А потом рискнула. Ну... любопытно же!

– Ваше величество! А вы и Лоренцо Феретти... я знаю, что у вас ничего не было, но...

– Что было? Ничего, просто я его люблю, – улыбнулась Адриенна, понимая, что глупо уже скрывать этот факт. Чем бы все ни закончилось, или она умрет – и тогда эта любовь уйдет вместе с ней, или она останется жива. Но овдовеет и можно будет ничего не скрывать.

Или – или.

Эданна понимающе кивнула. Любовь... оно так. Дело житейское. А что Лоренцо на год младше Адриенны... ну и что? Кто на такую ерунду вообще внимание обращает?^[9]

– Ваше величество, мне приказано доложить, когда вы придете в себя.

– Дайте мне водички и докладывайте, – согласилась Адриенна. И с громадным удовольствием припала губами к чаше.

Хорошо!

Ладно, за эту воду... пусть Филиппо умрет без мучений. Ну... почти, часика два она ему спишет.

Лоренцо

Когда дверь камеры открылась и вошел лично его величество, Лоренцо удостоил его одного короткого взгляда. И все.

Ни поклонов, ни приветствия... с какого перепуга? Эта тварь его сюда кинула, почти приговорила... Да не это главное! Этот урод решил поднять руку на Адриенну, а за такое...

Лоренцо зубами бы его загрыз. Да вот беда – цепи не позволяют.

И Филиппо предусмотрительно держится подальше от Феретти. Понимающий, гад!

Молчание было плотным, почти осязаемым.

– Поговорим? – предложил король, не дождавшись какой-то реакции на свой приход.

– Тебе надо – ты и говори, – не стал спорить Лоренцо.

Филиппо так удивился, что подавился слюной и закашлялся. Сразу диалог начать не вышло...

– Не боишься?

– Чего?

Филиппо задумался. А вот правда, чего должен бояться человек, уже приговоренный им к смерти?

– Смерти?

Лоренцо только оскалился. Ага, смерти! Ты бы выходил на Арену каждую декаду, а то и по два раза за декаду, мигом бы бояться отучился.

Филиппо понял, что это не в цель.

– Пыток?

– Умру, и все.

– Хм-м-м... а за Адриенну? Боишься?

Вот теперь Лоренцо встрепенулся.

– Риен? Что с ней?

Филиппо сделал шаг назад. Глаза пленника вдруг загорелись яркими золотыми огнями. Почти такими же, как... у его супруги?

Да, только у нее глаза синие. А тут – золото.

– Ты... ты такой же, как она?!

Лоренцо фыркнул.

– Нет. Я другой. Что с ней?

– Ничего. Завтра суд, послезавтра казнь, – вполне буднично ответил Филиппо.

– Суд? Казнь? Но за что?!

Филиппо только хмыкнул.

– За то, что она хотела меня убить.

– Но она же не хотела! – возмутился Лоренцо.

– Почему? Потому что ты не подписываешь признание? Так мне и не надо! Коронный суд – это три человека, кому и что я буду доказывать?

Лоренцо понял и зашипел сквозь зубы:

– За что?!

– За то, что она хочет себе мой трон. Хочет вернуть Сибеллинов.

– Нет, – уверенно сказал Лоренцо. – Не хочет и не хотела.

– Да неужели? – искренне удивился Филиппо, который был свято уверен в обратном.

– Она клятву давала. У алтаря. Ей нарушать никак нельзя.

Филиппо только плечами пожал. Если бы он все нарушенные клятвы припомнил... тут вспоминать – и то до утра!

– Она Сибеллин. Ей нельзя, – разъяснил Лоренцо. – Или молчи, или изворачивайся, но напрямую нельзя. А она тебе клялась у алтаря. Сама. По доброй воле, понимая, на что идет... она не сможет поднять на тебя руку.

Филиппо это не убедило. Вот еще... глупости какие!

– Убийцу наймет. И волки эти...

– Это вообще не она.

– Разумеется! А кто, Франческа?

Лоренцо утвердительно кивнул.

– Что твоя любовница участвует в черных мессах, Адриенна знала. И давно. Просто не лезла в это, ты ж все равно не поверишь.

Лицо Филиппо закаменело.

– Послезавтра ты тоже умрешь. Понял, тварь?

Лоренцо ехидно фыркнул.

– Правда глаза колет?

Что бы ответил король, неизвестно. Дверь распахнулась.

– Ваше величество, ее величество пришла в себя.

Филиппо одарил Лоренцо злым взглядом.

– Я бы тебя приказал пытаться сейчас. Чтобы ты на эшафоте уже был куском окровавленного мяса, воющего от боли. Но я вижу решение лучше. Сначала казнят тебя на глазах у моей жены, а потом ее. Тебе что нравится больше? Четвертование или колесование?

– Выбери для себя любую казнь, а я согласен на то, что останется, – галантно предложил Лоренцо.

Филиппо хлопнул дверью, но та была тяжелой и разбухшей от сырости, да и косяк тоже...

Какой уж тут эффектный уход? Пшик один...

Лоренцо прикрыл глаза.

Он допускал, что за ним могут наблюдать, и старался не показывать виду. Но на душе у него кошки скребли.

Дурак! Какой же он самонадеянный безрассудный дурак! Почему он так легкомысленно отнесся к аресту? Ведь мог же сбежать, вырваться, вытащить Адриенну...

Впрочем...

Шанс есть и сейчас.

По регламенту... хотя какая разница, где будет проводиться казнь? Если на глазах у Риен... ему достаточно одной капли чужой крови. А дальше...

Дальше его не остановят и десятком стрел. Спасти любимую он сможет, остальное – ерунда. Пусть убивают... лишь бы она жила.

Вопрос – капля крови.

Хотя и тут все понятно. Ему положено последнее желание? Только вот... как его сформулировать? Желая напиться кровушки человеческой?

Смешно...

Хотя... есть идея! Попросить поцелуй любой девушки, которая окажется рядом. И укусить... до крови. И все.

Дальше можно будет работать, его никакие цепи не удержат. Еще и оружием станут.

Это сейчас они неподъемные. А в том состоянии...

Он и Филиппо без усилий поднимет.

Как говорил дядюшка Джакомо: «Если вас обвинили незаслуженно – заслужите!» Ну... что ж! Твое величество так уверен,

что я мог бы тебя убить? Я тебя и убью... только приходи поглядеть на казнь! Получишь последнее удовольствие в этом мире!

Лоренцо лежал на соломе и прорабатывал разные планы действий.

Наверное, он не переживет этого самого послезавтра. Но у него будет достойная свита, это уж точно!

Адриенна

На мужа, который стоял на пороге комнаты, Адриенна смотрела равнодушно.

Как на дохлую кошку... Что-то сейчас с ее котом? Надо эданну спросить.

Кот занимал мысли Адриенны куда как больше супруга. А что? Умное и достойное животное, порядочное и воспитанное.

О супруге такого сказать нельзя. И вообще, чего животных-то оскорблять? Они хорошие.

– Где мой сын? – не стал церемониться Филиппо.

Адриенна ответила хоть и не по-королевски, но зато коротко и в рифму.

Филиппо побагровел.

– Издеваешься, тварь?

– Дражайший супруг, вы серьезно считаете, что я доверю своего сына идиоту, который не видит дальше своего носа? – В голосе Адриенны было столько удивления, что Филиппо даже обиделся.

Нет, ну что за свинство такое? Он тут король – или уже где?

– Я тебя прикажу пытать!

Адриенна даже плечами пожимать не стала.

– На здоровье. Ваше. Мое-то после родов еще не восстановилось. Помру, и нет проблем.

– Палачи у меня опытные... пропустят тебя по кругу раз десять...

– Начнется кровотечение, и вы его не остановите. Потому как изнутри, – спокойно сообщила Адриенна. – Помру или от кровопотери, или от болевого шока... долго ли?

– Не помрешь. Не получится...

Адриенна пожала плечами.

– Допустим. Тогда я просто солгу. Раз, второй, третий... рано или поздно палачи выбьют из меня правду, но уже не отличат ее от лжи. Вот и все...

Филиппо зашипел сквозь сжатые зубы. Можно ведь и так...

– Ты не понимаешь, что ты умрешь?! Кому будет нужен твой ублюдонок?!

– Это не ваше дело, – отрезала Адриенна. – И вообще, зачем вам мой сын?

– Это и мой сын!

– А-а... понятно. Вырастет он, так ему и скажете? Сыночек, я тут твою маму казнил немножко?

– Потому что она хотела меня убить!^[10]

Адриенна только вздохнула.

Хотела. И регулярно. И что?

– Хотеть можно чего угодно. Делать я для этого ничего не делала!

– У меня другие сведения!

– От кардинала? Который метит на ваш трон? Или эданны Франчески, которой я вообще поперек горла еще с первого раза? С первого моего приезда! Это ведь она подсунула моему отцу свою подругу, она пыталась меня убить, подсылала убийцу, наверняка она!

– Ческа такого сделать не могла! Она ангел!

– И до сих пор жива?

Адриенна поняла, что все бесполезно. Она просто не достучится до Филиппо. Слишком качественно его обработали.

Ты король, ты можешь, никто не смеет тебе противиться... понятно! А как насчет «ты король, ты должен»? Вот у его отца это было. А Филиппо...

Проклятие, последний ребенок, оберегаемый... ну, насколько получалось. Вот и результат. Хотя тут и любовь свое сыграла.

Любовь...

Одержимость, скорее. Но Адриенне ли судить? Ради Лоренцо она тоже на многое готова.

Филиппо стиснул кулаки.

– Издевайся, пока можешь, дрянь! Сына я найду. А даже если нет, проклятие все равно снято, Ческа мне новых детей нарожает!

Адриенна смотрела на стену.

– Пусть рожает. Если сможет.

– И твоего ублюдка я рано или поздно найду!

Адриенна безразлично пожала плечами. Говорить с Филиппо? С глупой куклой? Марионеткой? Нелепо и ненужно. Разве что...

– Передайте там, чтобы мне ночную вазу принесли.

Филиппо взревел и шарахнул дверью об косяк. И чем ему ночные вазы не угодили? Адриенна продолжила смотреть в стену.

– Мау.

– Нурик!

Кот запрыгнул на одеяло, потянулся и принялся от души мурчать и когтить его. А что?

Лапотерапия пополам с когтеукалыванием – отличная штука. От всего помогает. А от чего не поможет, о том просто забудешь.

Адриенна погладила его и улыбнулась. Она понимала, что это первый этап обработки. Что скоро последует второй. Но...

Сына она спасла. Мия за ним присмотрит. Проклятие снято.

А остальное...

Стена слабо засветилась. В комнате проявлялась Моргана.

* * *

Адриенна обрадовалась призраку как родной. Хотя почему как? Родная и есть.

– Бабушка!

Моргана улыбнулась, подмигнула Адриенне, а потом вдруг проскользнула сквозь стену. Вопль оттуда донесся такой, что даже королева слышала. И грохот. Кажется, кому-то не повезло?

Опасное это ремесло – соглядатай. Можно и того... окриветь. На оба глаза и сразу.

Моргана вернулась быстро. И улыбалась.

– Что там случилось?

– Да так... один несчастный упал неудачно. Кажется, что-то себе сильно переломал, – небрежно отмахнулась Моргана.

И пусть скажет спасибо, что не убили. А могли...

– Туда и дорога, – согласилась Адриенна.

Моргана медленно кивнула.

– Туда. Почему ты позволила себя арестовать?

– Лоренцо, – просто сказала Адриенна. – Да и куда я побегу?

Одного слова хватило. Моргана кивнула с пониманием. Любовь... такая штука. Если бы Адриенна сбежала... да и куда? Действительно – куда?

В СибЛевран? Больше-то некуда...

В Арайю? Нужна она там... в гареме.

А еще она давала слово и обязана его держать. Она вышла замуж, она подчиняется мужу, уважает его, они вместе и в горе, и в радости...

– Твоего сына вынесли из дворца. Он в безопасности. Лоренцо не пытали и не собираются.

Адриенна выдохнула.

– А ты жди.

Адриенна кивнула. Она даже не сомневалась, что Мия ее в беде не оставит. А муж...

Пошел последний отсчет. И кстати! В брачной клятве не было одной серьезной оговорки. Адриенна не клялась *не убивать*. Почитать, уважать, слушаться – было. Не убивать – не было! Упущение?

Замечательно!

Моргана удалилась. Адриенна еще раз подумала, что супруг ее – идиот. Воронья башня – последний оплот Сибеллинов, и ее заключают в эту башню, словно в тюрьму. Хотя... потайных ходов в этой комнате нет, выйти она не сможет...

А вот к ней могут прийти.

Долго и ждать не пришлось. Эданна Франческа заявиться не рискнула, а вот кардинал...

* * *

Адриенна была занята. Играла с котом, потому на вошедшего внимания почти не обратила. И здороваться не стала.

Дан Анджело некоторое время смотрел на нее сам.

Вот ведь...

Даже синяк на лице ее не портит. Легкая фигурка, словно сейчас оттолкнется ногой – и вспорхнет к потолку, тяжелая коса черных волос, синие глаза, прозрачная кожа...

Красавица. И этим все сказано.

– Адриенна, – тихо позвал он.

Королева даже головы не повернула.

– Ваше величество?

– Кардинал? Что вас привело ко мне? Желаете позлорадствовать?

– И это тоже, – согласился кардинал. – Может, не стоило мне отказываться?

– Если бы речь шла о выгребной яме, в которой мне надо спрятаться, я бы и не отказала, – согласилась Адриенна. – Но такое, как вы...

Брезгливое передергивание плечами было вполне отчетливым. И кардинал разозлился.

– Завтра суд. И послезавтра ты умрешь.

– Мы все когда-нибудь умрем, – согласилась Адриенна. – Мне проще. Проклятие снято, мой ребенок в безопасности.

– А твой любовник?

– Лоренцо никогда не был моим любовником. И мужу я не изменяла, – отрезала Адриенна.

Кардинал выдохнул. Вот... все он понимал. Но как-то это...

Вот что?!

Что такого есть у Лоренцо Феретти, чего нет у него?! Молодость? Красота?! Ну и дан Санторо себя не на помойке нашел! Но почему, почему никогда он не видел такого взгляда у Адриенны? Вот смотрит она на Феретти, и глаза у нее светятся. Не потусторонним светом, не силой, а просто она сияет. Любит и радуется, что любимый человек есть на земле.

А ему почему недодали такого?

Просто – почему?!

И это было откровенно обидно.

– Я еще раз повторю свое предложение. Если ты соглашаешься и приносишь мне клятву, я вытащу тебя отсюда. А через пару лет ты станешь опекуной своего сына на троне.

– А потом?

– Поженимся. Я найду способ.

Почему-то кардиналу хотелось эту женщину. Всю. От и до.

Чувства, разум, волю, душу... присвоить – и не отпускать!

Его и только его! Чтобы на него она так смотрела... она же способна на эти чувства, на такую любовь?! Почему и не к нему? Он

тоже этого заслуживает! Он может, может!!!

Адриенна покачала головой.

– Нет.

– Так хочется умереть? Знаешь, как это будет? За тобой придут с утра, на рассвете. Проведут по коридору во внутренний двор. Там священник примет твою исповедь, даст отпущение грехов, и ты пойдешь к эшафоту. И будешь смотреть, как умирает твой любовник. Знаешь, что такое колесование?

Адриенна невольно передернулась.

Знала. Страшная это казнь. Долгая и мучительная.

– Когда ему переломают все конечности, его поднимут так, чтобы он мог видеть, как тебе отрубят голову. А потом Феретти снимут с колеса и вспорют живот. Достанут внутренности и подожгут у него на глазах. И оставят так, чтобы он мучился и страдал.^[11]

Адриенна пожала плечами.

– Если я соглашусь, Лоренцо все равно ждет казнь?

– Да.

– Тогда не стоит тратить мое время. Я уже отказалась.

Анджело сжал кулаки. Сейчас уже не кардинал, просто мужчина. Оскорбленный отказом, разгневанный, униженный...

– Смерть с ним лучше жизни со мной?

– Именно.

Кровь вскипела, бросилась в голову, алым потоком заливая мысли, выпуская на свободу Зверя.

– Ну погоди ж ты!

Адриенну рванули за руку, притянули к мужскому телу, в рот впились жесткие губы...

Ровно на две секунды. А потом девушка принялась сопротивляться всерьез. Если бы мужчина этого ожидал, она бы не справилась. Но...

Острые зубы сомкнулись на нижней губе кардинала. Серьезно, это не любовный укус, это – отгрызть и оторвать. Каблучок изящной туфельки с силой опустился на подъем стопы. И в довершение всего...

– Уа-у-у-у-у-у-у!

Кошки... они такие кошки!

Кто сказал, что при коте можно безнаказанно поднимать руку на его хозяйку? И тем более хватать ее... А ряса – это не плотные штаны

и сапоги. Это мягкие дворцовые туфли и легкие шелковые брюки. Жарко же!

Шелк не стал преградой для кошачьих когтей. По одной ноге кардиналу прошлись каблуком, в другую впился кот, а когтей там восемнадцать. И клыков полный набор.

Его преосвященство отшатнулся – и вульгарно сел на задницу.

Адриенна брезгливо сплюнула кровь на пол. Хотела на пол, получилось на ясу. Это оказалось последней каплей...

– Убью-у-у-у-у! – взвыл несчастный, вылетая за дверь.

Ее величество только плечами пожала.

А что, раньше ее пряниками накормить хотели? Вот странные люди! Говоришь «нет» – не понимают. А потом еще и обижаются... на что?

Кот муркнул и потерся об ноги.

Адриенна подхватила зверя на руки и погладила мягкую черную шкурку.

– Защитник мой пушистый.

Кот согласно мяукнул и принялся вылизывать лапу.

Он такой!

Защитник, герой и просто красавец. А какой скромный и умный! Кстати, а обед тут дают? С мяу-у-у-усом? А то кардиналами сильно не пропитаешься. Не успел дичь закогтить, а она уже удрала... надо было добивать!

Мяу!

* * *

– Роза, ты слышала?

Ньора Анджели сплетни не слушала принципиально. Но...

– О чем?

– Говорят, королеву... того! Арестовали!

– За что? – ахнула ньора.

Если Филиппо и хотел что-то скрыть, то зря. Стража, фрейлины, слуги... через полчаса в курсе был весь дворец, а там новость и на улицы выплеснулась, стихийно обрастая подробностями.

– Так за дело! Говорят, она на короля покушалась, убить хотела!

– Да что ты!

– Да-да! Волков науськала...

Не то чтобы ньора Роза была за короля или за королеву. Такое вот мышление простого человека.

Филиппо? Адриенна? Да хоть бы и крокодил в короне, лишь бы репа росла, а рыба ловилась. Ну и болезней не было...

Так-то человеку мало надо. Чтобы его мирок не шатался. А уж что там в большом мире происходит... меня не трогают – и ладно!

– Ишь ты! А когда?

– Вроде как недавно...

Ньора Роза задумалась.

– Энто когда рожала? Или сразу после родов?

Торговка рыбой, у которой она выбирала жирную камбалу, задумчиво примолкла.

А и то правда...

Оно, конечно, после родов мужиков убить иногда хочется, но в том-то и дело, что сил нет. Рука не поднимается... в буквальном смысле. Просто падаешь, где стояла.

А тут хошь и королева, да все одно баба. И тоже после родов. И куда-то лезть? Не, не бабское это дело...

– Ну, не знаю...

– Зато я знаю, – отмахнулась ньора Роза. – Давно уж известно, что королю ее величество поперек шкуры, его отец жениться заставил. А так бы он на этой... Вилеци женился в радость! Небось она королеву и оговорила...

Ньора Роза говорила вроде бы негромко. Но...

Бывают такие слова, которые сказаны в удачном месте и в удачный момент. И – подхватило-понесло, закружило-завертело...

К сплетне добавились новые интересные детали.

А мнения уже делились поровну. Все же королеву ценили и уважали.

А вот эданну Франческу...

И почему народ так не любит тех, кто на нем верхом ездит? Прямо даже странно!

А когда в дело вступил Булка, подученный Мией, народ и вовсе уверился, что с королевой дело нечисто.

Оговорили страдалицу!

Вот как есть – оговорили!

Она-то как лучше хотела, и за народ, и праздник вон на день рождения принца устроили, и монет раздали, и налогов не поднимают...

А дальше-то что будет?

Ой, страшно...

И за что ж король ее так? Бедненькая королева...

Мия

Розарий Мию не впечатлил. Подумаешь, красота необыкновенная!
И черные розы кругом!

Ну розы...

Мия в этом отношении вообще была очень прагматична. Если эти розы можно применить в дело – пусть будут. Если нет – зачем они нужны? И без них неплохо живется!

Долго тут шляться вообще? Дел по горло!

Мия огляделась в сгущающихся сумерках, и тихо позвала:

– Моргана Сибеллин...

Моргана себя ждать не заставила. Перед Мией начал проявляться женский образ – и девушка невольно выдохнула.

Копия Адриенны. Только старше, а так... копия!

– Мия Феретти. – Моргана смотрела внимательно. – Порежь руку и урони несколько капель крови на землю.

Мия и спорить не стала. Разве что место выбрала на тыльной стороне кисти, так, чтобы не мешало двигать рукой. Алая жидкость впиталась под корни куста, словно и не бывало.

В ответ зашевелились плети черных роз, сильно запахло цветами, хотя под вечер бы им и закрыться. Но розы ни о чем не знали.

Они нагло цвели.

Дан Пинна благоразумно отошел в сторону. Понял, что некоторые вещи знать не стоит. Потом с ним поделятся, чем надо.

– Так... ты связана с потомками Диэрана Ветреного. – Моргана словно анализ проводила. – Ребенка родила, но пока еще в опасности.

– В опасности?

– Ты знаешь, чем вам грозит выпитая человеческая кровь?

Мия кивнула. И знала, и опасалась, и не хотела для себя такой судьбы. Только если придется...

– Знаю.

– Тебе надо выпить крови отца твоего ребенка. Это закрепит связь, и ты будешь меняться только по собственному желанию.

– А потом?

Моргана пожала плечами.

– Что – потом?

– Что делать с отцом ребенка?

Моргана развела руками.

– Ничего. Ты с ним ничего уже сделать не сможешь.

– Убить?

– Поднять на него руку в том числе. Для тебя он будет неприкасаем...

Мия кивнула. Она поняла, хотя и не обрадовалась. Ладно, это для нее. А Лоренцо всегда может порезать Демарко на мелкие колбаски за оскорбление сестрички. Так, к примеру.

– Только для меня?

– Если его убьет кто-то другой, ты не понесешь за это наказания. Но защищать все равно будешь, это в инстинктах...

Мия только вздохнула.

Ладно, она претотлично понимала создателей ее... рода. Действительно, такое выпускать без контроля... это озвереть надо. И лишиться всякого чувства самосохранения.

– А мстить?

– И это не исключено.

Лоренцо отпадает. Кого нам там не жалко? Ладно, потом придумаем...

– Я поняла. Я сделаю, и сегодня же. Что с Адриенной и моим братом?

Моргана вздохнула.

– Над Вороньей башней я властна. Ты сможешь пройти куда захочешь, сможешь их вывести.

Мия задумчиво кивнула.

– Это хорошо. Скажи... Адриенна меня ни о чем не просила. Но если я убью ее супруга?

– Ты не сможешь.

– Коронный суд. Король, кардинал, канцлер... ну и Франческа Вилеци – так, для комплекта?

Моргана задумалась.

– Я примерно представляю твои способности, Мия. Но ведь смысл не в этом... если Адриенна сядет на трон... она потом не отмоется...

Мия задумалась.

Действительно, дело-то еще и в легитимности. Вот сами представляйте: король посадил королеву в тюрьму за покушение на свою особу, а на следующую ночь и умер.

И кардинал.

И кто там еще...

Ну, во-первых, это не так легко – их всех перебить. Во-вторых, не так быстро. Дан Пинна уже сказал, что кардинал ночует не во дворце, а у себя. А в его дом тоже пройти надо. И убить... и, надо полагать, там охрана. И короля охраняют.

Это уже в-третьих.

Мия может быть ранена. Это в-четвертых. Она же одна! И метаморфозы...

– Ко мне скоро вернутся мои способности?

– Ты имеешь в виду трансформы?

– Да.

– Или постепенно, в течение девяти месяцев, или сразу. Если пройдешь привязку.

Мия вздохнула.

– Ладно. Тогда начнем с Демарко. А вот потом... как лучше сделать, чтобы Адриенна не боролась все время с бунтами и восстаниями...

Моргана хитро улыбнулась.

– Есть одна идея...

Женщина и коварство?

О да! И состояние тут совершенно не важно. Хоть ты призрак, хоть ты кто... две интриганки увлеченно разрабатывали план действий.

Адриенна

– Милый, ты был великолепен!

Эданна Франческа уже несколько раз доказала королю, что лучше его на свете никого нет, и мужчина отдыхал, попивая охлажденное вино и любуясь обнаженной красавицей!

А что!

И чувствуешь себя героем, когда такими глазами смотрит любимая женщина!

Кстати говоря...

– Ческа, ты выйдешь за меня замуж?

– О, любимый!!!

Восторг эданна перехлестывал за все края. И такая мелочь, как наличие у любовника законной жены и неизвестно где находящегося ребенка, ее совершенно не останавливала. Разве что...

– Милый, а не будет проблем... ну, с малышом?

– Я думал об этом. Но проклятие снято, Адриенна сама об этом сказала. И кардинал. То есть... ребенок не обязательно должен быть наследником. Пусть будет где есть... а мы просто возьмем малыша, кардинал обещал найти какого-нибудь сиротку... ну, лет через пять он помрет. Или даже раньше, дети такие хрупкие. А ты мне родишь наших детей. И первенец сядет на трон. Наш с тобой сын. Наш малыш.

– А...

– Проклятие снято. Необязательно, чтобы потомок общей крови сажился на трон и правил, хватит, чтобы он был.

Ческа заулыбалась.

Ну, если любимый говорит, значит, так оно и есть.

И потом, люди так охотно верят в то, что им нравится! Ческа и верила! А если что... любые проблемы решатся с помощью жертвоприношения. Она уже к этому привыкла.

– Любимый... а Адриенна?

– Завтра суд. Приговор тебе известен. И... думаю, через год примерно мы поженимся. Надо бы раньше, но есть установленный срок траура.

– А у тебя не будет проблем после казни?

Филиппо пожал плечами.

– Не думаю.

Он и правда так не думал. Ну кто такая Адриенна СибЛевран? То есть понятно, что Сибеллин, но – и дальше? Чего стоит древняя кровь,

если у тебя нет денег, земель, связей, в конце концов, могущественных союзников? Если за тобой никто не стоит?

То, что Адриенна работала все это время, он в расчет не принимал. То, что дворянство приняло ее благожелательно, – тоже. Причем не все подряд дворяне, а именно те, кто что-то делал и сам. Канцлер, казначей, министр двора, те придворные, кто не попусту прожигал жизнь... даже реакция фрейлин была очень показательна.

Адриенну уважали.

Простонародье и вовсе ее любило. Королева из захолустья... это так романтично! Да и Филиппо Третий постарался. Это его сын просто был не в курсе, а старый король содержал несколько сотен бродячих трупп.

Как содержал?

Подкидывал денег, чтобы те пели нужные песни, показывали правильные спектакли и сценки, запускали сплетни, собирали их... Адриенна в свое время восхищалась простотой и красотой замысла. Действительно, такие труппы по всему Эрвлину ходят, и к соседям тоже. И обходятся недорого, и пользу приносят немалую.

Вот и ее представили как королеву из глуши, бедняжку, которая нашла корону и свое счастье. Принцип «кто был ничем, тот станет всем» еще не был сформулирован, но на умы он влиял в любое время. Халява же!

Хочется! И побольше, побольше, и повкуснее...

Но кого волнует мнение быдла?

Королева покушалась на жизнь короля, королева будет казнена. Чего им еще надо?

А Ческу полюбят все! Разве ее можно не любить? Так не бывает...

Сын? У мужчин немного иное отношение к детям. И далеко не все, взяв на руки пищащий комочек, тут же начинают его любить и ценить. Скорее, наоборот. Это вариант для женщин. А мужчины сыновей любят уже потом. Когда те вырастают, начинают улыбаться, разговаривать, становятся личностями... у Филиппо так и получилось. А то еще и отношение к матери переносят на детей.

Родился ребенок не от той женщины? Ну и все, нечего его любить, он неудачный. Вот другая бы мне о-го-го какого родила бы! А этот... неудачный! И шесть языков не выучил сразу после рождения, и в три года еще на коня не садится, и меч не держит, и вообще... нет, не то!

Филиппо был решительно настроен на новую жизнь, счастливую и радостную. А что?

Он король!

Он может!

И все будут вынуждены повиноваться его воле! Это же логично и естественно! Он же король! Как прикажет, так и будет...

И Филиппо поманил к себе Ческу. Доказывать пока ничего не хотелось, но обнимать любимую женщину – это тоже удовольствие. И спать рядом с ней – тоже.

Вот и займемся.

Мия

Баттистина скандалила.

Нет, ну что это такое, в самом деле?!

У нее всего восемнадцать платьев! Новых, понятно...

Старые есть, но кто же ходит в старых платьях? И ко двору она до сих пор не представлена! И... и вообще!

Вот у Нинетты есть алмазная нить для волос, а у нее нет! У Лири есть собственный выезд четверкой лошадей, и они подобраны в один тон, и карета обита синей кожей, и внутри обивка из синего бархата... и даже гвоздики золоченые!

А у нее – НЕТ!!!

Муж обязан ей это все обеспечить! Что тут непонятного?!

Муж! Обязан!

А если он думает иначе, надо ему выгрызть мозг и скушать печень. И пусть вынет и положит! Где? А где захочет, там пусть деньги и достает! Ясно же все!

На пол полетела одна ваза, вторая...

Рикардо едва сдерживался, чтобы не ответить резко. Он понимал, что надолго его не хватит. Дан Андреоли оказался отвратительно неуступчивым и вообще неправильным отцом. Он должен был выдать Рикардо приданое, пожать руку, а то и у себя пригласить жить! Это же нормально!

Вот для кого он деньги копит?!

Все равно все Тине достанется... ладно, какая-то часть. И чего на них сидеть, как дракон на золоте? Зад отращивать?

Зачем Рикардо деньги через сорок лет? Он молодой, ему сейчас жить надо!

Баттистина грохнула об пол еще одну вазу.

– Или ты делаешь, что я скажу, или я... я буду спать отдельно!

И дверь хлопнула.

Рикардо застонал, схватившись за голову.

Вот как, как тут быть? И что делать? Опять идти на поклон к тестю? Или...

Негромкие аплодисменты разорвали серую пелену отчаяния и безнадежности. На окне, свободно свесив ногу и подогнув другое колено, в простом мужском дублете и штанах, сидела... Мия!

* * *

Рикардо смотрел – и не верил своим глазам.

Любовница стала еще красивее после родов, если это вообще было возможно. Сияли золотом волосы, улыбались алые губы, посмеивались глаза...

Роды совершенно не сказались на ее фигуре – повезло. И Мия спокойно затягивала на талии широкий пояс и носила те же наряды, что и до родов.

– Какое представление! Какая экспрессия, сколько чувства! У тебя чертовски темпераментная жена, милый.

– Мия...

Она чуть склонила голову, соглашаясь. Да, это я, дорогой. Ты же не против? Вот и замечательно...

– Поставлю тебя в известность. У тебя дочь. Эванджелина.

– Эванджелина, – выдохнул Рикардо.

Вот ведь и как бывает...

Не думал, не гадал, не писал... и только сейчас осознал, что именно потерял. Не просто красивую любовницу, нет. Умную и яркую, смелую и честную женщину, которая готова была встать с ним спина к спине против целого мира, которая учитывала его интересы.

Которая... да черт побери!

Которая любила его! По-настоящему.

И он все это разменял на Баттистину. Нравится, не нравится... женился, и вот она – его судьба! Ссоры, скандалы, разбитые вазы. А где-то там живет его дочка. Его Эванджелина...

– Ты мне разрешишь взглянуть на малышку? – выдавил он.

Мия пожала плечами. Легко спрыгнула с подоконника, потянувшись, показывая фигурку. Да, провокация. А кто сказал, что она будет играть честно? Она уже пробовала...

Она почти все сказала Рикардо, она была с ним такой, какая есть, она готова была ему отдать все. Но Мия ему была не нужна. Деньги, связи, положение в обществе, двор...

Что ж. Их он и получил... нет? А как продавался! Просто прелесть!

– Твоя жена не будет против?

Рикардо вздохнул. Опустил голову, несколько минут смотрел на сапоги, но, кроме царапины на одном из них, ничего хорошего не увидел.

Или наоборот?

Пока Мия жила с ним, его сапоги блестели, одежда была вычищена и наглажена, его всегда ждал вкусный ужин и постель. И его слушали, любили, ценили...

А сейчас? Баттистине есть дело только до нее самой. И точка.

Вот эта царапина и оказалась последней каплей. Рикардо сделал шаг вперед.

– Прости меня, Мия. Милая, я так ошибся... я таким идиотом был! Все я понимаю, что не заслуживаю, и что ты можешь мне ее не показывать, и... Я дурак, правда! Но можно я все-таки признаю нашу дочку?

И Мия дрогнула.

Чудовище не умеет любить?

Ошибаетесь, очень часто не умеют любить как раз красавцы и красавицы. У них зеркала вместо сердец, и там есть только их образ, только их отражение. А чудовище...

Пусть Мия убивала легче, чем одуванчики срывала, сердце в ее груди было живым и горячим.

И... она так об этом мечтала!

Рикардо сказал именно то, что было нужно здесь и сейчас. И то, и так...

И Мия не выдержала.

– Конечно, можно... Ох, Рик!

Большого Рикардо и нужно не было. Он шагнул вперед, сгреб Мию в охапку, подхватил, закружил по комнате...

– Счастье мое!!!

Оказывается, оно у него было – счастье. А он искал, думал...

Хорошо хоть сейчас понял. И это тоже счастье!

* * *

Баттистина напряженно прислушивалась.

По ее расчетам сейчас муж должен был переживать и мучиться. А потом... Потом он придет к ней и извинится. И пообещает ей... Что же лучше выбрать?

Алмазную нить или карету?

Хм-м... алмазы ей не подойдут. В черных волосах лучше будут смотреться рубины, наверное. Или сапфиры?

Надо посмотреть, поговорить с ювелирами, опять же подобрать камни, чтобы эти завистливые дурехи с ума сошли. А вот карета...

Карету можно заказать мастеру уже сейчас.

И, кстати, сделать ее из дорогих пород дерева. Может, палисандр... или еще что-то? И гвоздики не позолоченные, а золотые!

Это вопрос серьезный, он размышлений требует...

Не поняла?

А что это такое?

Шум какой-то странный... Баттистина готова была поклясться, что это смех!

Смех?!

Но... как?! И кто?!

Она медленно вышла из комнаты, спустилась по лестнице, подошла к дверям гостиной...

– Мия, милая, люблю, люблю тебя...

Голос Рикардо.

А кто...

Одного взгляда Баттистине хватило. Ее муж стоял посреди комнаты и целовал какую-то...

Да, вот именно, что какую-то! Лица девки Баттистина не видела, только перехваченный лентой каскад золотых локонов, сбегаящий по узкой женской спине.

Зато она видела лицо Рикардо.

И этого ей хватило с лихвой...

Никогда, даже на их свадьбе, не было у него такого выражения лица. Вот сейчас-то Баттистина и поняла разницу между настоящим счастьем и сыгранным. Когда врут ради чего-то там – и когда просто счастливы... и глаза у него сияют. По-настоящему светятся, словно два солнышка...

Баттистина отступила на шаг от двери гостиной, огляделась...

Подойдет!

На глаза ей попался кинжал, висящий на стене в качестве украшения. Арайский, острый, кривой... и вполне рабочий. Незаточенного оружия в доме Рикардо не признавал.

Тем лучше для нее. И хуже для него.

Баттистина медленно вытянула кинжал из ножен.

Сейчас, вот уже сейчас...

* * *

Мия довольно улыбалась про себя.

Поцелуй вышел до крови, до боли... у нее губа точно лопнула, и Рикардо почувствовал привкус ее крови. Но и Мия, словно в порыве страсти, куснула его за губу. Тут же зализала ранку, но и этого было достаточно.

Что там той крови нужно? Пару капель!

И это получилось.

Мия не знала, что чувствует Рикардо, а она... у нее словно крылья выросли. Незримый ветер ударил ей в спину, подхватил, понес в небеса, туда, где есть только птицы и облака... и их души.

Или душа?

Одна на двоих?

Здесь и сейчас Мия была счастлива. Счастлива настолько, что не заметила, как открылась дверь, не услышала шагов, не среагировала...

Зато все увидел Рикардо.

Баттистина ворвалась в комнату вихрем.

Пролетела несколько шагов, и в руке у нее занесенный кинжал... ничего-то Рик не успевал. Ни отбросить от себя Мию, ни защититься, только одно.

И одного движения ему хватило...

Развернуться так, чтобы клинок ударил в его спину. Не в ее...

И почувствовать холод.

Страшный, смертный, леденящий... жутковатый... или нет?

Ведь она рядом, и крылья у них на двоих, и небо... есть только небо, и ветер, и они вдвоем...

– Мия, – тихо шепнул Рикардо, сползая в руках любимой девушки. А больше он ничего сказать и не успел. Попросту не смог... разве докричишься из поднебесья?

Потомок Диэрана Ветреного поймал свой восходящий поток – и понесся по нему, отрываясь от земли. Все выше, и выше, и еще выше...

Мие потребовалось меньше секунды, чтобы осознать, что происходит.

Только что. Вот только что они с Рикардо целовались, а в следующую секунду он резко разворачивается, и закрывает ее собой. И тело его становится каменно тяжелым... и она понимает, что это значит...

Любимый мужчина оседает в ее руках, оседает... и она видит искаженное яростью женское лицо.

Баттистина ударила бы, да вот беда: кинжал застрял в спине Рикардо. Поэтому на Мию она кинулась уже с голыми руками.

Зря.

Одного точного удара по шее ей хватило, чтобы согнуться вдвое, закашляться, хватая ставший вдруг колючим воздух...

Мия убила бы ее. Но... слишком легко.

Слишком быстро. Она не заслуживает такой радости, это уж точно... и второй удар был нанесен в челюсть.

Баттистина осела на пол, словно подкошенная. Мия быстро скрутила ее руки за спиной своим поясом, опустила на пол рядом с

Рикардо.

Поздно.

Непоправимо поздно.

Черт ее знает, куда целилась эта дура... хотя куда – понятно. И в кого – тоже. Если бы Рикардо не развернулся... не закрыл Мию собой... если бы.

Если бы даже Баттистина хотела убить, она не ударила бы так точно, под левую лопатку, снизу вверх... Рикардо и почувствовать ничего не успел.

Сразу умер.

Мия коснулась губ.

Кровь...

Его? Ее? Уже не важно.

Чудовище, созданное Джакомо Феретти, сидело и плакало над телом красавца, над связанной красавицей... все равно никто не видит. Слуг Баттистина сама удалила, не желая скандалить у них на глазах, все по заветам матери. Вот и...

Мия тихо и горько плакала.

Она не знала, простила бы она Рикардо или нет, признал бы он Эви или нет, как вообще сложилась бы их жизнь. Ей просто было очень и очень больно.

И она сидела и плакала... только не очень долго. Не получилось у нее больше.

Не было слез. Совсем не было. И времени тоже не было. Надо спасать брата. И подругу, которая стала ей дороже сестры. И себя тоже...

Мия встала и потянулась. А потом вытянула перед собой руку.

– Ну-ка...

Из пальцев вылетели острые и длинные когти. Вернулись обратно.

Рука трансформировалась в звериную лапу, и снова стала человеческой рукой... и было это так легко... до родов так не было. Там она силы тратила, мучилась. А сейчас легко перетекала из одной формы в другую. И знала, что может удерживать их сколько пожелает.

Какая прелесть!

Рик, ну какой же ты дурачок... Зачем ты только выбрал вот эту...

Мия смахнула с глаз последнюю слезинку.

Довольно! Нет времени жалеть о мертвых, надо спасать живых. Но что делать с этой?

Хм...

Мия подумала еще секунду, увязала Баттистину покрепче и заткнула ей рот.

Возьмем с собой. Вдруг для чего и пригодится? Есть тут идеи...

* * *

– Дана Мия? Кто это?

Дан Иларио искренне удивился, глядя на увязанное в плащ тело, которое Мия без особых усилий волокла на плечах. Да, сильнее она тоже стала. Баттистина не была тростиночкой, но Мия легко ее подняла. И осознавала, что могла бы...

Да, она могла бы вырвать ей сердце голой рукой. Впрочем, она еще может это сделать. Позднее...

Сейчас и некогда, и карету угваздаешь, и руки не ототрешь...

– Едем ко дворцу, дан Пинна.

Иларио кивнул.

Собственно, план был прост. Для начала Мия хотела вытащить из Вороньей башни узников. Потом перебить короля, кардинала... ну, еще кого там?

Вот кого понадобится, того и убьем! Чего их, гадов, жалеть?

– Это... реквизит, – нашла подходящее слово Мия. – Едем, дан Пинна...

Карета загрохотала колесами по мостовой. Кажется, Баттистина очнулась, но Мия ее слушать не стала. Поставила ноги, чтобы было удобнее.

– Иларио... можно так?

– Конечно, Мия.

– В башню я пойду одна. Если через три часа не вернусь, уезжайте.

– Хорошо. А с этой... что?

– Остановитесь у реки и выкиньте в воду. Прямо так.

– Она же утонет...

– В этом и весь смысл, – согласилась Мия.

Баттистина явно была против, но пинок в голову угомонил ее. А нечего тут!

Смерти любимого человека Мия прощать не собиралась никому. Несправедливо? А вы сходите в храм, пожалуйста. Может, чего и ответят? Она тоже не много справедливости в жизни видела. И живет. И умерла бы сегодня.

Так что...

Никаких помилований. Вперед, и только вперед.

* * *

Моргана возникла сразу же, как только Мия оказалась на территории розария.

– Ты пришла!

– Ты во мне сомневалась? – даже слегка обиделась дана Феретти.

Моргана фыркнула.

– Вот еще. Но... у нас проблемы.

– Какие?

– Серьезные, – погрузилась Моргана. – Я могу пройти к Адриенне, но она не сможет выйти из комнаты. Скорее всего. Там нет потайных ходов, и часовые... их слишком много.

– Сколько?

– Минимум пятьдесят человек.

Мстительный кардинал просто набил башню стражей. Именно там, где находилась королева, другие узники его не интересовали.

– Лоренцо? – Мия предпочитала решать задачи по очереди.

– Идем. Начнем с него, – согласилась Моргана.

И Мия последовала за призраком.

* * *

Единственной мыслью Мии было – раньше бы! Ей бы такую напарницу, они бы всех за пояс заткнули! Это ж сокровище, а не помощница!

Моргана шла впереди, если можно так говорить о призраке, видела все засады и предупреждала Мию.

Налево. Два человека.

Направо. Стражник... да, был стражник.

Прямо, потом опять налево и снова налево. И тут еще два стражника...

Мия не считала. Она просто убивала. Наносила удары, потом проводила контроль, то есть добивала «мертвые тела» в глаз или в горло. А кто их знает?

Может, не добила...

Джакомо рассказывал, был случай, когда убийца так погиб. У клиента сердце оказалось справа, а наемник не добил «мертвеца», чем тот преотлично воспользовался.

Так что Мия убеждалась в смерти стражников и только потом шла дальше.

Поворот, еще один...

Камера.

– Энцо?

Другого приглашения Лоренцо и не потребовалось.

– Мия?

Лязгнул замок. С отмычками Мия дружила давно, с тех самых двенадцати лет.

– Руки протяни.

Кандалы упали на пол. Лоренцо крепко обнял сестру, прижал на миг так, что она даже дышать не смогла, – и тут же отстранился.

– Риен?

– Сейчас вы не сможете ничего сделать, – жестко отрезала Моргана. – Там стража на каждом шагу, поднимется шум... и я знаю, ее приказали убить, если она решится бежать.

– Если мы быстро придем, никто уже Адриенну убить не успеет. Сможем?

– Не получится, – виновато поникла Моргана. – Очень уж неудачное место. А камни двигать я не могу. И новый проход в стене вам не открою... не сумею.

– М-да...

– Вы пойдете, поднимете шум – и ее убьют. Сразу же. Так приказано.

Мие потребовалось меньше трех секунд, чтобы сложить картинку.

– Кардинал?

– Адриенна ему в очередной раз отказала, – кивнула Моргана. – А кот еще и когтями подрал.

Мия тоскливо вздохнула.

Ну почему, почему она не могла быть на месте кота? Он-то, бедолага, до горла не допрыгнет, а ей бы и прыгать не пришлось!

Лоренцо такие мелочи не интересовали.

– Что мы можем сделать?

– Только бежать. Адриенну пытаться не рискнуть, а вот тебя...

Мия кивнула.

– Я поняла. Я постараюсь что-нибудь придумать.

– Я тоже, – кивнула Моргана. – Сегодня Адриенна в безопасности, до следующей ночи время есть.

– Завтра ночью я опять приду в розарий, – кивнула Мия.

Моргана к чему-то прислушалась.

– Идите. Скорее, в потайной ход. Одного из стражников уже обнаружили, сейчас пробиваться придется...

Мия чертыхнулась – и последовала за Морганой.

Адриенну они вытащат. Но потом, позднее... сию секунду не получится.

* * *

Зеки-фрай не отходил от колыбели с детьми.

Вот не радовало его происходящее вокруг. Волки воют, народ нервничает... кто с волком сталкивался, знает: эта животное умная и предприимчивая. И в дом она спокойно заберется. И в хлеву скотину порежет.

А тут все же караван, лучше от детей не отходить... выехали-то в обед. И доехать хотели засветло. Но не получилось.

Сначала одна из лошадей захромала, потом у телеги ось слетела... до нужного места еще час ехать, а уже темнеет.

А волки воют.

– Салих, Фатих, достаньте оружие, – приказал детям бывший ланиста. – И готовьтесь, если что...

Парни молча полезли за саблями и кинжалами.

Чутье не подвело Зеки-фрай. Волки напали стаей в двенадцать голов.

Молча и быстро.

Вожак первым вцепился в глотку одного из коней, благородное животное заржало и упало.

Люди хватали, что под руку подвернется, пытались отбиваться...

Зеки-фрай лично развалил одного волка, второй повалил Салиха, на помощь брату кинулся Фатих. Волк весит не меньше десятилетнего мальчишки, вот и получилось, что ударить-то парень ударил, но и сам не удержался на ногах.

Началась даже не битва – свалка.

Из леса волчьей песней подхватывали новые голоса...

Двенадцать?

Или это был авангард?

Зеки-фрай отмахнулся еще от одного волка, стиснул зубы... он бы попробовал взять лошадь, пробиться вперед, ускакать, но с тремя грудными детьми?

Нереально...

Прости, Энцо...

Единственное, что я могу сделать для тебя – лечь первым. Волки пройдут к твоим... да, твоим детям только через мой труп!

За его спиной визжала кормилица, прижимая к себе Дженнаро... именно он оказался у нее на руках в момент нападения.

Малыши – Чезаре и Эванджелина – оказались предоставлены сами себе.

И...

Маленькие пальчики сцепились.

Синие глаза встретились с золотыми.

А потом произошло... нечто. Зеки-фрай так и не понял, что именно, кормилица была слишком занята – визжала, да и мальчишкам не до того было.

Но выглядело это как сплошная волна сине-золотого света.

Она ударила из колыбели, осветила поле битвы, промчалась по лесу и сгнула.

А вместе с ней...

Словно на какое-то время оборвали свой поводок волки. Конец лета – время, когда в лесу сытно и хорошо, нет надобности нападать на людей. Они бы и не напали, но приказ гнал их вперед.

А дети...

Древняя кровь – это не просто так. Ощутить опасность может даже младенец. И пожелать, чтобы ее не было...

Синие глаза встречаются с карими.

Повелитель и защитник. Сила и клинок. Но что могут дети?

Только одно.

Захотеть, чтобы вот то злое, черное, гадкое, которое разливается вокруг, убралось!

Сибеллины, даже маленькие, – солнце и свет. А с защитником их сила удваивается и утраивается. И проклятие снято. Разве есть какие-то ограничения? Даже маленькие дети умеют и любить, и согреть одним своим присутствием, и тревожиться...

И этого хватило.

Ненадолго, но связь между волками и кукловодом оказалась разорвана. А в столице в своем роскошном доме скорчился от боли кардинал Санторо.

Как?!

Что случилось?!

Кто?!

Неужели еще один?! Еще кто-то древней крови?

Про малыша Чезаре он и не подумал – с чего бы? Ему и в голову такое не пришло. А вот в чужака... но если кто-то древней крови появился в королевстве, значит...

Значит – что?

Нужно защищаться.

Послушные воле хозяина, к поместью кардинала стягивались волки.

* * *

– У нас проблемы. – Мия сдвинула брови.

Не то чтобы она боялась волков, но как-то это много на двоих метаморфов? Мимо них уже штук двадцать пробежало.

В другое время волки могли бы и напасть. Но сейчас у них был другой приказ. Защищать хозяина. Пока Мия и Лоренцо ему не угрожали, волки и не обращали на них внимания. Но брат с сестрой понимали, что это очень временно.

– Здесь мы его не достанем, – горько признала Мия. – И скоро утро...

– Суд, – выдохнул Лоренцо.

Мия кивнула.

– Да... поехали домой. Нам надо чуток поспать и подготовиться. До вечера мы эту тварь достанем. И Ческу тоже. И короля...

– Думаешь, справимся?

Мия уверенно кивнула.

– Справлюсь. Никуда эти твари не денутся. Но пока – отдых.

Энцо пару минут подумал и кивнул.

– Куда мы едем?

– В дом Джакомо. Лаццо по моей просьбе отослал оттуда слуг, нас там никто не потревожит хотя бы сутки. А потом это будет уже не важно.

Лоренцо кивнул еще раз.

Да, не важно...

Казнят обычно на рассвете, таков обычай. Если Адриенну осудят сегодня, то казнят завтра. А значит, следующая ночь будет решающей. И им нужно отдохнуть.

– Жаль, я не смогу менять облик.

– Зато сможете с Риен детей иметь.

– Думаешь?

– Уверена, – кивнула Мия. – Я много чего узнала за это время. Я тебе потом расскажу.

Лоренцо кивнул.

– Хорошо. Поехали отлеживаться. У нас будет сложный вечер, да и ночь... тоже.

– Ничего, – хихикнула Мия. – Результат того стоит.

И Энцо с ней был совершенно согласен.

Глава 10

Дом Джакомо Феретти...

Мия едва не расплакалась. Вовремя списала все на нервы, нервы, опять же после родов... ее тонкая натура и душевная организация...

Сколько она тут пережила...

Сколько передумала, переделала!

И ведь ничего не изменилось! И кресло стоит у камина, и трубки лежат, и поставец с двумя бутылками вина – красного и белого, на выбор... и ковер тот же... разве что запах другой.

Нежилой дом пахнет пылью и грустью.

Мия провела рукой по столу.

Слуги смотрели за домом, все чисто, но дом грустил...

Ах, дядюшка! Ну что вам не жилось спокойно? Зачем надо было выдавать замуж Рени?

Энцо вошел вслед за Мией, сгрузил в угол связанную Баттистину.

– Давно я тут не был. Кажется, в другой жизни...

Мия кивнула.

– Да, давно... Интересно, на кухне хоть что-то покушать есть?

– Сейчас проверю.

Лоренцо отправился проверять, дан Иларио возился пока с лошадьми, а Мия...

Мия подошла к камину.

Был у Джакомо тайник, о котором знали она, он и Комар.

Интересно... есть там что-то?

Рука привычно скользнула в камин, нащупала нужный камень облицовки, повернула, потянула...

Одна из плиток отошла.

И Мия увидела небольшую шкатулку. Почти как ту, которую видела в банке.

Комар?

Пары минут хватило, чтобы в этом убедиться.

Ах, дядя-дядя...

Мия ни о чем не жалела. Но больно ей все равно было. Увы... впрочем, долго ей предаваться тоске и унынию просто не дали.

- Дана Мия!
- Что не так, дан Иларио?
- А что делать вот с этой даной?

Баттистина уже пришла в себя. И выражала свой протест активным мычанием.

Где это видано? Чтобы благородную дану... Да что там – дану?! Чтобы ЕЕ! Чтобы с НЕЙ так поступили!

Это ж ужас кошмарный! Непреходящий!

Мия с отвращением оглядела сверток. Хотела пнуть, потом побрезговала обувь пачкать: Баттистина была связана уже несколько часов и... не утерпела. Такая вот неароматная правда жизни.

Или надеялась, что ее убивать побрезгуют?

Сама не побрезговала...

– Дан Иларио, пусть полежит пока здесь, – попросила Мия. – Я сейчас не могу ей заниматься. И отпустить... тоже. Она убила... отца моей дочери.

Иларио посмотрел сочувственно. Энцо, вернувшийся из кухни с победой и большим кольцом колбасы, молча привлек сестру к себе.

– Бедная ты моя.

Мия вздохнула.

– Она меня убить хотела. Рикардо меня собой закрыл.

Мужчины дружно засверкали глазами. Энцо сестру просто любил. Дан Иларио не любил, но уж точно не собирался спускать такие вещи. Что за манера – в людей острыми предметами тыкать? А поговорить нельзя было? И вообще...

Принято так!

Понимаете? При-ня-то!

У нормального мужчины обязана быть и жена, и любовница. Ну и так... мимоходом тоже может кто-то быть. И что такого? У мужчин потребности есть! Понимать же надо! И вообще... сначала жена на любовниц охотиться начнет, а потом на кого? До мужа доберется? Как-то это... неправильно.

Пусть полежит.

Подумает о своем поведении.

Впрочем, Мия решила не проявлять особой жестокости. Подошла, откинула в сторону черные волосы Баттистины, надавила на шею... девушка дернулась, но быстро потеряла сознание.

– Пусть так полежит, – объяснила Мия. – И возни с ней меньше.

Потом отломилась у Энцо треть колбасного круга, впиалась зубами, проглотила здоровый кусок, словно удав, запила вином прямо из бутылки и кивнула мужчинам.

– Отлично. Разбирайтесь тут, а я посплю.

В три укуса расправилась с остатком колбасы, потом отправилась к дивану и устроилась прямо на нем. Даже не снимая сапог – мало ли что?

– Мия?

– Я сплю. А кто разбудит, того я съем, – зевнула она.

Прикрыла глаза и отключилась. Спать действительно хотелось зверски.

Почему не в своей комнате? Не наверху?

А чтобы не разъединяться. И бежать отсюда всяко проще.

Мужчины переглянулись и тихо-тихо, на цыпочках, отправились на кухню. Им хотелось сначала перекусить, а Лоренцо еще бы и смыть тюремную грязь, и переодеться...

И поговорить не помешает. Раньше им не приходилось словом перемолвиться, сейчас надо наверстать.

Адриенна

Суд?

Наверное, это можно было назвать и таким словом.

В кабинете три человека. Король, кардинал, канцлер. Его величество лично держит слово.

– Поскольку моя супруга покушалась на мою жизнь и мне представлены неопровержимые доказательства, я считаю, что ее нужно приговорить к смерти.

Канцлер с удивлением посмотрел на кардинала. Дан Санторо выглядел как после тяжелой болезни, но кивнул и улыбнулся.

– Дан Альметто, дело в том, что ее величество действительно хотела отравить его величество.

– Да?

– У нее найдены флаконы с ядами, записи...

С точки зрения канцлера это доказательством не было. Что, если у него в столе батистовые панталоны лежат, то он женщина? Ну... сувенир такой на память оставили, ну и что?

– Ваше величество, королеве это могли подбросить.

– Она призналась, что это ее шкатулка, – опроверг король.

Канцлера и это не убедило. Если любовница оставила ему панталоны на память, теоретически они являются имуществом дана Альметто. Но это же не повод их надевать, верно?

– Еще ее величество созналась, что может управлять волками, которые заполнили леса.

Канцлер только плечами пожал.

– Ваше величество, есть ли признание ее величества? Не под пыткой полученное?

Филиппо досадливо сдвинул брови.

Пытать Адриенну он не рискнет. Да что там! Ее получилось отправить в башню, но даже корону с нее снять нельзя...

– Ее величество, разумеется, все отрицает. Но косвенные доказательства неоспоримы, – вступил кардинал Санторо.

– Наличие каких-то вещей? Убитый волк? – Канцлер тоже был в курсе того случая.

– Убитая ведьма, которая шла к ее величеству.

– У ее величества в ту ночь начались роды, – парировал канцлер. – И откуда известно про ведьму? Она тоже созналась?

– Роды потому и начались, что ведьма пыталась напустить порчу на короля. И для этого хотели использовать малыша принца, – не моргнув глазом, соврал кардинал.

Канцлер прищурился на него в упор.

Дан Андреас Альметто идиотом не был. Не стал бы он канцлером при Филиппо Третьем, не будь он умным и жестоким профессионалом. И сейчас он все видел.

Так было задумано изначально.

Канцлер как власть светская, кардинал – как духовная, король – как верховная. Только вот что делать, если канцлер видит: король и кардинал воедино. И обоим нужна смерть королевы.

Самое простое? Согласиться со всем, подписать документ о казни и жить дальше. Его никто не осудит, его поймут... дела о покушении

на короля рассматриваются именно так. Очень тайно и камерно. Чтобы не провоцировать, так сказать.

Король – он от Бога. И не надо, чтобы у кого-то возникала мысль его свергнуть. А то сегодня один попробует, завтра другой... такие вещи на люди не выносят.

Канцлер даже не сомневался, что в документе все будет изложено правильно. Может, и признание появится. И даже написанное почерком Адриенны СибЛевран.

Пытать ее не рискнули, а специалиста по подделке почерка... да ладно! И у кардинала такой есть, и у канцлера, и у короля, наверное. Просто подделать такое признание, собственноручно написанное, – это время нужно.

А тут все быстро-быстро...

Почему такая спешка?

Итак, один вариант – со всем согласиться, получить свою корзину плюшек и жить дальше. Жизнь королевы на его совести? Да у канцлера на совести столько всего... жизнью больше, жизнью меньше, он и не заметит! И десяток жизней не заметит. Работа такая...

Второй вариант... а он вообще выживет после такого? Может, и да, но в отставку уйти придется. И поломать все, что делал Филиппо Третий, и все свои труды... кем его заменят? Каким-нибудь родственником Чески?

Эта дрянь уже начала просачиваться всюду. И дальше будет.

То есть...

Он сейчас может перешагнуть через себя. И все равно все будет зря. Все будет напрасно.

Филиппо будет творить то, что ему будет подсказывать эта шлюха. А с ней канцлеру точно не по пути. Ей интересно получить все для себя, канцлер же работал ради государства.

Смешно?

А вот нет!

Это же элементарная логика нормального человека.

Ты богат, знатен, у тебя есть все, еще и твоим внукам на десять поколений вперед хватит. Чего тебе нужно-то? Да только одного!

Гарантии, что эти внуки у тебя будут! И будут они в безопасности! То есть появятся на свет в сильной стране, которая может защитить себя, свои границы, в стране, в которой не будет

голодных бунтов, в стране, в которой сильная и жесткая власть, сильная армия...

Можно в такую страну уехать? Можно. Но ты в ней будешь чужаком. Всегда. И внуки твои, и правнуки... проще уж свою страну в грязь не ронять.

Впрочем, эти рассуждения доступны только аристократам. Обычный человек дальше своей тарелки старается не смотреть. Чего ему? Ему должно быть сытно, тихо и спокойно. А какая-то государственная политика ему не нужна, ему и так неплохо.

А вот канцлер должен о ней думать.

О государстве, а не о королеве.

Вот что она ему? И рисковать не нужно. И ничего не нужно, просто сделай вид, что всему веришь. И...

Дан Альметто мило улыбнулся кардиналу. И произнес то, чего вообще говорить не следовало:

– Ваше величество, если вам так хочется казнить ее величество и жениться на эданне Франческе, рекомендую и мою подпись подделать. Или меня заодно обвинить. Потому что я в этом фарсе участвовать не намерен.

– ЧТО?!

Андреас молчал и улыбался. А что, не слышали? Слышали, вон как багровеет король, как желтеет от гнева кардинал...

И буря грянула.

Король не просто орал – он топал ногами, он ругался, он возмущался, он плевался так, что все верблюды Арайи горестно и завистливо вздыхали.

И наконец подвел итог:

– Вы можете подписать что-либо одно. Или протокол, или приказ о вашей отставке с поста канцлера.

Дан Альметто вежливо встал. Поклонился.

– Ваше величество, кому я должен сдать дела?

– Я сообщу в течение трех дней, – рыкнул Филиппо. – Вон отсюда!

Бледно-голубые глаза выпучились, едва не вываливаясь из орбит, лицо короля побагровело...

Канцлер поклонился еще раз и вышел вон. Если уж так вежливо просят. Подумал – и отправился в казначейство.

Дан Брунелли был на месте. Как обычно, сверял бюджет, гонял подчиненных... при виде канцлера приветственно кивнул – и только.

И снова вернулся к бумагам.

Канцлер не настаивал. Знал, что сейчас Бенвенуто закончит подсчет – и сам отвлечется. А сбивать человека с мысли и отвлекать от работы – жуткое свинство. Для тех, кто понимает, конечно.

Так и произошло. Казначей поставил внизу листа свою цифру, размашисто подписал его – и отодвинул подальше.

– Что случилось, Андреас?

Между собой они давно общались «без чинов». Что удалось Филиппо Третьему, так это собрать хорошую команду, члены которой понимали, что дополняют друг друга. И не конкурировали. Разве что так... немного, за внимание короля. Но и так было понятно, что из Брунелли не выйдет канцлера, из Альметто – казначея, а коли так, чего лезть вон из кожи? И так есть куда энергию приложить.

– Меня уволили, – не стал скрывать канцлер.

– Че-го?! – Круглые глаза друга были ему ответом.

– Потому что я отказался убивать королеву.

Тут уж у казначея и слов не осталось. Андреас плюнул на дипломатию да и изложил все в доступных выражениях.

– Бенвенуто, король меня сегодня вызвал к себе. И приказал подписать протокол. Королевский суд о том, что королева – якобы! – покушалась на его жизнь.

– Кардинал?

– Санторо в зачинщиках.

– Вилеци ему что-то за это пообещала?

Андреас пожал плечами.

– Не знаю пока. С ним надо будет переговорить. Но мне кажется, тут причина проще. Я общался с эданной Чиприани...

– Сабина? Милейшая женщина...

– О да. Так вот, она говорила, что Санторо явно равнодушен к королеве. И пару раз они наедине оставались.

– Из-за юбки? Такие страсти?

– На короля погляди.

Бенвенуто сморщил нос, как бы говоря, что один дурак – не показатель. С другой стороны, вдруг оно заразно? Надо прийти домой и выпить чего покрепче. Для обеззараживания.

– Допустим. Что Санторо попер в дурь из-за отказа. Что Филиппо жена не нужна – ему вообще, кроме его девки, никто не нужен...

– И девка ему старательно лила в уши, что он здесь закон и власть. Вот и поверил, чего ж нет?

– И решил убить королеву?

– То же самое. Наследник есть...

– Кстати, а где он есть? И где королева?

– Ее величество в Вороньей башне. Наследник – не знаю. Молчание...

– Зачем ему тогда понадобились все эти пляски? Убил бы просто так, – проворчал казначей. Бенвенуто не любил затрат времени и сил. Тем более – таких... напрасных.

– Боюсь, что просто так не получится, – почти извиняющимся жестом развел руками Андреас. – Рядом с ее величеством постоянно свидетели. Много. Я навел справки, сейчас все фрейлины с ней, в Вороньей башне. Вообще все, понимаешь?

– Все?

– Сами пошли. Говорят, еще чуть гвардейцев не избили...

– Веерами?

– А ты бы рискнул?

Бенвенуто представил себе двенадцать разъяренных женщин во главе с эданной Чиприани, подумал пару минут...

– Нет. Жить хочется...

– Вот и король распорядился. И они сами пошли. Сами, понимаешь?

Бенвенуто кивнул. С Адриенной он успел поработать. Пуд соли скушать?

Да что вы в том пуде понимаете! Вот когда пуд бухгалтерских отчетов вместе просмотришь, это да! Куда там соли! И не один... тут все наружу вылезет. И характер, и нервы...

Все покажешь, чего и сам о себе не знал – вылезет.

Адриенна в этом отношении дану Брунелли понравилась. Умненькая, серьезная, работать с ней можно, хоть и женщина, и королева... комплимент! Да еще какой!

– Ну убил бы потихоньку.

– А потом отбивался бы от самозванок? Ему на Вилецци жениться хочется. По всей форме. А это можно, только если первый брак – все. Кардинал подтвердит, разрешение дадут... наследник есть. Чего еще надо?

– Хотя бы еще пару наследников. Один – это что?

Канцлер пожал плечами, как бы говоря, что за чужую дурость не отвечает.

– Улики смехотворные. Какие-то склянки, которые якобы нашли у королевы, какой-то волк, которого она убила... но король хочет в это верить. И приказывает верить всем остальным.

Бенвенуто только головой покачал.

– И что ты предлагаешь делать?

– Связаться с доминиканцами. Мне. И поговорить с кардиналом. Тебе.

Казначей задумчиво кивнул. Да, пожалуй... только вот времени у них нет. Оно уходит, оно уже почти совсем ушло...

– Когда казнь?

– Завтра утром.

– Кто комендант Вороньей башни? Я запомню...

– Дан Фортунато Нери.

– Недавно назначен, что ли?

– Ты не помнишь эту историю? Вилецци продвигала родственника, хотела его комендантом двора, но королева воспротивилась, пришлось его устраивать в Воронью башню. Комендантом.

Казначей качнул головой.

Ну... забывал он такие мелочи! Подумаешь... он тоже живой человек! Вы бы сами попробовали баланс свести, потом бы фыркали! Небось, как самих-то зовут, не упомните!

– Побег устроить не удастся.

– Нет.

– Тогда что?

– Тогда маленький Чезаре Филиппо. И регентский совет.

Андреас серьезно смотрел на собеседника. Выдаст?

Не выдаст?

Вообще, что он скажет?

Казначей подумал пару минут. И решительно кивнул.

– Я разговариваю с Санторо. И если он действительно... того...

Над столом повисла узкая сухая кисть. И канцлер сжал ее, словно ставя печать.

Они это сделают.

Если прольется кровь королевы... прольется и кровь короля. Просто потому, что шлюха на троне им не нужна. Потому что во имя этой девки Филиппо начал уничтожать все, что строил его отец, а до того – дед. Потому что все их труды пойдут прахом... даже в детстве, когда строишь замок из песка – и то обидно! А тут не замок, тут многолетний труд сотен и тысяч людей уничтожат. Нет, так дело не пойдет.

Сразу они не смогут ответить. Но... задерживаться тоже не будут. Ты сам накликал себе беду, Филиппо Эрвлин. Сам вырыл себе могилу.

Сам, все сам. И это, и то, и все остальное... Жаль, что винить в своих бедах ты будешь королеву. Но не себя же ругать? То-то и оно.

* * *

Дан Фортунато Нери выглядел торжественным, как на похоронах. Да примерно так оно и было...

– Ваше величество, я должен сообщить вам, что вы признаны виновной в покушении на его величество и приговорены к смертной казни. Приговор будет приведен в исполнение завтра, на рассвете.

– Где именно?

Рука Адриенны даже не дрогнула. Как гладила кота, так и гладила...

– Здесь, во внутреннем дворе. Если у вас есть какое-то последнее желание, сообщите мне о нем. Я доложу его величеству.

Адриенна ехидно улыбнулась.

Последнее желание? А чего тут можно пожелать? Вот что ей реально могут дать?

Сына она не увидит, но малыш Чезаре в безопасности. Лоренцо тоже, она это чувствует. Мия? Но сказать этим подонкам о подруге? Даже смешно...

Что-то из еды? Игр? Но ей все это не нужно. Даже из башни ее не выпустят, пройтись по розарию... Тогда что попросить?

Поиздеваться напоследок, больше ничего не остается.

– Мое последнее желание – увидеть эданну Франческу Вилеци обритой налысо. Как и подобает продажным девкам^[12].

Мужчина подавился воздухом. Видимо, жесткий попался.

– А... э...

– Это последнее желание, – медовым тоном пропела Адриенна. – И вообще, волосы – не голова. Отрастут.

Второй глоток воздуха оказался еще жестче первого. Дан Нери окончательно захлебнулся возмущением – и вылетел из королевских покоев.

Адриенна почесала кота под подбородком.

– И что за люди такие? Можно подумать, я попросила умереть от старости!

– Ваше величество... – Эданна Сабина с ужасом смотрела на королеву. Такую красивую. Такую молодую. Такую спокойную и обреченную... – Вы... вы понимаете...

Адриенна посмотрела на эданну.

Понимала ли она?

О да! Вполне! И страшно ей было до соплей и слез. Было бы. Но...

Во-первых, есть Моргана. Чем страшна смерть? Неизвестностью. А для Адриенны тут все просто и понятно. Вот прабабушка тоже умерла, но с ней даже поговорить можно. После смерти нет пустоты, а значит, все не так страшно. Можно идти и смотреть.

Во-вторых, Лоренцо. Если его не станет, то и ей жить незачем.

В-третьих, ее сын. Малыш в безопасности, Мия о нем позаботится, проклятие снято. А насчет наследного трона...

Оно ему точно нужно? Сама Адриенна была бы счастливее в Сиблевране. Так ведь все равно не дали...

В-четвертых... Есть и такое. Она Сибеллин. И показывать всем свой страх? Свое отчаяние? Боль? Ужас? Много чести!

Это только то, что на поверхности.

Есть и другие причины, по которым Адриенна прилагала все усилия, чтобы казаться спокойной. И улыбалась.

– Эданна, я не сошла с ума. Но я знаю, что невиновна. И верю, что Бог покарает тех, кто несправедливо оговорил меня.

– Но вы...

– Я буду мертва? Ничего страшного, с Небес полюбуюсь.

Эданна Сабина выскочила за дверь. Рыдать при королеве, которую завтра казнят, было как-то... неправильно. А не рыдать тоже не получалось.

Семнадцать лет!

И такой характер! Такое мужество!

Твое величество, какой же ты... кретин!

* * *

– ЧТО?! Что она пожелала?!

Дан Нери, который доставил ответ королевы его величеству, едва в комочек не съежился. Ну... да. Обритую Франческу Вилеци.

– Она что, издевается?!

Дальнейшая речь короля была весьма горячей, содержательной и в протоколы не попала. К большому сожалению моряков и извозчиков. Истинных ценителей нецензурного слова!

– Ваше в-величество...

Дан Нери и вякнуть боялся. А что? Так вот скажешь, да не угадаешь...

Зато справилась эданна Франческа. И превосходно. Она разразилась такими слезами, что Филиппо бросился ее утешать, забыв про гнев.

– Я знала! Я всегда знала, что твоя жена – мерзавка! Она меня ненавидит! Она тебя ненавидит!!! Она...

Последнему желанию королевы было суждено остаться неисполненным. Его величество принялся утешать эданну, а дану Нери махнул рукой. Мол, иди и выясни у ее величества, чего она на самом деле желает. Хватит тут над моей любимой издеваться!

Дан Нери и пошел.

А с ним и слухи...

Там слуги, здесь гвардейцы... цунами?

Да тьфу та непогода перед девятым валом слухов и сплетен, которые шли по дворцу. И варьировались от «Королева хотела короля убить и скушать» до «Короля эданна Вилецци ночью с кровати спихнула, да так неудачно, что бедняга темечком ударился и в уме повредился. Судя по поступкам». Обе теории находили своих сторонников, а время... время истекало.

* * *

– Эданна Сабина, неужели это правда?

– Этого не может быть! Это же... это кошмар какой-то!

Двенадцать пар глаз.

Двенадцать взволнованных девичьих лиц.

И эданна, которая вытирала с глаз слезы. Нет уж! Сражения – они и такие бывают! И королеву она пугать не позволит! И сама виду не подаст!

– Девушки. Те, кто не сможет себя контролировать, лучше сразу уйдите с глаз долой. Если увижу хоть слезинку, если услышу хоть одну глупость... вы меня поняли?

Девушки наперебой закивали.

– Все очень серьезно. И ее величество проявляет громадное мужество. Не смейте... понимаете?

Девушки понимали.

И – не могли ничего понять.

Вот как такое возможно? Вот же она – королева!

Молодая, красивая, яркая... только что малыша родила... и ее приговаривают к смерти! Да разве так бывает?

Вот так... просто, страшно, бесчеловечно...

По явно ложному обвинению, по смехотворному поводу...

Так бывает?!

Эданна опустила ресницы, подтверждая, что бывает еще и не так. Фрейлины реагировали по-разному. Кто-то начал шмыгать носом, кто-то поежился... показалось, что мимо что-то ледяное пронеслось, холодное, страшное...

Смерть в окно заглянула.

И все же... они кое-как сдерживали себя. Сжимали губки, сжимали кулачки... в этой комнате у короля стало на тринадцать верных подданных меньше. Может, они и не ударят в спину. И не убьют.

Но...

Никогда не забудут. И детям помнить накажут, и внукам, и правнукам...

Потому что подобные мерзости забывать не стоит. А то ведь и повториться могут.

– Те, кто может себя контролировать лучше... к королеве. Кто хуже... Уточните насчет обеда, ужина, да... и платье надо будет хоть одно перешить. Я уточню у королевы какое.

– Платье? – пискнул кто-то из девушек.

Эданна молча кивнула. И пояснила все же, видя, что кое-кто не понимает:

– Шея. Королеве отрубят голову...

Дана Сальваторе все же упала в обморок. Но особенно с ней никто не возился. Пошлепали по щекам, облили водой – и занялись делами.

Какие уж тут падения?

Такое происходит... историческое событие? Девушки поняли и еще одну грустную истину. Про такие события интереснее читать в романах. А вот когда ты оказываешься внутри их... самое лучшее, что может с тобой случиться, – это уйдешь целой и невредимой. Может быть.

Если повезет.

Только вот не всем и не всегда везет. История – она такая. По головам едет и судьбы перемалывает. Увы.

Мия

– Ты меня понял?

– Преотлично, – Булка кивнул.

Сегодня же по городу понесутся сплетни.

О том, что король убил королеву, что эданна Франческа ведьма и сатанистка, что она черные мессы проводит... да хоть бы и что!

Кстати, не сильно и соврет.

– Где признание?

– Вот. – Листы, написанные ньюром Гвидо Поли, владельцем таверны «Пыль и солнце», легли на стол.

Туда же легли признания его кузена, который работал конюхом у кардинала Санторо.

Мия дополнила колоду признанием даны Дзанелла, заполировала письмом Комара, копией признаний Иларио Кавалли...

Хватит этого?

Для начала разговора – определено. А дальше видно будет.

В конце концов, если тебе противостоит войско, так выпусти против него другое.

Доминиканцы.

Метаморф? Не стоит к ним идти? А вот на это Мие было глубоко наплевать.

Ради подруги она бы и на плаху пошла, а уж к монахам... если их паршивый кардинал столько времени дурачит, она тем более справится! Справится, она сказала!

– Сами подопечные у тебя?

– Да.

– Береги их. Вдруг потребуются предъявить.

Булка кивнул.

И вдруг по-отечески потрепал Мию по руке.

– А ты береги себя, Змейка. Без тебя мир станет тусклым.

Мия кивнула и улыбнулась.

– Обещаю.

Лоренцо и Иларио молчали и не вмешивались. Да и не надо сейчас...

Пока все идет как надо.

А Баттистина?

Она просто была в обмороке и не сильно отличалась от мешка с капустой. Так что Мия о ней и не думала.

Она не простит. Но... месть немножко подождет.

– Дан Санторо?

– Дан Брунелли?

Кардинал смотрел на казначея без особой приязни. Вот что ему надо? А, можно не догадываться, и так все известно.

– Вы уже знаете, по какому поводу я пришел. – Казначей правильно прочитал взгляд кардинала, и не собирался тратить время. Вот еще не хватало. – Это правда?

– Что именно?

– Что завтра королеву казнят по лживому обвинению?

– Казнят. Потому что она ведьма, – «по секрету» поведал кардинал.

– Да неужели?

– Дан Брунелли, это просто его величество сына пожалел. А так королева колдовала, черные мессы проводила, волков она призвала... вы ж знаете, Сибеллины повелевали зверями...

– Допустим. И зачем?

– Чтобы сесть на трон. – Кардинал даже удивился. Как такое может быть кому-то непонятно?

Дан Брунелли даже фыркнул. Его тут вообще за дурака держат?

– На месте королевы первой жертвой я бы выбрал эданну Вилеци.

– Можно и второй. Сразу после смерти короля. Просто как ведьмовство запишешь в протокол? Нельзя такое... потом наследник не отмоется...

С этим-то дан Брунелли был согласен. Но...

Вранье чуял.

– Адриенна Сибеллин не ведьма. Сибеллины – существа другой природы, им ведьмовство недоступно.

– Разве? – усомнился кардинал.

– Да и не нужно. У нас в роду есть старинные хроники, так вот. Сибеллин не может быть чернокнижником.

– Почему? – не выдержал кардинал.

– Потому что у них уже все есть. От природы. Зачем им еще добавка?

– А вдруг мало было?

Казначей только рукой махнул.

– Не ври, Санторо. Не надо. Вилеци воду мутит?

– Вилецци, – сдал Франческу кардинал.

– А ты зачем в это ввязался?

Анджело сверкнул глазами.

– У меня есть свои причины. Все.

Бенвенуто поднял брови. Свои причины? Что, и правда не дала? Ай-ай-ай, какая у нас роковая королева оказалась. Одному дала, второму не дала – и обоим не угодила.

– Проклятия не боишься?

– Нет. Король решил, пусть сам и расхлебывает.

Бенвенуто окончательно убедился в своих предположениях и кивнул.

– Пусть. Жаль, что Альметто уходит. Другого такого поди найди...

– Может, потом король передумает? Я с ним поговорю, пусть никуда не уезжает...

– Может, и передумает, – не стал спорить казначей. – Жаль, королеву это не спасет...

Кардинал сверкнул глазами, но промолчал. Бенвенуто еще пару минут поговорил ни о чем и откланялся. И нашел Андреаса.

* * *

– И как мы могли так проморгать?

– Если кардинал сам не хочет на трон – зовите меня Сибеллином, – кивнул Альметто.

Казначей хмыкнул.

– Ты понимаешь... с другой стороны, видеть, как безответственный идиот пускает все под откос...

– Тоже никакого терпения не хватит, – продолжил фразу канцлер. – Но тогда можно было бы оставить королеву. Она неглупа, она бы и поняла, и согласилась...

Казначей качнул головой.

– Нет.

– Нет?

– Вообще нет. Никак, – махнул рукой Бенвенуто. – Всегда считал, что историю знать надо. Разобрался в прошлом – прочитаешь будущее.

– Не углубляйся, – рыкнул Андреас. – У нас мало времени...

– Сибеллины не могут нарушать обещания. Могут обходить их, увиливать, но нарушать не могут. Понимаешь?

До канцлера дошло быстро.

– Погоди... то есть для нее обряд в храме... венчание это...

– Именно. Она клялась быть покорной мужу – она покорна. Верность, послушание, вместе в горе и в радости – это все для нее имеет силу закона. Она физически не может завести любовника, согласиться на предложение кардинала или на твое, если ты подойдешь к ней с этим вопросом...

– Черт побери!

– Крючкотворство. Но тем не менее. Помнишь сказку про демона, который клялся быть покорным, пока на небе сияет солнце?

– Конечно. Он убил своего хозяина сразу после заката.

– Сибеллины такие же. Не демоны, но клятвы их связывают. Сильно... кстати, если помнишь Библию... за что была низвергнута Лилит?

– За непокорность...

– Или – есть версия – она *отказалась* покориться Адаму. Понимаешь? Отказалась служить ему...

Канцлер понял.

– Значит, королеву мы не спасем.

– Разве что принца. Ты сможешь с ней переговорить?

Канцлер качнул головой.

– Меня просто не пустят.

– С эданной Чиприани?

– В Вороньей башне комендант – родственник Вилеци. Ничего не получится.

– Тогда – к доминиканцам, – подвел итог казначей. – Если они не смогут ничего сделать, то... то все.

Мужчины переглянулись и вздохнули.

Вот так всегда, хорошая идея оборачивается не пойми чем... дела о покушении на короля рассматривает сам король. И никому раньше не приходило в голову с помощью подобной фальсификации избавляться от королевы...

М-да. Все бывает впервые. Но хотелось бы, чтобы это было и в последний раз.

Мия

Бывает же такое! Стоишь, смотришь на себя в зеркало – и понимаешь!

Есть!

Вот есть же замечательная идея, ей надо пользоваться, и вообще... если все получится, будет просто прекрасно!

Мию снесло с кушетки, она быстро проверила Баттистину...

Жива. В обмороке. Отлично!

И помчалась к мужчинам.

Лоренцо спал. Дан Иларио куда-то делся. Мия бесцеремонно встряхнула брата.

– Пора! Нас ждет работа!

Лоренцо пришел в себя практически сразу.

– Мия... пора?

– Да. У нас тут кардинал есть, эданна Вилецци и король. Где дан Иларио?

– Отправился во дворец.

Мия сдвинула брови.

– Это не опасно?

– Сказал, что не опасно. Он поостережется. С кого начнем?

– Сейчас подумаю, – пожала плечами Мия. – Ты со мной?

Лоренцо посмотрел с возмущением.

– Конечно.

– Условие – слушаться. Не лезть напролом. Сам понимаешь, мое ремесло...

Лоренцо понимал. Гладиатор и убийца все ж разные грани одного кристалла.

– Понимаю.

– Тогда перекусим – и вперед.

* * *

Штурмовать королевский дворец?

Брат приступом поместье кардинала Санторо? Где волки, между прочим?

Замечательные перспективы.

Впрочем, Мия знала, что именно ей нужно. Ей нужно срочно увидаться с Морганой. А потому она решительно выбрала королевский дворец.

Первым делом увидеть Моргану, вытащить Адриенну, а уж потом...

Потом она разберется со всеми. Молча, спокойно, методично...

В розарии было тихо. Мия коснулась одного из розовых кустов и тихо позвала:

– Моргана Сибеллин!

Долго ждать не пришлось.

Мия смотрела на проявившийся призрак. Почти прозрачный, колеблющийся... Моргана явно устала. Или куда-то потратила много сил...

– Что с тобой?

– Потратила много сил. Неважно сейчас...

Мия кивнула.

– Скажи, сейчас много народу в башне?

– Да, очень.

– Король где?

– Уехал к своей шлюхе. В ее дом.

– Замечательно, – оскалилась Мия. – Как ты думаешь, пропустят ли к королеве эданну Вилеэци? Если та пожелает позлорадствовать?

Моргана задумалась.

– Да, вполне. Ты сможешь?

Мия даже плечами пожимать не стала, и так ясно, что сможет. Лицо ее менялось на глазах. А одежда... в доме Джакомо еще оставалось кое-что из женского гардероба. Катарина, Фьора... Мия смогла подобрать подходящее платье.

Может, и не слишком роскошное, ну так эданна – тайно.

И спутники ее... спутник...

– Смогу. И пройти, и заменить ее...

– Нет. – Моргана резко взмахнула рукой.

– Я не боюсь. – Мия смотрела на призрака. – Риен должна жить!

– С этим я согласна. Но как она выйдет наружу? Первое же замечание, первая ошибка... да и сама она не пойдет.

Мия задумчиво кивнула.

– Да, не пойдет... но я бы справилась. А Энцо ее вынесет.

Моргана качнула головой.

– Слушай... у меня есть идея поинтереснее.

– Какая?

– Если найдется подходящее тело, Адриенну смогу заменить я. Ты права, Адриенна должна жить, ей надо будет разобраться с кардиналом. Ты же понимаешь, без нее это обречено на неудачу. Она – свет и счастье своей земли, а мы... при всем моем опыте, ты не такая, как она.

Мия и так это знала.

– Я не смогу всех перебить... и другого выхода мне в голову просто не пришло. Но Риен не пойдет, ты права. Оставляя меня – не пошла бы. А вот если другая...

Моргана кивнула.

– Мы можем попробовать заменить ее на другую женщину. Но... в ней должна течь та же кровь.

– У меня есть подходящая женщина. Глаза, правда, карие, и черты лица другие, но волосы тоже черные. И по росту подходит... а кровь... если эта дрянь выпьет крови Адриенны? Подойдет?

Моргана задумалась.

– Более чем. И у меня есть еще одна идея.

– Какая?

– На рассвете за Адриенной придут.

– Поднимут тревогу... король и Вилецци станут осторожнее, – поняла Мия. – Мы за ночь не успеем... и потом до них не доберешься... начнется гражданская война. Между Сибеллинами и Эрвлинами... этого допускать нельзя!

Моргана вздохнула.

– Они могут найти Адриенну в камере. И даже казнить ее...

Мия подняла брови.

– Как?

Теперь настала пора говорить Моргане. Она могла сделать это. Но у всего была своя цена. Если Мия сможет ее заплатить...

Мия думала несколько минут. Но...

– Я согласна.

– Тогда где «тело»?

– Сейчас принесем. Я скажу брату, он ждет за стеной.

Моргана кивнула. И Мия решительно направилась к потайному ходу. У нее есть задача.
У нее есть надежда...

* * *

Нельзя сказать, что Лоренцо понравился этот план. Но и выбора не было.

Мия не собиралась прощать убийцу Рикардо. Баттистину она убьет в любом случае. Просто это может быть с пользой, а может быть и без пользы для дела.

Жаль, таскать все равно Лоренцо приходится. Но он и не такое таскал, а если на плечах, то есть через плечо, – не так и страшно.

Неудобно, конечно...

Перетерпит.

Благо и тащить было всего ничего. До розария.

Моргана была там. Бледная, полупрозрачная, невероятно уставшая. Мия это чувствовала всей шкурой.

– Что делаем? Что-то надо чертить... заклинания?

Моргана качнула головой.

– Ты меня с кем-то путаешь. Ничего не надо, кроме крови. Пока – ее крови. И твоей.

Мия достала кинжал и недолго думая надрезала кожу на тыльной стороне предплечья. Побежала темно-алая струйка, закапала... Не долетая до земли, капли исчезали в одеянии призрака, который подлетел вплотную.

– Тебе, Моргана Сибеллин.

Моргана становилась все четче и яснее, наливалась красками, уплотнялась.

Черная магия в ее башне... такое и убить могло. Но повезло.

Кардинал просто не знал, что Моргана существует. А то мог бы изгнать, развоплотить, запечатать... она бы пробилась на свободу, но нужно-то не потом, через тысячу лет, а вот конкретно здесь и сейчас. А сейчас она бы оказалась бессильна.

Не иметь возможности сделать что-то для любимых и близких – что может быть страшнее? Особенно, если делать НАДО!

Замычала, забила на земле Баттистина.

– Вытащи кляп и влей несколько капель своей крови в ее рот. Потом порежь ей ладонь и произнеси то же самое, – инструктировала Моргана.

Мия поднесла клинок к лицу Баттистины.

– Хоть звук издашь – глаз вырежу. Правый или левый, гадина? Мне тебя беречь незачем, я Рикардо любила...

Ответом ей были выпученные от страха глаза.

Мия для наглядности срезала несколько ресниц на правом глазу Баттистины, кивнула.

– Отлично.

И вытащила кляп.

Могла бы и не стараться, и не угрожать. Это так кажется, что сразу человек начнет говорить и орать. А на самом деле мышцы тоже затекли в одном положении, и слюни потоком, поди тут покричи. Челюсть бы подобрать...

Так что несколько капель крови Мии упали в рот Баттистины без особого труда. И та их проглотила.

Мия вытянула ладонь эданны Демарко вперед – и полоснула по ней клинком.

– Тебе, Моргана.

И снова на траву закапала кровь.

Недолго, секунды три, потому что призрак, словно сжавшись в тугий плотный шарик, метнулся вперед. Прямо в разинутый рот Баттистины.

И та перестала дергаться.

– Моргана? – уточнила Мия.

Ответом ей было движение век. Медленное, спокойное...

Моргана.

Мия одним движением перерезала веревки и принялась массировать Баттистине-Моргане руки. Лоренцо присоединился и начал растирать ноги. У них не так много времени...

Баттистина Андреоли, в замужестве Демарко, конечно, осталась на своем месте и в своем теле. Никто ее не убивал.

Это называется одержимость.

При определенных условиях на короткое или длительное время призрак может завладеть телом человека. Ходить в нем, говорить, надеть, словно костюм...

Что ограничивает?

Силы и время, естественно.

Сил у Морганы хватило. Кровь Мии – кровь метаморфа, древняя кровь, пожертвованная добровольно, – это хороший заряд. Моргана чувствовала себя отлично.

Сколько надолго?

А ей надолго и не надо. До утра. До казни.

На это ее сил должно хватить. А потом... потом все так и так закончится.

Плюс еще кровь Баттистины. Моргане было намного легче держаться в теле девушки, испив ее крови. Пусть не добровольное, но все же приглашение...

Кровь – это сила. Это след, это путь, это рукоять меча. И не стоит ею разбрасываться так легко и беспечно...

Сама Баттистина?

Ее душа осталась в теле. Моргана ее не могла сожрать или вытеснить, не могла убить или растворить. Она не властна над чужими душами.

А вот надавить, пересилить, засунуть в дальнюю щель сознания – это запросто.

Чтобы противостоять такой, как Моргана, нужно быть кем-то вроде Мии Феретти. Или Адриенны Сиблевран.

И ничего тут не решает древняя кровь. Рикардо Демарко сломался бы так же, как и его вдовушка. Сила характера, сила воли...

Если бы у Баттистины хватило решимости, она бы вытолкнула захватчицу из своего тела. Только вот...

Это страшно. И больно. И страшно больно. Словно через огонь идти. Не у каждого на такое хватит не то что сил – даже решимости.

У Баттистины и не хватило.

Моргана ощущала ее присутствие в самом углу сознания, это как крыса сидит в щели.

Ты ее видишь, она там есть... добраться до нее? А зачем?

Сидит она и сидит себе. Пока не кинулась, не вцепилась в горло, ничего с ней и делать не надо. Сил больше потратишь, выковыривая несчастную тварь. Да и... загнанные крысы способны на героизм.

На что способна вот эта, конкретная?

Моргана проверять не собиралась. Ей не так много нужно, всего лишь несколько часов продержаться.

А потом – все.

Наконец начали двигаться руки и ноги, ожила челюсть. Моргана с отвращением поглядела на свое грязное платье.

– М-да...

– Ничего лучше не подвернулось, – развела руками Мия. – Ты... вы... двигаться сможете?

– Смогу. Руку дай...

Моргана оперлась на руку Лоренцо, поднялась с земли, повела плечами, пробуя, находя равновесие... она давно уже забыла, что такое смертное тело. Отвыкла от рук, ног, ощущения земли...

Ничего. Она справится.

Шаг, второй, третий... К башне она подходила уже уверенно, не опираясь на Лоренцо.

Мия догнала, накинула ей на плечи глубокий плащ.

Эданна Франческа изволит посетить королеву. В сопровождении служанки и телохранителя. Так что она идет первой, а остальные за ней.

Да, можно бы и так донести тушку. Но...

Сама Мия могла пройти куда угодно. Лоренцо не стала бы преградой никакая стража. Но не с таким грузом. Не с девицей, которая будет или висеть тушкой в обмороке и ее надо как-то тащить, беречь, или того хуже – она будет сопротивляться и орать. Тоже ничего хорошего.

А еще предстоит дождаться утра...

Моргана коснулась камня.

Ее дом.

Много лет это было ее пристанищем. Вот эта черная башня, вонзающая шпиль в упругое подбрюшье неба. Ее друзья, эти птицы и эти розы...

Ее дети, внуки, правнуки...

Когда-то ей казалось, что это хорошо – остаться и приглядеть.
Сейчас же...

Она устала. Она так безумно устала, она хочет уйти. К своему Коррадо, к своему сердцу, которое ушло в землю... И там проросли розовые плети...

Розы гнева, розы боли и отчаяния...

Моргана точно знала, что они разрастаются вокруг башни, вокруг дворца...

Адриенна никогда не покажет своих чувств. Но ей плохо, ей больно...

Не за себя.

Ей плохо, потому что она оставляет сына.

Потому что она не смогла ничего сделать для Лоренцо – она же не знает о его побеге. Потому что она потомок Морганы и Сибеллин до мозга костей. И оставлять тех, кто нуждается в ее помощи?

Как и сама Моргана, Адриенна этого не сможет.

И Мия...

Моргана посмотрела на женщину.

Что ж.

Свою цену древняя королева назвала. И Мия с ней согласилась.

Убийца? Чудовище?

Или все-таки нет? Если ради спасения Адриенны она готова пойти на что угодно? Подруги... просто подруги. Не связанная ничем, Мия может уехать и жить спокойно.

Но она здесь.

Моргана медленно шла по потайному ходу.

Он выводит именно туда, куда надо. В апартаменты коменданта.

* * *

Дан Фортунато Нери чувствовал себя согласно имени.

Фортуна улыбается ему!

И благосклонно, это всякому понятно!

Королева под его надежной охраной. И к казни уже все готово.

Приглашены два палача – так, на всякий случай. Готово все необходимое.

Королевам не рубят головы топором, не положено. Только золоченым мечом, на специальной плахе... Если бы Адриенна не была коронована – дело другое. Она же полноправный соправитель. Поэтому только так.

Все возможные почести.

Хм... вот ведь...

Интересно, что сделает Франческа? Правда обрется налысо?

Фортунато в этом искренне сомневался. Последнее там желание, не последнее... ладно, с кухней ему повезло! И сама пролезть во власть... хм, под власть имущего смогла, и с собой всех потянула. И он пристроен, и многие другие... пусть пока в провинциях! Пусть ему не удалось закрепиться при дворе!

Но Ческа уже намекала...

Вроде как канцлер уходит. И кто его заменит?

То-то и оно!

Докажи свою полезность, Фортунато, только докажи ее – и все у тебя будет. И должность при дворе, и слава, и почет, и деньги, и поместья... да, и женщины. Чего уж там, сейчас бравый комендант был одинок. И женщин можно было понять. Бравый комендант так вонял козлом, что не спасали ни масла, ни духи... Ладно еще за деньги такое потерпеть – это можно. Но просто так?

Хотя и не такое терпят, был бы человек хороший. А тут-то форменный козел!

Ничего! С деньгами и титулом и козел розами запахнет!

В сладких лазурных мечтах о грядущей славе Фортунато и не услышал, как скрипнула, отодвигаясь, потайная панель.

– Дан Нери?

Мужчина поднял глаза от книжки с эротическими картинками. А как?

Дам тут нет, а на сон грядущий... оно полезно. Говорят...

Перед ним стояла его ожившая эротическая мечта. Пожалуй, рядом с этой красоткой даже Ческа показалась бы огородным пугалом.

Шикарные золотые волосы, нежная кожа, огромные золотисто-карие глаза, потрясающе красивое лицо... вся такая юная, нежная...

– А... я... да...

Юная и нежная Мия с разворота припечатала бедолагу Нери кулаком в челюсть. Да так, что звон пошел.

– Ты осторожнее бы, – поморщился Лоренцо. – Руку расшибешь...

– Вот еще, – фыркнула Мия, поправляя кастет. Она могла бы и голой рукой, и кости укрепить на время, и раны у нее затянутся быстро, но зачем?

О каком благородстве может идти речь – с такими существами?

Правильно. Ни о каком. С ними и кастет, и свинчатка, и гаррота... клинок – это для людей. А не для... гхм. Вот ведь козел вонючий... поди перетащи его...

– Вот теперь будет сложнее, – вздохнула Моргана. – Мия, тебя не затруднит вскрыть ему вену?

– Да, конечно. А зачем?

– Чтобы он умер, – даже удивилась Моргана. – А его сила достанется мне с последним вздохом. Не вся, многое рассеется...

– Так со всеми можно? И мне тоже?

Лоренцо качнул головой. Подобных вопросов от сестры он не одобрял. Но... если бы не Мия, Адриенна была бы обречена. И он тоже.

Пусть сестра делает все, что пожелает!

Если ей захочется скушать печенку этого типа, он лично ее вырежет. И нарежет тоже лично.

– Тебе нельзя, – честно ответила Моргана. – Хотя сейчас, может, и получится... у тебя и детей с потомком Диэрана быть не должно бы, и запечатление ты провела, я вижу. И сила твоя стала стабильной. Так что все может получиться. Посади его, пожалуйста, в кресло, чтобы мне было удобнее, вскрой вену, лучше на шее, чтобы быстрее, и смотри...

– Кровью перемажешься, – предупредила Мия.

Моргана кивнула.

– Да... тогда где лучше?

– Да что у него – вен мало? – удивилась Мия, преспокойно разрезая штаны коменданта в нужном месте. – Вот тебе бедренная артерия^[13].

Для верности Мия поковырялась кинжалом побольше и, судя по тому, как быстро алым ручейком побежала кровь, попала куда надо.

Моргана опустила на подлокотник кресла, так, чтобы не сильно испачкаться.

От боли дан Фортунато пришел в себя, но сильные руки прижали его к креслу, не давая двинуться.

– Тише, – шепнул в ухо мужской голос. – Не дергайся, убью...

Нравится не нравится, оставлять женщин один на один с комендантом Лоренцо не собирался. Может, Нери и подергался бы, но...

Кровотечение из артерии – штука неприятная, зачастую смертельная, а еще... при кровопотере люди слабеют.

Голова кружится, сознание мутится, теряется...

Вот это с мужчиной и произошло.

Голова коменданта откинулась назад... он уплывал куда-то в розовом тумане, и когда к его губам прижались горячие девичьи губы, даже не удивился.

Все ведь в порядке?

Правда?

Или нет?

Он не знал. Он просто уплывал куда-то в темноту, его не было, не было, не было...

* * *

Моргана оторвалась от губ коменданта. Брезгливо вытерла рот.

– Гадость...

Мия промолчала. Ей тоже не понравилось это зрелище. Истекающий кровью человек, женщина, которая окровавленными пальцами начертила у него на лбу сложный символ, и припала губами к губам в ожидании последнего вздоха – той самой капли силы и жизни...

– Если нужно будет... можешь попробовать. Что-то ты взять сможешь, – разъяснила Моргана.

Выглядела она намного лучше.

Баттистина Андреоли и так молода и хороша собой, но сейчас... столько энергии было в каждом ее движении, столько силы!

Зверствовала Моргана не просто так. Она бы обошлась и без этого, но впереди еще одно важное дело.

Покои коменданта были на первом этаже. И Мия, оглядевшись, выскользнула из них наружу. Огляделась: нет! Никто не видит... вот и отлично! Теперь вперед, к королеве!

Повела плечами, окончательно принимая облик эданной Чески, медленно пошла по коридору.

Стражники ее останавливать не решались.

Эданну Франческу все отлично знали в лицо. И про то, что комендант ее родственник, – тоже. Так что...

Ненавидящими взглядами провожали. И только.

Но не останавливали. И не заговаривали. Эх вы, люди... видите же, что подлость творится! Так что молчать?

Вот и нужные им покои.

Фрейлины... эданна Сабина...

– Ты! – шагнула вперед эданна.

Лоренцо остановил ее, перехватил.

– Эданна Вилецци желает поговорить с ее величеством.

– Сука! – прошипела Сабина.

Мия молчала.

Так же молча она и прошла к комнатам королевы и вошла без стука. Какие уж тут церемонии?

Да и не похож ее голос на голос эданной Вилецци. А отработать времени не было.

Вперед, и только вперед!

Лоренцо закрыл дверь и задвинул засов. Вот так... Адриенна?

Слияние дорог

Адриенна не спала.

Глупо тратить на сон последнюю ночь, которая ей осталась.

А фрейлины? Или эданна Сабина? Приглашать кого-то Адриенне решительно не хотелось. Вот еще...

Будут смотреть горестными глазами, будут натужно улыбаться, пытаться что-то сказать – это так неправильно и так тоскливо! Ни к чему...

Адриенна сидела и гладила кота. Сидела у окна, которое открыла, наплевав на ночной холод и сырость с реки, дышала воздухом, куталась в теплую шаль. Еще не хватало последнее утро себе соплями испортить!

Лучше бы выйти на балкон, но и так сойдет...

Бокал вишневого взвара рядом, блюдце с пирожными, под шалью, на коленях, уютным теплом – кот. Нурик все понимал.

Свернулся пушистым черным клубком на ее коленях, мурчал, потягивался, слегка когтил ткань платья... на драгоценном бархате появлялись затяжки.

Адриенна уже отдала приказания.

Утром – ванную. И платье. Черное и серебряное.

В вечность она уйдет как Адриенна Сибеллин. Не как Адриенна Эрвлин, вот еще не хватало! Эданна Сабина послушалась, и фрейлины возились с платьем сейчас.

Отпарывали воротник, убирали с него украшения...

Пусть возятся.

Шаги за спиной Адриенну не удивили и не напугали. А чем ее вообще можно напугать сейчас? Она уже приговорена, вот и все...

– Что еще? – не поворачиваясь, спросила она.

– А что еще надо?

Голос был знаком Адриенне. О, как он был ей знаком!

– Мия?!

Если бы не кот, Адриенна подскочила бы с кресла. Но...

Она осторожно переложила мохнатого друга на подушки, укрыла сверху шалью, и только потом, контролируя каждое движение, повернулась.

А вдруг ей показалось?

Вдруг это издевательство такое?

Но нет.

– Мия! Энцо!!!

Моргану королева даже не заметила. Просто с разбега повисла на шее у Лоренцо Феретти – и тот подхватил свою любимую.

Клятвы?

Явись сюда лично Филиппо Эрвлин, свечку держать – их бы и это не остановило. Первый поцелуй получился таким невероятно сладким,

что голова закружилась... в груди что-то защемило, сердца колотились как бешеные, в унисон... пальцы у Адриенны были ледяными.

– Энцо...

– Риен...

Глаза в глаза. И больше ничего не надо...

Если бы еще весь мир мог подождать... недолго, лет сто... Двести... вечность! Это же недолго?

Увы, мир в лице двух его представительниц избытком романтизма не страдал. А Мие так и попросту было больно.

Вот так могло бы и у них с Рикардо...

Могло, а не было, не случилось, не срослось. И не заставишь ты никого себя полюбить, увы. И умерших не вернешь.

Больно.

Моргане тоже было грустно, хотя и чуточку по другой причине. И пришлось все же прервать влюбленных.

– Ребята, у нас мало времени.

Лоренцо опомнился первым.

– Мия... да...

– Мия? – вспомнила Адриенна. Посмотрела на вторую женщину. –

А...

Баттистина была похожа на Моргану разве что черными волосами. Все остальное – чужое. И полные губы, и не слишком большие глаза, и веснушки, и... и все же – улыбка.

– Девочка моя...

И Адриенна ее узнала.

– Моргана?

– Это я. Просто в человеческом теле.

– Но... но как?!

Моргана подняла руку, останавливая разговор.

– Риен, у нас не так много времени. Сейчас мы проведем один ритуал, потом ты уйдешь, я останусь. Мия все знает, она тебе поможет.

– Да?

– Да, – кивнула Мия. – Риен, времени нет, поэтому просто доверься нам. И быстро.

Адриенна посмотрела на подругу, пожала плечами.

– Когда я тебе не доверяла, сестренка?

Мия кивнула, и принялась двигать мебель.

– Много места нужно?

– Нет. Чтобы я, она и зеркало... о, вот это подойдет!

Мия поглядела на золоченую оправу.

– Черт... это одно из зеркал мастера Сальвадори!

– Еще лучше, – одобрила Моргана. – Риен, иди сюда.

Адриенна послушно сделала пару шагов.

Две женщины встали перед зеркалом. И отразились.

Только вот отражались не две – три. Зеркала мастера Сальвадори действительно были особенными. Вот и сейчас зачатое на крови и золоте стекло показывало Адриенну как она есть. Баттистину, грязную и измученную. И Моргану – призрака, но ясного и четкого, стоящего за плечом Баттистины, положившего руки ей на плечи.

– Интересно, откуда оно тут... – подумала вслух Мия.

На самом деле ничего удивительного в этом не было.

Зеркало подарила своему любовнику эданна Франческа. Но этот подарок пришелся Филиппо поперек шерсти.

Зеркало было... в том-то и дело, что оно отражало не принца. Не короля. Оно отражало самого обычного человека. Даже человечешку.

Глядя в это стекло, обманывать себя не получалось. И как-то очень четко выделялись и безвольный подбородок, и выпученные глаза, и редяющие волосы...

Филиппо переставлял его по покоям раз двадцать. А потом плюнул, сказал Ческе, что разбил, да и приказал убрать куда подальше.

И убрали.

В Воронью башню, куда уж дальше-то его? Не выкидывать же? Оно дорогое, оно кучу денег стоит!

– Прелестная вещица, – одобрила Моргана. – Риен, мне нужна прядь твоих волос.

Адриенна поискала глазами что-то острое. Увы, в камере ничего такого не было. Чтобы ее величество не закололась самостоятельно, лишив подданных удовольствия лицезреть казнь.

– Помочь? – поинтересовалась Мия.

– Да, пожалуйста.

Подруга шагнула вперед, и Адриенна почувствовала холод стали у затылка.

– Вот так... Держи, Моргана.

Моргана кивнула. Потом быстро вплела черную прядь в свои волосы, перевязала оторванной тесемкой.

– Лишь бы продержалось. Руку!

Мия полоснула по протянутым рукам клинком, и Моргана соединила ладони с правнучкой.

– Облик твой беру. Облик твой верну. Общей кровью меняюсь, волосами связываюсь, дыханием соприкасаюсь... – Две женщины стояли почти что нос к носу.

И восхищенно ахнул Лоренцо.

Он никогда не видел, как меняет облик Мия. А сейчас то же самое делала Моргана.

У нее было все необходимое. Кровь метаморфа, пусть немного, но много там и не надо. Ей хватит. Сила, которую Моргана вытянула из умирающего Нери. Не просто ж так она убивала коменданта. Хотя его и без причины можно, все равно не жалко. Мие так точно жалко не было.

И – волосы, кровь, дыхание.

То, что смешалось.

То, что диктовало облик Адриенны.

Две Адриенны стояли друг напротив друга. Одна – в простом домашнем платье. Вторая – в чем-то грязном и изодранном. И на одной из них была корона... нет?

Замерцало что-то и в черных волосах Морганы, словно лунный луч побежал по ее прядям, свернулся в кольцо, блеснул серебром – и в нем прядь волос Адриенны – черным камнем...

Потом Моргана сделала шаг вперед и крепко обняла свою правнучку.

– Я столько не успела, маленькая моя... люблю тебя. И Цезаре люблю. Будьте счастливы!

И на миг золотистое сияние окутало обеих женщин.

Благословлять всегда легче, чем проклинать. И получается чаще.

Мия дождалась, пока женщины расцепят руки и Моргана чуть оттолкнет от себя правнучку.

– Идите. Ты помнишь обратную дорогу?

– Да.

– И наш уговор не забудь.

Мия кивнула и поклонилась.

Вслед за ней поклонился и Лоренцо.

Так правильно. Действительно правильно.

– А... – Адриенна пока еще ничего не понимала. Но Мия решительно потянула ее за руку.

– У нас мало времени. Нам надо уходить.

– Но...

– Я останусь и заменю тебя. Не медлите! – рыкнула Моргана.

Адриенна огляделась. Что-то она искала... конечно!

– Нурик!

Кот показался из-под шали на кресле. Высунул узкую черную мордочку, а потом спрыгнул. Шикнул на Мию, мол, ходишь тут, воздух портишь, подошел к Моргане, требовательно мяукнул.

Женщина наклонилась и взяла его на руки. Поглядела в зеленые глаза.

– Побудешь со мной, малыш?

– Мау.

Он побудет. Ясно же...

Моргана почесала кота за ухом и перевела взгляд на детей. Трое.

Двое светленьких, одна темненькая. Двое чужих, одна ее. Или нет?

Все трое – ее! И точка! И ради детей она пойдет на все. Это правильно.

– Уходите, – еще решительней сказала она. – Оставьте меня и идите.

Приказывать бывшая королева умела, Адриенна подчинилась, не раздумывая. Накинула капюшон, опустила глаза. Моргана провела по ее лицу прохладными пальцами.

– Пару минут продержится, потом развеется. Но лицо все равно прикрывай. Прощай, внучка.

– Прощай, бабушка.

За Мией-Ческой мимо фрейлин, мимо стражников – и вот! Ночной воздух показался Адриенне упоительно сладким.

– Куда мы идем?

Мия криво улыбнулась.

– К доминиканцам.

– Куда? – искренне удивилась Адриенна.

– От Булки и его отребья пользы мало. А сделать все как надо, не поднимая шума, могут только они, – кивнула Мия. – Идем, нас ждет карета, а по дороге я все расскажу.

– А кучер?

– Если править лошадьми, то я могу, – отмахнулся Лоренцо. – Ничего страшного, справлюсь.

Адриенна кивнула.

Да, животные не любят метаморфов. В лучшем случае будут терпеть. А жаль. Верхом было бы лучше. Сейчас время – жизнь. Но выбора все равно нет.

Несколько часов назад

К доминиканцам редко приходят по своей воле. Страшненький это орден. Цели-то у него благородные, но вы знаете, сколько во имя таких целей крови пролилось?

Не расхлебашь!

А уж чтобы канцлер лично?

Но... вот так.

После разговора с казначеем дан Альметто еще думал. Еще размышлял. А потом к нему пришел дан Пинна.

Тут Феретти откровенно повезло.

Адриенна верила Мие.

Иларио не только верил, он еще и сам кое-что увидел.

А вот если бы Феретти пришли к канцлеру, их бы даже не приняли. Много тут всяких шляется, время чужое тратят. Идите себе, ребята, подобиру-поздорову...

Дана Пинну канцлер уважал. И знал давно, и понимал, что мужчина не склонен к пустым преувеличениям. И его виду искренне удивился.

Выглядел Иларио так, словно им огород копали.

Или ковры выбивали, что ли?

Потрепанный, усталый, измученный...

– Дан Пинна?.. – Канцлер даже вопроса задать не успел. Иларио уселся напротив.

– Нам надо серьезно поговорить, канцлер.

– Уже не канцлер.

– Уже знаю, – отзеркалил усмешку Иларио. Сплетни во дворце разносятся быстро... – Уже убедились?

– В чем?

– В том, что Филиппо править не может?

Андреас нахмурился.

Еще бы днем ранее, еще бы двумя днями... да он бы загрыз за такие слова! Но сейчас...

– Не знаю, что и думать. У меня такое ощущение, что с ним неладно...

Он был полностью прав. Но кто же мог знать про воздействие старой ведьмы? Да и проклятие...

Когда Адриенна его сняла... вот представьте – прожил человек всю жизнь с грузом на спине! А потом его скинул. Или проходил сутки в неудобной обуви и ее снял.

И так ему хорошо-о-о-о-о-о-о-о-о...

Эйфория накатила. Счастье есть!

Вот с Филиппо это и произошло. И мозги у него отказали полностью, даже те, которые еще работали.

– Я знаю, что происходит с королем, – тихо сказал Иларио. – Нет, он в себя не придет.

– Подробности? – напрягся Андреас.

И получил их.

Все, что знала Мия. Что знала Адриенна.

Что рассказала старая ведьма – признание Виолетты хранилось у Мии, и теперь его копию Иларио отдал канцлеру. И копию письма Комара, и его показаний...

Канцлер читал. Спрашивал, уточнял, думал...

Если это правда...

А ЭТО – правда, слишком все хорошо укладывается в схему. Только вот что дальше?

Что с этим делать-то?

И на этот вопрос у Иларио тоже был ответ. Он пока понадобится во дворце. А вот дан Альметто... если он соблаговолит...

Дан выслушал.

Соблаговолит.

И отправился напрямиком к брату Луису. Главе ордена доминиканцев.

* * *

Хотите не хотите ли, а при входе в башню доминиканцев даже у самого неповинного человека коленки так... подрагивали. Мелко, но отчетливо.

А кто его знает? Ты думаешь, что ни в чем не виноват? Ошибаешься, тебя просто пока поймать не пытались.

Канцлер же... ладно, он был почти-почти безгрешным. Бабушка у него была деревенской знахаркой, поэтому канцлер и кое-какие сушеные пучки из трав по углам держал, и блюдце с молоком ставил кому надо, и...

И что?

И не такое люди делают, и в зеркала глядят, и гадают, и...

Но они же к доминиканцам в лапы не ходят! А он вот пришел.

Сам пришел, добровольно. Впрочем, отнеслись к нему весьма и весьма хорошо, ждать долго не пришлось.

Брату Луису доложили, что к нему в гости явился канцлер, и главу ордена разобрало любопытство. Так что он отложил дела, честно помариновал то ли себя, то ли канцлера аж пять минут – и принял визитера.

– Дан Альметто.

– Брат Луис.

– Что привело вас в нашу благочестивую обитель?

Канцлер мялся недолго. Минут пять. А потом выложил на стол бумаги.

– Прочитайте, прошу. А я потом объясню и дополню.

Уже на второй бумаге брови брата Луиса принялись сползаться к переносице. Вот помнил он, помнил и Иларию Кавалли, и Виолетту Дзанелла...

– Вот они где выплыли, твари!

Выплыли. И ушли туда, где их не достанут. Но об этом канцлер скромно промолчал – пока. И принялся объяснять брату Луису остальное.

Про волков.

Про Леверранское чудовище.

Про кардинала и ее величество.

Брат Луис слушал, иногда записывал на листочке вопросы, чтобы не забыть, иногда просил сделать паузу, чтобы привести в порядок мысли. Но в результате...

– Если все действительно так...

– Не сомневайтесь.

– Братья приступом поместье Санторо необходимо. Но сколько там людей поляжет...

– Поляжет, – согласился канцлер. – Если не принимать во внимание одного человека.

– Которого?

– Адриенну СибЛевран. То есть ее величество Адриенну Сибеллин.

– И что она может сделать из тюрьмы?

– Надежный человек заверил меня, что в тюрьме она не останется.

– Даже так?

– Поверьте, брат Луис, этот человек не бросает слов на ветер. Он обещал, что потом ее величество отправится в поместье Санторо под столицей.

– И что она может сделать?

– Две вещи, – честно ответил канцлер. Бывший? Или пока еще действующий? – При ней нельзя проводить черное колдовство. Такова уж природа Сибеллинов...

– Не советую дальше богохульствовать.

– Если такова их природа, значит, это угодно Богу. Ведь без Его ведома...

Брат Луис кивнул. Ладно, в такой трактовке – принимается.

– И второе?

– Все волки, все эти монстры созданы искусственно. И они будут рваться к королеве, чтобы та оборвала их страдания.

– Минутку. Та сцена с волком...

– Да, брат Луис. Ее величество может... не говорить, но понимать, что нужно зверям и птицам. А это хоть и изуродованный, но все же волк. Он умолял о смерти, и королева дала ему эту смерть. Более того, она освободила его душу.

– Вот даже как...

– Именно так. И кардинал это отлично знал. Именно поэтому... Ее величество ему резко отказала, состоялся неприятный разговор, и в результате... казнь. Завтра на рассвете.

Брат Луис задумчиво побарабанил пальцами по столу.

– Кого же там собираются казнить?

– Не знаю. Но уверен, что человек... королева будет там, где оговорено.

Колебался брат Луис недолго, минут пять. Может, семь...

С ведьмами, о которых шла речь, он сталкивался. Такое не подделаешь. С королевой не случилось, но брат Томазо говорил, что королева благочестива и неглупа. А что кардинал...

Так и похуже чего бывало. Не у них, в Эрвлине, но говорят, даже короли-чернокнижники бывали. А это вовсе уж страшно.

В комплекте с признаниями мальчишки, который сидел у доминиканцев под замком, получалось и вовсе убойно. Да, надо было действовать – и СРОЧНО! Еще вчера...

– Прошу вас, дан Альметто, подождите немного в приемной. Мне надо будет отдать приказания братьям... вы поедете с ними?

Канцлер отрицательно покачал головой.

– Нет, брат Луис. С вашего позволения, я бы предпочел подождать окончания событий здесь, у вас. Можно даже в камере.

– Там безопаснее? – с ходу понял брат Луис.

Канцлер кивнул.

– Именно. Знаете, я не трус. Я и на поле боя бывал, и вообще... но вот это все для меня как-то слишком. Колдовство... и ведь его величество не дурак... не был дураком. Корона, что ли, так влияет?

Брат Луис пожал плечами.

Как по его, все власть имущие делились на две категории. Те, кто поддавался на лесть, и те, кто здраво себя оценивал. Первые быстро теряли все и скатывались вниз, вторые очень даже неплохо держались и пролезали наверх. Но первых, увы, всегда было больше.

– Если бы его величество знал, он бы не раз подумал, прежде чем оставлять сыну такое наследство...

– Трон?

– Нет. Эданну Вилецци.

– Да уж. Не ожидал от нее... черные мессы...

– Ведьма написала, что ее подвели постепенно, шаг за шагом. И она привыкла. Это же так легко – убить животное. Сначала птицу, потом что-то покрупнее, а там и до людей дошло...

Канцлер кивнул.

– Легко...

Сделай только первый шаг – и покатится, покатится, словно снежный ком с горы... и лавина помчится, сметая все и всех на своем пути. И будет это страшно.

Вот так, как с эданной Вилецци.

– Разве что до детоубийства не дошли. Кстати, где сейчас его высочество?

– Дан Пинна сказал, что он спрятан в надежном месте.

– И его величество не вытряхнул это из королевы?

– Она сама не знает, где малыш. А сказать, кто его унес... она сказала королю, что будет лгать и лгать, пока правда не утонет во лжи. Впрочем... король последнее время твердо уверен, что проклятие снято. А раз так... ему не нужны ни сын, ни жена. Никто... разве что эданна Вилецци и дети от нее.

– Идиот, – проронил брат Луис.

Может у скромного монаха быть свое авторитетное мнение?

Еще как может! И королю уже ничего не поможет, увы...

Братья собирались. Вроде бы и недолго – надеть доспехи, взять оружие... доспехи? Во времена арбалетов?

Представьте себе – да.

Если имеешь дело с нечистью, речь часто идет и о клыках, и о когтях. И есть вещи, которые от них неплохо защищают. Те же тоненькие посеребренные кольчуги... Те же поножи, те же браслеты на руки, да и на шею можно надеть нечто вроде ошейника. Даже с шипами.

А что?

Нечисть наткнется – и горло у тебя целым останется. Это важнее внешнего вида.

Оружие вроде бы проверено и готово, но даже пристегнуть ножны – тоже время. Пара минут здесь, пара минут там... а когда речь идет о сотне монахов, минуты растягиваются до часа. Часов даже. Да и другие силы надо подтянуть... это же все не так просто! Если предстоит столкнуться с чернокнижником, более того, с Гнездом, надо

быть особо педантичными. Вы же не будете бить по пятну грязи кувалдой? Нет, вы методично будете вытирать ее со всех сторон, а не разбрызгивать.

Вот и тут...

Окружить, не дать никому уйти, выполоть до последней сорной, ядовитой травинки... а на это нужны люди. А на их сбор нужно время.

А потом еще сама дорога.

Так что к поместью Санторо монахи подошли почти одновременно с ее величеством. Впрочем, это никого не расстроило. Даже Адриенну, карету которой остановили на дороге.

– Стой! Дальше пути нет!

Адриенне хватило выглянуть из окна кареты. При дворе доминиканцы бывали, розыск проводили и королеву в лицо хорошо знали. Да и так...

А кто это может быть еще?

Синие глаза, черные волосы, диадема с черным камнем? Других таких на свете нету...

– Ваше величество...

Адриенна не знала, что сказать. Выручил Лоренцо, который мысленно похвалил себя, что сдержался. А ведь мог бы и убить монаха, который вышел на дорогу. Запросто!

– Кто у вас главный? Ее величество хотела бы побеседовать...

– Брат Томазо, – с облегчением выдохнул монах. Все же... понятно, выше Бога нет никого, но Он – там. А земные владетели чуток поближе, и неприятностей от них может быть – не расхлебаешь! Вот и пусть с ними начальство разговаривает!

– Проводите? – поинтересовалась Адриенна.

– Да, конечно, ваше величество, – кивнул так и оставшийся безымянным брат и пошел впереди, показывая дорогу.

Лоренцо повернул коней на проселок, а через несколько минут к ним в карету постучался и подсел невысокий монах средних лет.

Будущий глава ордена доминиканцев, брат Томазо. Лоренцо перебросил одному из монахов поводья и тоже полез в карету. Оставлять своих девочек наедине с доминиканцем? Вот еще не хватало!

Брат Томазо тянуть kota за хвост не стал.

– Брат Луис сказал, что вы придете. Это хорошо. Ваше величество, что будем делать?

Адриенна пожала плечами.

– Не знаю. Я даже не знаю, что там, в поместье...

Мия приобняла подругу за плечи.

– Могу сходить на разведку.

– Можешь. Но лучше не надо, – вмешался Энцо. – Подумай сама, сколько ты проходишь?

– Как получится, – фыркнула Мия.

Она же не человеком пойдет! Она может и облик Леверранского чудовища принять. Обычного волка – почему нет? Попробовать хотя бы.

Раньше она так не делала, но сейчас Мия твердо была уверена, что у нее все может получиться.

– Я бы предложил нечто иное, – качнул головой Энцо. – Адриенна стала истинной хозяйкой этой земли. И может почувствовать нечисть, которая на ней гнездится.

– А с этого места подробнее? – поинтересовался брат Томазо.

Адриенна кивнула.

– Сибеллины – свет и солнце своей земли. Плодородие и счастье. А земля не любит нечисть. Отторгает ее, если хотите.

– Противное природе. Согласен, – кивнул монах.

Ладно уж. Насчет света, солнца... пусть королева заблуждается. Хотя даже сейчас, глубокой ночью, ему стало рядом с ее величеством и светлее, и теплее. И уютнее как-то. А вот если она нечисть чувствует... это интересно!

Очень интересно!

И кстати, а на каком расстоянии ее величество чувствует эту самую нечисть?

– Я никогда не пробовала, – честно созналась Адриенна. – Но теоретически на своей земле я могу почувствовать любое существо... где-то на четыре лиги вокруг. Может, чуточку больше...^[14]

– Это много, – согласился брат Томазо. – Правда, поместье Санторо еще больше, но выбора у нас нет.

Адриенна кивнула: она его тоже не видела.

– Я попробую. Только мне надо на воздух...

– Конечно, ваше величество.

Адриенна вышла из кареты, опираясь на руку Лоренцо. Огляделась вокруг.

– Это могла быть моя последняя ночь.

– Я убью Филиппо, – скрипнул зубами Лоренцо.

Адриенна погладила его по руке, а потом откинула голову назад.

Ветер дернул ее за волосы, выпутывая тяжелые черные пряди, затеребил-затормошил-растрепал косы, погладил по лицу, шепнул на ушко что-то фривольное...

Адриенна протянула руки навстречу ветру. Лоренцо отпустил ее запястье – и в следующий миг королева сделала шаг вперед, еще один...

– Не думал, что увижу, – восхищенно прошептал брат Томазо.

Адриенна закружилась на одном месте, раскинув руки, словно хмельная от счастья, – и ночь отозвалась ей. На миг всем присутствующим показалось, что соткался рядом с королевой силуэт из лунного света и ветра, протянул ей руки, поддержал, чтобы не упала. И она улыбнулась, нежно и счастливо. Земля приняла королеву и заговорила с ней.

Криками зверей и птиц, свистом ветра, улыбкой луны и звезд, которые тут же нагло облили сиянием тонкую фигурку...

Сибеллин!

На землю пришли свет и радость, тепло и спокойствие... что еще надо?

Ничего! Только радоваться! И они были счастливы вместе с Адриенной.

Были, пока...

Адриенна не соврала. Она могла чувствовать нечисть. И сейчас... все Санторо воспринималось словно булка с изюмом. Только изюм был весьма неаппетитным.

Нечисть...

Где-то больше, где-то меньше... она ждала. Поблескивала красными огнями глаз в темноте, впивалась когтями в несчастную землю, рвала на куски ее творения. И земле это решительно не нравилось.

И нечисть не нравилась.

Пусть даже кардинал и переделал свои творения из обычных волков, пусть осквернил древнюю кровь, но... Землю не обманешь.

И терпеть такое насилие над собой она не станет. Долго – точно не станет.

Земля с радостью делилась с Адриенной своими бедами, понимая: пришла ее защитница. А Адриенна начинала понимать Моргану.

Какая, казалось бы, разница?

Тогда Сибеллин еще не был ее домом. Вообще был не важен для Морганы. Тогда еще правил Коррадо Сибеллин... и они еще не были знакомы. И все-таки...

Знать, что где-то рядом с тобой вот такое, мерзкое...

Кто ж будет терпеть кучу навоза на обеденном столе? Правильно, никто. Особенно, если настало время обеда.

У Адриенны это проявлялось не так остро, но все же... Противно, неприятно, гадко. И вообще – ФУ! Убрать, и немедленно!

Это она и сообщила брату Томазо, когда раскрыла глаза.

– А подробнее? – не стал спорить доминиканец. Уберем, конечно, только бы знать, что и где.

– Можно карту поместить?

– Конечно, ваше величество.

Титул монах забывал через раз, но и Адриенне сейчас было не до того. Грифель порхал над картой, отмечая гнезда нечисти. Как же их много...

Вот ведь... постарался, подонок!

Интересно, что он сейчас делает – радуется?

И Адриенна решительно поставила еще одну точку на карте. Пусть радуется. Недолго уже осталось.

Глава 11

Адриенна ошибалась. Его высокопреосвященство пил.

Жестоко и беспощадно заливал себе в горло вино, но даже захмелеть как приличный человек не мог. Не брал его алкоголь.

Все виделись ему ярко-синие глаза, все сияла перед ним ослепительная улыбка...

И слышалось только одно слово: «Нет».

Почему, почему, вот просто – ПОЧЕМУ?!

Чем он хуже того же Филиппо? Ладно еще, когда было проклятие! Но сейчас-то оно снято! Почему нельзя выбрать его?!

Он ведь... как же он любит! На руках носил бы, веточке упасть не дал, зацеловал бы всю...

Королева?

Да, королева. Но еще и самая прекрасная из женщин. Самая лучшая, умная, очаровательная, красивая, самая... настоящая! И – отказ!

И такое отвращение, словно вместо мужчины рядом с ней гигантский слизень...

А ведь понимает, что умрет. Не может не понимать.

Боится, хочет жить, но... не с ним. Неужели он страшнее смерти?

Кардинал решительно влил в себя еще один кубок.

Куда там – опять пролилось, как вода. А ему надо было напиться до рассвета. Напиться в хлам, в стельку, в дым, напиться так, чтобы даже мысли не возникало. Чтобы проснуться к полудню и с горечью на губах осознать: все кончено.

Он не сможет глядеть на рассвет и знать, что для нее это в последний раз.

Не сможет...

Филиппо ему заплатит за это, страшно заплатит, о смерти будет молить как о милости, но Адриенну это не вернет.

Никогда...

Не будет ее глаз, улыбки, ее серебристого смеха... не будет ЕЕ.

И все сильнее накрывает отчаяние.

Почему так?!

Почему, за что, так неправильно, нехорошо, нельзя...

Жизнь не слушает и не интересуется человеческими страданиями. И луна заглядывает в окно, словно оскаленный череп. И ухмыляется.

Чего ты хотел, человек? Ты же сам ее приговорил?

Ты сам, все сделал сам. И она уйдет по солнечному лучу, а ты останешься. И выть будешь от отчаяния, и кровью захлебываться, и каждый раз вспоминать... царапнет – и вспомнишь. И никакая черная магия тебе не поможет.

Для каждого своя цена.

Для Иларии, которая стала бесчувственной, для Виолетты, которая решила остаться человеком, и даже для чернокнижника, который так хочет власти.

Но смысл цены один и тот же.

Боль.

Жуткая, жгучая, отчаянная...

Думаешь, тебя не найдут чем зацепить?

Наивный...

Анджело Санторо опрокинул еще кубок с вином. Может, хоть с десятой бутылки возьмет? Или с двадцатой?

Кристалл на его груди пульсировал, подавая хозяину сигналы опасности, но...

Это кардинала вино не брало. А вот его чутье давно уже утонуло... кажется, на шестой бутылке. Или на восьмой? Даже и не булькнуло.

* * *

– Дан Нери!

Помощник постучал в покои коменданта, давая понять, что пора бы и делом заняться?

Скоро рассвет... пока все приготовишь, пока то да се... король на казнь не пожалует, но организовано все должно быть на высшем уровне. Ему ведь доложат.

И свидетели будут...

Ответа не было.

– Дан Нери!

Даже когда помощник заколотил в дверь по-простому, ногой, отклика он все равно не дождался.

– Ньор Федеричи? – поинтересовался у него стражник.

Что делаем-то? Ась?

Ньор думал недолго.

– Ломайте дверь.

Против стражников, да с алебардами, да с топорами и ломиками, у той не было никаких шансов. Дерево треснуло, крякнуло и поддалось.

– Матерь Божия, – застыл на пороге ньор Федеричи.

Рядом с ним так же застыли стражники.

Как-то не вписывался в картину их мировоззрения мертвый комендант, и рисунок на полу тоже никому не понравился.

Кто знает, сколько бы они так стояли, если бы не грохнулся кто-то в коридоре. Видимо, удрать пытался, поскользнулся, выругался...

Ньор Федеричи пришел в себя...

– Так. Я сейчас проверю, на месте ли королева, и будем готовить все к казни.

– А... – вякнул кто-то из стражников.

Глупые возражения ньор Федеричи отмел взмахом руки.

– Король со всех спросит.

Это было чистой правдой. И спросит, и отвесит, и как бы самим не разделить судьбу королевы, если казнь сорвется.

И то сказать... кто нужен для казни?

Королева и палач. Остальное – так, мелочи. Ерунда. Свита...

Комендант должен все организовать, но если он этого и не сделал... ну так что же? Ньор Федеричи справится не хуже. А там, может, и даном по результату станет?

Все может быть...

И ньор Федеричи помчался по этажам.

Плаха, палач, королева... последняя никуда не делась. Эданна Чиприани заглянула в щелочку и даже ньору кивнула.

Лео посмотрел сам – сидит ее величество на подоконнике, на небо смотрит.

– Ничего она не просила?

– Нет.

И то понятно. Вот что ей может быть нужно?

Уже ничего.

Плаха готова?

* * *

Мия и Лоренцо переглянулись.

Им бы туда!

Руки чесались немножко подраться! Чуть-чуть... они бы и монахам оставили, и сами позабавились... что такое штук по двадцать волков на человека?

Ерунда!

Даже говорить не о чем!

Но нельзя.

Монахи решительно определили обоих Феретти в охрану к ее величеству. Ну, то есть попросили не путаться под ногами, чем сильно обидели и Мию, и Лоренцо. Но не поспоришь.

Доминиканцы действовали уверенно и спокойно.

Это Леверранское чудовище могло и не с такими справиться. Но там другое. Там и древней крови было побольше, и опять же поди поймай волка в лесу?

А обычная нечисть...

Братья привыкли с ней бороться и действовали слаженно, как на учениях.

Сначала выманивали на кровь, которой с собой оказалось несколько фляг. Нет, не человеческой. Скотобойню посетили.

Потом расстреливали посеребренными болтами из арбалетов и добивали, кого не успеют отстрелить. Без потерь не обходилось, это верно.

Нескольких братьев уже покусали, один, слишком самонадеянный, погиб на месте. А вот нечего гулять вразвалочку!

Это нечисть!

К ней надо подходить осторожно и ждать, что тебя цапнет... так и получилось. Притворилась одна из тварей мертвой и дотянулась лапой. А с распоротым животом, да когда все кишки наружу вывалились...

Нет, так не побегаешь.

Доминиканцы уверенно продвигались к собственно поместью. К дому его преосвященства. Когда знаешь, где тебя ждет засада, это

несложно.

Ну и сыграло свою роль опьянение.

Будь кардинал в полном рассудке, потери были бы намного больше. Ему всего лишь стоило скомандовать: «Защищать!» – и вся нечисть кинулась бы на людей.

А он просто приказал патрулировать, не показываясь людям на глаза. Рано пока еще.

Результат был вполне предсказуем.

Нечисть и пыталась дозваться своего господина, но бесполезно. Ох уж это вино...

* * *

– Ваше величество, я прошу вас... осторожнее.

Брат Томазо понимал, во многом их мизерные... да-да, мизерные (двое убитых, шестнадцать раненых больше чем на сотню головдохлой нечисти) потери – это потому, что Адриенна с ними.

Она и показала, куда бить, и сказала, кто где находится, да и просто... Монах не мог это сформулировать точнее, но нечисть... словно бы для галочки сопротивлялась. Для проформы...

И мечтала о смерти.

Все было верно.

Адриенна могла дать несчастным изуродованным душам свободу. Они это знали и не старались особенно усердствовать. Есть жизнь хуже смерти, еще как есть... особенно, если ты нечисть, но помнишь, КАК это было. По-настоящему, на воле...

Отпусти, королева...

И Адриенна улыбалась лунным лучам, по которым взбегали вверх несчастные измученные души.

Легко-легко. Словно в детстве...

Она почти видела их. Словно клочки тумана, которые скользят вверх по серебряным ниточкам. И им хорошо... И ей хорошо.

Отпускать на волю всегда приятнее, чем сажать в клетку.

Но в дом к кардиналу надо было идти ей. Не кому-то другому, именно ей. Братья могут и не справиться.

Мия и Лоренцо?

Можно даже не спрашивать. Они не просто будут рядом – их не выгонишь. Разве что связать, оглушить, запереть... выберутся и очень резко выразят свою обиду.

Поместье Санторо не было замком.

Самый обычный дом. Безо рва, без крепостной стены, без вала... оно и понятно. СибЛевран – на границе. В захолустье. Там и разбойники, и черт знает кто...

Санторо – под столицей. Буквально час-два езды... Строить под столицей укрепления? Как минимум это странно. Да и не такой уж древний род Санторо. Они на эту землю пришли вместе с Эрвлинами, получили кусок земли, отстроились... но не до крепости.

Просто особняк.

Центральный вход, два крыла, три этажа, множество комнат...

Адриенна точно знала, где находится кардинал Санторо. Чувствовала.

Теперь – чувствовала. Когда не знаешь, что искать, найти сложно. А когда ты уже знаешь, когда видела, когда соприкоснулась с этой силой...

Адриенна уверенно показала на левое крыло.

– Он там.

– Мы идем вперед, ваше величество. Потом вы, потом опять монахи. – Брат Томазо не суетился. Спокойный, деловитый работник войны. Он знал, что нужно делать, он это делал.

Нечисть?

Тем хуже для нечисти.

И ложатся под ноги мраморные плитки пола.

Поворот, еще один поворот... и вот перед ними закрытые двери библиотеки.

Адриенна посмотрела на брата Томазо. Тот сделал шаг вперед – и постучал. Ответом ему стал прилетевший в дверь кубок.

Гостей кардинал не ждал. Слуги... и те до утра из своих комнат не выйдут.

Жить всем охота. Сами запираются, сами опасаются – и правильно, между прочим. Нечисть не разбирает, кто тут служит, а кто так... с самоубийственными целями ходит.

А то с какими ж еще? Если знаешь, что тебя могут съесть, и разгуливаешь где ни попадя? Точно самоубийца.

И скрип отворившейся двери воспринял даже с изумлением каким-то. А уж когда увидел...

В дверях стояла Адриенна. Стояла себе... в простом светлом платье, смотрела синими глазами... мерещится.

Точно...

Анджело и не мог подумать иначе. Ну откуда, откуда тут Адриенна СибЛевран? Да еще в таком виде?

С распущенными волосами... – он и не видел ее никогда простоволосой: Адриенна или приказывала заплести волосы в косу, или укладывала сложные прически – с улыбкой на тонких губах.

И красотка рядом с ней... откуда?

Такую кардинал и не видел ни разу, иначе бы запомнил. Наверняка.

Золотые волосы, карие глаза, личико – словно воплощенная мужская фантазия, одни губки чего стоят – такие полные, яркие...

Ему точно чудится.

Кристалл на груди полыхнул так, что даже ослепил на минуту. Но после десятой бутылки...

Вино – штука коварная. Пьешь, пьешь, а потом тебя ка-ак догоняет! Да ка-ак глушанет! Вот это с даном Анджело и случилось.

Он кое-как поднялся из кресла.

– Риен... любимая...

Адриенна едва не отшатнулась. И так-то было неприятно, а уж сейчас...

Когда мужчина себя контролировал, он и свою силу держал под контролем. Она все равно чувствовала отвращение, просто понять не могла, в чем дело. Сейчас неконтролируемая и неуправляемая сила хлестала во все стороны. И Адриенна невольно поморщилась.

Гадость...

– Я ведь все... я бы для тебя, я бы... за что ты меня?!

Мия выяснять, кто и за что, не стала. И медлить тоже, и размышлять.

Одно уверенное движение. Только одно.

Клинок описал дугу – и голова дана Санторо покатила с плеч. За все хорошее!

За Комара, за волков, за тех, кого они сожрали, за Леверранское чудовище, за принесенные тобой жертвы... как-то слишком быстро кардинал кончился. Вот беда – два раза не убьешь!

Но это был еще не конец.

Голова мужчины покатила по полу. Из разорванных острой сталью артерий хлынул поток крови.

Говорят, что при обезглавливании человек еще живет несколько секунд. До минуты живет^[15].

Это оказалось чистой правдой.

Разум, предсмертным усилием сбросивший оковы вина, осознал свою смерть. Ясные и чистые глаза уставились на Адриенну с такой ненавистью, что ей стало дурно. И губы шевельнулись.

Всего несколько слов.

Почти неслышных, обозначенных только движением мышц, но этого хватило.

И снаружи послышался дикий волчий вой. Истошный, яростный, свирепый вой хищника, которого не просто спустили с цепи, а еще и горячей головней ткнули. Глаза кардинала помутнели.

Адриенна бросила взгляд на Мию.

– Убейте всех, – перевела подруга. – Он спустил свою свору с цепи. Знала бы – била в сердце.

Снаружи послышался человеческий крик. Потом еще один.

Адриенна дернулась, заметалась...

Что делать, что же делать?..

На плечи легли теплые руки Лоренцо.

– Тихо, родная моя. Я рядом... успокойся. Подумай... ты сможешь их как-то отпустить?

– Нет! – почти вскрикнула Адриенна. – Их надо убить для этого... я не могу.

– А можешь отменить приказ?

– Но я не...

– А он как?

Адриенна перевела взгляд на тело в простой белой рубашке и черных штанах. И сообразила.

Кристалл!

Конечно же, кристалл! Который до сих пор был на шее трупа, который пульсировал, волновался...

Энцо, родной мой, какой же ты умный!

Адриенна сделала шаг вперед – и подхватила с пола окровавленную цепочку. Но надевать не стала – мерзко. Вместо этого она зажала в ладонях само распятие.

Ощущение было неопишваемым. Словно она держит в ладонях живое существо. Какого-нибудь мерзкого кислотного слизня, который еще и льдом плюется, и обжигает, и...

– Ваше...

Ворвавшийся в комнату брат Томазо обнаружил у своего горла лезвие клинка. Орать и отвлекать подругу Мия никому не позволит.

– Чш-ш-ш-ш! Сейчас Риен это исправит!

Сработало. Брат Томазо застыл на месте. Ему хотелось объяснить, что отовсюду лезет какая-то нечисть, что волки взбесились и кидаются на людей, что надо уходить...

Но как?

И долг не позволит, и количество нечисти. Не пробьешься. Просто не пробьешься...

Адриенна даже не слышала этого разговора. Она отняла одну руку от слизняка и протянула Лоренцо.

– Режь.

Энцо скрипнул зубами, но осторожно царапнул кинжалом ладонь Адриенны. И она вновь обхватила кристалл.

Вот теперь – да.

Теперь все было правильно. Ее кровь давила слизня, обжигала, заставляла корчиться от боли и ужаса... они взаимно жгли друг друга.

И Адриенна словно проваливалась куда-то.

В темноту, в бездну... Там было тихо и спокойно, только в ушах шептал навязчивый голос.

«Зачем тебе эти людшики? Ты рождена для другого, а они тебя не поняли, не оценили, прими, прими, прими меня...»

Руки Лоренцо были такими надежными. Такими уютными... и так прочно удерживали ее над бездной.

Не нужна ей власть.

И сила таким путем не нужна.

И люди... какая разница, как поступают они? Важно, как поступаешь ты. Каждый отвечает перед собой, а правитель – за всех. Нашли, чем искушать... тьфу!

Адриенна что было силы сдавила кристалл.

Не будет тебе пощады, дрянь!

Я не знаю, кто ты и что ты, кому приносил жертвы дан Санторо, кого призывал и кому клялся! Но это моя земля!

Мои люди.

Мое королевство...

Мой Сибеллин!

И я никому его не отдам.

Кровью Высокого Рода!

Кристалл полыхнул ярким пламенем сквозь стиснутые пальцы – и осыпался черным пеплом. Адриенна медленно разжала пальцы и поглядела на обожженные ладони... да, это долго не заживет. Это даже не волдыри – до мяса...

За окном стихли дикие крики. Нечисть разбегалась.

Лишенная управления, лишенная жоака... они еще натворят зла. Они еще будут охотиться и убивать людей, но и на них найдется управа. И теперь доминиканцам будет легче.

Адриенна посмотрела в окно.

На небе медленно проявлялась светлая полоса.

Занимался рассвет.

* * *

– Ваше величество...

Моргана отвела взгляд от окна и поглядела на эданну Сабину.

Час назад фрейлины пришли в комнату.

Неясно, чего они ожидали, но уж точно не абсолютно спокойной королевы, которая сидит на подоконнике и гладит кота.

Принесли ванну. Моргана с удовольствием вымылась, сама заплела волосы, не давая никому вытащить из них прядку волос Адриенны... мало ли что?

Приняла платье от эданны, сначала серебряное, нижнее, потом черное, верхнее, шитое серебром. Коснулась руки Сабины.

– Все будет хорошо...

Эданна посмотрела на королеву измученными глазами. М-да... всегда бодрая и энергичная, сейчас эданна Чиприани выглядела старухой. Красные глаза, седые пряди, резко обозначившиеся морщины...

– Адриенна, детка...

Эданна запнулась, проглотила фразу. Но что она могла сказать?

Ты идешь на смерть – и ты же меня успокаиваешь?

Моргана кивнула.

– Не плачь обо мне. Я никуда не уйду. И... Сабина, позаботься о моем коте.

– Коте?

Моргана поглядела на себя в зеркале.

Все пока на месте. И облик на месте. Хорошо, что рядом с ней никто не стоит... ах, мастер Сальвадори, зачем же ты их сделал именно такими? Моргана видела и маску, и Баттистину под маской, и себя словно бы за плечом этого тела...

Ничего.

Осталось уже немного...

Платье ниспадает пышными складками, волосы уложены в простую прическу: коса заплетена короной вокруг головы... оно и к лучшему. Скроет, что на голове нет короны. Только иллюзия...

В дверь негромко постучали и открыли, не дожидаясь ответа.

Вошел невысокий седой священник.

– Ваше величество...

– Падре Ваккаро?

Моргана его знала. Но не ожидала увидеть здесь и сейчас.

– Я прибыл напутствовать вас перед казнью и принять вашу исповедь.

Моргана откинула назад голову и весело рассмеялась.

– Падре, милый, не надо!

– Ваше величество? – замер Норберто.

– Вы прекрасно знаете, мне каяться не в чем. А моему супругу уже и не поможет ничего. Давайте не тратить зря время.

– В-ваше величество...

Моргана подошла, легонько поцеловала падре в щеку. Приятно напоследок увидеть верующего человека.

И тихо, на ухо:

– Бог есть любовь. И он читает в наших сердцах и душах. Ему не нужны признания...

Падре отшатнулся, а в дверь просунулось лицо... харя? Какого-то стражника.

– Пора...

Моргана усмехнулась. Дохлый комендант – не повод отменять казнь, не так ли? Она еще раз поправила волосы и улыбнулась своему отражению.

– Вот так...

– Мяу!

Нурик уверенно подошел к ее величеству.

Моргана криво улыбнулась.

– Ты хочешь со мной?

– Мяу.

Моргана наклонилась, подхватила кошачье тельце, черные лапки тут же обхватили ее шею, мордочка уткнулась в стык между шеей и плечом, щекоча усами и мокрым носом, замурлыкала...

– Эданна, мы договорились? – требовательно посмотрела Моргана.

– Да, ваше величество.

Моргана улыбнулась и вышла из комнаты.

Эданна Сабина шла позади нее. За эданной шли все фрейлины.

Никто не захотел остаться в стороне. Историческое событие?

Нет.

Просто это их долг. Они пришли служить королеве, они и будут служить ей до последнего. Точка.

Моргана медленно шла по коридору.

Страха не было. Было, скорее, ожидание. И надежда.

Ее долгое бдение подошло к концу. Она так устала, так соскучилась... ей так хочется уйти. Ей давно пора... дети Лилит могут уйти, когда сами захотят. И сейчас...

Сейчас она могла это сделать.

Вот и внутренний двор.

Помост, закрытый алой тканью, плаха, рядом с ней мужчина, опирается на большой двуручный меч. Тоже в алом.

Моргана неприятно рассмеялась.

– Ваше величество? – Какой-то невысокий человечек подошел, поклонился. – Мое имя Лео Федеричи, с вашего позволения, я распоряжаюсь казнью...

Моргана фыркнула.

– Распоряжайтесь, любезный ньор.

Мужчина не подал вида, что его покорило такое отношение. Но в глазах вспыхнул гнев.

– Прошу вас пройти на помост, ваше величество. Вы желаете исповедаться?

– Нет.

– Что-то еще?

– Нет.

Моргана уверенно поднялась на эшафот. Каблучки постукивали по дереву. За ней поднялись эданна Чиприани и две фрейлины. Моргана их плохо запомнила. Кажется, дана Варнезе и дана Санти?

Вполне возможно.

Теперь уже это не важно.

По обычаю полагалось заплатить палачу.

Моргана даже и не подумала этого сделать.

– Расчет возьмете у моего бывшего супруга, – звонко объявила она. – Ему нужна моя смерть, пусть он и платит.

Показалось ей или из-под алой маски донесся смешок?

– Вам не кажется, что в вашем костюме и в декорациях не хватает белого и золотого? Все же цвета Эрвлинов...

– Если ваше величество прикажет... – вмешался ньор Федеричи, понимая, что сейчас об него как следует вытрут ноги.

Правильно понял.

– Любезнейший, прежде чем на эшафот подниматься, сапоги снимите. Я тут на колени становиться буду, – цыкнула на него Моргана.

Теплое кошачье тельце вцепилось в одежду, прижалось...

Она не боялась.

Но почему-то так было легче и спокойнее. И веселее, что ли?

– Нурик, пора, – шепнула она коту.

Когти разжались. Кот спрыгнул на плаху, подумал, поточил об нее когти...

– Ваше последнее слово, ваше величество, – вмешался снизу ньор Федеричи.

– До встречи, – усмехнулась Моргана.

Села на колени, положила голову на отполированное дерево, опустила руки... к ладони прижалось уютное кошачье тепло.

Свист клинка она скорее почувствовала, чем услышала.

А потом...

Боль?

Ее не было. Или не было осознания боли. Потому что откуда-то сверху к ней на плаху медленно спускались те, кого Моргана любила больше самой жизни.

– Коррадо! Фабрицио!

Ее супруг. И ее спутник!

Мужчины переглянулись, улыгнулись – и протянули руки, помогая ей подняться.

Моргана послушно вложила свои ладони в их. Ощутила надежное уверенное тепло...

– Я так соскучилась, мальчики...

– Идем? – Фабрицио всегда был нетерпеливым.

– Минуту. У меня есть еще одно дело...

Моргана оглянулась назад.

Голова лежала в корзине. Тело бессильно распростерлось на залитом кровью эшафоте. Эданна Сабина подхватила кота и прятала лицо в густой шерсти. Нурик явно был не слишком доволен, но не сопротивлялся. Лучше так, чем потом лапы от крови вылизывать...

Моргана улыгнулась – и прищелкнула пальцами.

Сейчас. Именно сейчас, пока тело не вернуло себе истинный облик... это еще несколько секунд. Потом жизнь в нем замрет окончательно.

– Пепел к пеплу, – тихо произнесла женщина.

А в следующий миг палач с воплем отскочил от тела.

Шарахнулся и свалился с эшафота ньор Федеричи.

Глухо вскрикнула эданна Сабина, упала в обморок какая-то фрейлина...

Тело «королевы» на глазах у всех рассыпалось черным пеплом. Пыль сыпалась и сыпалась на алую ткань, оседала на ней вечной чернотой и серебром... и на плахе осталась лежать только разрубленная черная роза.

– Господи, – прошептал кто-то.

Моргана довольно улыбнулась.

Ладно. Коменданта хватило продержаться. А эту энергию дала ей смерть Баттистины. Впрочем, о ней Моргана тоже не жалела.

Поднявшему руку на Высокий Род – смерть!

Палач просто привел приговор в исполнение.

Моргана знала, в эту секунду осыпается пылью в подвале ее алтарь. Она берегла, хранила, держалась, сколько могла. Но настала и ее пора.

Пора уходить.

Моргана Сибеллин, первая из династии, повернулась к своим мужчинам и улыбнулась.

– А вот теперь – пора.

Три души зашагали по солнечному лучу, не оглядываясь назад. Для них история только начиналась.

* * *

– Господи... Господи...

Других слов у эданны Сабины не было.

Челия поднесла руку ко рту.

– Это же...

– Святая, – шепнул кто-то в толпе. Не так уж много людей было допущено на казнь, но падре Ваккаро, стража, палач, фрейлины... и понеслось шепотком, промчалось по замку...

Упал на колени рядом с плахой палач. Прикоснулся. Куда там...

Была обычная, дубовая, а стала черная с серебром. Цвета Сибеллинов.

И мужчина впервые в жизни взмолился Богу, поверив даже не то что в его существование, а в его всеведение. И понимая, что за все совершенное здесь придется ответить там.

Казненная Адриенна Сибеллин становилась легендой королевства.

* * *

– Что-что там было?

Филиппо был весьма доволен жизнью. Как же прекрасно просыпаться свободным человеком!

Свободным!

А еще лучше, когда рядом с тобой любимая женщина, когда она улыбается, когда...

Все самое лучшее в жизни его величество перечислить не успел. Вчера они с Ческой удрали из дворца, сегодня вернулись с утра, когда все уже было кончено, и наткнулись на министра двора. Дан Микеле Баттиста лично доложил его величеству о том, как прошла казнь.

– В пыль?! Как – в пыль?! Почему в пыль?!

Смертельно побелела эданна Франческа, понимая, что это значит.

Казнь прошла. Но тела-то нет!

Доказательств нет...

А спустя некоторое время пойдут такие слухи...

Можно бы попробовать пустить встречные. Но...

Черная с серебром пыль, которая намертво осела на плаху. Впиталась – не вытравишь...

Разрубленная роза – стебель отрублен от бутона аккурат у чашелистиков, но роза цветет, живет, пахнет...

Ческа обхватила себя руками.

– Любимый...

Король заметил это и подошел к женщине.

– Ческа, милая, ну что ты... не надо! Все хорошо, все замечательно... ее больше нет, а мы поженимся и будем счастливы. Обязательно...

Ческу затрясло. Почему?

Она и сама не знала. Но холод окутывал ее волнами, проникал внутрь...

– Я пойду, милый. Мне надо еще к балу подготовиться...

Король милостиво отпустил любовницу, проводил ее взглядом, посмотрел на министра двора.

– Что еще скажете, дан Баттиста?

Дан Микеле пожал плечами.

– Ваше величество, из уважения к вашему отцу прошу меня выслушать. Даже если сказанное вам не понравится.

Филиппо поморщился.

– Слушаю.

Вот ведь... старичье! Как они не могут понять: сейчас другие времена! Закоснели, замшели в своем прошлом и не осознают, что надо, надо двигаться вперед, что будущее принадлежит таким, как Филиппо, – молодым, умным, хватким...

– Если вы женитесь на эданне Франческе, полыхнет бунт, – спокойно сказал министр. – Королеву не любили, но уважали. Эданну Франческу ненавидят в народе. Плюс казнь королевы по явно надуманному поводу...

– Она на меня покушалась! – вспыхнул Филиппо.

Ответом ему был взгляд министра... такой... на детей так смотрят! На тупых.

А чего!

Если молотком, да по пальцу, понятно – гвозди виноваты! А еще молоток и стена!

– И сегодняшняя казнь. Что это было, ваше величество? Я никогда о таком не читал и не слышал.

– Сибеллины, – скрипнул зубами Филиппо, не замечая, что почти оправдывается. – Сибеллины, вот и все. Кто знает, на что способна эта нечисть.

– На разрубленный цветок. И черное с серебром... палач сказал, что уходит.

– Уходит?

– В монастырь. Он будет отмаливать грехи.

Филиппо посмотрел на министра дикими глазами.

Палач? Да они... это весьма и весьма особая категория людей. Отличные профессионалы, умные, жестокие, безжалостные, прагматичные и равнодушные. Другие в этой профессии не работают.

Есть еще садисты, которые получают удовольствие от пыток, но... такие тоже в этой работе не задерживаются. Тут ведь нужно не

замучить человека, а добиться своего.

– Это безумие?

– Нет, ваше величество. Палач уходит в монастырь. Фрейлины все уходят.

– Куда? Тоже в монастырь?

– Нет. Они единогласно боятся оставаться при дворе. Эданна Чиприани высказалась весьма определенно.

– Она была на казни?

– Да, ваше величество.

– Пригласите ее ко мне.

– Да, ваше величество. Если мне позволено будет высказаться еще... эта казнь стала самой страшной вашей ошибкой.

Филиппо сжал кулаки. Вдохнул, выдохнул... не получилось успокоиться. Голову дурманил красный туман ярости.

Да что ж такое!

Почему все и всегда указывают ему! Он что, не прав?!

Глупости!

Все он правильно сделал!

Убедить самого себя не вышло, в стену полетела чернильница, оставила на алом и золотом некрасивое черное пятно. Как цвет Сибеллинов...

– Вон отсюда! И пригласите эданну Чиприани!

* * *

Сабину долго ждать не пришлось. Она была во дворце, так что нашли ее достаточно быстро. Эданна наблюдала за слугами, которые собирали ее вещи.

К королю?

Хорошо же...

Она покосилась на кота, который лежал на кресле. Животное она заберет с собой. Не оставит здесь!

Ни за что!

Стоит только вспомнить, как он мурчал до последнего на руках у королевы, как теплая мордочка касалась ее руки... иногда животные стоят дороже людей.

Если б эданне предоставили выбор – короля спасти или кота, – она бы и не думала. Кота, конечно!

Какой там растакой король? Тьфу, дрянь!

Но сходить она к нему сходит.

– Жаль, кот, нельзя тебя взять с собой. Но я и не на плаху... надеюсь.

– Мау, – равнодушно сказал кот.

Он все видел. И все понимал. И был рад за Моргану. И ждал хозяйку. А эта женщина...

Пусть сходит. Ничего с ней страшного не произойдет.

* * *

Филиппо посмотрел на эданну Сабину.

– Вы уходите, эданна.

– Да.

Он не спрашивал, она не оправдывалась. Да, вот так и есть. И что?

– Расскажите мне, что было на казни?

Эданна Сабина напряглась.

Королям не хамят. И по яйцам их не бьют. И в глаза не вцепляются с визгом. И матюгами не кроют вдоль и поперек... королей даже убивают по политическим причинам!

А как хочется!

– Казнь прошла прекрасно, ваше величество. Палач был милосерден и отрубил голову быстро, – отрезала она.

– А потом?

Все...

У каждого есть свой предел терпения. И эданна Сабина сегодня его уже перешла. Не остановить.

– А потом, ваше величество, истинная королева этой земли рассыпалась в прах. Черный и серебряный. Вы этого хотели? Поздравляю, последняя из Сибеллинов мертва, ее ребенок неизвестно где. Можете радоваться.

– Придержите язык, эданна!

Куда там!

Если женщина сорвется с нарезки, ее не остановить. Эданну Сабину в том числе.

– Я, ваше величество, в монастырь не уйду. Дома помолюсь, чтобы Господь помиловал и это королевство, и его жителей. Мы виновны перед королевой, Богом и совестью. А вы... счастья вам с эданной Франческой.

– ВОН! – сорвался Филиппо.

Не выдержал.

Будет еще какая-то гадина его любимую своим языком марать!

Ответом эданной стала хлопнувшая дверь.

А в стену полетел уже стул. Новый письменный прибор пока не принесли, так что...

Ничего! И стул стерпит! Она стена, ей положено... еще у них мнение там какое-то! Не много ли все эти твари на себя берут?! С королем спорить?!

Гр-р-р-р-р!

* * *

Казалось бы, больше эданну Сабину довести было нельзя. Но...

Эданна Франческа в ее покоях?

Градус «кипения от ярости» скакнул в заоблачные дали. Эданна зашипела так, что ей позавидовала бы рота кипящих чайников и минимум три вулкана.

– Тебе что здесь надо, дрянь?!

Такого приема эданна Франческа не ожидала. И даже растерялась как-то... привыкла за последние годы. Она любовница принца. И никто, вот никто не смеет с ней так разговаривать!

Кланяются, прогибаются, могут шипеть в спину, могут подпустить чуточку яда, но чтобы в лицо хамить? С порога?

Да такого уж лет пятнадцать не было, с тех пор как она мужа похоронила. Отвыкла эданна. И как-то даже растерянно проямлила:

– Я про казнь хотела узнать. Сколько там наврали?

Эданна уперла руки в бока.

– Про казнь?

– Д-да, – начала приходить в себя Ческа. Впрочем, кто бы дал ей время.

– Про казнь, значит. Про розу, про плаху, которая теперь черная с серебром, про палача, который уходит грехи замаливать...

Ческа машинально кивнула.

– А ну пошла отсюда! – рявкнула эданна Сабина. – Будет тут еще каждая б... меня спрашивать!

Двери в комнаты были открыты, слуги собирали вещи и прислушивались. И кстати – были во многом согласны с Сабинной Чиприани. Короля за его поступки презирали. Королеву жалели.

Ческа задохнулась.

– Ты... сгниешь в крепости!

– А может, сразу на плаху? – мягко уточнила эданна Чиприани. – Как королеву? А?

Ческа сделала шаг назад. Эданна Чиприани надвигалась решительно и неотвратно.

– А коли уж на плаху, так я последнюю волю королевы-то исполню! Хотела она тебя налысо обрить... ну я так повыдергиваю!

Распущенные волосы – это красиво. И так нравится королю...

Эданне Чиприани тоже понравились. Вцепилась она в Ческу с такой душой, что визг понесся по всему дворцу. Слуги вбегали и застывали на месте... как-то не каждый день такое увидишь.

Чтобы одна благородная эданна методично выдирала пряди волос у другой, не менее благородной. Сопротивление?

Эданна Чиприани весила раза в два побольше Чески. И своим весом пользовалась умело. А пара царапин...

Ладно уж!

За такое – не жалко!

Наконец взбешенную Сабину оттащили от изрядно польсевшей Франчески, и та, с воплями и слезами, кинулась жаловаться королю.

Сабина с удовольствием осмотрела комнату.

Ну... что тут скажешь?

Хорошо, но мало. Надо бы налысо, а она только проредила. Но вдруг еще повезет? А что у нее из повреждений?

Пара царапин на шее, пара на груди...

– Эданна, позвольте, это надо промыть. – Дан Виталис, принимавший непосредственное участие в растаскивании, только

головой покачал. – Загноиться может.

Эданна тряхнула головой.

– Промывайте! Пойду на плаху здоровой!

Дан Виталис качнул головой.

– Это вряд ли... чтобы на плаху. Тут все королевство хохотать будет. Но шума будет много...

А эданна и не сомневалась. Но на душе было легко и приятно.

Давно хотелось, знаете ли...

* * *

Лекарская доля такова... приходится оказывать помощь и тем, кому хочется, и тем, кого в гробу видал бы. Сам бы уложил, а лечить надо.

Так что спустя десять минут дана Виталиса пригласили и к эданне Франческе.

Не повезло ей сегодня. Она кинулась было к королю, но его величество в гневе отправился на конюшню, решив разогнать норов на прогулке. А когда он вернется?

К вечеру.

А вечером уже бал... и выглядеть на нем надо замечательно! То есть не удалось пожаловаться на раны по горячим следам – потом поплачемся. А сейчас надо срочно приводить себя в порядок, чтобы народ по углам не шептался...

Дан Виталис профессионально оценил работу Сабины.

Замечательно постаралась эданна! Скальп не сняла, но один, два... шесть...

В восьми местах пряди были выдраны с корнями и клочьями кожи. Это не как бабы на ярмарке друг друга за волосы тягают, нет! Эданна рвала врага насмерть.

До мяса.

До кровавых клочьев.

Вот оттуда, из этих вырванных клочьев, сейчас и текла кровь у эданны Франчески. Кровь надо было остановить, царапин не было, но синяков ей Сабина наставила от души, в том числе и этот, под глазом... чудом нос не сломала.

Была-то от души! Широкой, искренней...

Франческа рыдала, клялась, что страшно отомстит, что король никогда не простит...

Дан Виталис молча делал свое дело. И только под конец не удержался.

– Советую обзавестись телохранителями, эданна.

– Что?

– Сегодня вас возненавидел двор. А завтра весь Эрвлин вам вслед плевать будет.

– ЧТО?! – взвизгнула Ческа.

Но лекарь уже скрылся за дверью.

– Ах ты... гнусная, гадкая клистирная трубка!

Дан Виталис даже и не услышал. И услышал бы... какая ему разница? Мало ли кто и что визжит? Это уж точно не его проблема.

Эданна Франческа запустила в стену коробочкой с румянами.

Дурой она не была. И королю могла петь о чем угодно, но сама ситуацию оценивала здраво. Королева ее переиграла, чего уж там!

Снова переиграла!

Снова выиграла!

Умерла так, что ушла в легенды, стала святой... можно в голос кричать, что Сибеллины – дьявольские отродья, да кто ж поверит?

Никто. И никогда.

Посмеются разве что...

И что теперь делать? Она прекрасно понимала, что последует. Предложение руки и сердца, короны и трона. И... дан Виталис прав.

Всеобщая ненависть.

Кому какая разница? И вообще, мало ли что там это быдло думает?

В обычные дни эданна с этим была согласна. Но сейчас очень уж болели раны от выдранных клочьев кожи и мяса. А ведь это ее убить не хотели.

А если захотят?

Правда нужен телохранитель?

Да, наверное, да...

Ческа решила поговорить об этом с Филиппо. И...

Есть ли такой способ, чтобы ее все полюбили? Чтобы перебить эту... королеву-мученицу?

Только вот в глубине души она и сама знала: нет. Ни способа, ни средства, ни зелья... сказки это. Про то, как ведьмы королевства зачаровывали... если и бывало, то в такие незапамятные времена, что уж и деревьев с той поры не осталось. И... на толпу колдовство не действует.

Всегда ведьм толпой одолевали, многолюдьем... так-то.

Охрана?

Пожалуй что...

– Кар-р-р-р!

Вороний крик от окна заставил эданну Ческу дернуться. На пол полетели еще несколько склянок, в этот раз уже сами по себе.

На подоконнике сидел крупный ворон. Смотрел, поворачивая голову то так, то так...

Черный. И с серебром...

Там, где у обычных ворон было серое оперение, у него оно серебрилось. Да, Франческа наверняка показалось с перепуга, но... легче ей от этого не стало.

– Кыш, – неуверенно сказала она. – Брысь...

– Кар-р-р! – еще раз ответил ей ворон. И крепко долбанул клювом по стеклу.

Посыпались разноцветные осколки. А наглая птица каркнула еще раз, словно расхохотавшись, и улетела прочь.

Франческа завизжала и кинулась прочь из комнаты.

Сплетни?

Плевать ей и на сплетни, и на всех... ой, мамочки, страшно-то как!!!

* * *

Бал!

Разноцветье огней и платьев!

Музыка и танцы, улыбки и смех, даны и эданны... так было всегда. Но не в этот раз.

Что-то никто танцевать не торопился.

И улыбались придворные весьма натужно.

И с радостью было сложновато.

– Ваше величество. – Слуга поставил на столик рядом с королем поднос. Вино, фрукты...

Филиппо наливался гневом. Коня он загнал так, что конюхи чуть всей конюшней не возрыдали... это уже не вылечить, только пристрелить осталось. А вот ярость...

Ярость осталась. И короля аж трясло от гнева.

Как они вообще смеют?!

Быдло проклятое!

Сидела рядом с ним эданна Франческа. Уже рядом, как полноправная королева.

Синяки были умело замазаны гримом, волосы уложены в прическу... она потом пожалуется. А сейчас... сейчас бал!

Филиппо мрачно сделал глоток вина.

Пить он начал, как вернулся с прогулки. Вот и сейчас... пил. Не слишком много, но упорно и уверенно.

Часы пробили восемь вечера.

И с последним ударом дверь бального зала распахнулась.

Адриенна тоже знала толк в торжественных появлениях.

Влетел в распахнутые створки ветер, погасил свечи, взвизгнула и замолкла музыка. Только каблучки стучали по паркету.

По залу шла Адриенна Сибеллин, гордо вскинув неотрубленную голову.

Переливалось серебром нижнее платье, сливалось черным бархатом с распущенными волосами верхнее.

Кольцо никто по-прежнему не видел. А вот корону в черных волосах...

Ту самую.

Серебряную, с черным камнем посредине...

Шаг.

Еще один...

Две тени за спиной Адриенны. Обе в черных балахонах с серебром. Обе скользят за ней совершенно бесшумно.

И еще шаг...

Филиппо не выдержал первым.

– Ты же... ты мертва, мертва, МЕРТВА!!! Я САМ ПРИКАЗАЛ УБИТЬ ТЕБЯ!!!

Вскочил с трона, а вот следующий шаг сделать и не успел. Его лицо побагровело, потом почернело, голубые глаза окончательно вылезли из орбит – и Филиппо Эрвлин покати́лся по ступенькам к подножию трона.

К ногам супруги.

К ее черным туфелькам с серебряными бантиками...

Адриенна даже не шевельнулась. Она и так понимала, что происходит. А вот Франческа...

Эданна оказалась покрепче любовника, завизжала, кинулась к нему...

– Филиппо! Филиппо, умоляю!!! Это все ты! ТЫ!!!

Адриенна посмотрела на нее с отвращением.

– Я, королева Адриенна Сибеллин, приговариваю эданну Франческу Вилеци к смерти. За государственную измену, чернокнижие, участие в черных мессах и убийство людей. Доказательства находятся у ордена доминиканцев. Приговор приказываю привести в исполнение немедленно.

Один из балахонов сделал шаг вперед.

Франческа завизжала, но...

Уйти от Мии?

От нее никто и никогда не уходил живым. Только кинжал свистнул, вошел эданне Вилеци точно в горло, в ямочку между ключицами...

Адриенна равнодушно оглядела два тела у подножия трона.

Они лежали рядом. Король и его любовница. Любимая.

Женщина, которая принесла столько зла, которая могла бы принести еще больше горя на ее землю...

– Унесите их в часовню. Положите рядом. Он так хотел бы. Пусть остаются там на три дня, потом похороните рядом, в усыпальнице Эрвлинов.

– Да, ваше величество.

Зал заполнили доминиканцы. Их было много, так много... человек тридцать, не меньше. Придворные замерли, понимая, что у них на глазах происходят исторические события.

Это вам не коронация, тут все интереснее. О таком и праправнукам рассказывают...

Адриенна прошла к трону, уселась на него.

Один из монахов с поклоном подал ей принца.

Королева обвела взглядом зал.

– Я, Адриенна Сибеллин, приказываю. Собрать завтра Совет. Пока мой сын еще мал, я буду при нем регентом вместе с Советом. Надеюсь, дан Альметто, вы оповестите всех участников?

Канцлер – и откуда только взялся? – послушно поклонился Адриенне.

– Ваше величество, ваша воля – закон для меня.

– Дан Баттиста, дан Брунелли... вы слышали. Поскольку кардинал Санторо умер, его должность займет отец Томазо, присутствующий здесь.

– Ваше величество, – такой подставы доминиканец явно не ожидал. – Но я...

– Хотя бы на какое-то время. Пока не найдется тот, кто сможет представлять церковную власть в Совете.

– Да, ваше величество, – смирился монах.

Адриенна кивнула.

Может, она бы и еще что-то сказала, но... пискнул малыш на ее руках.

И... все изменилось.

Не стало королевы и воительницы. Осталась мать, которая с нежностью склонилась к кулечку.

– Что, мое солнышко?

Недовольный писк был ей ответом.

– Кушать? Да?

Адриенна чуточку растерянно обвела взглядом зал. Понятно же, надо кормить малыша, но...

– Ваше величество, вы позволите? – Эданна Чиприани, сияющая, словно ясно солнышко, ловким жестом добыла откуда-то большое покрывало. Кружево, черное, легкое... Его она и накинула на плечи королеве. А потом помогла расстегнуть платье.

И через несколько минут малыш зачмокал, впившись в мамину грудь.

А придворные вдруг поняли, ЧТО произошло.

Сначала зааплодировал кто-то один. Потом второй, третий...

Ровно через пять секунд зал содрогнулся от воплей.

– УР-Р-Р-РА-А-А-А-А-А!

Адриенна улыбнулась. Она даже руку поднять не могла – поддерживала ребенка. Но люди все равно поняли.

Король умер?

Да здравствует король! И королева!

* * *

В своих покоях Адриенна упала на кровать.

Вытянулась.

Секундой позже слева упал Лоренцо.

Справа – Мия.

Раскинулись, дружно выдохнули, поглядели в потолок. На нем затейливо сплетались зеленые дубовые ветви, сквозь них пробивалось солнце... даже Эрвлины не решились изуродовать эту красоту.

– Это конец – или начало? – тихо спросила Адриенна.

– Начало, – ответил Лоренцо, ловя ее руку и целуя запястье. – Это только начало, любимая.

– И неплохое, – согласилась Мия. – Сейчас поваляюсь чуток да пойду сменю Зеки-фрая, пока Эва ему ничего не отгрызла.

– Да уж, буянка у тебя растет, – фыркнула Адриенна.

– Твой не лучше.

Малышня решительно отказывалась жить друг без друга.

Эванджелина требовала Чезаре, принц бунтовал без подруги. К малышу Дженнаро они отнеслись достаточно спокойно.

Есть он?

Ну и ладно, пусть будет. Главное, чтобы их не разлучали...

Адриенна держалась одной рукой за ладонь Мии, другой рукой сжимала пальцы Лоренцо и вспоминала.

День был жутким...

Ночь после всего случившегося – тоже, но день – особенно. Хотя что они такого сделали?

Доминиканцы просто приехали за наследным принцем и доставили всю компанию к себе в монастырь. И всех Лаццо, и Зеки-фрая, и его детей, и малышку... Мия и Адриенна с огромным удовольствием разобрали своих детей.

Безумно тяжело, когда вынужден отдавать их, уходить... хорошо хоть был шанс вернуться.

Хорошо, что они справились.

А остальное...

Кто бы запретил доминиканцам вход во дворец? Даже смешно как-то... и прошли, и Адриенна с ними, и Феретти... кто там будет смотреть под рясами?

Подождали нужного момента – и выступили...

А уж как хорошо выступил Филиппо! Сам сознался, сам помер... или не сам?

– Мия?

– Что, Риен?

– С королем – твоя работа?

Мия фыркнула.

– Не совсем, но и моя тоже.

– В чем именно твоя?

– Это не яд, – отмахнулась Мия. – Есть такое лекарство, разгоняет работу сердца. Сама понимаешь, иногда оно замирает, вот тогда надо.

Адриенна хмыкнула.

– А если на здоровое сердце, да если человек еще разволновался... вот у него и разорвалось что-то. Сам виноват. Не волновался бы – остался в живых.

Мия не видела ничего сложного в своей работе. И под рясой у нее до сих пор была ливрея дворцового слуги.

Во дворец они прошли заранее. Дальше все было делом техники. Поймать слугу, поменять одежду, принести его величеству фрукты и вино... мог бы и не пить! На балу-то!

– Будешь тут волноваться, когда перед тобой покойная супруга стоит.

– Кто его просил тебя приговаривать к смерти? – философски зевнула Мия. На кровать вспрыгнул кот и мявкнул на женщину. – А ты вообще молчи, комок меха. Вот что ты устроил?

Кот мявкнул еще раз.

А что он такого устроил? Да ничего! Проводил Высокий Род как положено. Это хорошо и правильно, так должно быть.

– Эданна Сабина вся расчувствовалась. Мол, до последнего был рядом...

– Он у меня молодец, – тихо сказала Адриенна. – Надо завтра поговорить с Морганой... теперь-то можно.

Мия виновато кашлянула.

– Мия?

– Риен... Моргана ушла. Насовсем ушла.

– Как?

Вот теперь Адриенне стало по-настоящему больно.

Когда приговаривали ее, было противно. Да и с супругом тоже... тьфу на него, дурака. Но прабабушка?!

Как?!

– Я думала, она просто дойдет до эшафота... нет? Вы же мне ничего не сказали!

Мия покачала головой.

– Понимаешь, Риен, если бы она ушла из тела Баттистины раньше, та бы вернула над собой контроль. А потом и свой облик... и началось бы жуткое! Моргана точно знала, что надо пройти до конца. И разделила смерть с Баттистиной.

– Девчонка еще эта...

– Можешь ее не жалеть. Она была просто избалованной наглой дрянью, – отмахнулась Мия. – Хотела убить меня, убила Рикардо. – Голос женщины дрогнул. Ей было больно. До сих пор больно... – За убийство мужа – казнь. За покушение на Высокий Род – казнь. Безоговорочная. Считай, просто привели приговор в исполнение...

Адриенна только вздохнула.

– Ладно... пусть она исчезнет. Я не знаю, что случилось с эданной Демарко. Ее муж мертв, а куда она сама делась... грабители, наверное.

– Наверное, – согласилась Мия. – А Моргана... она устала. Она хотела уйти, Риен.

– Понимаю. Но все равно... больно.

Лоренцо погладил любимую женщину по голове. И постарался переключить разговор.

– Риен, ты не будешь против, если я возьму на себя военную часть и гвардию?

– Нет, – отозвалась Адриенна. – В самый раз. На тебе военные, на Мие...

– Внутренние дела королевства. Связи с криминалом у меня есть, крови я не боюсь, сеть будем налаживать, – согласилась Мия. –

Канцлер мне нравится, но такое пролопоушить... надо создавать тайную канцелярию.

Адриенна была с этим полностью согласна.

Да и не потянет она все. А на ней бухгалтерия, денежные дела, экономика... и получится хорошая команда. Даже с прагматичной точки зрения...

Лоренцо с ней связан и обмануть или предать не сможет.

Мия с ней не связана, но Эванджелину она любит без памяти. А Эви тесно связана с Цезаре. И у Адриенны было подозрение, что... почему бы и нет?

У ее сына будет отличная теща, если что! А Адриенна может сама вырастить себе невестку.

И малыша Дженнаро вырастим и к делу пристроим, и у Зеки-фрая мальчишки... они здесь чужие. Тому, кто даст им возможность выбиться в люди, они будут преданны...

Адриенна подумала, что мыслит как свекор, но совершенно не расстроилась. Филиппо Третий был умницей и замечательным королем. Не человеком, нет, как человек он был редкостной дрянью. А вот королем – хорошим. Это сынок уж неудельным получился, ну так...

Бывает.

– Сколько ж нам еще предстоит сделать!

– Королевство переименовывать будем? – уточнила деловым тоном Мия.

– Зачем? – не поняла Адриенна.

– Сибеллины вернулись...

– И должны чем-то отличаться от узурпаторов. Пусть будет Эрвлин, все равно его земли-то тоже мне достались. И потом... я все равно фамилию сменю на Феретти – что, еще раз все переименовывать?

– А Лоренцо сделал уже предложение? – заинтересовалась Мия.

– Пока нет, – в тон ей отозвалась Адриенна. – Но я надеюсь...

– А... э... – Такого напора Лоренцо явно не ожидал.

– Ты что, жениться не хочешь?!

– М-ма-а-а-а-ау-у-у-у-у?

С одной стороны над беднягой Лоренцо нависла грозная сестра, рука которой тянулась, как в детстве, к уху брата, с другой – Адриенна

с карающей подушкой, с третьей – распушился и навис кот. И лапа его явно тянулась к носу Лоренцо.

– Осознал! Уже хочу! Готов каждый день жениться! По два раза!
Подушкой ему по носу все-таки досталось.

Кот расчихался от полетевшего пера, спрыгнул с кровати и удрал на кресло. Чтобы не придавили.

Мия посмотрела на это, вздохнула – и отправилась к малышам. Что-то ей подсказывает, что Риен сегодня будет не до сына... ладно!

Она малышню покормит и поспит с ними.

Хотя во дворце и так все счастливы!

Наследник же!

Вернулся!

Что это он – кто б сомневался, там все родинки-складочки пересчитаны и описаны, не подменишь!

Конечно, не все счастливы. Но... промолчат. А родня некоей Франчески Вилецци сейчас вообще брызнет во все стороны, как тараканы из-под карающего тапка. Оно и потише будет, и спокойнее.

Доминиканцы будут заняты уничтожением нечисти. Вон ее сколько удрало! Пока изведешь – замаешься!

А сама Мия...

– Дана! Счастлив вас видеть!

Перед Мией стоял дан Сильвано Тедеско. Стоял, улыбался во весь рот...

– Вы? – искренне удивилась Мия, сто лет назад выкинувшая дана из головы и памяти.

– Я, – сознался дан. – Дана, я так мечтал вас увидеть! Я так надеялся. Я так счастлив...

Он совсем не напоминал Рикардо. Светлые волосы, смазливое лицо... может, так и лучше?

Мия улыбнулась в ответ.

– Теперь вы будете видеть меня часто, дан. Ее величество дает мне должность при дворе.

– Какое счастье, дана! Теперь-то я могу узнать ваше имя?

– Можете, – согласилась Мия. Этот вопрос они уже обговорили с Адриенной. – Мия Бонфанти.

Скрывать свое имя, скрывать родство с Лоренцо, с Лаццо, свою связь с Демарко... нет, на это Мия была не готова.

Значит...

Есть же готовое имя. А сходство с Мией Феретти?

Бывает. Родня, хоть и дальняя.

Документы Адриенна обещала. Королеве достаточно приказать... ладно-ладно. Сделает их Булка, а потом они аккуратно подчистят реестр. И появится на свет дана Мия Бонфанти. Так и прабабкина фамилия забыта не будет.

И преемственность...

Эванджелина тоже станет Эванджелиной Бонфанти. Рикардо ведь ее признать не успел, какое ей Демарко? Да и не нужно, и ни к чему...

Дан Козимо, может, и хотел бы оставить поместье потомкам Рикардо, ну так оно Эви и достанется. Только в развернутом смысле. Вместе со всем королевством!

Было у Мии подозрение насчет малышей.

Что ж.

Она станет самой лучшей тещей в мире, и вообще... самой вырастить себе зятя – какой роскошный шанс! Берем, еще как берем!!!

– Мия Бонфанти. Красиво... Но Мия Тедеско было бы еще лучше.

– Вы за мной ухаживаете, дан?

– У вас есть в этом сомнения, дана?

– Нет, но у меня есть дочь.

– Если она так же хороша собой, как и ее мать, двор ожидает немало потрясений. Поэтому девочке нужен отец, – кивнул Сильвано.

– А отцу – арбалет, лопата и алиби? – подшутила Мия.

Сильвано сообразил и расхохотался.

– Закапывать поручим слугам! А арбалеты у меня есть! Целая коллекция! Не желаете ли осмотреть, дана?

Мия похлопала его по руке.

– Может, со временем, дан... не гоните коней.

Сильвано поклонился в полной решимости ждать, сколько потребуется. И Мия прошла дальше, к детям. Обернулась, погрозила пальцем, и мужчина расплылся в улыбке.

Какая женщина!

Когда он ее увидел первый раз, был очарован! И второй тоже... даже беременная она была великолепна!

А уж сейчас...

Дураком он будет, упуская такую возможность! И по любви, и по расчету – все ж королевская подруга... надо брать!

И Сильвано решительно направился в ювелирный магазин.

Женщины любят ушами. А уж если в этих ушках блестят драгоценные сережки...

* * *

Поздно ночью, когда уснул весь дворец, Мия медленно вышла из детской.

Прошла по коридорам, проскользила тенью...

Часовня.

Спуск вниз.

И круглая комната, в которой больше нет алтаря.

Пока нет...

Мия медленно надрезала себе руку. Кровь закапала на пол в том месте, где лежала горка черно-серебряной пыли.

– Я возвращаю долг.

Не надо заклинаний.

Ничего не надо...

Кровь, сила, желание...

Так уж они договорились с Морганой. Чтобы спасти подругу, Мия была готова на все. Даже на то, чтобы принять облик Адриенны и умереть самой на плахе вместо подруги.

Она просто не сказала об этом Лоренцо, но допускала все. И то, что маленькая Эви останется без матери, и что брату придется оглушить и унести подругу... Мия даже не сомневалась: добром Адриенна не пойдет и на такую замену не согласится.

Не пришлось.

Моргана предложила ей сделку.

Она возьмет все на себя.

Она пойдет на плаху, она умрет окончательной, последней смертью. А взамен...

Мия займет ее место.

Не сейчас, конечно. После смерти.

И работать для этого надо уже начинать.

Сегодня Мия напитала прах своей кровью. Она будет повторять это раз в месяц, чтобы вырос зародыш кристалла. Чтобы, когда придет срок, к нему притянуло душу женщины.

Да так и осталось... Осталось, как и у Морганы. Человеческая душа, привязанная к кристаллу невесть на сколько времени. Приемница Морганы Сибеллин.

Вечность?

Как оказалось, она тоже конечна. И память людская. И... нужен кто-то независимый, чтобы хранить память, чтобы подсказывать, чтобы помогать... вот как Адриенне, когда та пришла в подземелье.

Мия не раздумывала.

Если бы она была с кем-то связана, как Риен и Энцо... тогда да. Она бы задумалась. Все же вечность без любимого человека – это тяжело. Моргана выбирала для себя, но то – Моргана. Высокий Род, и этим все сказано.

Мие было бы страшно.

С другой стороны...

Рикардо ушел. И у нее не спелось, не сбылось, не удалось. Никого другого она так же не полюбит. Чтобы до края – и за край. Этот дан... Тедеско?

Почему бы и нет!

Может, они даже будут счастливы. Но разделить с ним вечность Мия не захочет.

На свете есть лишь одно существо, которое она любит без меры и без памяти. Ее дочь. Эванджелина. Вот чтобы приглядеть за Эви, за внуками...

Она останется.

И Мия решительно сжала руку, понуждая кровь капать веселее. Рано еще сворачиваться, надо еще немножко... вот!

Теперь – есть!

Интересно, каким будет ее алтарь?

Мия развернулась и отправилась обратно. Гадать нет смысла.

Цена была названа, она ее приняла. Теперь надо просто жить. Жить, любить, растить детей, радоваться каждому новому дню...

Они справятся.

Они – справятся.

Эпилог

Двадцать лет спустя

– Ваше величество, уступаю трон. Теперь он ваш по праву...

Чезаре аж подскочил.

Вот такой пакости от матери он точно не ожидал! Ну что это такое?!

Они с Эви только-только поженились... ладно, три года назад, но все равно будто вчера. И сын у них только что родился...

Вот же мать же!

То он отговаривался, мол, вдруг у них с Эви детей не будет, тогда ему трон наследовать нельзя. А теперь есть сын, и открыться не получится.

– Мама! – одними губами обозначил он.

Во всех смыслах. От «мать твою!» до «ой, мамочки!».

Адриенна подмигнула – и величественно сошла с трона.

Сняла с себя корону, возложила на черные волосы сына... для этого ей пришлось подняться на цыпочки, а ему – наклониться.

Ничего в Чезаре не было от несчастного Филиппо Эрвлина.

Черные волосы, синие глаза, черты лица и фигура – Сибеллин. Полный и абсолютный Сибеллин, как и все его предки. Точно так же и ее высочество... уже величество Эванджелина была копией матери. Глаза, волосы, улыбка...

От отца там разве что часть крови. И то...

Когда Мия последний раз вспоминала о Рикардо?

Адриенна и забыла уже... год? Или три? А то и вовсе пять?

Столько всего было за эти двадцать лет, уж точно не до Рикардо, будь он хоть трижды потомком Диэрана.

Мие не до того было. И ей тоже...

Адриенна смотрела на сына, красивого, высокого, довольного жизнью и собой, сидящего на троне и принимающего поздравления.

И вспоминала.

Двадцать лет назад.

Совет утверждает ее регентство. Но и сами смотрят и наблюдают.

Мия становится главой тайной канцелярии. Лоренцо принимается завоевывать уважение у гвардии и армии, начинает реформу...

Если народ не хочет кормить свою армию, он будет кормить чужую. Это логично.

Оружие, форма, тренировки...

Сейчас о Лоренцо Феретти знают все. И не потому, что он супруг королевы, нет! Его просто любят!

А тогда было сложно.

Нечисть приходилось вылавливать по всему королевству, гибли люди... Адриенна с ума сходила над бумагами.

Как они те несколько лет пережили?

Она и сама не знала.

У них с Лоренцо года три детей не было. Хотя было все. И Лоренцо не настаивал на браке. Готов был жениться в любой момент, но понимал, что обстановка сложная, не стоит раскачивать лодку...

Мие было чуточку проще. Через пару лет она вышла замуж за дана Тедеско под общее мнение: «Восхитительной красоты пара!»

Они и сейчас самая красивая пара двора.

Мие к сорока годам, но ей больше двадцати пяти и не даст никто. Метаморфы...

Адриенна знала за собой и седые ниточки волос, и морщинки... что с того? Это часть жизни, и надо принимать ее с достоинством. Тогда будет красиво.

И Лоренцо ее любит – всякой.

Когда она через три года не дождалась очередных кровей, она сама себе не поверила.

Но... девять месяцев спустя на свет появилась Рианна Феретти.

Потом у Мии – Фьора Тедеско.

Рокко и Ромео Феретти – близнецы. Адриенне понравилось. Детей двое, а мучиться один раз. Понравилось настолько, что следующими появились Моргана и Коррадо Феретти. Больше у Адриенны детей пока не было.

Мия не отставала.

Пьетро Тедеско и Джакомо Тедеско. Анжелика Тедеско и Марио Тедеско.

Интриг за место крестного уже после третьего ребенка не было. Придворные решили, что на всех хватит.

Да и...

Брат короля, понятно. Чтобы не рожать ребенка вне брака, Адриенна заключила морганатический брак. Хотела сложить с себя регентство – Совет не дал.

Уперлись дружно, особенно дан Брунелли, который явно готовил ее величество себе на смену.

Нет-нет, мало ли за кого вы там замуж вышли, ваше величество! Вас короновали – извольте работать!

Мия только посмеивалась.

Малышня воспитывалась вся вместе, более того... это у Адриенны родных не было, если не считать дана Вентурини, который стал ей близким, и его дочери.

А у Мии еще Серена, которая вышла замуж за своего Делука, еще Джулия, которая обвенчалась с Марио, и у них тоже дети...

Адриенна даже путала порой, кто есть кто. Их тут штук по пятнадцать носилось по саду.

Бедные, несчастные розы едва колючки успевали отдергивать!

Малышня сносила все на своем пути.

А когда к ним прибавилась еще и кошарня... Нурик нашел себе подружку, и они начали плодиться и размножаться, потом Зеки-фрай осчастливил ее величество подарком в виде пустынной борзой... хорошо еще, королевские котята-щенята исправно находили себе новых хозяев и за них не приходилось волноваться.

Скучно не было никому.

Жутко – было, а вот скучно не было.

Впрочем, Цезаре и Эванджелина всегда держались вместе. Постоянно.

И свадьба их была делом времени...

Вот с ребенком... они не знали, как получится, и Цезаре не спешил принимать корону, говоря, что преспокойно отречется или в пользу Рокко, или Ромео... Энцо ему чуть уши не надрал однажды.

А вот нечего!

Король?

Вот и сиди, правь! Ишь, выдумал!

Корону кому-то еще, а сам на волю? Размечтался...

Адриенна переглянулась с мужем, и тот улыбнулся одними губами. Годы не изменили Лоренцо Феретти, разве что серебра ему в волосы добавили... почти незаметно. А так – красивый, высокий, смеется... вечный предмет зависти всех придворных дам. Напрасной.

Никого, кроме своей супруги, Лоренцо Феретти в упор не видел.
Вот и сейчас.

– Не сбежать ли нам с бала?

– Отличная идея. А зачем?

– Я расскажу... в подробностях. Всю ночь рассказывать буду.

Адриенна посмотрела на сына.

Тот представлял народу младенца Фабрицио. Своего сына. Да, Филиппо, наверное, в гробу извертелся от такого... оба Филиппо. И поделом...

Адриенна коснулась руки мужа.

– Чуть позднее.

– Отлично!

* * *

Мия наблюдала за братом и подругой.

Какие же они... счастливые.

А она?

И она счастлива. Только чуточку иначе.

У нее муж, который ее любит. У нее замечательные дети. У нее лучшая в мире работа... Джакомо и Комар теперь хохочут на сковородке, если узнали, для чего она применяет их науку.

У нее все, что нужно.

И...

В подвале Вороньей башни растет ее личный кристалл.

Пока еще совсем небольшой. Всего по колено высотой. Но у него еще есть время...

У Мии еще есть время.

А потом...

Потом она займет место Морганы. И она уже знает... рядом с черными розами зацветут золотые. Точь-в-точь как ее глаза.

Дети, разве могут любящие родители вас когда-нибудь оставить?

Конечно, нет!

Живите своей жизнью, будьте счастливы, радуйтесь, своих детей наплодите, а там и праправнуков... но не лишайте нас права быть рядом. Помочь, поддержать, позаботиться...

Мия сдержит клятву, данную Моргане Сибеллин.

Черные розы Сибеллинов.

Золотые розы Бонфанти...

История продолжается, не так ли, даны и эданны?

История продолжается в вечность нашими потомками, нашими внуками и правнуками, нашим бессмертием.

История продолжается вечно...

notes

СНОСКИ

После того, как мое кошачье счастье своротило привязанную в трех местах двухметровую елку в специальной подставке... я это точно знаю. Соседи снизу – тоже. Елка к ним чуть своим ходом не пришла. *(Прим. авт.)*

Насчет соли – не уверена. Где-то в святой воде растворяют соль, где-то нет. Но пусть в данном случае будет. (*Прим. авт.*)

В то время выросли раньше, тридцать – почти старость. (*Прим. авт.*)

Родительский герб бастардов был перечеркнут широкой полосой или жезлом с левого нижнего угла до правого верхнего угла. (*Прим. авт.*)

Лично слышала в школе от учителя физкультуры. Придурок был редкостный, но запомнилось вот... (*Прим. авт.*)

Все претензии к эданне Франческе. Такое вот у нее мнение о детях. (*Прим. авт.*)

В Средние века женщина могла разойтись с мужем, если он был ей неверен, но только если это было ее первое замужество. Также она имела право оставить мужа, если он попадал в рабство в результате какого-то уголовного действия. Поводом для развода служило генетическое родство или даже родственные связи через браки родственников (самая популярная причина), импотенция супруга, принуждение к браку силой или запугиванием, несовершеннолетие, имеющийся в наличии официальный обет безбрачия, ситуация, когда один из супругов не состоит в христианской вере. Расставшиеся супруги считались как бы и не вступавшими никогда в брак. Это потому церковь принялась закручивать гайки, а лазейки-то были. (*Прим. авт.*)

А вот рукоприкладство основанием для развода не являлось. И ногоприкладство. И вообще насилие. Подумаешь... не отломится от бабы! Что и в церквях внятно разъясняли. (*Прим. авт.*)

Разница в возрасте брачующихся в Средние века варьировала до 20–30 лет в ту или иную сторону. И никого это не смущало, толерастия полная. (*Прим. авт.*)

И такие примеры были в истории. Видимо, корона на мозг давила.
(Прим. авт.)

Колесование пришло к нам из просвещенного Рима. В Россию его принес Петр I, правда, в первой половине XVIII века у нас эту казнь запретили, а в цивилизованной Европе применяли до начала XX века.
(Прим. авт.)

Есть версия, что в храме Афродиты Коринфской были ритуальные блудницы. И вот они как раз брили голову налысо как знак профессии. О чем-то подобном писал апостол Павел коринфянам. Ну а если брать из недавнего... во Франции в 1943–1946 гг. более 20 000 женщин обрили публично налысо. Как проституток. За сожителство с оккупантами. Цивилизация-с. *(Прим. авт.)*

Про сонную, на шее, все знают. А есть еще плечевая, подмышечная и бедренная. И кровью из них можно истечь за считанные минуты. (*Прим. авт.*)

Берем римскую лигу, то есть примерно 2,3 км, или 1500 двойных шагов. (*Прим. авт.*)

Жутко, но факт. Шарлотта Кордэ, Антуан Лавуазье, Анри Лангиль доказали это своим примером. Да и «Голова профессора Доуэля» Беляевым не на пустом месте создана. Собаки и черепахи во имя науки точно страдали. (*Прим. авт.*)